ISSN 2313–612X

DOI: 10.22378/kio.2020.1

Крымский научный центр
Института истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан

К Р Ы М С К О Е ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

CRIMEAN HISTORICAL REVIEW

Научный журнал
Scientific journal

**№ 1
2020**

Казань – Бахчисарай

Учредитель и издатель:
Государственное бюджетное учреждение
«Институт истории имени Шигабутдина Марджани
Академии наук Республики Татарстан»
(420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А)

Журнал основан в апреле 2014 г. решением Ученого совета Института
истории им. Ш. Марджани АН РТ

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–59824
от 17 ноября 2014 г. выдано Роскомнадзором

Выходит 2 раза в год

Главный редактор
Р. С. Хакимов (Казань)

Заместитель главного редактора
Э. Х. Сейдаметов (Симферополь)

Редактор английских текстов
Л. С. Сейтхалилова (Симферополь)

Редактор крымскотатарских текстов
Н. С. Сейдаметова (Симферополь)
Э. Э. Абибуллаева (Симферополь)

Редактор татарских текстов
Л. Р. Муртазина (Казань)

Редактор турецких текстов
Ш. Э. Сеит-Маметов (Симферополь)

Редакционный совет:
М. Г. Крамаровский, И. М. Миргалеев,
И. В. Зайцев, Г. Р. Альтин

Редакционная коллегия:

Н. М. Акчурина-Муфтиева (Симферополь), Г. Т. Бекирова (Симферополь),
Брайан Глин Вилльямс (Дартмут, США), Г. Ф. Габдрахманова (Казань),
А. И. Галенко (Киев, Украина), А. Н. Гаркавец (Алма-Ата),
М. М. Гибатдинов (Казань), Идиль Измирли (Вашингтон, США),
Ильяс Кемалоглу (Стамбул, Турция), И. А. Керимов (Симферополь),
В. П. Кирилко (Симферополь), Ионуц Кожокару (Бухарест, Румыния),
Г. Н. Кондратюк (Симферополь), Р. Д. Куртсеитов (Симферополь),
Эдвард Лаззерини (Блумингтон, США), А. М. Меметов (Симферополь),
У. К. Мусаева (Симферополь), А. А. Непомнящий (Симферополь),
П. Н. Петров (Казань), Р. Р. Сабитов (Париж, Франция), Р. Р. Салихов
(Казань), Э. И. Сейдалиев (Симферополь), Н. С. Сейтягьяев (Симферополь),
Д. В. Сень (Ростов-на-Дону),
Элизабет Титмаер (Берлин, Германия), Грета Лин Улинг (Мичиган, США),
Т. Б. Усеинов (Симферополь), А. М. Эмирова (Симферополь)

Технический редактор

С. А. Сеитмететова (Симферополь)

Адрес редакции:

420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А,
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Тел./факс (843) 292-84-82 (приемная)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=54363

E-mail: crimeanhr@gmail.com

<http://www.crimereview.ru>

Founder and Publisher:

**State Budgetary Institution “Marjani Institute
of History of Tatarstan Academy of Sciences”**
(7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation)

Journal was founded in April 2014 by the decision of the Scientific Council
of Sh. Marjani Institute of History of AS RT

The certificate of registration of mass media ПИ № ФС77–59824 given
by Roskomnadzor on 17 November 2014

Published 2 times a year

Editor-in-chief

R. S. Khakimov (Kazan)

Deputy Editor-in-Chief

E. Kh. Seydametov (Bakhchisaray – Simferopol)

English texts editor

L. S. Seytkhalilova (Simferopol)

Crimean Tatar texts editor

N. S. Seydametova (Simferopol)

E. E. Abibullaeva (Simferopol)

Tatar texts editor

L. R. Murtazina (Kazan)

Turkish texts editor

Sh. E. Seit-Mametov (Simferopol)

Editorial council:

M. G. Kramarovsky, I. M. Mirgaleev,

I. V. Zaytsev, G. R. Altin

Editorial board:

N. M. Akchurina-Muftieva (Simferopol), G. T. Bekirova (Simferopol),
Brian Glyn Williams (Dartmouth, USA), G. F. Gabdrakhmanova (Kazan),
A. I. Galenko (Kiev, Ukraine), A. N. Garkavets (Alma-Ata),
M. M. Gibatdinov (Kazan), Idil P. Izmirli (Washington, USA),
Ilyas Kemaloğlu (Istanbul, Turkey), I. A. Kerimov (Simferopol),
V. P. Kirilko (Simferopol), Ionut Cojocaru (Bucharest, Romania),
G. N. Kondratyuk (Simferopol), R. D. Kurtseitov (Simferopol),
Edward J. Lazzerini (Bloomington, USA), A. M. Memetov (Simferopol),
U. K. Musaeva (Simferopol), A. A. Nepomnyashchiy (Simferopol),
P. N. Petrov (Kazan), R. R. Sabitov (Paris, France),
R. R. Salikhov (Kazan), E. I. Seydaliev (Simferopol),
N. S. Seytyagyaev (Simferopol), D. V. Sen' (Rostov-on-Don),
Elisabeth Tietmeyer (Berlin, Germany), Greta Lynn Uehling (Michigan, USA),
T. B. Useinov (Simferopol), A. M. Emirova (Simferopol)

Technical editor

S. A. Seitmemetova (Simferopol)

Editorial Office Address:

420111, Kazan, 7A, Baturin St.,
Sh. Marjani Institute of History of AS RT Tel./Fax (843) 292 84 82

The journal is included in the Russian Science Citation Index Database
https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=54363

E-mail: crimeanhr@gmail.com
<http://www.crimereview.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

История и современность

- Лилия Габдрафикова.** Образ Исмaила Гаспринского
в повседневном восприятии поволжских татар
(конец XIX – начало XX вв.)8
- Halil Inalcik.** Отражение в титулатуре силовых взаимоотношений
между Россией, Крымом и Османской империей. Часть 2.19
- Nuri Kavak.** Karasu Kazası'nda sosyo-ekonomik hayat (II).....45
- Григорий Кондратюк.** Крымские татары в советской
этнополитике межвоенного двадцатилетия85

Литература и язык

- Ляля Муртазина.** Учёный, поэт, педагог Крыма и Татарстана
(к 115-летию со дня рождения Керима Джаманаклы)94

Культура

- Исмет Заатов.** Крым Гирей I – родоначальник классического
театра в Крыму (к вопросу 257-летия опыта крымских татар
первых театральных постановок европейского театра).....100
- Исмаил Керимов.** «Эмел»имиз не эди (1930 – 1940)136
- Андрей Непомнящий.** Неизвестные сюжеты крымских
этнографических изысканий: Евгения Спасская.....151

Наследие

- Эльмира Абибуллаева.** Исмаил Гаспринский в Индии:
анализ и транслитерация очерка «Маариф ёлунда»
(«За грамотностью»)168
- Рефат Абдужемилев.** Крымскотатарско-датская дипломатия
в документах Крымского ханства180
- Рефат Абдужемилев.** Реммалъ Ходжа. Хроника «Тарих-и Сахиб
Герай хан» («История о хане Сахиб Герае»)
Часть 5. Завершение211

Новые издания: рецензии, отзывы

- Виталий Пенской.** «А более ста тысяч рати у меня есть...».
Военное дело Крымского ханства в Новое время: рецензия
на монографию А. А. Шейхумерова «Армия Крымского ханства:
организация и тактика (XV–XVIII вв.)». Казань –
Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ,
2019. – 304 с.225
- Дмитрий Прохоров.** Век служения науке: фундаментальное
издание по истории Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского (рецензия на монографию «История
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
в документах и фотографиях» / ФГАОУ ВО «Крымский
федеральный университет им. В. И. Вернадского»
[А. А. Непомнящий, А. С. Кравчук]. Белгород: Константа,
2018. 352 с.)241
- Наталья Яблоновская.** Новый шаг к популяризации
публицистического наследия Исмаила Гаспринского.
Рецензия на III том Полного собрания сочинений Исмаила
Гаспринского «Публицистика: 1887–1890 гг.»
(Казань–Симферополь, 2019)251

Хроника

- События: январь – июнь 2020 г.257

История и современность

УДК 929

DOI: 10.22378/kio.2020.1.8-18

Образ Исмаила Гаспринского в повседневном восприятии поволжских татар (конец XIX – начало XX вв.)

Лилия Габдрафикова

(Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ)

Аннотация. В статье рассматривается роль газеты «Тарджеман» и её издателя Исмаила Гаспринского в повседневной жизни поволжских татар. Крымскотатарский просветитель оказал значительное влияние на распространение нового метода обучения, создал уникальный медиа-канал и способствовал популяризации османской вариации европейской культуры среди татар, а также модернизации разных сторон повседневной жизни. Личные достижения и европейский имидж Исмаила Гаспринского в сочетании с его мусульманской идентичностью усиливали воздействие продвигаемых им идей. Он был кумиром татарской молодежи. Поэтому издатель газеты «Тарджеман» превратился в своеобразный символ национального прогресса. В начале XX в. образ Гаспринского стали активно использовать в сфере образования и торговли, в рекламной продукции. Однако разные поколения татарских интеллектуалов оценивали воззрения и личность Гаспринского по-своему: наряду с одобрением его просветительской деятельности соседствовала и определенная критика его взглядов и мотивов. Это противостояние усиливается после 1905 г., когда появляются другие татарские газеты и журналы. Но фигура Гаспринского была легендарной, и он даже после смерти оставался основным символом татарского просвещения.

Ключевые слова: И. Гаспринский, повседневность татар, городская культура, джадидизм.

Для цитирования: *Габдрафикова Л. Р.* Образ Исмаила Гаспринского в повседневном восприятии поволжских татар (конец XIX – начало XX вв.) // Крымское историческое обозрение. 2020. № 1. С. 8–18. DOI: 10.22378/kio.2020.1.8-18.

Конец XIX – начало XX века – время коренных преобразований в татарской городской культуре. Эти изменения, обусловленные общемировой модернизацией и буржуазными реформами в Российской империи, пронизывали самые разные сферы жизни, в том числе повседневной. Именно данная сторона жизни татарина-мусульманина выступала неким индикатором преобразований в его сознании, свидетельствовала о его готовности к реформам и новациям в татарском обществе.

Процесс модернизации татарской культуры длился несколько десятилетий, а его движущей силой были как выдающиеся интеллектуалы, вроде Исмаила Гаспринского, так и энергичные предприниматели, религиозные деятели и другие лица.

Здесь надо отметить, что любое новое явление порождает собственные символы и образы. В определенной степени они тоже служат продвижению актуальных идей. В случае с модернизацией татарской культуры такой идеей стала идея национального прогресса (милли тэррэкый).

В данной статье мы хотим обратить внимание на роль Исмаила Гаспринского – великого крымскотатарского просветителя, издателя газеты «Тарджеман» в обозначенных выше преобразованиях. Предметом исследования выступает не столько деятельность этой неординарной исторической личности, а повседневное восприятие его персоны в самых широких слоях татарского населения Волго-Уральского региона империи. Для этого были проанализированы публикации татарских авторов о Гаспринском и его газете «Тарджеман» в национальной прессе, а также издательская и рекламная продукция, связанная с его образом.

Газета «Тарджеман» сыграла колоссальную роль в духовной жизни российских мусульман. Бахчисарайское издание, начавшее свою историю с 1883 г., быстро завоевало популярность среди национальной интеллигенции, религиозных деятелей, шакирдов медресе и т. д. Например, писатель Муса Акъегет, автор первого татарского романа «Хисаметдин-мулла», опубликованного в 1886 г., сделал главного героя своего произведения – Хисаметдина-муллу читателем этой газеты [13, с. 48–49]. При этом надо отметить, что герой Акъегета, в отличие от литературных мулл более позднего периода, был человеком нравственным, достаточно образованным, в общем, воплощал собой идеал имама-реформатора. Очевидно, писатель сам был в числе первых читателей «Тарджемана». Так, по данным Гаспринского, в 1884 г. из 1000 читателей «Тарджемана» 300 человек были

из Астрахани, Самары, Уфы, Казани и Перми [8, с.194]. Бахчисарайская газета составила достойную альтернативу малопонятным мусульманским периодическим изданиям из Стамбула, и способствовала широкому распространению культуры чтения татарских газет.

Огромную роль газета сыграла в распространении нового (джадидского) метода обучения. Например, в 1898 г. оренбургский купец-миллионер Гани-бай Хусаинов организовал первые педагогические курсы для мугаллимов при медресе «Хусаиния». Гани-бай хотел, чтобы у нового эффективного метода обучения был максимально широкий географический охват. Кроме основ звукового метода обучения, на курсах планировалось чтение лекций и по некоторым светским дисциплинам. Об этих планах было объявлено через газету «Тарджеман», и в летний период в Оренбурге собрались татарские мугаллимы из разных концов империи. В первый год на курсах прошли обучение около 60 человек. Гани-бай оплатил всем расходы по проезду и проживанию [6, с. 37]. Таким образом, «Тарджеман» в этот период был основным каналом для распространения новых знаний.

Во многом благодаря газете «Тарджеман» среди поволжских татар особую популярность приобрела новая городская культура Османской империи – результат процессов общемировой модернизации второй половины XIX в. Если раньше Турция воспринималась татарами-мусульманами как родина халифа, то молодое поколение смотрело на эту страну как на центр адаптированной европейской культуры. Туда ехали за западным образованием и культурой, оттуда привозили переводную литературу (беллетристику, научные книги), перенимали европейскую моду.

Самого Исмаила Гаспринского можно по праву считать воплощением мечты татарского шакирда этой эпохи. Во-первых, он был блестяще и всесторонне образован, владел европейскими языками и, конечно же, общеимперским русским. Несмотря на это он оставался мусульманином, и его «русский» внешний вид, европейский имидж не мешали быть таким же правовеерным мусульманином, как большинство духовных авторитетов того времени – ученых-мулл. Во-вторых, Исмаил Гаспринский сумел стать городским головой в родном Бахчисарае (это в то время, когда в поволжских городских думах даже гласных-мусульман было единицы) и издавал собственную газету на понятном татарском языке. Это был благородный труд, направленный во благо своих единоверцев и соплеменников, достойный пример для подражания. Неудивительно, что на рубеже XIX–XX веков образ Гаспринского активно использовался в сфере образования и торговли. Например, были распространены почтовые открытки с изображением Исмаила Гаспринского. Один из образцов таких оригинальных открыток хранится в основном фонде Музея национальной культуры при Национальном культурном центре «Казань» [11].

Необходимо отметить, что данные открытки с изображением Гасприн-

ского выглядели очень смело. Ведь на рубеже XIX–XX вв. не каждый татарин-мусульманин решался даже на фотографирование, а полученные снимки обычно скрывали от посторонних глаз. Лишь позднее появились аналогичные почтовые карточки с другими деятелями татарской культуры начала XX века: писателями, артистами и т. д.

Пожалуй, один из любопытных примеров – это использование образа Исмаила Гаспринского при оформлении товаров широкого потребления. Например, на Арслановском мыловаренном заводе Казани в 1903 г., к юбилею газеты «Тарджеман» выпустили мыло с изображением И. Гаспринского [3]. К слову, это было одно из самых успешных татарских предприятий города. Например, именно этот завод включили в культурную программу бывшего османского визиря – Хильми-паши во время его пребывания в Казани в 1910 г. Очевидно, что руководители завода очень гордились «мылом Гаспринского». Так, в хронике пребывания османского чиновника говорится о том, что «показывая Хильми-паше разные сорта мыла, управляющий показал ему и мыло, выпущенное ко дню юбилея публицистической деятельности Исмаила Гаспринского, редактора-издателя бахчисарайского журнала «Переводчик», но Хильми-паша счел это мыло с портретом Гаспринского рекламой и не принял его во внимание» [17, с. 172].

Очевидно, что опыт использования образа Гаспринского в мыловаренном производстве был успешным. Поэтому к его персоне обратились и в пищевой промышленности. Так, оригинальным национальным оформлением отличалась продукция казанской конфетной фабрики «Альфа». Она принадлежала казанскому купцу 1-й гильдии Валиулле Ибрагимову. Эта фабрика производила конфеты с изображением Башни Сююмбике, имелись конфетные обертки и с портретом Исмаила Гаспринского. Поэт Габдулла Тукай в 1908 г. в журнале «Яшен» («Молния») шутливо заметил по этому поводу, что татарин может считаться только тот, кто «пользуется мылом Исмагила Гаспринского» и «пьет чай с конфетами этого же человека» [15, с. 76]. По иронии судьбы, после смерти популярного литератора продавались и конфеты, и мыло и с его изображением. На сегодняшний день в музейных коллекциях сохранились образцы конфетных фантиков лишь с изображением Габдуллы Тукая, поэтому одно из перспективных направлений исследований – это поиск артефактов повседневной культуры, связанных с образом И. Гаспринского.

В выше обозначенных примерах фотографии Исмаила Гаспринского имели не только рекламный, но и несомненный просветительский характер. Многие татарские предприниматели в это время направляли свои капиталы на развитие национального образования и культуры, на социальные нужды. Для продвижения идей национального прогресса они использовали даже такие неожиданные ходы. С ростом как конфессионального, так и эт-

нического самосознания усиливалась потребность в символах – выразителях этих чувств. Очевидно, что Башня Сююмбике, портреты Гаспринского, Тукая являли собой некую квинтэссенцию татарской истории и культуры. Они подчеркивали самобытность народа, его инаковость. Поэтому даже в предметах быта люди желали подчеркнуть свою особенность.

Эту же идею продолжали оригинальные свидетельства об окончании новометодных медресе или о переходе в следующий класс в этих же учебных заведениях. Они украшались портретами татарских общественных деятелей и писателей. На этих свидетельствах были портреты Исмаила Гаспринского, Фатиха Карими (журналист, педагог, литератор), Фатиха Амирхана (писатель), Юсуфа Акчуры (журналист, педагог, издатель), Гаяза Исхаки (писатель). Интересно, что Исмаил Гаспринский и Юсуф Акчура были к тому же и родственниками. Надо отметить, что на данных бланках образу Исмаила Гаспринского отводилось самое главное место, его портрет был размещен на самом верхнем углу, по центру. Сегодня образцы этих оригинальных свидетельств хранятся в фондах Государственного архива Республики Татарстан [4; 5].

Однако восприятие образа Исмаила Гаспринского не было все время мажорным. Тональность оценок меняется после первой русской революции, когда татарская культура стала значительно разнообразнее. После 1905 г. начали издаваться татарские газеты в Казани, Оренбурге, Уральске, Астрахани, Уфе. Появились и журналы различного направления: от экономических и правовых до детских. Конечно, с распространением новых периодических изданий, влияние «Тарджемана» значительно снизилось [2, с. 79]. «Двадцать пять лет назад, словно человек давящийся хлебом за неимением белой булки, довольствующийся махоркой вместо дорогих сигарет, мы вынуждены были читать «Тарджеман» и искренне внимали ему. С тех пор мы сильно изменились! – писал Габдулла Тукай в уральской газете «Фикер» в 1906 г. – Как скачущая впереди хвоста своего одинокая лошадка, газета «Тарджеман» выглядела в наших глазах довольно передовой. Но сейчас, спасибо за это, на арену вышли скакуны вроде «Таң йолдызы», «Вақыт», «Фикер». Мы попытались пустить и «Тарджеман» на эти скачки. Тут и увидели, кто впереди, а кто отстает» [14, с. 235–236].

Габдулла Тукай критиковал не только содержание «Тарджемана», но и язык этой газеты. При этом он сам в начале творчества, как и многие другие писатели этой поры, писал практически на османском языке. В этом тоже можно усмотреть влияние «Тарджемана». Но в начале XX в. намечается тренд по внедрению в художественную литературу народного татарского языка. Интересно, что сам Гаспринский высоко оценивал творчество Габдуллы Тукая, а после смерти поэта в 1913 г. он опубликовал статью о нем под названием «Миллэт оглы». Кроме того, способствовал первым переводам произведений Тукая на турецкий язык.

Но мысль о консервативности «Тарджемана» продолжал и другой современник Тукая – историк Газиз Губайдуллин. «Интересно, что недавно, до пятого года, Гаспринский, бывший борцом за реформы быта, теперь становится идеологом старины. Такова участь идеологов и их представителей! Такова участь тех деятелей, которые не переоценивают старых ценностей с течением и развитием жизни!» — писал о нем историк Газиз Губайдуллин [7, с. 269].

Надо признать, что и Г. Тукай, и Г. Губайдуллин относились к поколению молодых людей, рожденных в 1870–1880-е годы. Они все выросли на «Тарджемане», но ориентировались в большей степени уже не на османский вариант европейской культуры, а на русский. Среди них доминировала светская культура, большинство обучавшихся в медресе знали русский язык. Для молодежи начала XX в. более важной представлялась этническая идентичность, а не конфессиональная. В этом смысле они отличались от поколения людей, рожденных в 1850–1860-е гг., которых объединяла идея исламской и тюркской общности. Современный историк Айдар Хабутдинов называет их «поколением Гаспринского» [16, с. 280]. Люди этого поколения ратовали прежде всего за культурное развитие общества, которое расширило бы кругозор и мировоззрение мусульман, но в то же время получение такого образования нужно было лишь для нормальной адаптации в иноверной среде и для сохранения собственной конфессиональной идентичности. К этому поколению относились Исмаил Гаспринский, Галимджан Баруди (казанский имам-богослов, руководитель медресе «Мухаммадия», после 1917 г. – муфтий), Ризаэтдин Фахретдин (ученый-просветитель, кадий Оренбургского магометанского духовного собрания, редактор журнала «Шура», после 1922 г. – муфтий), Шакир и Закир Рамеевы (оренбургские золотопромышленники-миллионеры, благотворители, издатели), Гильман Карими (сельский ахун), Абдрахман Умеров (астраханский имам, руководитель медресе «Низамия», издатель газеты «Идель») и другие.

Например, интересна эволюция взглядов ахуна из Бугульминского уезда – Гильмана Карими. Он был отцом Фатиха Карими – журналиста, писателя, редактора оренбургской газеты «Вакыт». Путь Гильмана Карими к введению нового метода в своей махалле был непростым. В этом большую роль сыграл лично Исмаил Гаспринский. Гильман Карими отмечал, что поначалу, читая газету «Тарджеман», он полемизировал с ним, не соглашался с его призывами. Особенно удивлялся он словам Гаспринского о необходимости изучения русского языка, который он предлагал использовать как инструмент-проводник в мир западной культуры. Мулла считал, что эти знания могут противоречить требованиям шариата и религиозным воззрениям мусульманина. Г. Карими и И. Гаспринский долгое время вели переписку, в конце концов бугульминский ахун решил съездить в Крым

и лично пообщаться с Исмаил-беем. Итогом этих личных бесед стало то, что Гильман-ахун признал правоту Гаспринского и стал одним из активных проводников новых принципов обучения в татарских школах в Бугульминском уезде Самарской губернии. В качестве ахуна, он курировал 136 татарских деревень [10, с. 18–19]. Своего старшего сына – Фатиха Карими он отправил в Стамбул, где тот в 1892–1896 гг. учился в школе «Мулькия». В этом тоже можно увидеть роль «Тарджемана» и лично И. Гаспринского. Зимой 1896 г. Фатих Карими останавливался в Крыму и набирался педагогического опыта в одной из татарских новометодных школ полуострова. Летом вернулся в родную деревню Миннибаево. Осенью того же года Ф. Карими вновь вернулся в Крым, где продолжил педагогическую работу в населенном пункте под названием Дерекой (совр. Ущельное). Вместе с ним приехали также его младший брат и сестренка, они тоже учились в местной школе. Они здесь пробыли до весны 1897 г. [18, с. 83]. В дальнейшем педагогический опыт Фатиха Карими понадобился для работы в оренбургском медресе «Хусаиния», а также на краткосрочных курсах мугаллимов при этом учебном заведении. А прогрессивность его взглядов, широкий кругозор и эрудиция способствовали превращению оренбургской газеты «Вақыт» в одну из самых популярных и влиятельных среди волго-уральских мусульман после 1906 г. Это лишь небольшой эпизод из истории контактов поволжских и крымских татар, и все это, безусловно, происходило на фоне «Тарджемана» и просветительской деятельности Исмаила Гаспринского.

Несмотря на критические замечания поздней деятельности Гаспринского, в целом, к крымскотатарскому просветителю поволжские татары всегда относились с большим уважением, а молодежь величала его дедушкой («бабай» или же «Тарджеман бабай»). Представители просвещенной части татарского общества в сентябре 1914 г. очень болезненно восприняли весть о его смерти. С уходом Исмаил-бея завершилась целая эпоха в татарской культуре. О болезни Исмаила Гаспринского знали многие и переживали за его здоровье. К примеру, переехавший в 1913 г. из Вятской губернии в китайскую Гульджу бывший мударрис медресе Иж-Буби Габдулла Буби писал о том, как узнавал по телеграфу о состоянии здоровья И. Гаспринского. Ответ он получал не сразу и очень переживал из-за этого. Исмаил Гаспринский умер 12 сентября 1914 г. «Наконец и до нас дошли окрашенные чернилами черные номера этих газет. Стала понятна горькая действительность. Умер наш великий учитель, уважаемый Исмагил-бек (...). Я объяснил своим ученикам, вначале в мужской школе, затем в женской, кем был Исмагил-бек, что он сделал для нашей нации и для каждого из нас. Меня очень впечатлили слезы, брызнувшие из глаз безвинных детей. Я не выдержал и заплакал вместе с ними», – писал о своем горе Буби [1, с. 84–85].

О том, что образ Гаспринского интересовал публику не только в связи с

газетой «Тарджеман», но в и целом, говорят публикации, вышедшие после его смерти. Например, писатель Гаяз Исхаки в московской газете «Иль» опубликовал большую статью – историю любви Исмаила и Зухры Гаспринских, где расписал подробности их частной жизни, как они познакомились, как он сватался к дочери промышленника и как симбирский предприниматель был категорически против этого брака и т. д. [9, с. 325–338]. Некоторые Акчурины – родственники жены Гаспринского опубликовали ответные критические статьи, где возмущались откровенностями писателя [12, с. 104].

Интерес к частной жизни человека, пожалуй, одно из ярчайших свидетельств того, что данная личность действительно будоражит умы людей. И уже не столь важно, насколько успешно начатое им предприятие и продуктивна его деятельность, это уже говорит о том, что человек превратился в легенду. Исмаил Гаспринский в повседневном восприятии поволжских татар был символом свободы и культуры, воплощения татарской мечты о национальном прогрессе. Неслучайно в начале 1920-х гг. одна из образцовых татарских школ Казани (№ 12) носила имя именно Исмаила Гаспринского.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бертуган Бубыйлар һәм Иж-Бубый мэдрәсәсе. Тарихи-документаль жыентык. Казан: Рухият, 1999. 240 б.
2. *Валиди Дж.* Очерк истории образованности и литературы татар. Казань: Иман, 1998. 157 с.
3. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 1. Оп. 4. Д. 4240. Л. 24–34.
4. ГА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1112. Л. 3.
5. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 23517. Л. 8-8об.
6. *Гатин А. А.* Фатих Карими: педагогическая и общественно-политическая деятельность. Дисс. ... к. и. н. Казань, 2008. 370 с.
7. *Губайдуллин Г.* Гаспринский и язык // Исмаил Гаспринский. Историко-документальный сборник / сост. С. Рахимов. Казань: Жыен, 2006. С. 261–332.
8. Исмаил Гаспринский. Историко-документальный сборник / сост. С. Рахимов. Казань: Жыен, 2006. 544 с.
9. *Исхакий Г.* Әсәрләр. 15 томда. Т. 6. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2005. 447 б.
10. *Карими Ф.* Покойный Гильман ахун // Фатыйх Кәрим: Фәнни-биографик жыентык. Казан: Рухият, 2000. С. 112–133.
11. Музей национальной культуры НКЦ «Казань», КП ОФ-10489.
12. *Таиров Н. И.* Акчурины. Казань: Татарское книжное издательство, 2002. 160 с.

13. Татар мәгърифәтчелек әдәбияты (1860–1905). Хрестоматия. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1979. 416 б.
14. *Тукай Г. Әсәрләр*. 5 томда. Т. 3. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1985. 390 б.
15. *Тукай Г. Әсәрләр*. 5 томда. Т. 4. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1985. 350 б.
16. *Хабутдинов А. Ю.* Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – начале XX веков. Казань, 2001. 384 с.
17. Хроника пребывания бывшего турецкого великого визиря Хильми-паши в г. Казани 15–17 апреля 1910 г. // *Гасырлар авазы*. 1998. № 1/2. С. 166–177.
18. *Шәрәф З.* Фатыйх Кәrimi // *Фатыйх Кәrimi: Фәнни-биографик җыентык*. Казан: Рухият, 2000. Б. 74–111.

Сведения об авторе: Габдрафикова Лилия Рамилевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, Батурина, 7А, г. Казань, Российская Федерация); bahetem@mail.ru

The image of Ismail Gasprinsky in everyday perception of Volga Tatars (late 19th – early 20th century)

Liliya Gabdrāfikova

(Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences)

Abstract. This article examines the role of the newspaper "Terdzhiman" and of its publisher Ismail Gasprinskiy in everyday life of the Volga Tatars. The Crimean Tatar educator was famous like a popularizer of the new teaching method, he created a unique media channel and he has made the Ottoman variation of European culture popular among the Tatars, he propounded the modernization of different aspects of everyday life. The Muslim identity of Ismail Gasprinsky, his personal achievements and European image reinforced the influence of the ideas he promoted. He was an idol for Tatar youth. Therefore, the publisher of the newspaper "Terdzhiman" has become a symbol of the national progress. At the beginning of the 20th century Tatar businessmen and intellectuals began to use the image of Gasprinsky in promotional products, in the education and trade. However different generations of Tatar intellectuals evaluated personality of

Gasprinsky in their own way: in addition to the approval of his educational work, some criticism of his ideas and motives coexisted. This confrontation intensifies after 1905, when other Tatar newspapers and magazines appeared. But the figure of Gasprinsky was legendary, and even after death he remained the main symbol of Tatar education.

Keywords: I. Gasprinsky, everyday life of the Tatars, urban culture, Jadidism.

For citation: *Gabdräfikova L. R.* The image of Ismail Gasprinsky in everyday perception of Volga Tatars (late 19th – early 20th century). *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Riview*. 2020, no. 1, pp. 8–18. DOI: 10.22378/kio.2020.1.8-18

REFERENCES

1. *Bertugan Bubyjlar hәм Iq-Bubyj mädresäse*. [Bubi brothers and the Izh-Bubi madrasa] Historical and Documentary Collection. Kazan: Ruhijat publ., 1999. 240 p.
2. Validi Dzh. *Ocherk istorii obrazovannosti i literatury tatar* [Essay on the history of education and literature of the Tatars]. Kazan: Iman publ., 1998. 157 p.
3. The State Archive of the Republic of Tatarstan (GA RT). F. 1. Op. 4. D. 4240. L. 24–34.
4. GA RT. F. 199. Op. 1. D. 1112. L. 3.
5. GA RT. F. 92. Op. 2. D. 23517. L. 8-8ob.
6. Gatin A. A. *Fatih Karimi: pedagogicheskaja i obshhestvenno-politicheskaja dejatel'nost'* [Fatih Karimi: pedagogical and socio-political activities]. The dissertation of a candidate of historical sciences. Kazan, 2008. 370 p.
7. Gubajdullin G. Gasprinskij i jazyk. In *Ismail Gasprinskij* [Ismail Gasprinsky]. Historical and Documentary Collection / edit. S. Rahimov. Kazan: Zhyen publ., 2006. P. 261–332.
8. *Ismail Gasprinskij* [Ismail Gasprinsky]. Historical and Documentary Collection / edit. S. Rahimov. Kazan: Zhyen publ., 2006. 544 p.
9. Ishakyj G. *Əsərlər* [Artworks]. Vol. 6. Kazan: Tatar book publishing house, 2005. 447 p.
10. Karimi F. Pokojnyj Gil'man ahun. In *Fatyjh Kərimi* [Fatih Karimi]: Scientific and biographical collection. Kazan: Ruhijat publ., 2000. P. 112–133.
11. Museum of National Culture NKC «Kazan», KP OF-10489.
12. Tairov N. I. *Akchuriny* [Akchurins]. Kazan: Tatar book publishing house, 2002. 160 p.
13. *Tatar məğrifəçelek ədəbiyatı (1860–1905)* [Tatar educational literature. (1860–1905)]. Anthology. Kazan: Tatar book publishing house, 1979. 416 p.
14. Tukaj G. *Əsərlər* [Artworks]. Vol. 3. Kazan: Tatar book publishing house, 1985. 390 p.

15. Tukaj G. *Əsərlər* [Artworks]. Vol. 4. Kazan: Tatar book publishing house, 1985. 350 p.

16. Habutdinov A. Ju. *Formirovanie natsii i osnovnye napravlenija razvitiya tatarskogo obshchestva v konce XVIII – nachale XX vekov* [The formation of the nation and the main directions of development of Tatar society in the late 19th – early 20th centuries]. Kazan, 2001. 384 p.

17. Hronika prebyvaniya byvshego tureckogo velikogo vizirja Hil'mi-pashi v g. Kazani 15–17 aprelja 1910 g. [Chronicle of the stay of the Ex Turkish Grand Vizier Hilmi Pasha in Kazan, April 15–17, 1910]. In *Gasyrlar avazy*. 1998. No. 1/2. P. 166–177.

18. Shəraf Z. Fatyjh Kərimi In *Fatyjh Kərimi* [Fatih Karimi]: Scientific and biographical collection. Kazan: Ruhijat publ., 2000. P. 74–111.

About the author: Gabdrafikova Liliya R. – Dr. of Sci. (History), Chief Research Fellow, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (420111, Kazan, Baturin St., 7A, Russian Federation); bahetem@mail.ru

Отражение в титулатуре силовых взаимоотношений между Россией, Крымом и Османской империей. Часть 2.¹

Халил Инальджик

Аннотация. Данная статья является переводом с английского языка научной работы турецкого историка крымскотатарского происхождения Халила Инальджика “Power Relationships between Russia, the Crimea and the Ottoman Empire as Reflected in Titulature”. В ней рассматриваются исторически сложившиеся взаимоотношения между Россией, Крымским ханством и Османской империей, анализируются причины периодического изменения титулатуры глав стран. В работе уделяется внимание и экономическим взаимоотношениям между соседними с Крымским ханством странами. В частности, рассматривается система дани, оплачиваемой этими странами Крымскому ханству, их виды, направленность и причины. Представлена терминология *дани* или *подарков*, отправляемых Крымскому хану, членам его семьи, ближайшему окружению и челяди. Среди них наиболее важными были *uluğ hazine, nokrat akçası, koltka, tiyiş, bölek*. Детально описывается каждый вид дани и что входило в её состав: меха, дорогие шерстяные ткани, драгоценности, деньги золотом и серебром.

Ключевые слова: Крымское ханство, Османская империя, титулатура, дань, Россия, силовые взаимоотношения, официальные лица.

Для цитирования: *Инальджик Х.* Отражение в титулатуре силовых взаимоотношений между Россией, Крымом и Османской империей. Часть 2. / *Инальджик Х.; пер. с англ. Сейтхалилова Л. С.* // Крымское историческое обозрение. 2020. № 1. С. 19–44. DOI: 10.22378/kio.2020.1.19-44

Последовавший период принёс новое развитие событий, и они сделали Россию ещё большим вызовом для османских интересов. Османская империя, поглощённая Венецианской войной (1645–1669 гг.), не могла активно вмешиваться в решающие события, происходящие в то время в Украине.

¹ Перевод статьи с английского языка – Сейтхалилова Л. С. Первая часть статьи размещена в предыдущем номере журнала (Инальджик Х. Отражение в титулатуре силовых взаимоотношений между Россией, Крымом и Османской империей / Инальджик Х.; пер. с англ. Сейтхалилова Л. С. // Крымское историческое обозрение. 2019. № 2. С. 86–107).

Хотя в период 1648–1653 годов ханство сумело преуспеть в заключении союза с запорожскими казаками и сохранило протекцию османов, в итоге без активной поддержки Порты попытка полностью провалилась [56]. Только при энергичной поддержке семьи визиря Кьёпрюлю [Köprülü] османы завершили Венецианскую войну и восстановили мощь империи, начали интересоваться северными вопросами и возобновили совместное османско-крымское наступление против России в Украине (1678–1681 гг.). Мурад Герай-хан I (1678–1683 гг.) и все члены династии (и) крымской аристократии с энтузиазмом участвовали в этой популярной войне [57]. Проследить за изменяющимися державными, силовыми отношениями между московским правителем, крымским ханом и османским султаном – это значит, сделав ревизию, пересмотреть русские дипломатические инициативы в Крыму и Стамбуле, целью которых было представление царю всё более высоко превозносящих его почётных титулов ровно в той степени, в какой он чувствовал рост своей мощи с взятием Азака донскими казаками (1637–1642 гг.), союза с днепровскими казаками (1654 г.) и завершением долгой войны против Польши (1667 г.)

Общий почётный титул для всех христианских правителей был *Kidvatu* (или *Umdat*, или *iftikhāru*) *I – Umerā`i l-Milleti l-Mesīhiyye`* (*Лидер или Гордость всех Эмиров Христианства*) [58]. Немецкий император, французский король, русский царь и валахский принц – все рассматривались как *emirs par excellence* (эмиры по преимуществу), титул, который в исламском пользовании имел в виду военных командиров или членов правления при Калифе, а также правителей второго уровня. В вокабулярии османов слово *emir* было синонимом слова *beg* и использовалось в отношении главных военачальников губернии, включая *sübaşı* или *za`im* (младший офицер, командир *timariot sipāhi* – конные воины в подразделении или санджаке).

Beyler-beyi, на османском означющее генерал-губернатор, – обращение, которое использовалось в официальной корреспонденции с титулом “*Emiru l-Umerā`i l-kirām*” (*Эмир среди всех прославленных эмиров*), и под ним *emir* или *beg* с “*Mefkharu`* (или *Iftikhāru`*) *l-Umerā`-i l-kirām*” и *Subaşı* с “*Kidvatu* (или *Iftikhāru`*) *z- Zu`amā`*”. (Совершенно ясно, что первая часть титула (*elkāb*), используемая в отношении христианских правителей такая же, что и используемая в отношении османских военных командиров. Даже сама суть почётного титула, используемого в обращении к германскому императору, “*Iftikhāru` I Umerā`i l-izām*” [59], та же, что и титул *sancak begi* (санджак-бей).

На самом деле нам необходимо отличать две части одной надписи (*inscriptio*), подлинник истинно османской части – *Iftikhāru* и действительно законный или официальный титул правителя, такой как *Knez* (*Kniaz`*), *Kiral*, или *Çar* (*Tsar*), и так далее. Фактически, исконно христианские ти-

тулы такие как: Kral (Kiral), Çar, Çasar, Imperator (или Imperador), Hersek, Voivoda, Knez, Doj – все используются в османских документах. Османской канцелярии приходилось определять, какой османский титул соответствовал определённому христианскому титулу. Исследование титулов (nâme), отправленных в зарубежные страны, показывает, что титул *Padişah* использовался в значении *император*, *царь*, а также как король, например, король Франции [60], или beg (bey) в отношении любого короля, принца или воеводы. Эволюция титулатуры, используемой в обращении к императору Святой Римской Империи (*Emperor of the Holy Roman Empire*), особенно интересна с точки зрения того, что она чётко следовала за изменениями, происходящими в государственных и силовых взаимоотношениях между Османским и Габсбургским государствами [61].

По мнению советского историка А. А. Новосельского, османы впервые согласились использовать титул Царь (Sar или Çar по-турецки) по отношению к правителю москвитян в 1643 году, после освобождения Азова в 1642 году [62]. Однако в письме к Ивану IV Селим II (1566 – 1574 гг.) использовал титул *король*, *царь* Москвы (“*Moskov Krali Sar*”). Очевидно, Sar (Tsar) в то время не обозначало (Caesar), цезарь или император [63].

Общий почётный титул (*khitāb* или *elkāb*), используемый османской канцелярией для крымского хана был: “Djenāb-i Emāret-ma`āb Eyālet-niṣāb Devlet-iktisābZu`l-kadr al-atamm v`al-fakhr al-aṣammal-mukhtaṣṣ bi-mezidi `ināyet` il-Malik il-Mannān Kirim Khani [имя хана] dāmat ma`aliḥu” [64].

Иногда, при особых обстоятельствах, использовался более возвышенный титул (*elkāb*). Титул, используемый применительно к Мехмед Гераю, [65] содержит редко используемую фразу *Saltanat-Iyāb*. Временами использовался также титул *Devlet-ma`āb*. Такие сложные титулы как *saltanat* или *devlet* явно ставили крымского хана выше османских беков.

Титул (*Elkāb*)) крымских ханов был такой же, как и у малых или вассальных мусульманских династий, фраза *emāret-ma`āb* очевидно относилась к наследственной природе слова *emāret* [66]. По крайней мере, титул, которым пользовался крымский хан в письмах, адресованных к царю [67], действительно продолжал традиции Великого хана Золотой Орды и не имел никакого отношения к османскому *elkāb* (титулу) крымского хана, и Москва должно быть хорошо об этом знала.

Pādişāh–Падишах

Титул *Падишах* – это основной по значимости титул османского султана, в доисламском Иране означающий верховный правитель [68], используемый Мохаммедом Гераем в отношении самого себя (как “*Moğol Pādişāhi*”) в 1520 году [69] и Гази Гераем II в форме “*Deşt-i Kipcakniñ Uluğ Pādişāhi*” в 1592 году. В том же самом письме, которое адресовано польскому королю,

он представлял себя как “Deşt-i Kıpçak Khanı” (Хан Дешт-и Кыпчака). В своих письмах к правителям христианских стран крымские ханы всегда использовали престижный титул *Uluğ Pādīšāh* (Великий падишах), который, очевидно, был синонимичен титулу *Uluğ Khan* (Великий хан) [70]. Крымские ханы использовали титул *Великий падишах* в общении с правителями Московии, очевидно, с того же самого времени, как они стали использовать титул *Великий хан*. Самый ранний документ, использующий титул *Великий падишах* при обращении к московским правителям, опубликованный из материалов коллекции В. Вельяминова-Зернова и Хусейна Фейзханова, относится к 1624 году [71]. Его первое использование, возможно, уходит в ещё более ранний период.

Необходимо отметить, что в вышеупомянутом письме Гази Герай хана, османский султан представлен как *Pādīšāh Khundkār*. (Падишах, великий властелин или император). Используя титул *падишах*, в отношении самого себя, хан, очевидно, намеревался подчеркнуть своё более высокое положение перед царём, если даже не сюзеренитет, как принца из рода Чингизидов, скорее, чем пытался каким-либо образом соперничать с османским падишахом [72]. В своих письмах к царю хан временами именовался титулом *Āl-i Djengiz Pādīšāhi Hān-i azām* (*Великий хан, падишах из рода Чингисидов*), в то время как к османскому падишаху было обращение *Āl-i `Osmān Pādīšāhi* (*Падишах из рода Османов*) [73]. В письмах к царю титулы, используемые ханом в отношении османского султана, также варьировали в зависимости от обстоятельств. Когда хан намеревался угрожать царю, демонстрируя мощь Османов, он использовал наиболее превозносящие его титулы, делая эмфазу на такой титул султана, как *Caliph* или Глава всех мусульман на земле: «*Mekka ve Medina milan Uluğ bolğan bu dünyā khalifesi Āl-i `Osman Pādīšāhi*» или «*Uluğ yüz bin çok çok memleketlerniñ erkli `azamatlu Pādīšāhi*», или «*Khān-i a`zam khakān al-Mu`zzam Hazretleri*» [74].

Титул *падишах* был усилен в своём значении посредством добавления слов *uluğ* (великий), *a`zam* (величайший) или *ālempenāh* (всемирный). В то время как к хану или царю обращались просто по титулу *Uluğ Pādīšāh* (Великий падишах), титул *Pādīšāh-i ālempenāh* (Всемирный падишах) был принят исключительно только в обращении к османскому султану. Титул *Pādīšāh* происходил из доисламских иранских традиций, но титулы *Sultān* (Султан) и *Khalife* (Халиф) были связаны с исламским государственным устройством и никогда не использовались в отношении правителей христианских стран.

Точно также титулы *Khundkār* (*Khunkār*) или *Khundāvand-i a`zam*, имеющие значение Великий властитель или Император, были предназначены исключительно для османского султана и никогда не использовались по отношению к хану или царю. Этот титул был обнаружен в письме адресован-

ном к османскому султану (Khundkār) Мехмеду Завоевателю, которое было датировано октябрём 1478 года, среди наиболее ранних крымских документов отправленных к Османам [75]. В Османском государстве он был впервые использован Мурадом I (1362–1389 гг.), который был известен, как *Gāzi Khundāvendigār*, и оставался общим титулом османских султанов наряду с титулом *падишах*. С началом владения и протекцией над Меккой и Мединой османский султан приобрёл свой наиболее значимый титул, *Khādim al-Haramayn al-Şarīfayn*, подчёркивающий его лидерство в исламском мире. В письмах к царю хан упоминал это как оправдание за своё смирение перед османским султаном. В другой раз хан подчёркивал свою родословную как потомка Чингисхана, который считался единственным всеобщим императором в Монгольском мире. В своих письмах к правителям христианских стран крымские ханы, не колеблясь, использовали применительно к себе даже титул *Caliph* (Калиф) с целью легитимации своих прав на мусульманский татарский народ [76]. В 1654 году, в договоре о союзе с Джоном (Яном) II Казимиром, королём Польши, Мехмед Герай-хан своё письмо начал такими словами: Господь Бог возложил на него «мантию чести **Халифата**» (“the robe of honor of Khilāfet”), и, таким образом, все мусульманские татарские земли и народы принадлежат ему [77].

Притязания Гераев на одинаковый статус с Османами в родословной, должно быть, всеобщие известны. Таким образом, в 1688 году, когда янычары в Стамбуле какое-то время планировали устранение Османской династии, их глаза обратились к династии крымских Герай-ханов, как к единственному роду достойному занять место Османов на имперском троне [78]. Однако, османские султаны относились к крымским ханам как к своим лояльным “слугам” (*khidmet-kār*) или “рабам” (*kul*), и это принималось самими ханами, что становится очевидным из писем к османскому султану каждым членом династии Гераев после самого Менгли Герая, включая и тех, кто носил титул *хан* [79]. Хан претендовал быть выше по рангу, чем Великий визирь, и встречи хана с Великим визирем во время различных кампаний часто становились причиной возникновения трудностей в протоколе.

В 1681 году Великий визирь Кара Мустафа обратился к Мурад Гераю (после перечисления обычных титулов) таким образом:

«Fermānrevā-i memālik-i Ilhānī Mesned-ārāy-i erīke-i Djengīzkhānī `izzetlü ve rif `atlu ve sa` ādetlü karindaşımız Murad Giray Khan».

Интересно слово, использованное Великим визирем в отношении хана, «*karindaşımız*» (наш брат). Враждебность между заносчивым Великим визирем и Мурад Герай-ханом (1678–1683 гг.), который гордился своей родословной Чингисидов, возможно, возникла с того времени [80]. Антагонизм между ними стал одной из причин поражения Османов при осаде Вены в 1683 году.

Со времён Менгли Герай-хана, османские султаны признавали крымского хана как единственного посредника в своих взаимоотношениях с Россией [81]. Это было сделано с намерением дать хану уверенность, что России никогда не будет позволено в политическом плане соперничать с Крымом в Стамбуле. То было признание факта, что крымский хан, следуя традициям, установленным при великих ханах Золотой Орды, относился к правителям Московии как к «вассалам, платящим дань». Вследствие этого хан рассчитывал, что османский султан должен уважать права хана общения со своим «вассалом». В 1662 году визирь хана напомнил царю, что османский падишах был правителем сюзереном над царём, точно так же, как и хан [82]. С другой стороны, по условиям исламского законодательства, формальная оплата интерпретировалась как подчинение—харадж (*kharādj*), делая платящую сторону должником исламского государства. Когда бы ни происходила задержка в оплате дани, крымский хан воспринимал это как «восстание» и угрожал войной и бесконечными набегами на русскую территорию. Было постановлено, что ежегодная оплата *uluğ hazîne* (великая дань) являлась наиболее важным условием для сохранения мира с Россией [83].

К XVII веку Московия трансформировалась в мощную империю Восточной Европы, и *дань*, оплачиваемая Москвой, теперь интерпретировалась как «подарок». В 1643 году один из татарских послов в Москве назвал это «харадж» («подчинение»), царь строго отреагировал на данный факт и хан, принося свои извинения, написал царю, что он наказал и уволил этого человека [84]. Это означало фундаментальные изменения во взаимной позиции двух сторон. Однако оплата ежегодного «подарка» всё ещё рассматривалась как обязанность [85]. Мы увидим, что Россия получит полное освобождение от *uluğ khazîne* только к 1700 году по договору, подписанному в Стамбуле.

Maşrik ve Māğrib Pādişāhi **Падишах Востока и Запада**

В письме к Алексею I Михайловичу (1645–1676 гг.), Мехмед Герай IV (1641–1644, 1654–1666 гг.) жаловался:

«Вот уже несколько лет, отказавшись от пути, которому следовали твой отец и дед, и пытаясь превознести себя, ты используешь в своих письмах титул «Падишах запада, востока и севера». Являясь Великим падишахом, владеющим Меккой и Мединой между востоком и западом, даже османский падишах не использует такие титулы в отношении себя» [86].

Титулы, используемые царём Алексеем I Михайловичем в отношении себя и крымского хана в письме, датированном 1646 годом, были таковы: [87]

Tengri tabārek ve ta`ālānin rahmeti ve `ināyeti birlen Uluğ Pādişah Khan ve hem Uluğ Bey Aleksay Mikhaylavic djümle Urusnuñ penāhi ve köp memleketlerniñ

de bolsa Pādişāhi ve Hükümdārından Uluğ-Ordanin Uluğ Khani karındaşımız Islām Giray Khan...

1. Tengri tebārek ve ta`ālāniñ rahmeti ve `ināyeti birlen – должно быть соответствовало *Божьей Милостью*;

2. Uluğ Pādişāh Khan ve hem Uluğ Bey – очевидно соответствовало *Великий Государь наш Царь и Великий Князь*;

3. Djümle Urusnun penāhi – соответствовало *Всея Руси Самодержец*;

4. Köp memleketleriñ de bolsa Pādişāhi – соответствовала *Царь многих стран*.

Царь обращался к хану достаточно кратко, используя титул Великий хан (*Uluğ Khan*). Это наряду с титулом *Uluğ-Orda* было только остатком прошлого. Его обращение к хану как «*Karındaşımız*» (наш брат) интересно с точки зрения подчёркивания их одинакового статуса.

В договоре, заключённом в том же году, Ислам Герай III (1644–1654 гг.) использовал в отношении себя такую титулатуру [88]:

Tengri tabārek ve tā`ālaniñ rahmeti ve `ināyeti birlen Uluğ- Orda ve Uluğ Yurtniñ ve Deşt-i Kipçakniñ ve Takht-i Kirimniñ ve Tat bilā Tavğaçniñ ve Tağ-ara Çerkesniñ Uluğ Pādişāhi bolğan `Āli-Hadret mā`āli-zinet khurşid-tal` at `utārid-fitnet Men Islām Giray Khān... sözümüz oldur kim

В этом договоре титулы, используемые в отношении царя те же самые, что и указанные выше.

Наряду с перечислением стран, находящиеся под его управлением, титулы Ислам Герая состояли из «*Uluğ Orda ve Uluğ Yurtniñ...Uluğ Pādisāhi Khan*». *Uluğ-Orda ve Uluğ Yurt* – была ссылка на притязания крымского хана на родословную от Золотой Орды, в то время как *Uluğ Pādişāh*, являлся имитацией османской титулатуры [89]. Первая часть титула (*Tengri... birlen*), должно быть, тоже пришла из османской практики, который соответствовал западному *Dei Gratia* (Божьей Милостью) [90].

Ни хан, ни царь не использовали в вышеупомянутых письмах титул «*Mağrib ve Maşrik Pādişāhi*» («*Падишах Востока и Запада*»), потому что крымцы (крымские татары. – Прим. пер.) возражали, как это видно из вышеупомянутых писем Мехмед Герай-хана и Сефер Гази-ага.

Но в 1671 году Адиль Герай-хан использовал в отношении Алексея I титул «*Maşrik ve Mağrib ve Şimāl taraflarında bolğan Khristiyanñiñ ata ve babadin olagelmış Uluğ Pādişāhi*» (*Великий падишах, происходящий от отцов и прадедов христианских народов, проживающих на территориях Востока, Запада и Севера...*) [91]. Таким образом, через декаду или более после возражения Мехмеда Герая IV относительно притязаний царя на титул «*Emperor of the East and West*» – «*Император Востока и Запада*», титул был принят в модифицированной форме.

`Ālem-Penāh, Djümle Urusnuñ Penāhi**(Спаситель мира, Вселенский спаситель русских)**

Уже в 1643 году царский посол настоял на том, чтобы слово *`Ālem-penāh*, означающее «Убежище, спаситель мира» или «Вселенский», крымскому хану следует добавлять к титулу *Khān-i a`zam* – Великий хан [92]. Они также были против обращения крымского хана к царю в форме, ранее использовавшейся при обращении к младшим офицерам: «*i`lām-i yarliğ-i şerif-i khāni budur ki*» (буквально «что обозначено в благородном имперском ярлыке, именно это») [93].

Калгай Фетх Герай в своём письме к царю сообщил об отказе от этой командной формулировки, но добавил, что, несмотря на настояния послов, нельзя использовать титул *Ālem-penāh* относительно царя. Намерения царя были совершенно очевидны: он хотел, чтобы крымский хан признал его равным по титулу османскому императору, сюзерену хана, что было совершенно неприемлемо для крымцев (крымских татар. – Прим. пер.). Титул *Ālem-penāh* был один из наиболее возвышенных титулов, используемых Османским султаном, указывающих на его притязания на мировую империю. Близкий друг хана Мехмед Шах-бей писал царю, что использование такого титула применительно христианского правителя противоречит исламу [94].

Нурадин Гази Герай (Nūr al-Dīn (Nuradīn) использовал титул *`Ālem-penāh* в своём письме к царю, написанному в то же самое время [95].

Позднее, в письме датированным мартом 1671 года, титул *Penāh* использовался крымскими татарами в ограниченном виде следующем образом: «*Djümle Urusniñ penāhi*» (Спаситель всех русских) [96] и позднее, «*Uluğ ve Küçük ve Ak Urusniñ penāhi*» (Спаситель или защитник Великой, Малой и Белой Руси) [97]. Но форма «*i`lām-i yarliğ...*» вновь появилась в том же документе.

МИРНЫЙ ДОГОВОР 1681 ГОДА

Договор о мире 1681 года имеет особую важность как последний дипломатический документ перед мирным договором 1700 года, который изменит всю модель османских, крымских и русских взаимоотношений. Переговоры, ведущие к их подписанию, особенно иллюстрируют природу отношений в предшествующий им период.

Как детально описано в предисловии к договору 1681 года [98], «полномочные послы» царя (*mu`teber elçiler*) сначала прибыли в крымскую столицу и стали вести переговоры о заключении договора с Мурад Герай-ханом. По словам султана, «Мурад Герай был представителем и посредником султана в этом вопросе» («*Bu khusüsa devet-i `aliyyem tarafından vekil*»). По за-

ключении соглашения об условиях мирного договора документ (*temessük*), представленный послом, был отправлен Великому визирю Порты, который, в свою очередь, представил его на одобрение султану. В конечном итоге султан издал документ относительно договора, в котором заявлял, что одобрил документ «из жалости к божьим созданиям, страдающим в войнах». Царь тут же отправил своего посла в Стамбул (в османских документах *büyük elçi*), чтобы представить своё письмо султану с просьбой через послов об издании *`ahdnāme* (договора) в соответствии с документом (*temessük*).

Подтвердив получение прошения, султан дал указание о создании и нумерации условий *`ahdname* (подписанного договора), которые были заключены в Крыму, а также несколько других добавочных пожеланий, запрошенных послами. *`Ahdname* завершился официальной клятвой (*`ahd* – клятва) султана и такими словами: «Пусть условия этого мирного договора, а также эта клятва и амнистия (*`ahd ve amān*) будут установлены прочно, чтобы все подданные страны (России) пребывали в мире и благополучии»

В этой процедуре необходимо отметить следующие пункты:

1. Русские послы вели переговоры и заключили *mün`akid* – условия (положения) сначала с ханом Крыма. Но документ всё ещё не являлся *`ahdnāme*, или договором. Это был просто *temessük*, или удостоверяющий документ.

2. После завершения ханом переговоров, правительство султана приняло окончательное решение по условиям договора с царскими послами в Стамбуле и согласилось включить несколько дополнительных положений.

3. Вся процедура создаёт впечатление, что султан не был напрямую вовлечён в переговоры о мире, а только поддержал пожелания хана и Великово визиря о соглашении и одобрил его «во имя божьих существ».

4. Ни установленные процедуры, ни окончательный договор не подразумевают двустороннее соглашение, заключённое после прямых переговоров, но скорее только означают одностороннюю клятву со стороны султана. Это называется *ахднаме* (*`ahdnāme*), или документ, утверждённый в одностороннем порядке клятвой султана или, в соответствии с исламским законодательством «дарование (признание) амнистии» (*amān*), подтверждённое «торжественной клятвой» (*`ahd*). Исламское законодательство требует, чтобы договоры, заключённые с неверующими, составлялись на этой основе [99]. Крымский хан тоже называл соглашения, составленные с Москвией и другими христианскими народами *`ahdnāme* и следовал тем же правилам. *`Ahdnāme* особо подчёркивает, что люди, отправляемые царём для переговоров и заключения договора, были *mu`teber büyük elçi*. Послам полагалось иметь высокие титулы и иметь тот же самый статус, как титул *beg* (военный командир) в Османской империи. Ранг посла всегда был вопросом заботы хана, так же как и двора султана [100].

В *`ahdnāme* (в договоре), заключённом в 1681 году между крымским

ханом Мурад Гераем I (1678–1683 гг.) и царём Фёдором III Алексеевичем (1676–1682 гг.), была использована следующая титулатура:

Tengri tabārek ve ta'alamıñ rahmı ve 'ināyeti milan Ulug-Orda Uiuğ- Yurtıñ ve Takht-i Kırımıñ ve Deşt-i Kıpçakıñ ve Sansız Köp Tatarıñ v e Sağışsız Noğaynıñ Öñ Kolnıñ ve Sol Kolnıñ ve Sanı Yok Tumannıñ ve Tat Milan Tavğaçnıñ ve Tağ-ara Çergaçnıñ Pādişāhı ve Khan-i 'ali-şanı bolğan devİetllü v e ' izzetlü ve Kudretlü ve şedjā`atlu ve fırşatlu Men Murad Giray Khan abbadallāhu ta`ālā davlatahu ilā yavm il-mızān Hadretlerimizden, djümle Uluğ ve Küçük ve Ak (Urusnuñ Pādişāhı Çarı Maşrık ve Mağrib ortasında bolğan Köp Khiristiyān tā' ifesiniñ penahı Hükümdarı karındaşımız Uluğ Beg Fodor Aleksiyeviç Hadretlerine...

Здесь титул “*Penāh*” (Спаситель, защитник, покровитель многих христианских народов, живущих между Востоком и Западом) используется вместо “*Penāh of all Rus*” (Защитник, покровитель всех русских) и признаёт суверенитет царя над большей территорией, хотя ограничивает её между Востоком и Западом. Крымское ханство и Османское государство были осторожны в выборе титула, который может обозначить суверенитет царя по отношению христиан на территории Польши. Но с подписанием этого договора управление Москвы украинскими землями на левом берегу Днепра было признано официально. Конечно, христианские народы на «востоке» всегда были под суверенитетом и протекцией османского султана.

Farmān-farmā

Абсолютный монарх

(буквально «тот, кто отдаёт приказы»)

В окончательной версии договора от 1681 года между османским султаном и русским царём в отношении царя была использована следующая титулатура:

Iftikhāru' l' Umerā' il- 'izam il- Isaviyya Mukhtāru'l-Kuberā il-fikhāmfil' l-Millet-il Mesīhiyye muslihu mesālih-I djemāhir It-tā`ifet in-Nasrāniyye Sāhibu adhyāl' il - haşmetve' l -vakār Sāhibu dalā' il il-madjd ve' l-iftikhār Moscov vilāyetiniñ Çarı ve ana tābi` olan Rus memleketleriniñ Farmān-farmā ve Hükümdarı Sudurus Aleksiyeviç khutimat 'avākibuhu bi'l-khayr...

Первая часть (*iftikhāru...ve'l-iftikhār*) – это древний османский почётный титул, используемый в отношении каждого христианского правителя. В следующей части титул *Farmān-farmā* является новшеством [101]. Этот

титул был незнаком османской титулатуре, буквально означает «тот, кто отдаёт приказы» или абсолютный монарх; он, должно быть, соответствовал русскому титулу *самодержец* или *автократ*.

Изначально титул *автократ*, по-гречески означающий *император* [102], был одним из наиболее важных компонентов римской и византийской имперской титулатуры. Марк Шефтель, который проверил это по русским документам, отмечает, что его использование впервые получило применение в 1492 году церковью относительно Ивана III. Он притязал на византийскую родословную, к которой русская православная церковь была ревностно привязана. Означая «суверенный монарх, получивший власть прямо от Бога, а не делегированный от какого-либо правителя», использование титула в международных отношениях, очевидно, было нацелено на полную независимость от притязания Чингисидов на сюзеренитет.

Царь использовал его официально в международной корреспонденции не только после 1591 года. Марк Шефтель [104] считает: его постоянное и всеобщее использование приходится приблизительно к 1654 году, когда левый берег Украины был присоединён к Москве.

Точка поворота. Договор в Стамбуле, 1700 год.

Вся модель взаимоотношений между Россией, Османской империей и Крымом подверглась кардинальным изменениям в период 1684–1700 годы [105]. Чтобы не допустить присоединения Москвы к Святой Лиге в Европе, Османское государство и хан отправили своих послов, и пошли на уступки России. В письме, выражая сотрудничество в военное время, Селим Герай возобновил мирный договор 1681 года и обещал сурово наказывать татар, которые будут действовать против положений договора. Титулы, используемые в отношении царя, стали значительно более расширенными, чем когда-либо ранее [106]. Но, с другой стороны, под давлением Австрии Польша окончательно уступила требованиям Москвы. Таким образом, договор в Андрусово от 1667 года был ратифицирован, официально оставляя России Левобережную Украину и Смоленск. Это был огромный дипломатический успех России. Парадоксально, но Польше суждено было стать первой пострадавшей страной после вхождения России в антиосманский альянс. В 1686 году царь решил присоединиться к Святой Лиге, сформировав широкий фронт с другими европейскими силами против Крыма и Османской империи. Сотрудничество между двумя последними, таким образом, стало вопросом выживания. При Селим Герае I, полностью осознающем серьёзность создавшегося положения, крымская армия не только приняла на себя полную ответственность за польские и русские фронты, но и играла значительную роль в Венгрии и на Балканах.

Первая попытка русских вторгнуться в Крым в 1687 году окончилась

полным провалом, в основном вследствие логистических проблем, связанных с трудностями снабжения большой армии в южной степи. В 1689 году крымцы сумели остановить сильную русскую армию, состоящую из 162 000 человек и 350 пушек, укрывшись за фортификациями Ор-капы в устье Перекопа. И в этот раз русская армия пострадала от недостатка провизии, и ей пришлось вновь отступить.

Пётр Великий осадил Азак (Азов) в 1695 году и ещё раз уже в 1696 году. Он захватил крепость только во втором походе, посеяв панику в Крыму и Стамбуле. Позднее, в 1700 году, русский посол отправился напрямую из Азова в Стамбул для мирных переговоров. Он отправился на русском корабле, не останавливаясь в Крыму. Самым большим последствием войны 1686–1699 годов было то, что Россия стала мощной европейской державой, в то время как Османская империя, Крымское ханство и Польша пострадали от крутого изменения баланса сил в пользу своего векового неприятеля. Россия стала доминирующей силой в Восточной Европе. Сам Крым и османские владения на Чёрном море стали уязвимы перед угрозой вторжения России. С этим изменением в державных силовых отношениях с символами суверенности и дипломатическими формальностями относительно старой зависимости Москвы от татар было покончено. Заключённый в августе 1700 г. в Стамбуле мирный договор между Османской империей и Россией [107] завершил вековой порядок отношений между Россией и Крымским ханством и обозначил новую эру в османско-крымских отношениях. Когда было признано полное равенство между султаном и царём, крымский хан был отстранён от роли медиатора в османско-русских отношениях. До заключения договора хан требовал получения одинакового, или даже более высокого статуса, чем у царя, и он был успешен в исполнении роли посредника между Россией и османским султаном – калифом. По условиям нового договора, султан дал клятву, что османские командиры на фронтах, а также и сам крымский хан и его поданные, «будучи в подчинении Османской Порты», будут хранить мир и не будут нападать на русские территории, крепости и города, не будут захватывать людей или скот. Пункт 5 гласит:

Поскольку Русская империя есть суверенное, независимое государство, царь и его преемники более не обязаны платить дань (vergi), которая оплачивалась крымскому хану и Крыму по настоящее время. Ни крымский хан, ни его подданные, крымцы и татары, не должны возобновлять враждебные действия под предлогом оплаты долга или любого иного предложения, они должны уважать мир.

Пункты 14–15 гарантируют русским послам и представителям (*Büyük elçi ve karî ketkhüdâ* – великим послам и официальным лицам), как и послам любых иных дружественных стран, свободное и безопасное продвижение

по суше до Стамбула. «А также стороны не должны пренебрегать использованием во всех письмах и официальных документах титулов, надлежащих правителю» (статья 14).

Inscriptio, используемый царём в османско-русском договоре от 1700 года, включает окончательную версию титулатуры, применяемой османской канцелярией в отношении русских правителей. Она гласит:

*Iftikhāru Umera' -il- 'izām il- 'lsaviyya Mukhtāru Kuberā'
il -fikhām il - Mesihīyya muslihu maşalih-i djamhır it-Tāi 'fat
in-Naşrāniyye Sahibu adhyāl' il- haşmet v'el-vakār Sahibu
dalā' il al-madjd v'el-i' tibar Moskov vilāyetleriniñ Çarı ve
djümle Rüsuñ ve ana tābi' nice yerleriñ Fermān-fermā ve
Hükümdān Petrus Aleksiyoivicius.*

В данной формулировке нет новизны в использовании царской титулатуры. Однако царь Пётр I (1682–1725 гг.) настоял на обязательном использовании этой формулировки для крымского хана и Османской империи. Теперь инициатива действия принадлежала Москве.

Приложение

Заметки относительно дани, которую платили татарам

Дань, получаемая татарскими государствами от соседних государств, составляла существенную часть общего дохода татарской правящей элиты. Крымцы получали дань от московских, польских, молдавских и черкесских беков в общей сумме, достигающей около 100 000 золотых в год. Дань принималась в наличных деньгах, мехах, прекрасных шерстяных тканях, или, как в случае с черкесами, рабами.

Относительно дани, оплачиваемой при ханах Золотой Орды, смотрите Б. Шпулер (B. Spuler), *цит. соч.*: 332–42; Б. Греков и Якубовский (B. Grekov and Yakubovsky), *цит. соч.*: 210–20; М. Рублёв, “The Mongol tribute according to the wills and agreements of the Russian princes” («Дань, оплачиваемая монголам согласно собственной воле и соглашению русских князей»), в М. Чернявский, ed., “*The Structure of Russian History*” («Структура российской истории») (New York: Random House, 1970): 29–64; G. Vernadsky, (“*The Mongols and Russia*”) («Монголы и Россия») (New Haven: Yale University Press, 1953); 214–32. С конца XIII века вся сумма податей собиралась русскими князьями полностью и передавалась хану. Этот налог назывался «выход», то есть [дань], выходящая [из страны]. Вернадский предположил, что он был связан с *хараджем* (*kharādj*), исламским налогом, который изымался с немусульман. Точно так же дань, выплачиваемая русским правителем крымскому хану, интерпретируется как соответствовавшее исламскому *djizya* или *kharādj* (смотрите М. Ridā, *Al sab` al-sayyār*: 166).

Однако следующее предложение весьма интересно с точки зрения объяснения слова «выход» (по-турецки *çıkış*) и его «доставки» или «прибытия» (*tigmek* или в современном турецком *değmek*): “*birgil hazinege bakar illerniñ çıkışlarıñ çıkarıp bargan ilçilerge birgil hazinege tigürünler*”. (В ярлыке Тохтамыш-хана, датируемом 1393 г., А. Н. Курат, ed., *цит. соч.*: 148). Таким образом, *тийиш* (*tiyiş*) может действительно быть производным от *tig-* (см. А. Самойлович, “Tijis...”, *Известия Российской Академии Наук*, сер. 6 (1917): 1277–78; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство...* (Санкт-Петербург: 1887) I: 427–32). Но это также может иметь турецкую фольклорную этимологию монгольского слова *dau`usi* или *togos*, которое используется в значении подарков, ежегодно посылаемых крымскому хану (смотрите *Secret History of Mongols – Секретная история монголов*, турецкий перевод А. Темира (А. Temir) (Анкара, 1948): 195). Претендуя на законное наследие Золотой Орды, крымские ханы пытались восстановить и продолжить тенденцию оплаты Россией дани монголам, московские же правители рассматривали крымских ханов как равных им. Крымцы заявляли, что Мохаммед Герай возложил «дань» на Москву в 1521 году и Девлет Герай-хан возобновил её в 1571 году, когда он осадил Москву. Крымцы интерпретировали плату как соответствующую исламскому *djizya*, таким образом, отражая установление сюзеренитета над Московией (*Halim Giray, Gülbün-i Khānān* (Istanbul, 1871): 21 и M. Ridā, *цит. соч.*: 99, 166).

Настоящая дань платилась крымцам определёнными русскими городами, такими, например, как Одоев. Когда такие города входили под правление московского монарха, крымцы требовали от него продолжения оплаты (см. выше п. 20).

Османь использовали слова *armağan*, *yādigār*, *hedāyā*, *vergi*, *kesim* и особенно слово *pişkeş*, обозначая поставки, которые имели признаки *дани* (периодическая оплата при официальном договоре), но который не подразумевал действительное подчинение или зависимость для государства «данника» (см. соглашение, заключённое с Габсбургами: Feridün, *цит. соч.*, II: 327, 337, и крымские документы: *MIKK*); из ранних договоров с Габсбургами стало очевидным, что сумма в 30 000 золотых «должна была быть заплачена за земли Венгрии, которые остались в правлении Габсбургов». Это называлось *кесим* или *верги* (*kesim* или *vergi*) (см. А. Schaendlinger, *цит. соч.*: п. 23). Мир в основном зависел от оплаты суммы, которая была «гарантирована договором» (“*ta`hüd olan*”) (см. там же: по. 32). *Кесим* (*Kesim*) – был османский финансовый термин, означавший паушальную сумму (единовременная плата), которая должна была быть оплачена как налоговое обложение; *верги* (*vergi*) уже в XVI веке означал налог (cf. G. Bayerle, *art. cit.*: 53). Позднее были использованы более нейтральные слова, такие как *армаган* (*armağan*) или *пишкеш* (*pişkeş*). *Армаган* означал просто по-

дарок, но *пишкеш* имел более специфическое значение: это был подарок, который подчинённое лицо обычно преподносило султану во время получения какого-либо гранта или привилегии (патриарх ортодоксальной церкви платил определённую сумму в казну султана во время введения в должность; эта оплата тоже называлась *pişkeş*; в отношении понятия *пишкеш* (*pişkeş*) смотрите Халил Инальджик, “*Ottoman archival materials on Millets*” «Османские архивные материалы о миллетах», “*Christians and Jews in the Ottoman Empire*” «Христиане и иудеи в Османской империи», В. Lewis, В. Braude, eds. (New York-London, 1982), I: 448–49).

Османские ежегодные оплаты, совершаемые при формальных договорах крымского хана с Польшей, также называли *пишкеш* или *верги* (*pişkeş* or *vergi*) (Feridün, *цит. соч.*, II: 419–22, 436). Следующая запись, оставленная османским летописцем Abdülkâdir (Târikh-i Âl-i `Oşmân, MS, Vienna, Staatsbibliothek, O. 1053, 456b), интересна с точки зрения того, как Османские интерпретировали *пишкеш*: «Московский правитель обычно подчёркивал свою (зависимость, подчинённость) (*bendigi*), посылая в Султанскую Порту послов с подарками или *пишкеш*». На самом деле крымцы и Османские относились к московскому правителю как к подчинённому османского падишаха (сноска 72). Несостоятельность в оплате *дани* расценивалась крымцами как «мятеж, бунт» или *casus belli*, как это рассматривалось исламским законодательством. С другой стороны, христианские правители считали данную оплату выкупом с целью предотвращения вторжений и набегов со стороны крымцев (см. В. Е. Сыроечковский, *art. cit.*: 45). Отказываясь признавать, что это была дань, московское правительство предпочитало называть это «подарок» (*potinki* – по-русски, *bölek* или *yarlukaş* – по-турецки) см. ММК: п. 117). Крымские ханы всегда относились к этому как к “*uluğ khazine*”, что буквально означает «великое сокровище, казна». Фактически, мощь москвитян росла, и набеги крымцев стали всё более затруднительными, крымцы сами стали принимать интерпретацию москвитян, пока дань не была полностью упразднена договором 1700 года. В крымскотатарском языке (*Crimean Turkish*) было много терминов, обозначающих дань или подарки, посылаемые крымскому хану и его семье, его чиновникам и бекам. Из всех этих терминов основными были *uluğ khazîne*, *nokrat akçası*, *koltka*, *tiyiş* и *bölek* (улуğ хазине, нократ акчаси, колтка, тийиш и болек).

Улуğ хазине (*Uluğ khazîne*) должен был оплачиваться лично хану, и даже тийиш (*tiyiş*) был на самом деле обязательной оплатой. В 1635 году хан писал: «Если ты хочешь оставаться в дружбе со мной, Великим падишахом, до конца дней наших, ты должен посылать все тийиш (*tiyiş*), перечисленные в дефтере (*defter* – реестр) полностью» (смотрите ММК; п. 31).

В 1592 году Гази Герай-хан информировал короля Польши, что «он не принял предложение Москвы о *bölek khazine* и ежегодную оплату в три

миллиона *pokrat akçası*, обещанных ему, чтобы хан [would give up] больше не предпринимал нападений на Москву» (МІКК; п. 5; *нокра́т (pokrat)* была русская серебряная монета в использовании у татар). Данный документ предполагает, что уже к этому времени крымский хан согласился на трактовку *хазине* как *боле́к*, то есть как «подарок». Однако хан пояснил, что если *улу́г хазине* не прибудет во время и в полном размере, состояние враждебности между двумя странами будет продолжаться. Сдвиг, по сути, от понятия *да́нь* к понятию *подарок* указывал на изменения в реальных державных силовых взаимоотношениях между двумя сторонами. Тем не менее тенденция Крыма увеличить *bölek* и *tiyiş* под угрозой набегов и сопротивление, оказываемое Москвой, часто создавали напряжённость в отношениях. В 1678 году царь, посылая недостающие предметы из реестра, сказал: «[Я] посылаю [моему] брату *подарки* бо́лек, ярлыкаш (*bölek, yarlıkaş*)». Но в то же самое время он добавил, что *казна (uluğ khazîne)* будет отправляться ежегодно регулярно (МІКК: п. 117). В XVII веке вопрос о дате и месте поставки, качестве мехов часто приводил к обмену дипломатическими нотами. Хан обычно принимал изменения, предлагаемые Россией по таким вопросам. В 1647 году было составлено особое соглашение (МІКК: п. 112) относительно *uluğ khazîne* и *tiyiş* и условий их поставки. С тех пор хан согласился не вносить изменений. По прибытии *khazîne* (казны), как положено важному государственному событию, она раскладывалась и проверялась в зале совета в присутствии беков и знати (высокопоставленных чиновников).

Что касается термина *верги* в договоре с царём Николаем Фёдоровичем, Джанибек Герай-хан (1610–1623 гг.) поставил условие, которое гласило: «Царь в качестве *верги* будет посылать хану, всем ага и бекам 10 000 сом серебром, много *боле́к* и *колтка*, как и во времена Гази Герай хана» (МІКК: п. 304). Слово *верги* (ранее также используемое в 1640 году, МІКК: п. 53) буквально означало «что-нибудь отдаваемое», как, например, подарок или налог. Со временем в Турции оно приобрело в основном значение налога. Слова *yarlıgamiş* (дарованное) или *soyurğal* (дотация, субсидия) использовались вместе с тийиш (*tiyiş*) (МІКК: nos. 85, 106), однако не остаётся сомнения, что *тийиш* носил характер подарка.

После прочтения крымско-московской переписки, становится очевидным, что *uluğ khazîne* и *pokrat akçası* имели одинаковое значение *дани*, которая не оспаривалась обеими сторонами. С другой стороны, *колтка*, *боле́к* и *тийиш* варьировали в зависимости от обстоятельств и количества реципиентов. Именно эта последняя категория часто давала повод для возникновения диспутов.

Обычный *defter* (реестр) перечислял *улу́г хазине* и *нокра́т акчаси*, предназначенные для хана, калги и нураддина; *колтка*, предназначенный для ханской челяди, и *тийиш* для знати во дворцах и правительстве.

Колтка состоял из подарков для непосредственного домашнего круга хана (*koluş-kolka*, или подарки, отмеченные в ярлыке Хаджи Герая (*Khādjđji Giray's yarlıġ*) от 1453 г.: А. N. Kurat. *цит. соч.*: 66, line 38; в отношении турецкого слова *koltka* или *kolka*, подарок, смотрите G. Glauson, *An etymological dictionary of pre-thirteenth century Turkish* (Этимологический словарь турецкого языка до тринадцатого века) (Oxford, 1972): 616.) *Болек* был фактически совершенно необычный подарок, затребованный ханом (например, запрос Бахадыр Герай-хана в 300 *mithkal* жемчуга и нитки жемчугов в 1637 году, *МИКК*: п. 35). Существовал также обычай посылать подарки, поздравляя с победой или с провозглашением на престол нового хана, под названием *мубарек-бад* (*mubārek-bād*) (*МИКК*: п. 252).

Согласно крымским документам (см. *МИКК*: nos, 29, 31, 34, 114, 117, 121), *Uluġ Khazîne* включал меха, прекрасные ткани из шерсти и 4000 *som* серебра. В то время как *калга* и *нураддин*, разделяя суверенные права с ханом, получали *хазине*, который соответственно составлял 500 или 200 *som* серебра; знать и беки получали только *тийиши* – подарки (иногда ханский визирь получал 100 *som* серебра: смотрите *МИКК*: п.105). М. Рублёв (*art. cit.*: 31–35) подсчитал, что сумма русского *выхода* (*vykhod*) составляла 5–7 тысяч рублей в течение XV столетия, а затем пошла на спад до одной тысячи в 1481 году. Однако московская «дань», состоящая из длинного списка *хазине*, *колтка*, *болек* и *тийиши*, действительно достигала внушительной суммы. Она была оценена в 25 064 рублей (А. А. Новосельский, *цит.соч.*: 316) в середине XVII века. В 1594 Гази Герай-хан потребовал до 30 000 рублей как условие восстановления мира с Москвой (*там же*: часть I, п. 118). Король Польши платил крымскому хану ежегодно *хазине* (*МИКК*: п.53, датируемый 1640 г.) в 15 000 наличных золотом и товаров стоимостью в 15 000 золотых монет. Но к 1668 году *хазине* в целом достигал 22 000 монет золотом (Feridün, *цит. соч.*, II: 422).

Примечания

56. О нападениях казаков в последние декады шестнадцатого столетия смотрите А. Беннигсен, М. Бериндеи (A. Bennigsen, M.Berindei), *art.cit.*: 87, п. 36; об их грабежах на османских побережьях важны труды Эвлия Челеби, *Сейахатнаме* (*Seyāhatnāme – Книга путешествий*), VII (Стамбул, 1928); Алана Фишера, «Османский Крым...» (“The Ottoman Crimea...”), *Гарвардские Украинские Исследования* (*Harvard Ukrainian Studies*), III–IV, часть I: 215–26; А. А. Новосельского, *цит. соч.*, глава VI (Донские казаки): Н. М. Senā’i, *Islām Giray Khan tārikhi* (*Historia Islam Gereja III*) (*История Ислама Герая III*), ed. Z. Abrahamowicz (Варшава, 1971 г.); Z. Wójcik, “The early period of Pavlo Teterja’s hetmancy in the right- bank Ukraine” (1661–

1663) («Ранний период гетманства Павло Тетержи на Правобережной Украине») (1661–1663 гг.), *Гарвардские Украинские Исследования*, III–IV: 958–72; «Ислам Герай III», в *Энциклопедии Ислама*, IV: 178; О. Pritsak “*Das erste türkisch-ukrainische Bündnis (1648)*”, О. Прицак «Турецко-украинский союз (1648)». *Oriens (Восток)*, VI, 2 (1953): 266–98; договором в Зуравно (Zuravno) в 1676 г. было предусмотрено, что «страна Украина в своих прежних границах будет возвращена казацкому народу, который является зависимым от нашей [Османской] империи, и, начиная с нынешнего времени, никаких интервенций со стороны Польши не должно совершаться» (Турецкий текст у Феридуна, *Munsha`āt al-salatin* (Стамбул, 1265/1845): 422; а также смотрите В. Остапчук “The publication of documents on the Crimean Khanate...” («Публикация документов о Крымском ханстве...»), *Гарвардские Украинские исследования*, IV, 4 (1982): 514–22.

57. Финдиклили Мехмед-ага (У Возгрина В. Е. – Фундуклулу Мехмед. – Прим. пер.) (Findıklılı Mehmed Ağa), *Silāhdār tārīkhī* (История Османской империи о военных действиях страны, написанная сияхдаром, жившим при дворце. – Прим. пер.), под ред. А. Refik (Стамбул, 1928), 1: 676–723.

58. Свод Законов о государственном устройстве Мехмеда Завоевателя содержит титулы (*elkāb*) для сановников (Приложение к *ТОЕМ – Tarih-i Osmani Encümeni Mecmuası*) (Согласно Энциклопедии Ислама, общество, созданное в 1909 году с целью исследования истории Османов. – Прим. пер.) (Стамбул, 1330/1914): 30–32), включая и титулы для иностранных правителей, перечислены в *Феридун* (*Feridün*), *Munsha`āt al-salatin* (Стамбул, 1274/1858) I: 2–13; в отношении опубликованной библиографии копий писем от османских султанов к иностранным правителям смотрите Рейхман (J. Reychman), А. Зайачковский (A. Zajaczkowski), *Handbook of Ottoman-Turkish diplomacy* (Справочник османско-турецкой дипломатии) (Гаага–Париж: Mouton, 1968): 13–103; V. Stojanow, *Die Entstehung und Entwicklung der osmanisch-türkischen Paläographie und Diplomatik* (Berlin: Klaus Schwarz, 1983): 198–312; Josef Matuz, *Das Kanzleiwesen Sultan Süleymans des Prächtigen* (Wiebaden, 1974) (В. Стоянов. Возникновение и развитие османско-турецкой палеографии и дипломатии [Берлин: Клаус Шварц. 1983] 198–312; Джозеф Матуз, Канцелярские дела султана Сулеймана Великолепного (Висбаден, 1974).

59. В качестве примеров смотрите Anton Schaendlinjer, *Die Schreiben Süleymāns des Prächtigen an Karl V., Ferdinand und Maximilian II aus dem Haus-, Hof- und Staatsarchiv zu Wien* (Vienna, 1983) (Антон С. Шаендлингер, письмо Сулеймана Великолепного Карлу V., Фердинанду и Максимилиану II из Дворцового архива в Вену (Vienna, 1983), и особенно факсимиле, nos. 2–5, 10–18; а также Л. Фекете (L. Fekete), *Einführung in die osmanisch-türkische Diplomatik der türkischen Botmässigkeit in Ungarn* (Budapest, 1926):

nos. 2, 5, 6, 13 (Л. Фекете, Введение в османско-тюркскую дипломатию турецкого господства в Венгрии, Будапешт, 1926).

60. Уже в 1541 году было «Французский падишах... король Карло» (“*Franca Pādisāhi... Karlo Kral*”) (там же, no. 2) *Medjmi'a-i mi'āhedāt* (Стамбул, 1294/1887) I: 5; “*Vilāyet-i Franca Pādisāhi* (от 1673 года); о титулах, используемых в отношении венецианских дождей, см. Т. Гёкбилгин (T. Gökbilgin), “*Venedik Devlet Arşivindeki Türkçe Belgeler...*” «Турецкие документы из Венецианского Государственного Архива», *Belgeler (Документы)*, V–VIII (1968–1971): 17, 33, 38, 54, 56, 61; французский король всегда считался как «король, имеющий превосходство и приоритет над всеми остальными королями христианства» (Письмо французского посла Ноинтеля (Nointel) в коллекции писем, Ms. Bibliothéque Nationale (Национальная библиотека), Приложение, тур., no. 383, 64a). Царь считался (именовался) *королём* даже в том случае, если использовался титул *Çar*. (См. Финкикили Мехмед-ага, *цит. соч.*, I: 752).

61. В 1534 г. было принято обращение “*Vilāyet-i Nemçe Kralı*” в отношении Фердинанда I и “*Ispanya vilāyetinin Kralı*” в отношении Чарльза V (Антон Шаендлингер – A. Schaendlinger, *цит. соч.*, nos. 1, 6); но в 1559 году было принято обращение “*Hristiyan Krallarının ve Dukalarının ve Beglerinin Imperatoru olan iftikhāru [...] Ferendoş Kral*” (там же, no. 23); о более полной передаче официальных титулов Фердинанда I в 1562 году см. (там же, no. 25); в 1545 году было обращение “*Romanların ve ana tābi` olanların Kralı olan Ferendoş*” (Феридун, *цит. соч.*, II: 339); и в первый раз в 1563 году “*Nemçe ve ana tābi` vilāyetlerin Imperatoru Ferendoş*”: A. Шаендлингер (A. Schaendlinger), *цит. соч.*, no. 28 (Фердинанд был избран императором Святой Римской Церкви в 1556 году); но в 1564 году “*Nemçe ve Alaman Kralı Imperator Maximilyanus*” (там же, no. 31) и затем в 1565 году был исправлен на “*Alaman vilāyetlerin Imperatoru ve Çeh ve Isloven ve Hirvat ve sā`ir nidie vilāyetlerin Kralı* (там же, no. 32) или же просто “*Beç Imperatoru*” (там же, no. 33). Кажется, что титул *падишах* как эквивалент титулу *император* в отношении него никогда не использовался. Титул *падишах* использовался в отношении короля Франции, см. примечание 60. В мирном договоре между султаном и императором от 1606 года пункт 2 гласит: «Что они оба, письменно и в устной речи, должны обращаться друг к другу *император*, а не *король*». (Теперь смотрите G. Bayerle, “The compromise at Zsitvatorok” («Компромисс при Зитватороке»), *Archivum ottomanicum (Османский Архив)*, VI (1980: 18); иными словами, равенство в статусе было признано османским падишахом, и одновременно была признана эквивалентность статусов *падишах* и *император*. В последствии был принят общее использование титула *Nemçe Imperatoru (Император Германии)*. (См. Феридун, *цит. соч.*, II: 317–20); однако в письмах к императору ударе-

ние всё ещё делалось на тот факт, что *падишах* владел Константинополем (Konstantiniyye), который «был местом пребывания Кайзеров» (там же: 32). Мехмед Завоеватель и его преемники претендовали на то, что они являются единственными наследниками римского императора, см. “Mehmed II”, в *Энциклопедии Ислама (Islām Ansiklopedisi)*, VII: 513; о списке писем и декретов Сулеймана Великого см. J. Matuz, *Herrscherurkunden des Osmanen sultans Süleyman des Prächtigen* (Freiburg: Klaus Schwarz, 1971). (Дж. Матуз, Грамоты властителя султана Сулеймана в Копенгагене (Фрайбург: Клаус Шварц, 1971).

62. *Цит. соч.*: 312; фактически, царь автократ, cf. *там же*; 325–326, см. п. 100.

63. Х. Инальджик, «Происхождение...» (The origin...) *art. cit.*: 102, doc., 2.

64. Феридун, *цит. соч.* II (Первое издание, Стамбул, 1265/1845): 12–56; ссылка на родословную Крымских ханов от Чингисидов сделана в (“*zubda-i Gjengizkhani*”: *там же*, II, 45), но так как крымский хан был назначенцем османского падишаха, ему давали имперский *berāt* (диплом) на своё назначение (например, смотрите *там же*: 42), где оплата его труда (*sāliyāne*) тоже была обозначена. Его подчинённость султану передавалась такими словами, как *dikme* или *tikme* (назначенный, введенный в должность), *banda* или *kul*, или в лучшем случае *Āsitāne-i sa`ādetimizin khayr-khāni* (или *mukhlīsi* – доброжелатель, друг нашей Порты). Интересно, что османская канцелярия придерживалась слова *tikme*, которое было впервые использовано Менгли Герай-ханом в 1475 году, см. Халил Инальджик “*Kirim Hanlığının...*” 208; султан писал царю о хане: «Мурад Герай-хан является преданным и верным слугой нашего государства» (Феридун, *цит. соч.*, II: 310, датируемое 1682 годом). Мехмед II оговаривал в своём Своде Законов (*Приложение к ТОЕМ*), что титул *ukhūvet-mā`āb* (брат) будет использоваться относительно тех султанов, имена которых будут отмечены на монетах и на *хутбе*, в то время, как только *emāret-mā`āb* для тех, кто является наследственными эмирами, без *sikke* и *khutba*; крымский хан имел свой собственный *sikke* и *khutba*, но тем не менее его титул был *emāret-mā`āb*.

65. Феридун, *цит. соч.*, I: 6.

66. *Там же*: 4–7.

67. О письмах и договорах, содержащих ханский титул, основным источником является выше упомянутый *МИКК*, п. 4. Подлинную крымскую формулу *intitulatio* и *salutatatio* см. в ярлыке *Khādjđji Giray's* от 1453 года у Курата, *Yarlık ve bitikler* (Стамбул, 1949: 6), она была расширена и видоизменена в результате добавления османской титулатуры. Крымская титулатура в основном состояла из титулов *Uluğ Orda ve Uluğ Yurtñiñ ve Takht-i Kırımñiñ ve Deşt-i Kırçakñiñ Uluğ Khanı* (Великий хан великой орды, великого юрта, престола Крыма и Дешт-и Кыпчака) по всему Крымскому хан-

ству. В то время как страны перечислялись в первой части формулировки, племена и люди упоминались во второй части (*“Sañsiz djümle Tatarñiñ ve Sağışsız Köp Noğayñiñ ve Tağ ara Çerkesñiñ ve Tat bile Tavğacñiñ”*) (*Бесконечное количество татар, бесчисленное множество ногаев, и горных черкесов и татов с тавгачами*). Иногда также использовалась древняя тюркско-монгольская формула *“On kolniñ Sol kolniñ”*, именуемая племена, расположенные с правой стороны и с левой стороны. (см. *МИКК*, по. 3, от 1591 года и 17 от 1630 года). Наиболее важным заимствованием из османского турецкого было слово *падишах* (*Pādişāh*), часто в форме *Великий падишах* (*Uluğ Pādişāh*). В крымском использовании оно явно идентифицировалось как *Великий хан* или *Император*; о крымском использовании слова *халиф* (*Khalīfe*) (*Caliph*) см. ниже. Типично османско-исламские титулы *султан* (*Sultān*) и *гази* (*Gāzi*) были тоже заимствованы (см. А. Баттал, *“Sahib Giray Han yarlığı”*, *Türkiyat Mecmuası*, I (1926): 75–101).

Османские титулы этикета, такие как османско-турецкие *devletlū*, *şevketlū*, *ʿadāletlū*, *mahābetlū*, *sahāvetlū*, *şedjā*, *ʿatlū*, все относящиеся к королевским регалиям (например, см. *МИКК*, по. 104), были тоже привнесены в крымскую титулатуру; титулы крымских ханов в письмах, обращённых к королям Дании в период 1654–1682 гг., содержат подлинный материал, см. п. 70.

68. О титулах см. *«Падишах»* (*“Padişāhi”*) (Халил Инальджика), в *Энциклопедии Ислама*, IX: 491–495; а также см. выше п. 60–67; очевидно, со временем титул размылся в своём значении. Для османского султана появился ещё более возвышенный титул *Pādişāh-i ʿalempenāh*, то есть *Падишах – Спаситель мира* или *Император Эйкумены*, вошёл в использование в 1477 году, Ахмед-хан обращался к Мехмеду Завоевателю *Khudāvendigār-I Azam* (см. *Bellesten*.II: 247).

69. См. документ в *МИКК*: п. I.

70. Письма крымских ханов к русским и польским правителям можно найти в *МИКК*; к польским королям у З. Абрахамович (Z. Abrahamowicz), *“Dokumenty tatarskie i tureckie w zbiorach polskich,” Przegląd orientalistyczny*, 10 (1954): 141–148; анализ дипломатических характеристик крымских писем к принцам Трансильвании можно найти у Mary Ivanics, *«Официальные и лингвистические особенности писем крымских татар в семнадцатом веке к принцам Трансильвании»* (*“Formal and linguistic peculiarities of seventeenth century Crimean Tatar letters addressed to princes of Transylvania”*), *Acta orientalia*” (Венгрия), XXIX, 2 (1975 г.): 213–224; о письмах, отправляемых королям Дании, см. J. Matuz, *Krimitatarische Urkunden im Reichsarchiv zu Kopenhagen* (Крымскотатарские грамоты в Государственном архиве Копенгагена) (Фрайбург, Клаус Шварц, 1976) (Freiburg: K. Schwarz, 1976); а также смотрите п. 67.

71. МІКК: no. 8; но уже в 1592 году Гази Герай-хан обращался к королю Польши “*Uluğ Khristiyan Pādişāhi*” («Великий падишах христианства»): МІКК: no. 5.

72. Османский падишах “*sizin dakhi efendiñüz uluğ Pādişāhımdır*” («Османский падишах, мой Великий падишах, и ваш Падишах тоже»): см. МІКК: no. 196: письма от Сефер Гази-ага к Великому беку Алексису Михайловичу (великому князю Алексею Михайловичу), пятница, (Djümada I, 1073/Дес. (Декабрь) 1662 г.).

73. МІКК: no. 71, от 1643 г.

74. МІКК: nos. 16, 240.

75. А. Беннигсен и др., *цит. соч.*, док. E 6691/9: 67–68.

76. См. МІКК: no. 20 от 1624 г. и no. 165 от 1654.

77. МІКК: no. 165: “*Khil `at-i khilāfeti düş-ı hümtāyünuma giyırüp*”. Вслед за распадом Халифата Аббасидов багдадских мусульман, юристы постановили, что как приверженец Закона Ислама каждый султан имел право носить титул халифа. См. T. W. Arnold, *The caliphate (Халифат)* (Лондон, 1924 г.): 107–120.

78. Финдиклили Мехмед, *Silāhdār Tarihi* (Стамбул, 1928 г.) II: 340.

79. См. Феридун, *цит. соч.*, II: 310: “*Devlet-i `aliyyemiziñ `abd-i şadākatkāri ve bende-i kemine khidmetkāri*”; Письма Менгли Герая к султану у А. Беннигсена, *цит. соч.*: 69, 76, 92.

80. МІКК: no. 253; Финдиклили Мехмед-ага, *цит. соч.*, II: 27.

81. В своём письме к царю от 1631 года, Джанибек Герай-хан (МІКК: n. 18) предупредил, что, несмотря на древние правила, царь направил своего Великого посла (*Uluğ Elçi*) напрямую в османскую столицу без предварительного получения согласия хана. Он отметил, что такое нарушение традиции впервые произошло в 1023/1614 г. (МІКК: no. 21). Традиция требовала, чтобы Великий посол из Москвы сначала прибыл в Крым, а затем из Крыма отправился в Стамбул в сопровождении ханского дипломата. По обычным вопросам ханский *tilmaç* («переводчик») должен был прибыть в ханскую столицу; затем хан докладывал султану и посылал толмача, сопровождаемого его собственным эскортом. В своём письме, датированном от 1632 г. (МІКК: no. 24), он уточнил, что эта древняя традиция была одним из условий мирных отношений между двумя государствами.

82. См. МІКК: no. 72.

83. См. МІКК: no. 17, от 1630 г., о налогах см. Приложение.

84. МІКК: no. 84.

85. См. Приложение.

86. МІКК: no. 361: в более ранний период титулы московских правителей были гораздо проще; в 1624 году в письмах Мехмеда Герая III к Михаилу I титулы были таковыми: *Uluğ Urusniñ ve Purusniñ Köp Khristiyanñiñ Pādişāhi*

karındaşımız Uluğ Pādişāh Khan hem Uluğ Beg Mıkhayla Federayovich djümle Urusnıñ Padişahı ve Kop yerlernıñ de bolsa Pñdişāhı ve Hükümdārı (MIKK: no. 8).

В своём письме к императору от 1562 года, Сулейман именует себя завоевателем земель от Китая и до Магриба (Maghreb), см. Антон Шаендлингер (A. Schaendlinger), *цит. соч.*: no. 25; титулы Мехмеда III включали “*Khākān al-Maşrikayn ve `l- Mağribayn*”: см. Феридун, *цит. соч.*, I: 2.

87. MIKK: no. 119.

88. MIKK: no. 104.

89. Для сравнения смотрите крымские письма к королям Дании, опубликованные Дж. Матузом (J. Matuz), *Krımıtatarısche... (Крымскотатарские...)*. В общих чертах и построении эти письма имеют абсолютное сходство с обнаруженными письмами, которые направлялись к царю. Титулы хана аналогичные, что и в письмах, отправленных в Москву. Для правителя Дании был использован титул *Kral (Kiral)*. Однако как и в случае с царём, хан обращался к королю «*наш брат*». Османские и татарские традиции стилизованы в *тугре* (*tuğra*). Тюрко-монгольское *Sözümüz* переплетено с имитированной османской *тугрой*. Однако, крымская *тугра* имеет только один открытый изгиб вместо двух закрытых изгибов в османской *тугре*. Некоторые из крымских *тугр* (*там же.*, факсимиле nos. 3, 6, 8, 10) были оформлены в форме пирамиды, наподобие *pençe* (*Pençe* – *отпечаток руки, вместо подписи.* – Прим. пер.) османских правителей. Но крымская *тугра* располагается в верхней части документа, как и в османской *тугре* (*там же.*: 62). Об этой русской имитации см. З. Абрахамовича (Z. Abrahamowicz) “*La tugra ottoman de l’empereur de Russie*” («Османская тугра императора России»), *Turcica*, VIII, 1: 231–45.

90. По мнению Л. Фекете (L. Fekete) (стр. xxxii), Османы внедрили это под влиянием Запада; османская формулировка гласит: “*Allāhiñ `ināyetiyle*”. Уже в ярлыке Мехмеда Завоевателя, датированной 1473 годом (R. Arat, “*Fatih Sultan Mehmed’in yarlğı*”, “*Türkiyat Mecmuası*, VI (1936–1939): 298), мы читаем: “*Allāhu ta`ālā `ināyetidin Sultan Mohammed sözüm*”.

91. MIKK: nos. 224, 375.

92. MIKK: no. 84.

93. MIKK: no. 63; мы это снова обнаруживаем в следующей формулировке: “*i`lām ve inhā`-i Khāni budur ki*” (MIKK: no. 361), или “*tavki`-i refi`-i Khāni oldur ki*” (MIKK: no. 90); иногда добавляется фраза “*buyurdum ki*” («Я приказал») (MIKK: no. 63); эти формулировки, очевидно, являются имитацией османской формулы приказов, используемых в имперских декретах (“*tavki`-i refi`-i hümayün vāsıl oludjak ta`lüm ola ki*”). Ярлык (*Yarlğı*) в канцелярии Золотой Орды и Крыма означает приказ (см. A. Mostaert, F. W. Cleaves, *Les lettres de 1289 et 1305 des Ilkhans Arjun et Öljeitu a Philippe le Bel* (*Письма с 1289 по 1305 год от Ильханов Арюна и Олад-*

жейту-хаган к Филиппу ла Бель – королю Франции). (Cambrige: Harvard University Press) (Кембридж: Издательство Гарвардского университета), 1962): 91; A. Hasan, Birinci Mengili Han yarlığı, *Türkiyat Mecmuası* (Первый ярлык Менгли Герай-хана, Журнал Тюркологии) IV: 106; крымские ханы в своих письмах к московским правителям также использовали старую тюрко-монгольскую интитуляцию: “*Khan ibn ...khan Sözüümüz*”, в отношении *Sözüm* или *Sözüümüz* смотрите в более ранних монгольских документах *Üge tani*, смотрите A. Mostaert, F. W. Cleaves, *цит. соч.*: 22–58. Это можно обнаружить в крымских письмах к московским правителям вплоть до конца семнадцатого века: см. *МИКК*: nos. 245, 252 и других; а также смотрите Л. Фекете. “Arbeiten... und die Frage der Formel “*sözüümüz*”, *Acta orientalia* (Работы и вопросы формулы “*sözüümüz*” («наше слово»), Отдел востоковедения, 1957: 18 ff.; пример, иллюстрирующий повышенную чувствительность Москвы, произошёл в 1630 году, когда Москва выразила формальный протест против факта, что титул царя в ханском письме не был прописан полностью и золотом (см. *МИКК*: no. 17); а с другой стороны хан был недоволен тем, что московский посол, вопреки обычаям, отказывался снимать *kalpak* (головной убор) и кланяться в его присутствии (см. *МИКК*: no. 121, d. 1649); о ярлыке также смотрите G. Doerfer, *Elemente* (Г. Дёрфер. Элементы), III: 153–58.

94. *МИКК*: nos. 84, 86.

95. *МИКК*: no. 64, возможно, вследствие своего более низкого статуса.

96. *МИКК*: no. 104, датируемый 1646 г. ; n. 119.

97. *МИКК*: no. 284 от 1685 г.; а также титул “*djumle Khristiyanıñ Pādışāhi*” («падишах всех христиан») вошёл в употребление (см. *МИКК*: nos. 245, 251 от 1679 г.); последний титул царям следовало использовать позднее во взаимоотношениях с Османами. Кроме того, царь, не обращая внимания на крымские протесты, начал использовать титул *`ālem- penāh* в своих письмах к хану: см. *МИКК*: no. 316: “*Djümle Urunsuñ Pādışāhi `ālem-penāh*”, недатированные письма, опубликованные в письмах середины семнадцатого века.

98. Текст договора напечатан у Феридун (*Feridün*), *цит. соч.*, II: 307–10.

99. Majid Khadduri, *War and peace in the Law of Islam* (Война и мир по Закону Ислама) (Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1955): 141–223; “*İmtiyāzāt*,” («Привелегия») в Энциклопедии Ислама, издание II.: 1179–82; о хане и *amān* (клятва) см. *Historia Chana* (История хана): 52.

100. Дипломатические представители классифицировались как *Elçi* и *Büyük* (или *Uluğ*) *Elçi*, (посол и старший посол, или Великий посол), (последнего также называли *Elçi Başı*), в то время как посланца или курьера называли *Çarķın* (гонец) или *Uluğ Çarķın*, а курьера, нарочного или вестового называли *Ulak*. Посольство крымских ханов в Москве включало *Baş Elçi* или *Elçi Başı* и свиту (эскорт) из двадцати человек, включая *Çarķın*. В

1680 году хан согласился посылать только три дипломата с эскортом в двенадцать человек (см. ММКК: no. 284). Для важных деловых встреч, таких как переговоры о мире, посылался *Büyük Elçi* с дорогими подарками; уже в 1647 году Ислам Герай-хан согласился посылать только двенадцать человек с *Elçi*, представляющим хана, *калга* и *нурадина* (*nuradın – nureddin*), и не позволять любым другим крымским представителям власти посылать отдельно своих дипломатов. Когда *çarķın* предстояло отправиться, его должны были сопровождать только трое слуг (МККК: no. 112); об *Elçi* и *Çarķın* смотрите также у Джозефа Матуза, *Krimitatarische... (Крымскотатарские...)*, цит. соч.: 53–58. *Uluğ Hazine* (казна) царь должен был отправлять каждый год с “*Saym Uluğ Elçi Başı*” (Уважаемый великий посол) ММКК: no. 20, от 1632 г.).

101. *Farmān-rānı* или *Farmān-ravā*, или *Farmān-farmā* всегда используется, но в сложном сочетании. В 1643 году крымцы отказались использовать этот титул в отношении царя (А. А. Новосельский, цит. соч.: 325–326).

102. L. Bréhier, “L’origine des titres impériaux ā Byzance,” *Byzantinische Zeitschrift* (Л. Брейер, «Происхождение императорских титулов в Византии»), XV (1906): 161.

103. М. Шефтель, *art. cit.*: 65–69.

104. Там же: 67.

105. Этот период детально рассмотрен в работе Х. Инальджика “*The Crimean Khanate during the Great Retreat*” («Крымское ханство во время Великого Отступления»), 1683–1699, *Habilitation theses* (диссертация) (Анкара: Факультет языка, истории и географии, 1952, не опубликовано); письма османских султанов к крымским ханам в период 1687–1701 гг. можно найти в *Nāme-ı Hümāyūn Defteri*, no. 5, *Başvekālet Archives*, Istanbul.

106. ММКК: no. 284 от 1685 г. Титулы царя передавались следующим образом: “*Djümle Uluğ ve Küçük Ak Urusnuñ ve Mağrīb ve Maşrık ve Şimal taraflarında Bolğan Khristiyanıñ ve Köp yerleriniñ Pādīşāhları ve Hükümdārları Bolğan Kardaşlarımız Uluğ Khanlar ve hem Uluğ Begler Iban Aleksayevic ve Petre Aleksayevic*” («Падишахи всея Великой и Малой Белой Руси, Востока и Запада, христиан на северных территориях, и многих иных земель, наши братья падишахи и главнокомандующие, великие ханы, великие беки Иван Алексеевич и Петре Алексеевич).

107. Текст в *Medjmi'a-i mü'āhedāt* (Стамбул, 1298/1880) III: 210ff., и Финдикли Мехмед-ага, *Nusretnāme*, ed. I. Parmaksizoglu, II, I (Стамбул, 1964).

Сведения об авторе перевода: Сейтхалилова Лейля Сейтхалиловна – старший преподаватель английского языка, лаборант-исследователь Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); lilya_crimea@mail.ru

Power Relationships between Russia, the Crimea and the Ottoman Empire as Reflected in Titulature. Part 2.

Halil Inalcik

Abstract. The given article is a Russian translation of the Turkish historian (of the Crimean Tatar origin) Halil Inalcik's work "Power Relationships between Russia, the Crimea and the Ottoman Empire as Reflected in Titulature". The author focuses attention on changes in titulature of Russian tsars and other rulers in the context of changes in mutual power relationships between the states. The author also analyses economic relationships between the given countries, pays attention to the tribute paid by the neighboring countries to the Crimean Khanate. The author stresses the most important of them: *uluğ hazine, koltka, tiyiş, bölük, vergi, pişkeş*. The essence of tribute sent to the Crimean Khan, his family members, officials, begs and servants is carefully considered.

Keywords: Crimean Khanate, Ottoman Empire, Russia, titulature, tribute, power relationships, officials.

For citation: *Inalcik H.* Power Relationships between Russia, the Crimea and the Ottoman Empire as Reflected in Titulature. Part 2. / *Inalcik H.; Transc. Seytkhalilova L. S.* Krymskoe istoricheskoe obozrenie=*Crimean Historical Review*. 2020, no. 1, pp. 19–44. DOI: 10.22378/kio.2020.1.19-44

About the translator: Seitkhalilova Leylya Seyitkhalilovna – senior English language teacher, laboratory assistant of the Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (420111, Kazan, Baturin st., 7A, Russian Federation); lilya_crimea@mail.ru

Karasu Kazası'nda sosyo-ekonomik hayat (II)¹

Nuri Kavak

(Osmangazi Üniversitesi)

Özet. Kadılar tarafından tutulan mahkeme kayıtları, Karasu kesit alınarak, tüm Kırım'daki sosyal ve kültürel hayatı aydınlatmak için son derece kıymetli bilgiler vermektedir.

Tarihi kaynaklara dayanarak, Karasuv Kazasında sosyo-ekonomik yaşam analiz edilmiştir. Bu makalede bölgedeki para dolaşımı ve ticareti tartışılmaktadır. Farklı yıllarda temel ürünlerin maliyetindeki değişikliklere çok dikkat edilir. Yazar, emlak fiyatlarını, hayvanları, köleleri ve mahkumları alıntulamakta ve ayrıca çeşitli alanlarda ücretlendirme hakkında yazmaktadır.

Anahtar Kelimeler: Karasu, Karasu Şer'iyye Sicilleri, Kaynak, Osmanlı, Kırım, Karadeniz, El Sanatları, Para, Ticaret, Köle.

II. Ekonomik Hayat

1. Para ve Fiyat Hareketleri

Para ve fiyat hareketleri bir ülkenin ekonomik göstergelerinin bir özetini oluşturmaktadır. Bu yüzden ekonominin temel verileri olarak ilk incelenmesi gereken konuların başında gelmektedir.

1.1. Para

Kırım Tatarları'nın Kırım yarımadasındaki yerleşme sürecinde Altın Orda Devleti hükümdarı Kebek Han, 6 dirhem ağırlığında gümüş ile 0.80 gr. ve daha küçük "tenki" isminde bakır paralar bastırmıştır [1, s. 47-48]. Altın Orda zamanında Azak darphane merkezi iken, Kırım Hanlığı'nda Azak'ın yanı sıra Kefe'de de para basılmıştır [1, s. 52]. İlerleyen zamanlarda Eskikırım (Solhat), Kırkyer ve Kefe daimi para basılan merkezler olmuştur [21, s. 24]. Basılan

¹ Makale iki bölüme ayrılmıştır: Sosyal Hayat (I) ve Ekonomik Hayat(II). Bu baskıda ikinci bölüm dikkatinize sunulmuştur.

paralarda Ceneviz etkisi açıkça görülmektedir. Nitekim ele geçen paraların bir yüzünde Türkçe, bir yüzünde de Ceneviz yazıları ile hanlığın tarak damgası bulunmaktadır [23, s. 16].

Osmanlı hakimiyeti ile birlikte Kefe’de Osmanî Akça geçerli olurken, Kırım’da ise Kefevî Akça geçmeye başlamıştır. Çünkü Kırım Hanları’na ait gümüş para olarak Kefevî Akça basılmaktadır. Bundan dolayı da Kefe ve Kırım’da en yaygın olarak kullanılan para haline gelmiştir. Kefevî Akçanın Osmanî Akça ile olan oranları; 1/3, 1/4, 1/10 gibi nispetlerde eşitlenmeye çalışılmıştır. Şüphesiz bir Osmanî Akça’da bulunan gümüş, üç Kefevî Akça’da bulunan gümüşe eşitlendiği zamanlarda bir takım sorunlar çıkmaktadır. Kısaca hangi paranın gümüş miktarı çok ise, o paranın eritilerek gümüşünün ayrıştırıldığı görülmektedir [41, s. 334]. Nitekim bu bilgilerden ötürü Kefevî Akça içindeki gümüş miktarını ortaya koyabilecek bir verinin olmaması ise, tüm bu şüphelerin ortadan kalkmasını engellemektedir.

Kırım Hanları, nominal değer ile reel değer arasındaki farkı, kendi hazinelerine aktarabilmek için sık sık “tecdid-i sikke” yapmaktaydılar [10, s. 50]. Burada Osmanlı hazinesi kanalıyla gelen Osmanî Akça’ların, hanların önemli gelirleri arasında yer aldığını da unutmamamız gerekmektedir. Vurgulanan bu durum nedeniyle Kırım Hanı, gelen Osmanî Akça’nın sahibi olarak değersizleşmesini istememektedir. O yüzden birinin çok değerli olması diğerinin tedavülde kalkmasına neden olacağı bir iktisat teorisi olduğu düşünülürse, aradaki dengenin korunması bir mecburiyettir. Yine halk değerli olan parayı, Kırım Hanları’nın darphanesine götürmemeye başlayacaktır. Bu da darphane işleminden elde edilen kazancın azalması hatta bitmesi anlamına gelmektedir.

Karasu Kazası’nda genelde para olarak Kırım Akça’sı kullanılmıştır. Kırım Akça’sı kullanımının yanı sıra, ondan daha kıymetli olan “Esedî Guruş” da tedavülde sıkça kullanılan bir para çeşididir² [42, s. 551] Nitekim kayıtlarda, 1 esedinin 100 akçaya denk geldiğine dair bilgiler bulunmaktadır [29, 25-37b-383; 8, s. 306-307]³. Ayrıca elimizde incelediğimiz döneme ait kayıtlarda, “Tuğralı Mısır Altunu” [31, 47-75a-554], “İngilis Altunu” [29, 25-33b-345] ve “Acem Akçası” [29, 25-116b-1167] da tedavüldeki akçadan başka kullanılan para birimleri olarak karşımıza çıkmaktadır. Bunlardan Tuğralı Mısır Altunu, İngiliz Altunu ve Acem Akçası çok nadir olup, diğerleri sıklıkla kullanılan para çeşitleri olarak görülmektedir. Nadiren de olsa kayıtlara “zolota” denilen bir para biriminin de kullanıldığına şahit olunmaktadır. Yalnız Zolota, Lehliler’in kullandıkları bir para birim olup, zaman zaman ona benzetilerek kesilmiş olan paralar da bu isimle anılarak kullanılmıştır [42, s. 664].

² Üzerinde arslan resmi bulunan Flemenk parasına verilen isimdir. Bir diğer adı da arslanı’dır.

³ 1680 ile 1705 arasında 1 Esedî’nin, 70 akça ile 120 akça arasında bir değer ifade ettiği belirtilmektedir.

1.2. Fiyat hareketleri

İnsanların yaşamasını sağlayan birçok maddi ve manevi ihtiyaçlar bulunmaktadır. Hayatın idame ettirilebilmesi için asgari bir yaşam standardına ulaşılmış olması gerekmektedir. Bu oluşumda iktisadi durumun sağlayacağı imkanlar sürekli aynı düzeyde, sabit veya belirli bir nispette gelişen bir olgu değildir. Gelişmeyi etkileyen iç ve dış birçok etken veya olay bulunmaktadır [38, s. 314]⁴. İncelediğimiz sicillerden hem bu hayat standardını hem de bu standardın iyi olmasını etkileyen faktörler ortaya konulmaya çalışılmıştır. En azından Karasu kazasının mali durumunu ortaya koyabilecek üretim faaliyetleri ile fiyatlandırılması sicillere yansıdığı nispetle değerlendirilmiştir.

1.2.1. Ekmek Fiyatları

İnsanların tükettiği en temel ihtiyaçların başında şüphesiz ekmek gelmektedir. Ekmek fiyatlarındaki dalgalanmalar, halka doğrudan yansiyabildiğinden dolayı çok önemli bir husustur. Mali sıkıntıların, savaşların ya da kıtlıkların olduğu dönemlerde, sık sık ekmek fiyatlarının değişmesi sürekli rastlanılan bir durumdur. Nitekim 7 Şevval 1094 / 29 Eylül 1683 ile 22 Zilkade 1095 / 31 Ekim 1684 tarihleri arasında 9 kez ekmek için narh verildiği kayıtlarda görülmektedir. Bu tarihler II. Viyana kuşatmasının olduğu zamana rastlamaktadır. Kırım'dan Anadolu'ya bilhassa İstanbul'a olan hububat sevkiyatı, buğdayın fiyatına anlık artış olarak yansımaktadır⁵. Bu durum da doğal olarak ekmek fiyatlarını doğrudan artırmaktadır⁶. Aynı şekilde Kırım'da olabilecek üretim düşüşü veya kıtlık gibi durumlardan dolayı da fiyatların artması muhtemeldir. Yalnız bu süre zarfında kıtlık veya diğer etkenlerle ilgili herhangi bir sorun dile getirilmediğinden dolayı sadece savaşın etkisinden söz edebiliriz [22, s. 8-9]⁷. Verilen narhlara göre:

⁴ Mantran Robert fiyat artışları veya narh değişimi üzerinde iki temel baskı unsurunun olduğuna işaret etmektedir. Bu etkenleri, ekonomik ve siyasal alanda yaşanan değişimler olarak ifade etmiştir.

⁵ İstanbul ve çevresindeki kırsal bölgelerde yapılan buğday ve diğer tahıl ekiminin yeterli olmadığı belirtilmiştir. Bunun üzerine Kefe, Kırım, Kili, Varna, Akkirman ve Burgaz gibi yerlerden buğday toplandığı görülmektedir.

⁶ İstanbul'un ihtiyacı üzerine mal talebini içeren elimizde herhangi bir arşiv belgesi olmamakla birlikte, geçmişte buna benzer yaşanan bir durum ile ilgili elde ettiğimiz bir belge mevcuttur. Karadeniz yalılarında vaki olan kadılara hüküm: İstanbul'da zahireye ihtiyaç olduğundan buğday, arpa, nohut, mercimek, bulgur, tarhana, yağ ve bal vesair mekûlâtı sahibleri ile iskelelere indirtip, gelen gemilere narh üzere sattırılması hakkındadır. Bir sureti de Akdeniz yalılarında olan kadılara gönderilmiştir [7].

⁷ 1578 baharında Kefe'de ve 1609 sonbaharında ise Kırım'da sebebi belli olmayan kıtlığın yaşandığı ifade edilmiştir.

Tablo 1. Ekmek Fiyatları

Kile Miktarı	Kile Fiyatı (Akça)	Ekmek Miktarı (Dirhem)	Ekmek Fiyatı (Akça)
1	60-70	370	1
1	85-100 ⁸	270	1
1	90	266	1
1	65-70	270	1
1	120	160	1 ⁹
1	150-160	135 ¹⁰	1
1	-	270	1
1	100-120	180	1
1	80	240	1

Yukarıdaki tabloda görüldüğü üzere, ilk verilen narh tarihinin üzerinden hemen hemen 10 ay geçmişti ki, arka arkaya dokuz kez fiyatlar tekrar belirlenmek zorunda kalmıştır. Burada dikkatimizi çeken, fiyatın artırılmasından ziyade ekmeğin miktarında da sürekli bir takım oynamaların olmasıdır. Nitekim ağırlığı 370 dirhem olan ekmeğin bir ara 135 dirheme kadar gramajı düşürülmüştür. Bu da gramajda % 65 civarında bir azalma anlamına gelmektedir. Ekmek miktarında gerçekleşen düşüşler, doğrudan halkın alım gücünü zayıflatan etken şeklinde yansımıştır. Ayrıca kaza halkı ister fırından ekmeğini alsın ister evinde kendisi yapsın, sonuçta buğday fiyatlarındaki artıştan dolayı olumsuz etkilenmemesi mümkün değildir.

İncelediğimiz döneme ait 47. ciltte de iki adet ekmek narhı yer almıştır.

Tablo 2. 47. Ciltteki Ekmek Fiyatları (1129/1717)

Kile Miktarı	Kile Fiyatı (Akça)	Ekmek Miktarı (Dirhem/Vakıyye)	Ekmek Fiyatı (Akça)
1	80	325 Dirhem	1 ¹¹
1	60	1 Vakıyye	1 ¹²

⁸ Genelde 90 akça olmuştur.

⁹ 1 çürük akça ile satılması kararlaştırılmıştır.

¹⁰ Bu narh fiyatında tarih düşülmemiştir. Ancak bir önceki narh tarihi 17 Cemaziyevvel 1095 (2 Mayıs 1684) olduğu görülmektedir. Aralarında bir tek hüküm olduğu dikkate alındığında, pek fazla bir zaman geçmemiş olmalıdır. Bu fiyatlandırma en düşük fiyat olarak karşımıza çıkmaktadır.

¹¹ [31, 47-2b-11] Rebiyülâhîr 1129 / Mart 1717 tarihli bir narh belgesidir.

¹² [31, 47-2b-12] Cemaziyevvel 1129 / Nisan 1716 tarihli bir narh belgesidir.

Görüldüğü üzere her iki narh belgesinin düzenlenmesi arasında geçen süre, birisi Mart 1716 diğeri Nisan 1716 olmak üzere sadece bir aydır. Mahkemeye gelenler buğdayın fiyatındaki artışı gerekçe göstererek, ekmek fiyatında da artış talep etmişlerdir. Belgede buğdayın fiyatını artıran herhangi bir piyasa olgusundan bahsedilmemiştir. Ancak net bir şekilde 50 akçadan 60 akçaya ya da 80 akçaya çıktı gibi nedenlerle mahkeme önüne gelmişlerdir. Mahkeme de onları haklı bularak fiyatlar üzerinde değişikliğe gitmiştir. Sadece bir tek yerde, fiyat artışının fukaraya uygun olmadığından bahisle şikayette bulunulmuştur.

1.2.2.Bakkaliye ve Diğer Mal Fiyatları

Tablo 3. Bakkaliye Narh Listesi

Cinsi	Miktar	Para birimi	Kasım 1094 [29, 25-4b-30]	Hızır 1095 [29, 25-6a-54]	Bir önceki fiyata göre artış oranı	Kasım 1095 [29, 25-9b-102]	Bir önceki fiyata göre artış oranı
Asel-i Kırım	Vakıyye	Sim	18	18	-	18	-
Asel-i Rum	“	“	18	14	-%22,2	16	%14,3
Asel-i Abaza	“	“	10	10	-	12	%20
Zeytun yağı	“	“	28	24	-%14,3	24	-
Pirinç	“	“	8	7	-%12,5	8	%14,3
Badem-fındık	“	“	8	-	-	10	%25
Trabuzan fındık	“	“	9	6	-%33,3	8	%33,3
Dağ fındık	“	“	4	4	-	4	-
Razakı üzüm	“	“	12	10	-%16,6	12	%20
Baklaca üzüm	“	“	10	8	-%20	10	%25
Siyah üzüm	“	“	8	6	-%33,3	8	%33,3
Lob incir	“	“	12	10	-%16,6	12	%20
Sarıca incir	“	“	8	8	-	8	-
Zeytun	“	“	8	8	-	10	%25
Kutu ekşi	“	“	8	6	-%33,3	8	%33,3
Pestil	“	“	6	4	-%33,3	6	%50
Erik kurusu	“	“	5	5	-	5	-

Cinsi	Miktar	Para birimi	Kasım 1094 [29, 25-4b-30]	Hızır 1095 [29, 25-6a-54]	Bir önceki fiyata göre artış oranı	Kasım 1095 [29, 25-9b-102]	Bir önceki fiyata göre artış oranı
Alma kuruşu	“	“	5	5	-	5	-
Armud kuruşu	“	“	6	6	-	6	-
Keçi boynuz	“	“	5	5	-	6	-
Kara hurma	“	“	5	4	-%20	4	-
Sirke	“	“	4	3	-%25	-	-
Nohud	“	“	6	6	-	6	-
Nişasta	“	“	16	16	-	16	-
Keşköl	“	“	12	-	-	-	-
Tulum peynir	“	“	12	8	-%33,3	12	%50
Üvez kuruşu	“	“	6	5	-%16,6	5	-
Kurt ¹³	“	“	5	-	-	6	%20
Havyar	“	“	24	24	-	-	-
Limon suyu	“	“	16	14	-%12,5	14	-
Bakla	“	“	5	4	-%20	4	-
Mercimek	“	“	3	3	-	-	-
Armud balı	“	“	6	6	-	-	-
Ceviz helva	“	“	12	12	-	-	-
Kâbe hurması	“	“	16	14	-%12,5	16	%14,3
Sarı yağ	“	“	48	28	-%41,6	-	-
Kuru kestane	“	“	6	6	-	6	-
Soğan	“	“	-	-	-	2	-

¹³ Kurt, kurutulmuş sert bir peynir türüdür.

Don yağ	“	“	-	-	-	16	-
Kızılıcak kurusu	“	“	-	-	-	4	-
Taze kestane	“	“	-	-	-	5	-
Yağ-ı zeytun	“	“	-	-	-	16	-

Karasu kazasına ait elimizdeki sicillerde yer alan bakkaliye narhı dört adettir. İlk üçünün bir yıl gibi bir süre zarfında verilmiş oldukları ilgi çekicidir. Ayrıca bu üçünün sadece 25. ciltte yer alması da önemli bir noktadır. Yukarıdaki tabloda da görüldüğü üzere 42 adet satılan bakkaliye ürünü yer almaktadır. Elimizdeki kayıtlarda, dönem dönem ya da bir narh kaydı ile diğeri arasındaki ürünler açısından değişiklikler göze çarpmaktadır. Yani birinde yer alan ürün diğeriinde olmayabiliyor ya da bir sonrasındakinde yer alabiliyor. Hatta tablonun son kısmında yer alan beş adet ürün ilk iki narh belgesinde olmayıp, sadece sonuncusunda bulunmaktadır.

İncelediğimiz kayıtlarda, Hızır 1095 tarihli narh belgesi fiyatları ile Kasım 1094 yılına ait narh kayıtları arasındaki mukayese sonucunda, 16 adet üründe fiyatlar değişmemiştir. Ancak 18 üründe de fiyatlarda düşüş yaşanmıştır. Bu düşüşün sebebine dair kayıtlarda herhangi bir bilgi bulunmamaktadır. Fakat bu yılların, Osmanlı Devleti ve ona bağlı Kırım Hanlığı için büyük bir savaş dönemini kapsadığı da unutmamalıdır. Savaş ortamının yarattığı iktisadi istikrarsızlığın bir yansıması olduğu kuvvetle muhtemeldir. Yine iki ürünün de bakkaliyede satılmadığına şahit olunmaktadır.

25. ciltte en son kaydolunan bakkaliye narhı, Kasım 1095 yılına aittir. Bu kayıt genel hatlarıyla diğeri ikisinden ürünler temelinde farklılık göstermektedir. İlk olarak elde ettiğimiz tahlil sonucunda, 13 ürünün fiyatı bir önceki fiyata göre değişmemiştir. Ama 16 adet üründe de fiyat artışının yaşandığı gözlemlenmektedir. Ayrıca yedi adet bakkal ürünü de bir öncekinin aksine yer almamıştır. Yine beş adet bakkal ürünü de diğerielerine nazaran sadece bu kayıta görülmektedir. Öte yandan elimizdeki fiyatı artan ürünlerin rakamları, Hızır 1095'deki düşüşü fazlasıyla telafi edici bir artışın olduğunu göstermektedir.

Bütün bu kayıtların dışında Cemaziyelahir 1156 / Haziran 1743 senesine ait, çok az bir ürünü kapsayan bir başka bakkal narhında ise, şu ürünler bulunmaktadır.

Tablo 4. Temmuz 1743 Bakkaliye Narh Listesi [32, 65-3b-16]

Cinsi	Miktarı	Para birimi	Tane ile fiyatı
Üzüm yaprak	kıyye	8 akça	-
Sarmusak	dirhem	133 akça	1 akça
Soğan	dirhem	133 akça	1 akça

Peynir	kıyye	14 akça	1 akça
Tuzlu peynir [6, s. 146] ¹⁴	kıyye	20 akça	1 akça
Keşköl peynir	kıyye	28 akça	1 akça
Sirke	kıyye	14 akça	-
At nalı	-	100 sim	
Öküz nalı	1 çift	140 sim	-

Bakkaliye haricindeki gruba giren malların başında ise kasap ürünleri gelmektedir. Et fiyatları; lâhm-ı ganemin vakıyyesi 6 sağ akçe, lâhm-ı bakarın vakıyyesi ise 5 sağ akçe [29, 25-3b-17] iken başka bir kayıтта lâhm-ı gânenin vakıyyesi 7 çürük akçe, sığır etinin 5 çürük akçeden satılması şeklinde tekrar belirlenmiştir [29, 25-5a-40]. Et narhı ile ilgili 25. ciltte (1095/1683-84) bulunan bu fiyatlara karşılık, sadece 47. ciltte (1129/1717) bir adet başka et narhı bulunmaktadır. O kayda göre, lahm-ı ganemin 6 akça, lahm-ı bakarın 5 akçadan satılmasına karar verilmiştir [31, 47-2b-10]. Bunlara ilave olarak 1 kıyye kuyruk yağı da 50 olarak kaydedilmiştir [65, 65-3b-18]¹⁵. Sonuç olarak 25. cilt (1095/1683-84) ile 47. ciltteki (1129/1717) fiyatlar mukayese edildiğinde kayda değer bir değişim görülmektedir.

Bozahane ve boza, kayıtlarda sıklıkla karşımıza çıkan bir başka gıda ürünüdür. Ama buna karşılık bozanın 750 dirheminin, 1 akçaya satılacağına dair sadece bir narh kaydı elimizde bulunmaktadır [29, 25-3a-8].

Ayrıca ham penbe ile ilgili düşünülen bir kayıтта ise, 44 akçadan 60 akçaya fiyatı çıkarılmıştır. Hatta kirası ilave edildiğinde rakamın 64 akçaya ulaştığına vurgu yapılmıştır [29, 25-9b-101]. Üstelik bir başka kayıтта ise ham penbe 65 akça ve de penbenin kıyyesi 200 akça [32, 65-3b-17]¹⁶ olarak tespit edilmiştir. Üç ay sonra penbenin kıyyesi 178 akça ve atılmış penbenin kıyyesi de 130 akça olarak fiyatlandırılmıştır [32, 65-3b-19].

Öte taraftan Sinobî Ahmed Beşe bin Mustafa'nın helvasının ise 12 akçadan satılabileceği kayıtlarımız arasında yer almaktadır [29, 25-4a-28].

Bunlara ilave olarak çörek ile ilgili verilen narhlarda, çörek yapımında kullanılacak un ve yağ oranına dikkat çekilerek; 280 dirhem kaba çörek ile 75 dirhem yağlı çöreğin 1 kara akçadan satılacağı belirtilmiştir. Ancak 16 vakıyye una 1 vakıyye yağ koymak üzere fiyatlandırıldığı özenle kaydedilmiştir [29, 25-5a-

¹⁴ Bu peynir kısarak sütünden hazırlanmış sonra da tuzlanıp kurutulmuştur. Genelde darı unu suda kaynatılıp, bulamaç yapılarak seferlerde tüketilmektedir.

¹⁵ Bu kayıтта alma kurusu ve karpuz fiyatı da akça olarak verilmiştir. Ancak kuyruk yağındaki 50 rakamına para birimi belirtilmemiştir. Muhtemelen diğerlerinde akça olması münasebetiyle akça olmalıdır.

¹⁶ Penbenin kıyyesi 200 akça kaydında işlenmiş penbenden bahsedildiği kuvvetle muhtemeldir.

43]. Bir başka çörek için verilen narh kaydında ise; “Reisü’l-habbazan Ovanis nâm zımmî mahkemeye gelerek yağlı çörek için narh talep etmiştir. Emir Ali Çelebi, Emir İsmail Efendi, Monla Osman, Abdulgaffar ve gayrileri bu talebi makul görüp, 12 vakıyye una 1 vakıyye yağ konulmak üzere, 100 dirhem çöreğin 1 akçadan satılmasına karar verilmiştir (Cemaziyelâhır 1110 / Aralık 1698)” [30, 33-32a-294].

İncelediğimiz döneme ait sicillerin birkaç yerinde tuz ile ilgili narh belgesi bulunmaktadır. Her üç narh belgesi de 1095/1683-84 senesine aittir. Yalnız her üç narh belgesinde de birçok isim tek tek kayıt edilmişken, sadece verilen narh miktarına değinilmemiştir [29, 25-2a-3, 25-6b-58, 25-9b-100]. Tuz işletmeciliği, bilhassa Kırım genelinde Ermeni ve Yahudiler’e verilen bir imtiyazdır. Orkapı tuzlaları en önemli tuz elde edilen bölge idi ve Ermenilerle, Yahudilerin işletmesine sadece izin verilmiştir [6, s. 157].

En son olarak kestanenin 4 sağ akçadan satılmasına dair olan bir kayıt görülmektedir [29, 25-6a-54].

1.2.3. Gayr-i Menkûl Fiyatları

Gayr-i menkul fiyatlarını tespit ederken istifade ettiğimiz belge türü satış i‘lamlarıdır. Tereke dökümlerinde de miras olarak bırakılan gayr-i menkul kayıtları bulunmaktadır. Ancak terekelerde sadece fiyatları yer aldığından, bize yeter derecede bilgi vermemektedir. Satış i‘lamları vasıtası ile evin nitelikleri ve müştemilatı, dükkanın nerede ve ne tür bir iş için kullanıldığı öğrenilebilmektedir.

Sicillerde satışa konu olan evlerin değerini; büyüklüğü, müştemilatı, bulunduğu mahalle ya da harabe olup olmadığı gibi unsurlar belirlemektedir. Aynı özelliklere haiz evleri mukayese etmeyi düşündüğümüzde ise, her mahallede bu verilere sağlıklı ulaşamadığımızdan dolayı sadece en düşük ve en yüksek fiyatları vermeyi uygun bulduk.

Tablo 9. 65. Ciltte (1156/1743-44) Satışa Konu Olan Evler [32, 65-23b-96, 65-33b-161, 65-35a-170, 65-36a-177].

Sıra No	Evin Bulunduğu Mahalle	Evin Müştemilatı	Fiyatı
1	Çorum	dar	5500 akça
2	Sadık Efendi	dar dahilinde iki bâb hane, bir bâb hayatıyla, Eşcâr-ı müsmire, fırın ve kenef	90 guruş ile adedi malum olamayan akça

3	Hasan Efendi	dar ve bütün müştemilatıyla	330 guruş
4	Receb Şeyh	dar	160 guruş

Tablo 10. 25. Ciltte (1095/1683-84) Satışa Konu Olan Dükkanlar [29, 25-20a-208; 29, 25-23a-243; 29, 25-47b-471; 29, 25-60a-625; 29, 25-68a-734; 29, 25-93a-946; 29, 25-99a-995; 29, 25-105a-1043; 29, 25-109a-1096; 29, 25-118a-1192].

Sıra No	Dükkanın Bulunduğu Mahalle	Dükkanın Müştemilatı	Fiyatı
1	Şah Mirza kahvehanesi kurbunda	5 adet dükkan	80 esedi
2	Köprübaşında Acemiyan sakın olan dekağın kurbunda	Bir bâb dükkan	10 altun
3		Bir bâb berber dükkanı	40 esedi
4	Arastada vaki attar dükkanları	2 adet dükkan	80 atun
5	Arasta başında	İki bâb harabe dükkan	3000 akça
6	Sefer Gazi Ağa hanının kible tarafı	Dükkan	80 guruş
7		Demirci dükkanı ve bir bâb dükkanın yarısı	42,5 guruş
8	Demirciyan kurbunda	Bir bâb dükkan ve bir dükkanlık arazi	4500 akça
9	El-hac Salih mahallesinde	Her şeyiyle bir dükkan	8500 akça
10		Dükkan	12 esedi
11	Taymas Mirza Bezzâzistan'ında	Hallaç dükkanı	99,5 esedi
12	Mehmet Çelebi çörekçi dükkanı yanında	Çörekçi dükkanı	18000 akça

Tablo 13. 25. Ciltte (1095/1683-84) Satışa Konu Olan Bahçe ve Arazi [29, 25-38a-386, 25-44b-451].

Sıra No	Bahçe ve Arazinin Bulunduğu Yer	Cinsi	Fiyatı
1	Beşterek suyu yanında	Bahçe	300 esedi
2		Büyük bahçe	70 guruş

1.2.4. Köle ve Esir Fiyatları

Sicil kayıtları içinde gerek muhallefât dökümlerinde, gerekse de bazı hüccetlerde köle ve cariyelerin kaydedildiği görülmektedir. İslâm, köle ve cariyelere kötü muamele edilmemesini, sahibinin kendisi için hoş görmediği şeylerden onları da uzak tutması gerektiğini tavsiye etmektedir. Birçok değişik dinî ve hukukî yollar geliştirilerek esaretten kurtulma yolları çoğaltılmıştır.

Diğer yandan birçok devlette olduğu gibi, Kırım Hanlığı'nın hatta Osmanlı Devleti'nin ekonomisinin temelinde de köle emeği vardır [47, s. 27, 45]. Köleye olan bu denli talep köle piyasasının kalbini tutan birçok ünlü pazarların oluşmasına neden olmuştur. Osmanlı Devleti'nin akıncılık faaliyetleri, güçlü devletlerle karşılaşılmasından dolayı azalınca, köle temininde güçlük çekilmeye başlanılmıştır. Nitekim bu noktada Kırım Hanlığı devreye girerek, köle teminini sağlamış ve köle piyasasını eline geçirmiştir. Dolayısıyla da Kırım ve Kırım'a bağlı tüm şehirler için köle bir anlamda maddi büyük bir kazanç ve diğer yandan da önemli bir ekonomi faaliyetidir [47, s. 45-47]¹⁷.

Köle ve Elde Edilmesi:

Köle, adeta mal gibi alınıp satılan bir varlıktır. Bu anlamda hiç bir hakkı olmayıp, üç türlü temin edilme yolu vardır. İlki köleden dünyaya gelen evladın köle olarak hayatına devam etmesidir. Diğerleri ise savaşlardan esir olarak ele geçirilenler ile köle olan bir insanın sahibinden satın alınıp kullanılması şeklindedir [29, 25-39a-396]¹⁸.

Köle olanların hiç bir mülkiyet hakkı yoktur. Elde ettikleri tamamen sahibine aittir. Köle miras edinemez, sadece belli bir oranda borçlanabilir. Gerek

¹⁷ Kırım derebeylerinin sahip olduğu ekonomik zenginliğin içinde, en önemli payın tutsak köle gücüne ait olduğu vurgulanarak, hemen hemen herkesin birden fazla köleye sahip olduğu aktarılmıştır. Ayrıca Kefe'deki köle pazarında, tutsak alıp-satanlar kadar, hanlığın da büyük gelir elde ettiğine işaret edilmektedir.

¹⁸ 55 altuna satın alınan bir kölenin karnından kan gelmesi üzerine çıkan bir anlaşmazlığı konu almaktadır. Gerek bu davada gerekse buna benzer satış veya satıştan sonra doğan sorunları içeren birçok sicil kaydına rastlanılmaktadır.

borcundan dolayı, gerekse verdiği herhangi bir zarardan dolayı doğabilecek mesuliyet tamamı ile sahibinindir [5, s. 232-233]. Azad edildiğinde ancak borç ve zarardan mesul olabilmektedir.

Elimizdeki sicillerde, köle ve cariyeye olarak bahsedilen birçok kayıt bulunmaktadır. Bu durumda etkili olan temel faktör ise, Kırım Hanlığı'nın en önemli geçim kaynaklarından birisi olan çapul sonrası elde edilen ganimetlerdir. Bu ganimetler gerek hanlığın, gerekse Kırım halkının en büyük gelir getiren kazanç yollarından birisidir [47, s. 43]¹⁹. O yüzden ganimetin pahaca en kıymetli parçalarından birisi esirlerdir. Elde edilen esirlerin bir kısmı, kendi ihtiyaçları için ayrılırken, bir kısmı da esir pazarında satılarak nakte çevrilmektedir. Kırım orduları Çerkes, Kazak, Rus, Leh, Litvanya, Nemçe, Eflak ve Boğdan taraflarına yaptıkları akınlar vasıtasıyla, çok çeşitli etnik kökene sahip insanlarla karşılaşmaktadır. Bundan dolayı tüm bu sayılan yer ve milletlerden elde edilen köle kayıtlarına sıklıkla rastlanılmaktadır.

Yine köle alım-satımı yapılırken veya sonrasında hastalıklı, yaralı veya vücudunun herhangi bir yerinin sakat olması durumunda, hatta bakire olmaması [30, 33-75a-670]²⁰ gibi sorunlar önemli birer alış-veriş bozan hususturlar [29, 25-69b-746]²¹. Bu olumsuzluklar nedeni ile pazarlık bozulmakta, zaman zaman da anlaşmazlık çıkarak mahkemeye yansımaktadır. Genelde alınan köle de ortaya çıkan özürler nedeni ile iade edildiği görülmektedir [29, 25-62b-667]²². Yeter ki şahitler evvelden varmış, fark edilemedi ya da satan söylemedi gibi gerekçeler ortaya sürsünler. Özürlü olan köle ucuz olduğu gibi çok fazla menfaat sağlayacağı düşünülen köle de yüksek fiyatlarla alıcı bulabilmektedir.

Köle Azad Etme Yöntemleri:

Köle ve cariyelik, zaman içerisinde sosyal bir birim ve kültür unsuru olarak karşımıza çıkmıştır. Bu nedenle köle ve cariyelerin durumu, toplum içinde edinebildikleri yeri birçok açıdan incelenmeye değer bir konudur [16, s. 116]. Yine bir kölenin, özgürlüğünü elde edebilmesi için gerçekleşmesi ve oluşması gereken bir takım şartları vardır. Bunların başında Müslüman olması gelmektedir

¹⁹ Saadet Geray'ın III. Vasiliy'e yazdığı yarlığında, "bizim topraklarımız, ekinimiz, sabanımız cenktir. Kardeşim sen bizim toprak işlerini iyi bilirsin. Bizim ülkemiz cenkle yaşar." diyerek ganimetin önemini ifade etmiştir.

²⁰ Osman nâm kimse mahkemeye gelerek, Abdulfettah'dan 65 esediye bakire diye aldığı kölenin bozuk çıktığını söyleyerek iadesini istemiştir. Mahkeme de kendisini haklı bulmuştur.

²¹ Murteza Molla, 50 altuna satın aldığı kölenin iki dişi olmayıp, geçen seneden beri de ayağı sızlıyor diyerek iade etmek istediğini mahkemeden talep ediyor. Mahkeme de şahitlerin şehâdeti ile alınan kölenin iadesini kararlaştırıyor.

²² Bu kayıta köle satın alan birisi, Macar asıllı oğlanı 63 altuna aldığını ancak, gerdanında yani boğazı altında bir miktar yumrusu olup, ayb-ı kadimdir diyerek iade etmek istemektedir. Mahkeme de kendisini haklı bularak geri iade talebini kabul etmiştir.

[29, 25-91a-933]²³. Yine köle diye satın alınanın reaya çıkması durumunda, hemen serbest bırakıldığına dair kayıtlara da rastlanılmaktadır. Tamamı ile şahitlerin şehâdeti ile reaya olduğunu ispat etmesi, bu haksız durumdan kurtulmasını sağlamaya yetmektedir [29, 25-52b-527; 29, 25-75b-804]²⁴.

Ayrıca belli bir meblağı ya da hizmeti yerine getirmenin karşılığı olarak da hürriyeti vaat edilmektedir. Bu durum şartlı bir azad edilme şeklidir. Nitekim altı yılda 320 esediyi öderse, kendisini azad ederim diyerek sicile kayd ettiren dahi görülmektedir [29, 25-22b-234]. Bir başka dava konusunda ise; Karaağaç mahallesinde sakin bir zımmînin kölesi, “Efendim, 8 yıl hizmet et, karşılığında azad olunacaksınız” dedi. Ama ben 10 yıldır hizmet ediyorum diyerek mahkemeden azad olunmasını talep etmiştir. Şahitler tüm bu bilgileri doğrulayınca, köle mahkeme tarafından azad olunmuştur [29, 25-86a-888; 29, 25-70b-760]. Burada kölenin de hakkını mahkeme huzurunda aramış olması, ayrıca önemli bir husustur. Çünkü uygulanan sistemin herkese kapısını açık tutması, haksızlığa kimsenin uğramaması anlamına gelmektedir.

Bunlara ilave olarak kölenin azad edilmesinde hasta veya sakat olması da bir nedendir. Macar asıllı bir küçük kızın sol ayağının sakat olduğundan dolayı, azad edildiği ve sahibi tarafından da kayda aldırıldığı görülmektedir [29, 25-74a-792; 29, 25-67a-723; 29, 25-67a-724]. Yine sadece “Allah rızası” için diyerek bile köle azad edilmektedir [29, 25-67a-722]. Hatta hiçbir neden öne sürmeden de azad olunabildiği [29, 25-75b-807] gibi, özel bir takım nedenlerle de köle azad edilmektedir. Örneğin; “Oğlum Abdullah iyileşirse Rus asıllı gulâmımı azad ederim” diyor ve Abdullah iyileşince de şahitlerin huzurunda azad ediyor [29, 25-29b-301].

Diğer azad edilme çeşitlerine örnek olarak ilgi çekici iki dava kaydı daha bulunmaktadır. Bunlardan ilkinde bir kocanın eşine ait cariye 150 guruşa satın alarak azad edip ve sonrasında da kendisine eş olarak aldığı görülmektedir [31, 47-12b-91]. Öte yandan diğer kayıta ise, bir köle, efendisinin kendisini okutup yarım papas ettiğini ve bundan ötürü de azad olunduğunu, ancak azad eden efendisinin ölmesi üzerine oğlunun bu durumu kabullenmeyerek itiraz ettiğini belirtip mahkemeye başvurmuştur. Mahkeme, şahitlerin köle lehine şahitlik yapmaları üzerine kendisine hürriyetini iade etmiştir [29, 25-19b-203].

Köle ve Esir Fiyatları:

²³ Rus asıllı Hasan Müslüman olunca sahibi Şor mahallesi sakini Ali Beşe ibn-i Ahmed tarafından azad edilmiştir. Yine 25-64b-694 ve 25-65a-700’de devam eden davada da, Boğdan zımmîsi iken Müslüman olarak Hüseyin adını alıp ve bu sayede hür olan bir kimseyi kayıtlarda görmekteyiz [30, 33-88b-792].

²⁴ Reaya olduğundan dolayı geri verilmek istenmesinde etken olan neden, köleliğe uyum sağlamada zorluk çekilmesi ve bundan ötürü de iyi çalışmamaları olabilir. Ayrıca asıl sorun hukuken tutsak ve köle statüsünde olmayanların köle haline zorla getirilmesinin mümkün olmamasıdır. Adli bir süreç sonrasında eski haklarına geri dönebilmeleri bir bakıma alınan kölenin elden çıkması anlamına gelmektedir.

Tablo 17. 33. Ciltte (1110/1698) Satışa Konu Olan Köle ve Esirler²⁵

Sıra No	Esir çeşidi	Fiyatı
1	Gulam	60 esedi guruş
2	Cariye	1000 guruş
3	Cariye 2 adet	1000 guruş
4	Kazak	400 guruş
5	Cariye	120 guruş
6	Kazak	72 esedi guruş
7	Cariye	134 esedi
8	Cariye	150 esedi
9	Cariye	9600
10	Cariye	180 esedi
11	Gulam	55 esedi
12	Döke	93 esedi
13	Döke	65 esedi
14	Kalmuk cariye	120 esedi guruş
15	Çerkes kızı	13600 akça
16	Cariye	120 guruş
17	Çengi kızı	5 guruş

1.2.5. Hayvan Fiyatları

Kırım Türkleri'nin yaşam ve üretim biçimleri arasında, hayvancılık büyük bir öneme sahiptir [47, s. 43]²⁶. Elimizdeki sicil kayıtları arasında hayvan alış-verişlerinden ziyade, satış sonrası çıkan sorunlardan dolayı oluşan mahkeme hükümleri daha çok bulunmaktadır. Bu kayıtlar ile elimizdeki diğer verileri birleştirerek hayvanların fiyat değerleri tespit edilmeye çalışılmıştır. Fakat tüm bu fiyatlar; hayvanın cinsine, ağırlığına ve görünüşüne göre değişebilmektedir. Çünkü aynı cins ve yaşta olan iki hayvan arasında bile fiyatların değişmesi gayet normaldir.

²⁵ 33. ciltteki köle ve esir satış kayıtları, sıra numaraları üzere şöyle düzenlenmiştir: 1) 33-3a-16, 2) 33-10a-65, 3) 33-11a-74, 4) 33-12b-86, 5) 33-12b-89, 6) 33-14b-113, 7) 33-42a-404, 8) 33-43b-423, 9) 33-45b-446, 10) 33-47a-456, 11) 33-56a-545, 12) 33-56b-552, 13) 33-75a-670, 14) 33-82a-744, 15) 33-90a-806, 16) 33-91b-815, 17) 33-96b-874.

²⁶ F. F. Laşkov, daha ziyade hayvancılığın tarıma karşın tercih edildiğini ve çok miktarda hayvan yetiştirdiklerini kaydetmiştir. Yine tarımın genelde yoksul kesimlerde rağbet gördüğünü ve büyük çiftlik şeklinde olmayıp, köylü ekonomisi biçiminde gelişme gösterdiğini yazmaktadır.

Tablo 20. 33. Ciltte (1110/1698) Satışa Konu Olan Hayvanlar²⁷

Sıra No	Hayvanın Türü	Fiyatı
1	At	30 guruş
2	Baytal	6 guruş 35 akça
3	At	1100 akça
4	Alaşa	800 akça
5	Alaşa	7 esedi
6	At	2100 akça
7	Sığır	620 akça
8	At	10,5 esedi
9	At	13 esedi
10	Öküz	500 akça
11	Alaşa	330 akça
12	At	10 esedi
13	Öküz	50 akça
14	At	17 guruş
15	At	1800 akça
16	Alaşa	5 guruş

1.3. Kira ve Kira Sorunları

Karasu'ya ait sicillerde birçok mülk ve malın kiralandığı görülmektedir. Kiralanan mülkler ev, dükkan, mahzen ve han gibi yerler olup, buraların kiralanasından doğan sorunlar sicillere yansımıştır.

Ev kiralamada, evin durumu, yeri ve büyüklüğü kiranın miktarında önemli bir rol oynamaktadır [29, 25-30a-309]²⁸. Lakin ev kiralamada karşılaşılan başlıca sorunlar ise şunlardır; eve veya çevresine zarar verilmesi [29, 25-60b-639], kiranın vaktinde ve tam olarak ödenmemesi [29, 25-56b-575; 30, 33-77b-656], kira miktarında anlaşmazlığa düşme [29, 25-31a-323] ve kiracının çıkartılmak istenmesi [30, 33-55b-536] gibi.

Diğer bir gayr-i menkul çeşidi olan dükkanlarda da, kiralama ve kiralama sonrası değişik problemler görülmektedir. Özellikle dükkan kirasının

²⁷ 33. ciltteki hayvan satış kayıtları, sıra numaraları üzere şöyle düzenlenmiştir: 1) 33-1-2, 2) 33-2b-12, 3) 33-4a-26, 4) 33-12a-84, 5) 33-14a-107, 6) 33-17b-141, 7) 33-33b-308, 8) 33-43b-425, 9) 33-47b-458, 10) 33-49a-473, 11) 33-50b-479, 12) 33-54a-519, 13) 33-80a-729, 14) 33-89b-800, 15) 33-89b-802, 16) 33-91b-818.

²⁸ Ev 90 akçadan kiraya verilmiştir.

ödenmemesi [29, 25-64a-687], kiracının dükkanı sebepsiz terk etmesi [29, 25-9a-94]²⁹, kiralanan dükkanın vaktinde teslim edilmemesi [29, 25-26b-278] ve mal sahibinin dükkanın boşaltılmasını istemesi [30, 33-53b-513]³⁰ gibi sorunlar kaydolunmuştur. Bunun yanında nadiren de olsa kiralama işleminin sicillere yansıdığı görülmektedir [30, 33-38b-367]. Ayrıca dikkat çekici olağanüstü sayıdaki dükkan ve meblağlar da sicile aktarılmıştır [29, 25-5b-45]³¹.

Sicillerde nadiren de olsa “alma” konulan bir mahzen [30, 33-28b-253] ile han kiralama kayıtlarına da rastlanılmaktadır [29, 25-8b-82; 29, 25-8b-86, 30, 33-2a-4]. Mülk kiralamaları yanında bir takım mal ve hayvan kiralandığı ve bunların da sicillere konu olduğu görülmektedir. Bunlar bargir [29, 25-53b-537], öküz [30, 33-99a-656] ve boyacı kazanı [29, 25-32a-330]³² gibi örneklerdir.

1.4. Emek-Hizmet Bedeli

İş hayatındaki emek, hür ve köle emeği olmak üzere ikiye ayrılmaktadır. Hür emek köle emeğine göre daha pahalı olduğundan, köle emeğinin devamını sağlamaya gayret gösterilmiştir. Köle emeği konusunda kalifiye iş gücünün temini ve devamını sağlamak ciddi bir meseledir. Çünkü azad edilme mümkün olduğu sürece, vasıflı köle edinilmesi problem teşkil etmektedir. Bir kölenin azad olabilmesi için sahibinin ölümü yeterli olabildiği gibi, “mükatebe” yolu ile belli bir zaman süresince hizmet veya tespit edilen bir meblağı ödeyerek azad edilmesini sağlayan bir sözleşmenin yerine getirilmesi de yeterli olabilmektedir [25, s. 341]. Genelde mükatebe yolu, azad edilmeye tercih edilen yöntemdir. Buna göre belirlenen bedelin ödenmiş olması azad edilmeyi gerçekleştirmektedir. Bundan sonra elde edilen kazanç ile yeni bir köle satın alınmakta ya da elde edilmektedir [49, s. 291].

Çalışma saatleri basit olarak güneşin doğması ile başlar, batıncaya kadar da devam ederdi. Çalışma koşulları tam olarak bilinmemekle birlikte, yemek verilmesi kuraldı. Normal olarak haftada altı gün çalışılır, nadiren altı günden az ya da yedi gün çalışıldığı da olurdu. Diğer taraftan geçimini emeğiyle temin etmeye çalışan insanların karşılaştıkları sorunlar zaman zaman sicillerde yer almıştır.

²⁹ Bu davada dükkan sahibi, Mehemmed nâm mühtedinin dükkanında kiracı iken şu an ortalıkta olmadığını ifade ederek mahkemeye başvurmuştur. Mahkemeden, dükkanındaki eşyaların emanete verilerek tekrar kiralınmasını istemiştir. Bunun üzerine bütün malların dökümü yapılarak emanete verilmesi uygun görülmüştür.

³⁰ Bu kayıta, Gürhancılar çarşısında bulunan habbaz dükkanının sahibi, senelik 18 esediye kiraladığı dükkanının, bir yıllık süresinin dolmasından dolayı boşaltılması amacıyla mahkemeye başvurmuştur. Bunun üzerine durumu taraflardan dinleyen mahkeme, dükkan sahibinin isteğini haklı görmüştür (1110/1698).

³¹ Sabıka Kaymakam olan Abdalbaki Ağa'nın vekili olan Sultani Ağa, Karasu'da bulunan 20 dükkanı, Avrahim nâm Yahudiye 30 altun ücretle kiralamıştır.

³² 24 vakıyye 300 dirhem ağırlığındaki boyacı kazanını, senesi 2 altundan kiralamış ve senesi tamam olunca hem kirayı hem de kazanın iadesini istemektedir.

İncelediğimiz döneme ait kayıtlar içerisinde; ücret-i zirâat [29, 25-64a-684]³³, yalakçılık [29, 25-5b-49], ırgatlık [31, 47-55b-374], konakçılık [30, 33-27b-237], imamlık [30, 33-10b-73] ve çeşitli üretim ve hizmet sektörlerinde [29, 25-107b-1074; 29, 25-30b-317; 30, 33-92b-833] yapılan emek türleri görülmektedir.

Öte yandan genelde günlük yevmiyenin 15 akça [31, 47-64b-458]³⁴ olduğu ama zaman zaman 10 akçaya kadar düştüğü tespit edilmiştir [30, 33-48a-466]³⁵. Yine hizmetin her zaman nakit değil bazen de mal olarak ödendiği olmuştur. Örneğin Abdullah Monla isminde bir imamın, bir senelik İmamlık hizmeti karşılığı, 50 araba odun ile anlaştığı kayıtlara geçmiştir [30, 33-10b-73]. Yalnız miktar karşılıklı anlaşılabilirlik tespit edildiği gibi bunların dışına çıkılabildiği [29, 25-30b-317; 29, 25-64a-684], ödemelerin bazen günlük bazen aylık bazen de iş bittiğinde yapıldığı anlaşıyor. Bir kayıtta ise, handa çalışan birisinin aylık 200 akçaya çalıştığı görülmektedir. Hatta 24 gün çalıştıktan sonra ayrıldığı için, kendisine 160 akça ücret ödenmiştir [30, 33-3b-19]. Bu durum standart bir rakamdan ziyade, ücretin karşılıklı olarak tespit edildiğini ortaya koymaktadır. Aynı zamanda bir başka belgede de ırgatlık yevmiyesinin 15 akça olduğuna şahit olunmaktadır [31, 47-55b-374]. Gayr-i müslimlerde de benzer sorunların olduğu ve onların da kadı huzurunda çözüm aradıkları birçok sicile kaydolunan örneklerden anlaşılmaktadır [29, 25-30b-317]³⁶.

Ayrıca Osmanlı malî sisteminde olduğu gibi, Kırım'da da emek ve para doğrudan doğruya hiçbir vergilemeye tabi tutulmamıştır. Ama görünür malı olan, ya da devletin malını işletmiş olan herkes, muhakkak karşılığında bir miktar vergi ödemek zorundadır [3, s. 199]. Kayıtlarda emek karşılığı belirlenen ücretlerde, vergi ile ilgili herhangi bir husus belirtilmemiştir. Eğer böyle bir vergi alınıyor olsa idi; iş verenin mi yoksa çalışanın mı bu vergiyi üstlenmesi gerektiği belirlenmiş olurdu. Hatta bu konunun, birçok nizânın oluşmasına

³³ Bu kayıтта ücret-i ziraat miktarının 65 akça olduğu iddia edilmiştir. Buna karşılık çalışan şahıs da 150 akça olduğunu mahkemeye belirtmiştir. Mahkeme iki tarafı dinledikten sonra, ücretin 150 akça olduğuna karar vermiştir.

³⁴ Bu sicilde: “Oldur ki Ahmed nâm kimesne meclis-i şer‘de Mehemed nâm kimesne üzerine da‘vâ idüb iş bu Mehemed’e on beşer akçeye üç gün hıdmet idüb bir günlük 15 akçemi alub 30 akçe ücretim kalmışdır didikde mezbûr Mehemed bir günden ma‘dasına münkîr olub” Cemaziyelahir 1129/ Mayıs 1717.

³⁵ 10 akça günlük yevmiye ile yapılan çalışma sonrası, 19 günlük yevmiyesinin hala ödenmediğinden şikayetçi olan bir kişinin mahkemeye yaptığı başvuruyu içermektedir (1110/1698).

³⁶ Çizmeçi Todor veled-i İstefan, yıllığı 20 guruş ve ayda bir ödeme yapmak kaydıyla, Panayut veled-i İstefan’ı çizme işi için hizmete aldığını ifade ettikten sonra, Panayut’un üç hafta çalışarak işi bıraktığını belirtmiştir. Devamında da ayın tamam olmamasından ötürü, herhangi bir ödeme yapamayacağını aktarmıştır. Ancak mahkeme tarafları dinledikten sonra, Todor’u 6 guruş ödemeye mahkum etmiştir.

neden olduğunu rahatlıkla görebilirdik. Bu tür yansımaların olmamış olması, emek üzerinden verginin alınmadığını göstermektedir.

Sicillerde yer alan 15 akça gibi bir yevmiye miktarının, ne denli bir alım gücüne sahip olduğunu birkaç örnek ile göstermek istersek:

Tablo 23. Bir Gündelik Yevmiye İle Alınabilecek Bazı Gıda ve İhtiyaç Maddeleri Cetveli³⁷

Sıra No	Malın Cinsi	Günlük Yevmiye Karşılığı
1	Ekmek ³⁸	15 adet
2	Mercimek	5 vakıyye
3	Darı	0,25 kile
4	Zeytun	1,5 vakıyye
5	Lahm-ı bakar	3 vakıyye
6	Duhan	0,93 vakıyye
7	Üzüm şırası	3 vakıyye
8	Don yağı	0,93 vakıyye
9	Alma kurusu	3 vakıyye
10	Nohut	2,5 vakıyye
11	Pirinç	1,85 vakıyye

1.5. Meslekler

Karasu Kazası'nda yaşayan insanların üretime olan katkılarını ve meşgul oldukları işleri ortaya koyan birçok veri, sicil kayıtlarında yer almaktadır. İncelediğimiz döneme ait sicillerde, gerek imalat gerekse hizmet ve ticari faaliyetlerde bulunan meslek kolları sınıflandırılarak aktarılmaya çalışılmıştır. Öte taraftan iktisadi hayatın içerisinde dolaylı olarak yer alan vakıflar, ayrı bir başlık altında değerlendirilirken, vakıf idarecileri olan kayyumlara ise bu kısımda yer verilmiştir.

³⁷ Fiyatlar arasında zaman farkı nedeniyle meydana gelebilecek tutarsızlıkları önlemek maksadıyla, seçilen rakamların 25. cilde yani 1095/1683-84 yılına ait olmasına özen gösterilmiştir.

³⁸ Ekmek, sürekli bir akçadan satılırken, ağırlığı 130 dirhem olduğu gibi 370 dirheme kadar da çıkmıştır.

1.5.1. Sanayi ve Diğer İmalat Yapan Meslekler

Karasu Kazası'nın karayolu üzerinde olması, ticari hayatın canlılığını temin etmektedir. Kayıtlardan birçok yabancı tüccarın Karasu'da ticaret yaptığını ve onları intizam altına almak için de merkezden sürekli fermanlar çıkarıldığı görülmektedir. Ayrıca Karasu'da ikâmet eden insanların da başka memleketlerde ticaret yaptıklarına dair kayıtlara rastlanılmaktadır. Ticaretin bu denli gelişmişliği, Karasu'da satılacak malların ihtiyaçtan fazla üretildiği anlamına gelmektedir. Sicillerde yer alan sanayi üretimi yapan meslekleri birbirinden ayırarak incelemeyi uygun gördük.

1.5.1.1. Dokumacılık

Karasu kazasının kültürel yapısının bir neticesi olarak hayvancılığın geniş bir yer tutması, hayvancılığa dayalı sanayi kollarının gelişimini sağlamıştır. İlk olarak gelişen dokuma sanayisi olup, dokuma alanında da başta gelen ürün ise keçeçiliktir [31, 47-84b-611]. Karasu kazası, Bahçesaray ile birlikte en fazla keçe üretiminin yapıldığı yer olarak bilinmektedir. Muhtemelen keçeyi bu denli meşhur eden sebep, yabancı tüccarların mallarını sattıktan sonra ülkelerine götürmek maksadıyla aldıkları ürünlerin başında geliyor olmasıdır. Karasu'da çok sağlam ve doğal boyalarla mükemmel ürünler elde edilmektedir. Bu üretilen keçelerde suzeni ve aplike teknikleri ağırlıklı olarak yer almıştır [4, s. 35].

Yine senenin büyük bir kısmının soğuk olması hemen hemen herkesin kalpak giymesini mecburi hale getirmiştir. Kalpak yapımı özenli bir sanatsal beceri istediğinden, bu işi yapanlar kalpakçı diyerek kayıtlarda yer almıştır [33, 65-9a-42]. Hatta kalpakçı dükkanı gibi sırf bu ürüne ait dükkanlardan da bahsedilmiştir.

Ayrıca Kırım'da dokumacılık alanında en fazla üretimi yapılan çeşitlerin başında; kumaş, kilim, halı ve bir takım giyim eşyaları gelmektedir. Bunlar doğal bitki, hayvan ve minerallerden temin ettikleri boyalarla renklendirilirken, nakkaşlar elinde de bir takım desenlerin işlenmesi ile de mükemmelliğe ulaştırılırdı [33, 65-13a-53]. Nakkaşlar toplumun duygu ve düşüncesini ya da yaşam tarzını aksettiren motifleri eserlerinde maharetle işlerlerdi. Tereke kayıtlarından; kadife, çuha, atlas, keten ve pamuk ipliklerle dokunmuş kumaşlar üzerine altın, gümüş, ipek ve pamuklu ipliklerle işlemeler yapıldığı görülmektedir. Hemen hemen Karasu'da her yaşamış insanın geride bıraktığı terekede, ister Müslim ister gayr-i müslim olsun bu çeşitten çokça işlenmiş esere rastlanılmaktadır.

Bir diğer dokuma türümüz ise, çadır ve kilim imalatıdır. Bu mamüllerin dokunmasında kullanılan ham madde, keçilerden elde edilen kıldır. Kılın kullanılabilir hale getirilebilmesi için kılıcı denilen ustaların elinden geçmesi gerekmektedir [30, 33-53a-504]. Kılıcı ustalarının elinde kıl ip haline getirilerek, çadır ve bir takım kilimler dokunulmaktadır. Kılın yağsı yapısı

ile dayanıklı olması ağırlıklı olarak çadır yapımında kullanımını sağlamıştır. Ayrıca hayvancılık nedeni ile insanların bir kısmının sürekli göç etmek zorunda olduğu düşünülünce, hayvancılık yapanlar için çadırın vazgeçilmez bir eşya olduğu sonucu çıkarılabilir. Yani hemen hemen her ailenin bir çadırı ve birçok kiliminin olması gerekmektedir.

1.5.1.2. Metal işlemeciliği

Metal işleme sanatı türlerinin en başında kuyumculuk gelmektedir. Anadolu’da bu mesleği genelde gayr-i müslimler sürdürürken, Karasu’da müslimlerin de bu işle uğraştıkları kayıtlardan anlaşılmaktadır [33, 33-6b-39]. Kuyumculuk mesleği içerisinde, gümüş işlemeciliği Tatarlar arasında yaygın bir beceri alanıdır. İncelediğimiz kayıtlarda altın ve gümüşten birçok ziynet eşyasının varlığı bu bilgileri doğrulamaktadır. Kuyumcu denildiği gibi zaman zaman sarraf ünvanı da sicillerde yer almaktadır [33, 65-16b-58]. Yine birçok tereke kaydında altın ve gümüşten imal edilmiş çok çeşitli ziynet eşyaları bulunmaktadır.

Demircilik sayesinde kılıç [31, 47-60a-416] ve bıçak ustalarının [32, 65-10a-50] yanı sıra, kincı [32, 65-13a-53] dediğimiz bir meslek de ortaya çıkmıştır. Bunların yanı sıra nal ve çok sayıda demirden yapılmış eşya da sicillerde görülmektedir. Nitekim birçok malzemenin temel maddesi olduğundan dolayı demir ve demir mamülleri ekonominin en önemli ayağını oluşturmaktadır.

Yine Kırım Tatarları’nın sürekli akınlar düzenleyerek savaş ile iç içe olması, savaşta kullanılan silahlara olan ihtiyacı artırmıştır. Bu nedenden ötürü, silahların hem sürekli üretimi hem de gerekli onarımlarının yapılması mecburi bir hal almıştır. Silah üretimi açısından; kılıççı, bıçakçı, kincı mesleklerine bir de tüfekçileri ekleyebiliriz [30, 33-67b-606]. Tüfek yapımı ile meydana gelen arızaları gidermek için tüfek yapım ve tamirinden anlayan ustalar yetişmiştir. Birçok tereke kaydında tüfeğin miras olarak bırakıldığı görülmektedir. Bunların bir çoğu yabancı imalatı olmakla birlikte az da olsa yerli olanları mevcuttur. Ama tamirini muhakkak Kırımlı ustalar yapmaktadır. Teknik anlamda gelişmelerin takip edildiğini bize ispat edebilecek en güzel örnek tüfekçi mesleğinin varlığıdır. XVIII. yüzyılın ilk yarısı itibariyle tüfek imal edilmesi, teknolojik gelişmelerin dışında olunmadığını göstermektedir.

Diğer bir metal işleme mesleği olarak ise, kap-kacak gibi mutfak eşyalarının yapılması yani bakırcılık ya da genel anlamda saraçlık mesleği ve onun imal ettiği ürünler ayrı bir yer tutmaktadır [32, 65-11a-51]. Gerçekten de bakırın diğer metallerden daha uygun işlenmesi ve kullanım alanının çok olması birçok eşyanın bakırdan yapılmasına neden olmuştur. Bakırın biçimlendirilmesinde, döğme, kabartma ve oyma teknikleri ağırlıklı olarak kullanılmıştır. Bakırcılık maden işleme sanatlarının içinde en önemlisidir. Çünkü çeşitli ürünlerin ve tekniklerin kullanılabilmesi, çok sayıda ev eşyasının bakırdan yapılmasını sağlamıştır [4, s.267–268]. Tereke kayıtlarında sahan, tas, tebsi, tencere, ibrik, lenger, kepçe, legen, sini, mangal, mumluk, cezve, güğüm gibi çeşitli eşyalar

görülmektedir. Öte taraftan bakırın çokça kullanılması, zaman zaman metal işleyen meslekler arasında bakırın paylaşımını sorun haline getirmiştir. Örneğin bir kayıtta; Karasu'daki kazancılar mahkemeye gelerek, kalaycı Şaban'dan şikayetçi olmuşlardır. Onlar, kendilerine gelen bakırı Şaban Beşe'nin alarak kârlarına engel olduğunu belirtmişlerdir. Şikayetlerinin devamında, eğer kazancı ise bizim ödediğimiz harcı ödemesi gerekir diyerek alınan altı vakiyye bakırın karşılığı olarak 5 esedi ödenmesi gerektiğini ifade etmişlerdir. Şaban Beşe ise, bakırı eskiden beri aynı şekilde aldığını söylemiş ve hatta devamlı İstanbul'dan getirerek bu güne kadar da hiç harç ödemediğini belirtmiştir. Daha sonra ilave olarak da, eğer harç istenirse gayri ticaret yapacağını beyan etmiştir [29, 25-54b-545]. Şüphesiz bu davadaki durum, hem maliyet artışının kaynağını ortaya koymaktadır, hem de mesleki işbirliğini tüm açıklığıyla gözler önüne sermektedir. Bir başka açıdan da, bakıra olan ihtiyacın ne denli büyük olduğunu göstermektedir.

Bunlara ilave olarak kazancılığın geliştiği, kazancı ustalarından bahseden kayıtlardan anlaşılmaktadır [32, 65-14b-58]. Hemen hemen birçok tereke kaydında kazan yer almaktadır. Kazan yiyeceklerin pişirildiği, boya, çamaşır gibi maddelerin konulduğu en önemli eşyalardan birisidir. Birbirini tamamlamaları hasebiyle kazan ustalığının yanı sıra kalaycılığın da özel bir meslek olduğu görülmektedir [29, 25-54b-545]. Kalay ustaları, kazanların yanı sıra birçok bakır mutfak eşyasını kalaylamaktadır.

1.5.1.3. Deri ve deri işlemeciliği

Kırım Tatar ahalisi arasında dericilik ve deri işleme mesleği en yaygın işlerden birisidir [47, s. 49-50]. Kırım'da hayvancılığın ağırlıklı bir ekonomi şekli olduğu düşünüldüğünde, buna paralel olarak dericilik mesleği de gelişmiştir. Deri, giyimin, hayvan koşumlarının ve bir takım eşyanın, hatta haffaflığın [31, 47-85b-622] ham maddesi olması sebebiyle çok önemlidir. Nitekim derinin kullanılabilir hale getirilmesi için birçok aşamadan geçmesi gerektiği için bu meslek erbâbının yetişmesi güçtür. Bundan dolayı Debbağlık [30, 33-31b-287] zor bir meslek olarak herkesin yapabileceği bir iş değildir. Kırım ve diğer birçok yerlerde bu imalatın gelişmiş olduğu görülmektedir. Çünkü insanların hayatında hayvancılık büyük bir yere sahiptir. Ayrıca kavafılık veya haffaflık gibi meslek kolları deriye dayalı olarak gelişmektedir.

Yine dericiliğe ilave olarak kürkçülük bir diğer önemli meslektir. İklimin soğuk olmasından dolayı hemen hemen birçok terekede bulunan giyim eşyası arasında kürkün bulunduğu görülmektedir. Tereke dökümlerinde geçen kürkler; kurt, kedi, tilki, tavşan ve sincap türü hayvanlar belirtilerek kaydedilmiştir. Bundan dolayı tüm bu hayvanların kürklerini işlemek ve giyim eşyası haline getirmek bu mesleği icra edenlerin işidir.

1.5.2. Diğer meslek grupları

Bu gruba giren mesleklerin en başında terzilik gelmektedir [31, 47-41a-273]. Terzilerin işleri arasında, çeşitli giyim eşyalarının yapımı veya giysilerde meydana gelen zararların onarılması gibi işler yer almaktadır. Her insanın öyle veya böyle ihtiyacı olan giyim eşyalarının yapımı, birçok insanın bu mesleği seçmesinde etkili olmuştur. Öyle ki Baron De Tott'un Kırım seyahati esnasında karşılaştığı bir manzara oldukça dikkat çekicidir. Gözlemlerinde ölmüş bir atın derisi soyulur soyulmaz hemen on sekiz yaşlarındaki bir gencin omuzlarına konduğunu belirtmiştir. Hemen ardından da terzilik yapan bir kadının, büyük bir beceri ile dikilecek elbisenin sırtını keserek, yaka oyuğunu açtığını ve omuz başlarını da yaptığını aktarmıştır. Daha sonra iki saat gibi bir kısa süre içinde hem de deri henüz ıslak iken, çömelen gencin elbisesinin diğer parçaları da dikilerek tabaklanmaya gönderildiğini ifade etmiştir [6, s. 150]. Örnekte de görüldüğü üzere Kırımlı terzilerin çok maharetli oldukları gözler önüne serilmiştir.

Yine yük hayvanlarında kullanılan eğrerin yapımı da kendine has bir meslektir [31, 47-84a-610]. Bununla beraber sayabileceğimiz hayvanların koşum takımları hem bu mesleğin hem de dericilerin ilgi alanlarına girmektedir. Her ailenin ya da yaşayan hemen hemen her yetişkinin bir atı olduğu düşünüldüğünde, ihtiyacın büyüklüğü gözler önüne gelmektedir.

Çeşitli eşyalara ya da aletlere sab yapan, sabcı [32, 65-13a-53] diye anılan meslek grubu da bir diğer iş koludur. Bilhassa bıçak- kılıç gibi kesici aletlere sab yapılmaktadır. Yine yapılan sabların işlenmesi de ayrı bir maharet istemektedir. Birçok değerli maden veya taş kullanılarak kıymetli ürünler ortaya çıkarılmaktadır. Bilhassa sedefli olarak yapılanları en meşhurlarıdır.

Ayrıca yük ya da insan taşımının temel vasıtası olan arabaların yapımı ise arabacı ustaları sayesinde olmaktadır [32, 65-15a-55]. Göçebe bir yaşamı benimsemiş insanlar ile her türlü ticari işle meşgul olanların araba ihtiyacı düşünüldüğünde, hemen hemen herkesin bir arabası olmak zorundadır. Araba yapımının yanı sıra zamanla doğabilecek arızaların giderilmesi de en çok mesleğin uğraşları arasında yer almaktadır.

Öte yandan aydınlanmanın temel maddesi olan mumun üretimini yapan mumcular ayrı bir meslek kolunu oluşturmaktadır [31, 47-66a-475]. Günlük ve herkesin tüketmek zorunda olduğu bir madde olarak, çok fazla tüketildiğinden dolayı yapımı bir hayli fazladır.

Tereke kayıtlarında çok fazla kitap sahibi olan kimseye rastlanmamış değildir. Çok az bir kitabın varlığı tespit edilmesine karşılık, mücellidlik mesleğinin de icra edildiği sicillerden anlaşılmaktadır [31, 47-22a-139].

Bir diğer meslek grubumuz da keresteciliktir [30, 33-75b-679]. Ev, bina yapımında kullanılan kerestenin yapımını keresteciler üstlenmiştir. Kereste elde etmede kullandıkları araç-gereçler konusunda pek fazla bilgi sahibi değiliz. Ancak kereste elde ediliyor olunması teknik anlamda önemli bir gelişmenin

göstergesidir. Kerestecilerin hammaddeyi nereden getirdikleri ve hangi ağaçları kullandıklarına dair de bir kayıt elimizde bulunmamaktadır. Fakat doğrama gibi işlerle de uğraşıldığı görülmektedir. Doğrama olarak neler yapıldığını tahmin etmekle birlikte, ayrıntısına sahip değiliz. Bunlara ilave olarak doğramanın bir parçası olması hasebiyle, çilingircilik mesleği de kayıtlarda yer almıştır [6, s. 161]. Anahtar imalatı ve montajı bu mesleği yapanların işleri arasında yer almaktadır.

Gıda ve temizlik ürünlerine müteallik meslekler de imalat yapımları nedeniyle bu grupta yer almaktadır. Örneğin, yemek, salata ve yiyecek yapımında kullanılan sirke, bakkal emtiası olarak satılmaktadır [31, 47-63b-448]. Karasu'da meyhane sayısının çokluğu düşünüldüğünde şarap üretiminin olduğunu söyleyebiliriz. Aynı şekilde boza üretimi ve tüketiminin de çok olduğunu bozahane sayısının fazlalığından dolayı düşünebiliriz. Yine temizlik ürünü olarak sabun ve sabunculuk mesleği de kayıtlarımızda yer almaktadır [31, 47-60a-414]. Üstelik sicillerde birçok çeşit sabundan bahsedildiği görülmektedir.

1.5.3. Hizmet Sektöründe Yer Alan Meslekler

Hayvancılık, kaza halkı için temel geçim kaynaklarından biri olduğundan dolayı hayvan yetiştirilmesi, hayvanların bakımı ve ihtiyaçlarının giderilmesi çok yaygın bir uğraştır. En başta hayvanların bakımından sorumlu olan çobanlara ihtiyaç vardır. Yaz-kış demeden yılın her günü hayvanların bakıma ihtiyaç duyması bu mesleği zorlaştırmıştır. Tamamıyla hayatını hayvanlarla geçiren kimselerle çobanlık mesleği birbirleriyle özdeşleşmiştir. Diğer yandan hayvanlarla alakalı olarak nalbantlık da özel bir meslektir. İnsan ve yük taşımacılığının vazgeçilmezleri olan at, katır ve eşek için olması gereken önemli bir meslektir. Gerek tek olarak gerekse çeki gücü olarak araba vasıtasının kullanımı önemlidir. Tüm bu hayvanların başlıca kullanımının verimli olabilmesi için nallanması gerekmektedir. Nal hem bir demir işçiliği gerektirmekte hem de ata nalın çakılmasında beceri sahibi olmayı mecburi kılmaktadır. Atın ayağındaki tırnağın düzeltilmesi, fazlalıklarının yontularak hayvana acı vermeden alınması ustalığın beceri gerektiren hususlarıdır. Sicil kayıtlarında alınıp-satılan hayvan çeşidi olarak en fazla karşımıza at çıkmaktadır. Bu nedenden ötürü atın fazlalığı ile nalbantların sayıca çok olması doğru orantılı bir saptama olarak karşımıza çıkmaktadır [29, 25-10b-105; 29, 25-11b-120; 29, 25-10a-104].

Yine sicillerde, meyhane ve kahvehanelerin çok olduğuna dair çeşitli hüküm örnekleri mevcuttur. Meyhane işletmeciliği ve meyhane müşterisi olmak gayr-i müslimlere has olduğu, İslâm hukuku içinde ifade olunmuşsa da, Müslimlere ait örnekleri de sicillerde görülmektedir. Bilhassa sarhoşluk sonrası boşanma ve kavga olaylarındaki fazlalık, içki içmenin toplumsal boyutta ele alınacak bir durum olduğu gerçeğini ortaya koymaktadır. Bütün bunlara binaen insanları bir araya getirme, sosyalleşmeye olan katkı açısından değerlendirildiğinde, meyhane ve kahvehanelerin yeri çok farklıdır. Kahvehane adından da anlaşılacağı üzere

kahve içilip, sohbet edilen mekanın adıdır³⁹. Gerek meyhane işletmecisi olan meyhaneci, gerekse kahvehane işletmecisi olan kahveci, insanlara evinin dışında hizmet eden ve bunun karşılığında da geçimini sağlayan ticarethane sahipleridir. Sattıkları ürünlerin üretilmesi konusu tamamıyla kendilerinin dışında olup, başka insanların uğraş alanlarıdır. Yani gerek şarap gerekse de kahve üretimi farklı insanların meslekleridir. O yüzden burada bahsi geçen meyhaneci ve kahvehaneci esnafı tamamıyla hizmet veren insanlardır [29, 25-36b-372]⁴⁰.

Ayrıca insanların barınma, yeme-içme ve sahip olduğu hayvanların bakımını yapabildikleri hanlar, bilhassa ticaret erbâbına önemli hizmetler vermektedir. Han işletmecisi olan kimseye Hancı denilmektedir. Hanlar tüm bu barınma ihtiyaçlarını giderdikleri gibi, insanların birbirleri ile kaynaşmalarına da katkı sağlamaktadır. Hanların yanı sıra ilave olarak yıkanma ve temizlenme ihtiyacının giderildiği hamamları da saymamız gerekmektedir. Hamamcı, sahibi olduğu hamam sayesinde hem kaza ahalisine hem de dışarıdan gelenlere bu imkanı vererek önemli bir hizmet üretmektedir. Hamam suyunun yeter derece sıcak olması ile kese yapılması gibi hizmetler geleneksel anlamda önemli bir yere sahiptir. Nitekim hamamlarda suyun ısıtılması için, hamam ocağının yakılması işini bir kişi üstlenmiştir. Bu işi yapan hamam ocakçısına “Gülhancı” denilmektedir [29, 25-111b-1123].

Yine sicillerde “Kantarcı” lakaplı insanlardan bahsedilmektedir. Ancak kantarcının ve kantarın vasfı ile ne tartıldığı konusunda ayrıntıya sahip olabileceğimiz bilgilere havi hükümlere rastlanılmamıştır. Lakin miktarı büyük olan metaların tartılması için kantarcının yardımına gereksinim duyulmaktadır. Aynı zamanda çok olan yüklerin taşımacılığını yapanlara da hammal denilmektedir. İnsan emeğinin günlük karşılığı 10 ila 15 akça olduğuna dair kayıtlar var ise de, hammal için ne kadar yevmiye ödendiği belirtilmemiştir.

Bütün bunlara ilave olarak hallâk veyahut berberlik mesleği, emek ve ustalık isteyen, maharet gerektiren bir iş olduğundan, sürekli ihtiyaç duyulan bir hizmet kolu olmuştur. Berberlik belli bir takım eğitim ve tecrübeler sayesinde öğrenilerek ifa edilen bir meslektir. Gerek çıraklık, gerekse kalfalık ve ustalık şeklindeki gelişim, zaman ve tecrübe isteyen bir süreçtir. Unutulmamalı ki, her insanın belli sürelerle saçını ve sakalını kestirmek zorunda olması, mesleğin önemi ile kârlılığını artırmaktadır.

³⁹ Charles Henry Scott 1850 yılların başında, minderlerle kaplı bir çok kahvehanenin bulunduğunu ifade etmektedir. Ayrıca kahvehanede Tatarlar ile Ermenilerin bir arada oturup bolca sigara içtiklerinden bahsetmektedir.

⁴⁰ Meyhanede içtikleri içkinin parasını vermedikleri gibi, üstüne meyhaneciyi de dövdüklerinden dolayı mahkemelik olan iki kişinin durumu mahkemeye taşınmıştır. Yine 25-4b-32’de, içki içenlerin etrafa verdikleri zarar ile meyhaneciye ettikleri küfür, şikayet üzerine mahkemeye yansımıştır. Her iki davada da görüldüğü üzere, meyhanecilik meşakkatli bir meslek olarak belgelere geçmiştir. Ayrıca 25-74a-790 ve 33-99b-893 numaralı sicil kayıtlarında da kahvehaneden söz edilmektedir. Diğer yandan kahvenin Osmanlı ülkesine geniş serüveni ile kahvehanelerin gelişimi için bkz. [38, s. 59–62].

Ayrıca, herhangi bir duyuruyu yapan kimseye “Dellal” adı verilmektedir. Dellal istenilen duyuruyu halka duyurmakla görevli olup, bunun karşılığında da belli bir miktar dellaliye ücreti almaktadır. Bilhassa tereke kayıtlarında, ayrılan giderler arasında dellaliye ücreti zaman zaman yer almaktadır. Mirasın büyüklüğüne göre örneğin bir terekede 140 sim [29, 25-21a-221] ayrılırken, bir başka kayıtta da 165 sim verilmiştir [29, 25-21a-221].

Bir diğer meslek “Kayyumluk” ise, müteveli ya da cami hademesi karşılığına gelen bir meslektir [17, s. 598]. Camilerin bakım ve temizliğinin yapılması kayyumun sorumluluğundadır. Hatta caminin ihtiyaçları ve zaman zaman gereken tamiri, onlar tarafından tespit edilir ve diğer cami görevlilerince temini sağlanır. Yine her çeşit hizmet ve amaç için kurulmuş vakıfların işletilmesinin sorumlusudurlar. Belgelerde kayyumun en fazla uğraş verdiği faaliyet olarak vakıf işletmek olduğu görülmektedir.

En son olarak sağlık hizmeti ifa eden cerrahlık mesleği karşımıza çıkmaktadır. Yaralama ve darb benzeri olayları içeren davalarda, yaralanan tarafın zararının tazmin edilmesi, tam olarak ifade edildiği gibi “cerrah akçası” mutlaka yer almaktadır. Yaralanan kimse yarasının tedavisi için bir cerrahı yardım almak zorundadır. Bu tedavi ve sonrasındaki bakımın bedeli olarak da yapan kişiye yani cerraha belli bir miktar ödeme yapılmaktadır. Cerrah ücreti yaranın durumuna ve sayısının çokluğuna göre değişmektedir. Elimizdeki bazı kayıtlarda; sol omzundan bıçakla yaralanmış birisinin tedavi ücretinin 15 guruş olduğu görülmektedir [32, 65-30b-142]⁴¹. Yine bir başka kayıtta ise, üç yerinden bıçakla yaralanmış bir şahsın cerrah akçası olarak 400 akça belirlenmiştir [31, 47-10b-78]. Görüldüğü üzere belirlenen rakamlar oldukça büyük değer ifade eden tutarlardır.

1.5.4. Çeşitli Esnaf ve Ticaret Erbâbı

İnsanların et ihtiyacını karşılama görevini üstlenen kasaplar, ilk dikkatimizi çeken esnaf koludur [30, 33-10b-71]. Kırım'ın coğrafi konumu ve insanların yaşam tarzı, hayvancılık üzerine yoğunlaştığından dolayı, et ve et ürünleri sıklıkla tüketilen bir gıda maddesi olmasını sağlamıştır. Sicillere yansıyan et narhlarında, sığır ve koyun eti fiyatları görülmektedir. Nadiren kuyruk yağının eklendiği kayıtlar da görülmektedir. Bu narh belgeleri, kasapların sattıkları ürünleri bilmemiz açısından önemlidir. Yine kayıtlarda, şuhudü'l-hâl kısmında yer alan kasap ünvanlı kişilerin bulunması da, toplumsal statülerini gösteren ayrı bir husustur. Kasaplarda saydığımız ürünlerin haricinde satışa konu olan başkaca bir ürüne rastlamış değiliz. Yani bir deve eti, keçi eti veya kavurma gibi et mamülleri ile ilgili ayrıntılı bilgi bulunmamaktadır.

Bir diğer esnaf grubunu da bakkallar oluşturmaktadır. Nitekim elimizde bakkal mesleği ünvanı geçen birçok belge bulunmaktadır [30, 33-9b-62].

⁴¹ Burada bir guruşun 100 akça olması hasebiyle toplamda 1500 akça cerrah akçası ödenmiştir.

Yine kayıtlara yansımış olan bakkal narhları vardır [29, 25-4b-30; 29, 25-6a-54; 29, 25-9b-102]. Bakkal metası diye adlandırdığımız ürün yelpazesine göz attığımızda, birçok ürünün, satışa konu olduğu görülmektedir. Genelde uzun süre dayanabilecek ürünlerin tercih edildiği dikkat çekicidir. İncelediğimiz döneme ait bakkal narhı olarak karşımıza dört adet kayıt çıkmaktadır. Bunlar 1094 yılına ait bir 1095 yılına da ait iki ve Cemaziyelahir 1156/Haziran 1743 senesine ait bir adet kayıttan ibarettir. Bakkal ürünlerinin çeşitleri elimizdeki kayıtlara göre 42 adettir. Bunların alış fiyatlarına dair elimizde herhangi bir bilgi bulunmadığından dolayı, doğal olarak bakkalların ne oranda kar ettiklerini söyleyememiz mümkün olamamaktadır. Ama ihtiyaç maddesi olduğundan ötürü sürümü çok olan bir esnaf koludur.

Ayrıca Karasu'da hizmet veren esnaflardan bir diğerini de habbazlar oluşturmaktadır[30, 33-12b-89]. Ekmek günlük ve sık tüketilen bir gıda türü olduğundan dolayı üretimi çoktur. Buna karşılık ekmek yapımı ve pişirilmesi yetenek isteyen bir meslektir. Ekmek fiyatları ile ilgili çıkarılan narhlarda, gerekçelerine ve memleketin durumuna baktığımızda ilgi çekici hususlar göze çarpmaktadır. Genelde 1683-1684 yıllarına ait kayıtlarda sık sık ekmek fiyatlarının değiştiği görülmektedir. Şüphesiz bu tarih, II. Viyana kuşatması ve hemen sonrasına isabet etmektedir. Yani Osmanlı ordusunun gerek ihtiyacının çokluğu gerekse ülkenin içine düştüğü yenilgi sonrası sıkıntılar bunun en temel nedenlerini oluşturmaktadır. Zaten habbazlar kadı huzuruna geldiğinde, buğday fiyatlarındaki artışları gerekçe göstermişlerdir. Onların haklılığını öğrenen kadı ise, kaza halkını da mağdur etmeden fiyat artışını hep onaylamıştır. Bu durum fırıncıların piyasa koşullarına karşı kendilerini korumada ne denli zorluk çektiklerinin göstergesidir. Anlık piyasa kırılğanlıkları doğrudan onlara maliyet artışı şeklinde yansımaktadır⁴².

Fırıncıların haricinde unlu mamül üreten, çörekçi esnafı da bulunmaktadır [30, 33-59a-572]. Onların ekmekten ayrı narh talep ederek, fiyatlarını bağımsız olarak belirlemeye çalıştıkları görülmektedir. Ekmek fiyatı tespit edilirken, içinde nelerin olabileceği belirtilmezken, çörek için bu durum farklıdır. Yani un ve una katılacak yağ miktarının oranı özenle kaydedilmektedir. Şüphesiz bu elde edilecek ürünün kalitesi ile ilgili bir durumdur. Sicillerde zaman zaman kişi adları ile birlikte çörekçi mesleğinin sıfat olarak kullanıldığı da görülmektedir.

Sicil kayıtlarında sıkça bahsedilen uğraşlardan birisi de attarlıktır [30, 33-38b-367]. Attar her türlü baharat ve bitkisel ürünü satan kimseye denilmektedir.

⁴² Ekmek fiyatları kısmında da belirtildiği üzere, 7 Şevval 1094/29 Kasım 1683 ve 22 Zilkade 1095/1 Ekim 1684 tarihleri arasında, buğdayın kile fiyatındaki değişimler nedeniyle ekmeğin fiyatları da yeniden belirlenmek zorunda kalmıştır. Buğdayın kilesi 60 ile 160 akça arasında dokuz kez değişmiştir. Bu nedenle kadı huzura gelen ekmekçilerin, fiyat isteklerinin temelinde bu anlık değişimler vardır. Sıkıntının temel kaynağını, girdilerdeki artışı anında yansıtamamanın sonucu meydana gelebilecek zarar etme riski oluşturmaktadır.

Attarlar, o günün tıbbi iyileştirme ürün ve karışımlarını bilen ve satan esnaftır. Bu açıdan toplumun sağlığı bir anlamda onlara emanettir. Alternatif tıbbın ürünlerini, şifa dağıtılabilecek şekilde hazırlamak bilgi ve tecrübe istemektedir. Nitekim kayıtlarda eğitim olarak böyle bir çabanın olduğuna dair elimizde herhangi bir bilgi bulunmamaktadır. Ancak gerek tecrübe, gerekse usta-çıraklık yöntemi ile attar olunabileceğini söylemekle hata etmiş sayılmayız. Ayrıca tıbbi hizmetlerin yanında gıdalarda kullanılan çeşitli baharatlar, onların sattıkları ürünlerin diğer kısmını oluşturmaktadır. Nitekim bakkal narh listesinde baharat ürünlerinin olmaması da bunu doğrulamaktadır. Aynı zamanda attar dükkanında satılan ürünlere dair de, elimizde herhangi bir narh kaydı bulunmamaktadır.

Yine kayıtlarımızda yer alan bir meslek olarak mezeci, nadiren de olsa karşımıza çıkmaktadır [32, 65-10a-50]. Meze ile ilgili herhangi bir narh kaydı bulunmamaktadır. Ayrıca meze olarak ne imal edildiğine dair de bir bilgi yer almamıştır. Bir ihtimal meyhanelerin çokluğu bu tür bir mesleğin çıkmasının nedeni olabilir. Çünkü mezeciler içki içen insanlara, içkileri ile birlikte tüketmeleri maksadıyla bir şeyler hazırlamış olabilirler.

Bir başka meslek erbâbı olarak Kırım Tatarlarına has bir yiyecek türü olan talkanı hazırlayıp satanları ifade eden “Talkancı” esnafı görülmektedir [32, 65-11a-51]. Talkan, savaş hazırlığı maksadı ile yapıldığı gibi, uzun yola çıkacakların da yanlarına aldığı bir temel besindir. Talkan, darı unu ve at yüreği yağından yapılmış bir çeşit hamurdur [2, s. 11]. Bu besin maddesini yapmak beceri isteyen, ustalık gerektiren bir maharettir. Yalnız incelediğimiz kayıtlarda talkana ait bir narh belgesine rastlanılmamıştır. Bu durum çokça ve sürekli satılan bir ürün olmadığından veya buğdayda olduğu gibi, darı piyasasındaki fiyatların sürekli değişmediğinden kaynaklanmış olabilir. Sefere çıkan her asker, talkan ile birlikte kısrağ sütünden yapılmış kımız ve peyniri muhakkak yanına kumanya olarak almaktadır. Hatta kurutulmuş yoğurt da götürülerek su ile karıştırılır ve katık yapılırdı. Yine Baron De Tott Kırım seyahati esnasında benzer bir yemek ile karşılaştığını anlatmaktadır. Onun gezi notlarında, yemeğin, kısrağ sütü dolu bir kaba, kızarmış darı unu ve bir kaç yumurta büyüklüğünde topak beyaz peynir atılarak yapıldığı kaydedilmiştir [6, s. 146-147]⁴³.

Esnaf ve ticaret erbâbı içerisinde en son olarak, her türlü malı alıp-satan “tüccar” grubu karşımıza çıkmaktadır [31, 47-60a-414]. Kayıtlarımızda yerli ve yabancı, Müslim ve gayr-i müslim olmak üzere birçok tasnife sığdırabileceğimiz tüccar bulunmaktadır. Satışa konu olan mallar arasında, tekstil ürünleri, giyim

⁴³ “Aşçı tencerenin dörtte üçünü su ile doldurdu; üzerine 200 gram kadar kızarmış darı unu ilave etti; tencereyi ateşin üzerine sürdü, yelek cebinden bir kaşık çıkardı, yeminde sildi, tencerenin hep bir yanından karıştırmaya başladı. Sıvı kaynamaya başlayınca, peynir topaklarından birini aldı, küçük parçalara ayırdı, tencerenin içine attı ve yine aynı yönde karıştırmaya başladı. Bulamaç kabarmaya başladı, o durmadan karıştırmaya devam ediyordu, sonuna doğru karıştırmayı hızlandırdı, nihayet mayasız ekmek kıvamına gelince kaşığı çekti, cebine soktu, tencereyi eline boşalttı.”

eşyaları, metal ürünleri, sanayi ürünleri, meyve ve bahçe mahsülü, şarap, tütün, hayvan ve pamuk gibi pek çok çeşidi kapsayacak ürünler bulunmaktadır.

Ezcümle tüccarların mali yapısını iyileştirmek ve ticari hayatın sağlıklı işlemesini temin amacıyla Kırım hanları, sürekli yayınladıkları fermanlar ile ticareti düzenlemeye çabalamışlardır. Genelde fermanların amacı, yabancı tüccarın iç ticarete müdahalede bulunmasını engellemek, buna karşılık ise yerli tüccarı korumak için yapılmış çalışmalardan oluşmaktadır. Somut olarak uygulama ve elde edilen sonuçlar hakkında kayıtlar bulunmamaktadır. Ancak gönderilen fermanların sürekli ve belli aralıklarla tekrarlanması bu duruma verdikleri ehemmiyetin bir göstergesidir. Yerli tüccarlar, Karasu içinde alış-veriş yaptıkları gibi başka memleketlere de gitmektedirler. Kırım'ın tüm vilayetlerine ilave olarak, Anadolu'nun bir kısım vilayetleri ile; Çerkes, Nogay, Akkerman ve Leh memleketleri gibi yerlere kadar ticaret amacıyla gittiklerine dair elimizde birçok hüküm bulunmaktadır [29, 25-35a-358].

1.6. Ticaret

Karasu kazası, bulunduğu coğrafi konumu nedeniyle canlı bir ticarete sahip bulunmaktadır. Elimizdeki kayıtlarda gerek yabancı tüccarlara dair, gerekse kurulan ticari ortaklıklar sonrası görülen davalarda sınır ötesi ticaretin geliştiği anlaşılmaktadır.

1.6.1. Ticari güzergâh

Karadeniz ticaretinin ve evvelden beri İpekyolu vasıtasıyla süren ticari hayatın en önemli iki merkezi Kefe ve Azak limanlarıdır [26, s. 212-213; 41, s. 509]⁴⁴. Her iki liman vasıtası ile İran, Hazar Denizi'nin kuzeyi ve Anadolu tarafı, oradan da İstanbul vasıtası ile Avrupa arasında ticari bağlantılar kurulmaktadır [38, s. 149]. Kefe ve Azak limanları her bir malın buralarda toplanarak, tekrar buradan gideceği doğu-batı istikametlerine doğru dağıtıldığı ana merkez durumundadırlar [47, s. 51-52]⁴⁵. Doğudan Kefe'ye gelen malların, Azak limanına karadan gitmesi durumunda kullanılacak yol, Karasu kazası üzerinden geçmektedir. Kefe'ye gelmesi gerekenler için kullanılan yol ise yine aynı istikamettir. Bilhassa İran ve uzak doğudan Kefe'ye gelen malların, Kırım illerine dağıtılmasında Karasu ilk uğranılması gereken merkezdir. Nitekim Karasu'daki ekonomik faaliyetlere oransal açıdan baktığımızda, ticaretin en büyük paya sahip olduğunu söyleyebiliriz. Ticaretin arkasından esnaf ve kolları, hayvancılık, tarım ve savaş ganimetleri gelmektedir.

Ayrıca Mısır ve Suriye'de Memlükler zamanından beri canlı bir kürk,

⁴⁴ Bursa ile Kefe, Akkirman arasındaki yünl, pamuklu, ipek ve baharat ticareti aktarılmaktadır.

⁴⁵ Kırım tüccarlarının gittikleri merkezleri kaydetmiştir. Buna göre; Büyük Nogay Ordası, Astarhan, Hacitarhan, Moskova, Riyazan, Yüryev, Kazan, Kiyef, Tebriz, Azyama, Misün, Şam, Roma ve Litvanya topraklarına uğranıldığı belirtilmiştir.

cariye ve köle ticareti bulunmaktadır. Osmanlı Devleti, Kırım ile Memlûkler arasındaki bu ticaretten gayet iyi pay almaktaydı. Ancak daha sonraki dönemlerde Mısır ve Suriye'nin Osmanlı toprağı olması, ticari potansiyelin bir miktar düşmesine neden olmuştur. Buna karşılık Tokat-Amasya-Ankara yayının içinde kalan yerleşim yerlerinin parlak bir gelişmişliğe sahip olmaları, Kırım şehirlerine kadar yansımaktadır. Her türlü münasebetin Kırım ile bu şehirler arasında sağlanarak, sürekli gidiş-gelişlerin olduğu görülmektedir [3]. Nitekim Karasu Kazası'nın nüfus yapısını tahlil ettiğimizde, Amasya, Çorum, Tokat hatta Kastamonu ve Safronboru gibi yerleşim yerlerinden göç edenlerin gerek istihdam, gerekse iktisadi anlamda kalkınmaya etkileri olduğunu söyleyebiliriz. Alış-verişe konu olan bazı mallar vasıtası ile bu bağlantı çok rahat ortaya konulabilmektedir.

Diğer yandan yerli tüccarın tercih ettiği işlerin başında, Nogay bölgesine mal götürerek satmak gelmektedir. İşlenmiş mallara karşılık esir, hayvan ve hayvan ürünleri alınmaktadır [29, 25-108a-1082]. Ayrıca Çerkes [29, 25-40b-411; 30, 33-37b-357] ve Abaza [30, 33-96b-869] topraklarına sıklıkla gidildiği kayıtlarda görülmektedir. Tüm bunlara ilave olarak Soğdak ile de canlı bir alış-verişin olduğu kayıtlardan anlaşılmaktadır [32, 65-1a-4]. Aynı zamanda Erzurum'a geçildiğini, oradan da Haleb'e kadar varıldığını bilmekteyiz. Tokat gibi dokumanın geliştiğı yerlere götürülen mallar da, buralardaki esvâb meta ile değiş-tokuş edilmektedir [29, 25-32a-332].

Yine Moskov, Akkerman, Kavşan ve Leh'e uzanan bir güzergâh da ticari olarak kullanılmıştır [29, 25-35a-358]. Yabancı tüccarların ise Karasu'ya gelirken toplandıkları merkez ise, Trabzon'dur [29, 25-121b-1235]. Bir depo hüviyetinde olan Trabzon'daki mallar, buradan denizyolu ile Kırım sahillerine nakledilmektedir. Kırım ve Karasu kazasına gelen tüccarların genelde Acem olması, Trabzon'a, ulaşan malların menşei konusunda bize yeterince bilgi vermektedir. Ancak bazı kayıtlarda Acem tüccarının Anadolu içlerinden de mal alıp geldiğine şahit olunmaktadır[29, 25-7b-73]⁴⁶. Acem'den karayolu ile çıkan mallar, Trabzon'a oradan da denizyoluyla Kırım limanlarına uğramaktadır. Karasu'ya gelen tüccarların arasında çoğunluğu Acem'ler oluştururken, onlardan sonra Ermeni ve Yahudi tüccarların geldiğı görülmektedir [30, 33-87b-783]. Tüm bu tüccar kabilelerinin Karasu Kazası dışına, Kefe, Gözlevi, Balıklağı ve oradan da Kırım içlerindeki diğer şehirlere de gittikleri kayıtlardan öğrenilmektedir [29, 25-7a-59].

1.6.2. Ticari sınırlamalar

Kırım Hanlığı, sınırları içerisinde faaliyet gösteren tüccar ve yerli esnafın korunmasına büyük özen göstermiştir. Dış ticari münasebetlerin gelişmesini bir taraftan temin etmeye çalışırken, bir taraftan da içerideki ticari hayatın olumsuz

⁴⁶ Acem tüccarına dair yazılan fermana, Anadolu ve Tokat yakasından getirdikleri malları İskele Emin Gümrüğü'ne uğradıktan sonra satmaları buyuruluyor.

etkilenmemesine gayret göstermiştir. Bütün bu hassas ve öncelikli gördükleri hususları aşabilmek maksadıyla, bir takım düzenlemeler yapmışlardır. Bu amaçla sicillerde, ticari konular içinde sıklıkla yabancı tüccarlara getirilen sınırlandırmalara şahit olunmaktadır. Müdahalenin hareket noktası, yerli tüccar ve üreticiyi korumak olduğu, net bir ifade ile hanlık merkezinden gönderilen birçok ferman ve yarlıg vasıtasıyla öğrenilmektedir [29, 25-7b-72]⁴⁷.

Acem'den esvâb ve bez satmak için gelen Acem tüccarların, öncelikle ticaret yapabilmeleri için izin almaları gerekmektedir. İzin için sultan hazretlerinden, Karasu zabıtasına hitaben yazılmış bir yarlığa ihtiyaç vardır. Şüphesiz sultan hazretlerine ulaşmada, uğranılıp onay alınacak ilk makam ise Kalgay Sultan kapısıdır. Tüm bu işler tamamlandıktan ve verilen izin çerçevesi çizildikten sonra ancak ticaret yapabilirlerdi [29, 25-52a-521]. Kısaca her dileyen istediği gibi ticaret yapmak maksadıyla hareket edemezdi.

Incelediğimiz hükümlerden anladığımız kadarıyla, zaman zaman izne rağmen yabancı tüccara müdahale edildiğine de şahit olunmaktadır. Özetle bir Acem tüccarına verilen izin fermanında; Karasu'da bulunan Mehemmed Mirza kulumuzun hanında sakın olan Acem zımmîlere, bez, yazma ve bükme sattırılmadığı vurgulanmıştır. Acem tüccarlar ise, bu müdahale nedeniyle mallarını başka yere nakledeceklerini belirtmişler. Bunun üzerine han, "emr-i şerifim ile mahalleye çıkmadan zıkr olunan eşyaları oldukları yerde satmalarına izin vermiştim. Bu durumda gerek emin gerekse de zabıta hiçbir ferde dokunmayalar" diye buyurmuştur [29, 25-9a-90]. Burada dikkat çekici önemli bir husus bulunmaktadır. Yani Acem tüccarının başka bir yere gitme ihtimalinin belirmesinin yaratacağı olumsuzluktan da çekinilmektedir. Kısaca Han, Acem tüccarının ticaret yapmasını memleket ekonomisi için faydalı görmektedir.

Yine başka bir fermana da, Acem zımmîlerin bulundukları yerde mal satmalarına izin verildiği vurgulanmıştır [29, 25-7b-67]. Acem ve diğer tüccara mal satma konusunda defalarca yapılan uyarılarda, gümrük ödeyerek getirdikleri malları sadece belli bir süre zarfında satmak koşuluyla izin verildiği, fermanlarda ayrıntısıyla belirtilmiştir. Kısaca han, bu fermanlarda, tüccara uymak zorunda oldukları koşulları, Karasu Kadısı ve zabıta kullarına şöyle buyurmaktadır: Mütemekkin zımmîyan ve Acemiyan tâifesi dar-ı devletimize gelüp Acem Tokat'dan ve diğer vilâyetden getirdiği eşyaları yalnız satmayub şehrimize getirdikleri bizden aldıkları her malı da satıyorlar. Acem tâifesi Karasu'dan, Kefe'den, Gözlevi'den, Balıkloğı'dan ve Kırım içindeki gayri şehirden aldıklarını satarak ticaret yapıyorlar. Bu duruma karşıyız. Ancak gemiden gümrük vererek getirdiklerini satmalarına izin verilmiştir. Acem tâifesinin Karasu'da aldıklarını 15 güne kadar satmaları, satamazlarsa Karasu Kadısı

⁴⁷ Kadıya gönderilen bu fermana, özellikle İskele Emni Gümrüğü'nde vergisi ödenen malları dükkanlara satabilecekleri belirtiliyor. Şehir içinden asla mal alıp satmalarına müsaade edilmiyor. Aynı ferman 25-7b-73 numaralı hüküm ile Karasu zabıtalarna da ferman olarak gönderilmiştir. Bu durum konuya ne denli önem verdiklerinin ispatıdır.

Efendi'nin siciline kaydolunduktan sonra hesap olunması emrimdir Cemaziyelevvel 1095 [29, 25-7a-59; 29, 25-7b-73]⁴⁸.

Bütün bu uyarılara rağmen, yine de bir takım suistimallerin olduğu görülmektedir. Zaman zaman Acemler'in, Karasu'da bulunan Acemler'e ait dükkanlarda, halka mal satıp karşılığında tekrar mal alıp onu da sattıklarına dair şikayetler kaydedilmiştir [29, 25-33b-347].

Ayrıca ticaret yapanlara yönelik Karasu'daki görevlilerin de uygunsuz davrandıklarına dair uyarı içeren bir ferman kaydına da rastlanılmaktadır. Ferman özetle; Sefer Gazi Ağa Zâde Mehemed Mirza'ya ait olan ticaret sarayını kiralayan odabaşının, handan malları ile çıkan zımmîlerin limanda mallarına karşılık akça ödediklerinden dolayı, Karasu'da kendilerine mani olunmaması gerektiği vurgulanmıştır. Ardından da odabaşının eskiden beri kural olan mal karşılığı aldığı birkaç akçadan fazla almaması ve buna göre uygun hareket edilmesi hususu belirtilmiştir. Bu sayede ticaret erbâbı zımmîlerden haksız para alımının önüne geçilmek istenmiştir [29, 25-7b-68; 29, 25-91a-932].

1.7. Ticari Ortaklıklar

Ticari beraberliklerin kuruluşu, amacı, paylaşımı gibi ayrıntıların kaydedildiğine dair bir hüküm bulunmamaktadır. Ancak ortaklıklar kurulduktan sonra çıkan sorunlara çözüm bulmak maksadıyla tarafların mahkemeye geldikleri bilinmektedir.

Yalnız zaman zaman elindeki parayı bir başkasına verip, ticaret yaparak çoğaltmasını isteyenler olduğu da görülmektedir [29, 25-95a-964]. Bu tür kayıtlarda verilenlerin miktarı ve ticaret sonrası elde edilenlerin dökümü yapılarak, kârlılığın hesabı sicile kaydettirilmektedir.

Sicillerde, ortaklığın zarar edilmesi ile bitirildiği ve zararın miktarının ne olduğunu ifade eden davalar da görülmektedir [29, 25-108a-1082; 29, 25-46b-464]. Genelde Müslim-Müslim, gayr-i müslim-gayr-i müslimle ortaklık kurmasına özen gösterilmiştir [29, 25-109b-1099; 29, 25-108a-1082; 29, 25-76a-810; 29, 25-50a-499]. Elimizdeki döneme ait kayıtlarda kurulan ortaklıklara konu olan mal ve işletmeler ise şunlardır; kazan [29, 25-109b-1099], esvâb [29, 25-108a-1082], arpa ve buğday tarlasının ürününe [29, 25-76a-810], kavun [29, 25-50a-499], meyhane [29, 25-37b-379], alma, erik ve araka [29, 25-36a-368], soğan, sarmusak [29, 25-19a-195] ve diğer bağçe malları [29, 25-15a-150].

1.8. Vergi

Kırım Hanlığı, iç işlerinde özerk, dış işlerinde ise kısmen Osmanlı Devleti'ne bağlı bir yapı üzerinde bulunmaktadır. Bu nedenle bulunduğu bölgede güçlü

⁴⁸ Bir başka ferman ile gümrüğe muhakkak uğranılıp ondan sonra malların satılabileceği, başkaca mal alıp satılmaması Acemiyan tâifesinin ileri gelenlerine iletilmesi isteniyor.

olabilmesi birçok noktada başarılı olmasına bağlıdır. Şüphesiz bunların başında, askeri, idari ve ekonomik hususlar başta gelmektedir.

Her devlet gibi Kırım Hanlığı'nın da, gelir ve giderlerinin yansıtıldığı bir bütçesi bulunmaktadır. Tüm gelir ve giderlerin nasıl tasnif edildiğini siciller vasıtasıyla edinmemiz mümkün değildir. Bu nedenle vergi açısından izlenen muhasebe tekniğini de kavramamız mümkün olamamaktadır. Nitekim kayıtların içinde toplanan vergiler hakkında, düzenli ve ayrıntılı bir vergi tahsilatına dair belge yer almamıştır.

Diğer yandan Karasu Kazası'nda toplanan vergiler içinde ilk akla gelen gayr-i müslimlerden alınan cizye vergisidir. Cizye, gayr-i müslimlerin sağlıklı ve güvenlik içinde yaşamalarının bir karşılığı olarak alınan şer'i bir vergidir [49, s. 136]. Cizye vergisini ödeyen zimmîler, dini, hukuki, can ve mal güvenliklerini garanti altına almış oluyordu. Ayrıca kendilerinden askerlik hizmeti istenmiyordu. Hanlık tahsilat yapmak üzere seçtiği şahıslar vasıtasıyla bu vergiyi toplattırmaktadır [51, s. 39]. Bu amaçla 1095 / 1683-1684 yılına ait yerleşik ve göçebe reayanın cizyelerini toplamak üzere, Bazargan Moşi görevlendirilmiştir. Kadiya yazılan ferman vasıtasıyla cizyeleri Moşi'nin hesap edeceği vurgulanırken, ona vermemeye yeltenenlerin olabileceği uyarısında da bulunulmuştur. Bunun üzerine Karasu kadısından, ödemekte zorluk çıkaranlara müdahale etmesi gerektiği istenmiştir. Ayrıca fermana kadının vermemek isteyen zimmîden cizyesini alarak Moşi'ye vermesi gerektiği emredilmiştir [29, 25-7b-70]. Gerek fermana gerekse diğer belgelerde miktarına dair kayıt olmamakla birlikte, cizye veren reayaların başına "Cemaatbaşı" ve "Kethüda" atandığına dair elimizde bir atama kaydı bulunmaktadır [29, 25-9b-98]. Bu atama fermanında, reayanın bu atanmış şahsın sözünden çıkmaması gerektiği özenle vurgulanmıştır.

Karasu'da faaliyet gösteren esnaf ile ilgili vergilendirmeler düzenli olmamakla birlikte, bazı kayıtlar da göze çarpmaktadır. Elimizdeki bir örnekte: tüm kasaplara gönderilen bir hükümde, bir davara gerek sekban gerek başkası 15 akça tamga verecek, diğer köylerden sekban olanlar ise birer beşlik, sekban değilse 3 akça vermek zorunda oldukları bildirilmektedir [32, 65-3b-16].

Bir diğer toplanan vergi ise "tekâlif-i örfiye"dir. Tekâlif-i örfiye olağan dışı bir vergidir. Osmanlı Devleti'nde başlangıçta savaş harcamalarına halkın katkı sağlaması maksadıyla konulmuş iken, 17. yüz yıl sonlarında olağan, hatta sürekli alınan bir vergi haline gelmiş ve hane hesabı ile vergilendirme düzenlenmiştir. Sicil kayıtlarından anlaşıldığı üzere, mahalle cemaatına tekâlif-i örfiye miktarı bildirilmektedir. Mahalle cemaatı ise bu vergiyi kendi aralarında toplayarak imamlarına teslim etmektedir. Sıhhatli nüfus ve hane miktarları elimizde olmamakla birlikte, elimizdeki kayıtlardan birisinde, Çingene mahallesi cemaatının tekâlif-i örfiye için 30 000 akçayı imamları Abdullah Efendi'ye verdikleri görülmektedir [30, 33-23a-192]. Öte yandan bu

tür vergilendirme kapsamında yer alan başka sicil kayıtları da yer almaktadır [30, 33-82b-749].

Yine Bora Gazi Geray (1588-1608) zamanında, “Tüfenkçi Ulufesi” namıyla ahali tarafından ödenen bir vergi konmuştur. Bu verginin ne miktarda, ne vakit ve nasıl toplanacağı hakkında herhangi bir malumat olmamakla birlikte, incelediğimiz dönemde alınan vergiler arasında yerini korumuştur [29, 25-5a-42; 29, 25-5b-46; 29, 25-9a-91].

Sicillerde nadiren de olsa vergi ile ilgili değişik problemler karşımıza çıkmaktadır. Mesela, Hazarharacını toplayanlar arasındaki koordinasyonsuzluktan dolayı, kimin kime vergisini ödediği noktasında anlaşmazlık çıkmıştır. Ancak mahkeme tarafları dinledikten sonra haracı kimin aldığını bularak meseleyi çözmüştür [29, 25-9a-91]. Yine ödenen haraca karşılık alınan temessükün, ellerine geçmediğine dair mahkemeye başvurulduğu görülmüştür. Mahkeme temessükün kimde olduğunu tarafları dinleyerek bulmuş ve diğerlerine ulaştırılmasını kararlaştırmıştır [29, 25-52a-519]. Bunlara ilaveten bir başka davada, ödeme yapmamış olan zimmîler tespit edilerek, 1096 / 1684 senesine ait haraçları belirlenmiş ve ödemeleri karar altına alınmıştır [29, 25-15b-160].

Ezcümle elimizdeki bir belgede ise, daha başka adlar altında vergi alındığı bilgisine ulaşılmaktadır. Mesela, Kalgay Sultan'ın Kaymakamı Mustafa Ağa'nın, haraç için gönderdiği tezkiresinde, keten aşarı ve odun akçesi toplamak üzere bir adam yolladığı belirtilmektedir. Ayrıca tezkire içinde, vergi toplanması sırasında gönderilen tahsildara karşı gelinmemesine dair uyarıda bulunulmuştur. Öte taraftan gönderilen tezkirenin, Kalgay Sultana bağlı reayaya ait olduğu bilhassa ifade edilmiştir (Zilhicce 1094/Kasım-Aralık 1683) [29, 25-4a-24].

Sonuç

Karasu Kazası bulunduğu stratejik konum ile Kırım Yarımadası'nın önemli bir bölgesinde yer almaktadır. Şirin Kabilesi'nin ve hanlığın idari manada önem verdiği bir kazasıdır. İşlek karayolu üzerinde bulunmasından dolayı hareketli ticari bir potansiyeli bulunmaktadır. Nitekim hem yaşayan insan çeşitliliği hem de bu insanlara ait dini, kültürel, iktisadi ve diğer alanlardaki farklılıkların sağladığı dinamizm sosyo-ekonomik hayata da yansımıştır.

Çalışmamız Karasu Kazası Şer'iyye Sicilleri'nden olan, 25-33-47. ve 65. Ciltlerden elde edilen verilere dayalı olarak kaleme alınmıştır. Şer'iyye Sicilleri'nin birinci elden kayıtlar olması orijinal bir ilmi eserin ortaya çıkmasını sağlamıştır. Bu cümleden olarak gelecekte yapılacak başka çalışmalara da veri kaynağı olabilecek bir içeriğe sahiptir.

KAYNAKLAR

1. Ağat, Nurettin. Altın Ordu (Cûcioğulları) Paraları Kataloğu (1250 – 1502). İstanbul, 1976. 184 s.

2. *Ahmet Cevdet Paşa*. Kırım ve Kafkas Tarihçesi / Haz. Ahmet Özeydin. Emel, Sayı: 221. Ankara, Temmuz-Ağustos, 1997. S. 9–30.
3. *Akdağ, Mustafa*. Türkiye'nin İktisadi ve İçtimai Tarihi. C. 2. İstanbul, 1979. 348 s.
4. *Akpınarlı, H. Feriha*. Kırım El Sanatlarının Dünü Ve Bugünü. Atatürk Yüksek Kurumu. Ankara: Atatürk Kültür Merkezi Yay., 2004. 327 s.
5. *Aydın Mehmet Akif*. Türk Hukuk Tarihi, Beta Yay., İstanbul, B.3, 1999.
6. *Baron De Tott*. Memoirs of Baron de Tott. Containing the state of the Turkish Empire and the Crimea, during the late war with Russia : with numerous anecdotes, facts, and observations, on the manners and customs of the Turks and Tartars. Vol. 2. London, 1786. 526P.
7. *Başbakanlık Osmanlı Arşivi (BOA)*. Mühimme Defteri, c. 43, (No: 188), Sıra No: 167, Sahife : 82 Tar 5 CA 988.
8. *Belin, M.* Osmanlı İmparatorluğu'nun İktisadi Tarihi / Çev., Oğuz Ceylan. Ankara: Gündoğan Yay., 1999.
9. *Bilmen, Ömer Nasuhi*. Hukuk-ı İslâmiyye ve Islahat-ı Fıkhiyye Kamusu. C. II. İstanbul: Bilmen Yay., 1968. S. 115–152.
10. *Bronevskiy, M.* Kırım / Çev, Kemal Ortaylı. Ankara: Ege Matbaası, 1970.
11. *Bilgeseven, Amiran Kurtkan*. Genel Sosyoloji. İstanbul: Filiz Kitapevi, 1986. XVI + 360 s.
12. *By A Lady (Andrew Neilson)*. The Crimea: Its Towns Inhabitants and Social Customs. London: Printed At The "Christian Times" Office, 1855.
13. *Clarke, Edward Daniel*. L. L. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, And Africa. Part I (Russia, Tartary, Turkey). Philadelphia: Arno Pres&The New York Times, 1816. 575 P.
14. *Çetin, Osman*. Selçuklu Müesseseleri ve Anadolu'da İslâmiyetin Yayılışı. İstanbul: Marifet Yay., 1981. 208 s.
15. *Çetin, Osman*. Sicillere Göre Bursa'da İhtida Hareketleri Ve Sosyal Sonuçları (1472-1909). Ankara: T.T.K.Yay., 1994. 122 s.
16. *Çiçek, Kemal, Saydam Abdullah*. Kıbristan Kafkasyaya Osmanlı Dünyasında Siyaset, Adalet ve Raiyyet. Trabzon: Derya Kitapevi, 1998. 420 s.
17. *Devellioğlu, Ferit*. Osmanlıca-Türkçe Ansiklopedik Lügat. 8. Bsk. Ankara: Aydın Kitapevi, 1988.
18. *Erim, Nihat*. Devletlerarası Hukuku Ve Siyasi Tarih Metinleri. C. I. Ankara: Ankara Üniv. Hukuk Fak. Yay., 1953. 708 s.
19. *Erten, Hayri*. Konya Şer'iyye Sicilleri Işığında Ailenin Sosyo-Ekonomik ve Kültürel Yapısı (XVIII. Y. Y. İlk Yarısı). Ankara: T.C. Kültür Bakanlığı Yay., 2001. 221 s.
20. *Eryılmaz, Bilal*. Osmanlı Devletinde Gayrimüslim Tebaanın Yönetimi. 2. Bsk. İstanbul: Risale Yay., 1996. 240 s.
21. *Halim Giray*. Gülbün-ü Hânân (Kırım Hanları Tarihi). Yayına Haz. Alper Başer-Alper Günaydin. İstanbul: Avrasya Enstitüsü Yayınları, 2013.
22. *Göçer, Lütfi*. XVI ve XVII Asırlarda Osmanlı İmparatorluğu'nda Hububat Me-selesi ve Hububattan Alınan Vergiler. İstanbul: İstanbul Üniv. İktisat Fak. Yay., 1964. VII + 231 s.

23. *Gözcaydın, Ethem Fevzi*. Kırım, Kırım Türklerinin Yerleşme ve Göçmeleri.. İstanbul: Vakıf Matbaası, 1948. 111 s.
24. *İhsanoğlu, Ekmeleddin*. Osmanlı Devleti Tarihi. C. I. İstanbul: Feza Gazetecilik, 1999. 484 s.
25. *İnalcık, Halil*. Osmanlı İmparatorluğu'nun Ekonomik Ve Sosyal Tarihi. C. I. 1300-1600 / Çev. Halil Berktaş. İstanbul: Eren yay., 2000. s. 496.
26. *İnalcık, Halil*. Toplum ve Ekonomi Üzerine Arşiv Çalışmaları. İncelemeler. 2. bsk. İstanbul: Eren Yay., 1996. 466 s.
27. *İpcioğlu, Mehmet*. Konya Şer'iyye Sicillerine Göre Osmanlı Ailesi. Ankara: Nobel Yay., 2001.
28. İslâm Araştırmaları Merkezi. İlmihal II. İslâm ve Toplum. II. Bsk. İstanbul: Diyanet İşleri Bşk. Yay., 1999. 570 s.
29. Karasu Şer'iyye Sicilleri, 25.
30. Karasu Şer'iyye Sicilleri, 33.
31. Karasu Şer'iyye Sicilleri, 47.
32. Karasu Şer'iyye Sicilleri, 65.
33. *Karpat, Kemal*. Osmanlı Nüfusu (1830-1914) Demografik ve Sosyal Özellikleri / Çev. Bahar Tırnakçı. İstanbul: Tarih Vakfı Yurt Yay., 2003. 338 s.
34. *Kırımlı, Hakan*. Karasubazar. Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi. C. 24. İstanbul, 2001. S. 472-473.
35. *Kırımlı, Hakan*. Kırım'dan Türkiye'ye Kırım Tatar Göçü. www.kirimdernegi.org.tr/sayfa.asp?is=457'de sayfa 2.
36. *Kırımlı, Hakan*. Türkiye'deki Kırım Tatar ve Nogay Köy Yerleşimleri. Ankara, 2012. 676 s.
37. Kur'ân-ı Kerim.
38. *Mantran, Robert*. XVI. ve XVII. Yüzyılda İstanbul'da Gündelik Hayat. Eren Yay. / Çev. Mehmet Ali Kılıçbay. İstanbul, 1991. 257 s.
39. *Ortaylı, İlber*. Osmanlı Toplumunda Aile. 2. bsk. İstanbul: Pan Yay., 2001. 240 s.
40. *Özel, Ahmet*. İslâm Hukukunda Milletlerarası Münasebetler Ve Ülke Kavramı. İstanbul: İklim Yay., 1982. s. 200.
41. *Öztürk, Yücel*. Osmanlı Hakimiyetinde Kefe (1475-1600). Ankara: T.C. Kültür Bakanlığı Milli Kütüphane Basımevi, 2000. XXXIV + 570 s.
42. *Pakalın Mehmet Zeki*. Osmanlı Tarih Deyimleri ve Terimleri Sözlüğü. C. I, II, III. M. E. B., İstanbul, 1993.
43. *Sami, Şemseddin*. Kâmûs-ı Türkî. 7. Bsk. İstanbul: Alfa Yay., 1999.
44. *Saydam, Abdullah*. Kırım ve Kafkasya'dan Yapılan Göçler ve Osmanlı İskan Siyaseti (1856-1876). Osmanlı. C. IV, Ankara, 1999.
45. *Schacht, Joseph*. Miras. İ. A. C. 8. Eskişehir, 1997. S. 354-355.
46. *Schacht, Joseph*. Nikâh. İ. A. C. 9. Eskişehir, 1997. S. 258-259.
47. *Sroeçkovskiy, V. E.* Muhammed Geray Han ve Vasalları "Kırım Tarihi"/ Çev. Kemal Ortaylı. İstanbul: Su Yay., 1979. 216 s.

48. *Tabakoğlu, Ahmet*. Gerileme Dönemine Girerken Osmanlı Maliyesi. İstanbul: Dergay Yay., 1985. 384 s.
49. *Tabakoğlu, Ahmet*. Türk İktisat Tarihi. 3. Bsk. İstanbul: Dergay Yay., 1997.
50. *Üçok Çoşkun, Mumcu Ahmet, Bozkurt Gülnihal*. Türk Hukuk Tarihi. 10 Bsk. Ankara: Savaş Yay., 2002. XVII + 358 s.
51. *Ülküsal, Müstecib*. Kırım Türk Tatarları (Dünü-Bugünü-Yarını). İstanbul: Baha Mat., 1980.
52. *Willams, Brian Glyn*. The Crimean Tatars: The Diaspora Experience And The Forging Of A Nation. Leiden, 2001. 520 s.

Yazar hakkında: Nuri Kavak – Prof. Dr., Fen-Edebiyat Fakültesi, Tarih Bölümü Eskişehir Osmangazi Üniversitesi (Eskişehir Osmangazi Üniversitesi Fen Edebiyat Fakültesi F4 Blok Tarih Bölümü 26480 Meşelik Kampüsü / ESKİŞEHİR); nkavak1453@hotmail.com

Социально-экономическая жизнь в Карасувском кадилике

Нури Кавак

(Университет Османгази)

Аннотация. Кадиаскерские тетради (*Şer'iyye Sicilleri*) – являются ценными, но при этом малоизученными материалами по истории Крымского ханства. На основе исторических источников была проанализирована социально-экономическая жизнь в Карасувском кадилике. В данной работе рассматривается денежное обращение и торговля в регионе. Большое внимание уделяется изменению стоимости на основные продукты в разные годы. Автор приводит цены на недвижимость, животных, рабов и пленников, а также пишет об оплате труда в различных сферах.

Ключевые слова: Карасу, Кадиаскерские тетради, Источник, Османская Империя, Крымское ханство, Черное море, Ремесло, Денежное обращение, Торговля.

Для цитирования: *Kavak N.* Karasu Kazası'nda sosyo-ekonomik hayat (II) // Крымское историческое обозрение. 2020. № 1. С. 45–84. DOI: 10.22378/kio.2020.1.45-84

Сведения об авторе. Нури Кавак – доктор философии, профессор отделения истории факультета естественных наук и филологии Университета Османгази (Eskişehir Osmangazi Üniversitesi Fen Edebiyat Fakültesi F4 Blok Tarih Bölümü 26480 Meşelik Kampüsü / Eskişehir); nkavak1453@hotmail.com

Socio-economic ways of life in Karasu Kadilik

Nuri Kavak
(Osmangazi University)

Abstract: Kadiasker notebooks (*Şer'iyye Sicilleri*) are valuable, but at the same time, little studied materials of the Crimean Khanate. Based on historical sources, socio-economic life in Karasuvbazar kadillik was analysed. This paper considers the circulation of money and trade in the region. Much attention is paid to the cost of the main products in different years. The author quotes real estate prices, animals, slaves and prisoners, he also writes about remuneration in various fields.

Keywords: Karasu, Kadiasker notebooks, source, Crimean Khanate, Ottoman Empire, Black Sea, crafts, cash circulation, trade.

For citation: *Kavak N. Socio-economic ways of life in Karasu Kadilik (II). Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review. 2020, no. 1, pp. 45–84. DOI: 10.22378/kio.2020.1.45-84*

REFERENCES

1. Ağat Nurettin. *Altın Ordu (Cücioğulları) Paraları Kataloğu (1250-1502)* [Catalogue of gold coins]. İstanbul, 1976. 184 p.
2. Ahmet Cevdet Paşa. *Kırım ve Kafkas Tarihçesi* [The history of the Crimea and the Caucasus]. Compiler Ahmet Özaydın. *Emel* [Aspiration], no: 221. Ankara, Temmuz-Ağustos, 1997. Pp. 9–30.
3. Akdağ Mustafa. *Türkiye'nin İktisadi ve İçtimai Tarihi* [Economic and social history of Turkey]. Part. 2. İstanbul, 1979. 348 p.
4. Akpınarlı H. Feriha. *Kırım El Sanatlarının Dünü Ve Bugünü. Atatürk Yüksek Kurumu* [Past and present of the Crimean crafts]. Ankara: Atatürk Kültür Merkezi Yay., 2004. 327 p.
5. Aydın Mehmet Akif. *Türk Hukuk Tarihi* [History of Turkish Law]. Beta Pub., İstanbul, Part 3, 1999.

6. Baron De Tott. *Memoirs of Baron de Tott. Containing the state of the Turkish Empire and the Crimea during the late war with Russia: with numerous anecdotes, facts, and observations, on the manners and customs of the Turks and Tartars.* Vol. 2. London, 1786. 526 p.

7. Başbakanlık Osmanlı Arşivi (BOA). *Mühimme Defteri* [The registers of important Affairs], Part. 43, (No: 188), No: 167, 82 p.

8. Belin M. *Osmanlı İmparatorluğu'nun İktisadi Tarihi* [Economic history of the Ottoman Empire]. Translator Oğuz Ceylan. Ankara: Gündoğan Yay., 1999.

9. Bilmen Ömer Nasuhi. *Hukuk-ı İslâmiyye ve İslahat-ı Fıkhiyye Kamusu* [Guide to Islamic law and fiqh]. Part II. İstanbul: Bilmen Yay., 1968. Pp. 115–152.

10. Bronevskiy M. *Kırım* [The Crimea]. Translator Kemal Ortaylı. Ankara: Ege Matbaası, 1970.

11. Bilgeseven Amiran Kurtkan. *Genel Sosyoloji* [General sociology]. İstanbul: Filiz Kitapevi, 1986. XVI + 360 p.

12. By A Lady (Andrew Neilson). *The Crimea: Its Towns Inhabitants and Social Customs.* London: Printed At The “Christian Times” Office, 1855.

13. Clarke Edward Daniel. L. L. D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa.* Part I (Russia, Tartary, Turkey). Philadelphia: Arno Press& The New York Times, 1816. 575 p.

14. Çetin Osman. *Selçuklu Müesseseleri ve Anadolu'da İslâmiyetin Yayılışı* [Seljuk institutions and the spread of Islam in Anatolia]. İstanbul: Marifet Yay., 1981. 208 p.

15. Çetin Osman. *Sicillere Göre Bursa'da İhtida Hareketleri Ve Sosyal Sonuçları (1472-1909)* [Social movements and social consequences in Bursa based on the materials of registers]. Ankara: T.T.K.Yay., 1994. 122 p.

16. Çiçek Kemal, Saydam Abdullah. *Kıbristan Kafkasyaya Osmanlı Dünyasında Siyaset, Adalet ve Raiyyet* [From Cyprus to the Caucasus: politics, justice and population in the Ottoman world]. Trabzon: Derya Kitapevi, 1998. 420 p.

17. Devellioğlu Ferit. *Osmanlıca-Türkçe Ansiklopedik Lügat* [Ottoman-Turkish encyclopedic dictionary]. 8 Edition. Ankara: Aydın Kitapevi, 1988.

18. Erim Nihat. *Devletlerarası Hukuku Ve Siyasi Tarih Metinleri* [Texts on international law and political history]. Part I. Ankara: Ankara Üniv. Hukuk Fak. Yay., 1953. 708 p.

19. Erten Hayri. *Konya Şer'iyye Sicilleri Işığında Ailenin Sosyo-Ekonomik ve Kültürel Yapısı (XVIII. Y. Y. İlk Yarı)* [Socio-economic and cultural structure of the family based on the judicial registers of Konya]. Ankara: T.C. Kültür Bakanlığı Yay., 2001. 221 p.

20. Eryılmaz Bilal. *Osmanlı Devletinde Gayrimüslim Tebaanın Yönetimi* [Management of non-Muslim entities in the Ottoman state]. 2 edition. İstanbul: Risale Yay., 1996. 240 p.

21. Halim Giray. *Gülbün-ü Hânân (Kırım Hanları Tarihi)* [History of the Crimean khans]. Compiled by Alper Basher-Alper Gunaydin. İstanbul: Eurasia Institute Publications, 2013.

22. Göçer Lütfi. *XVI ve XVII Asırlarda Osmanlı İmparatorluğu'nda Hububat Me-*

selesi ve Hububattan Alınan Vergiler [Grain and taxes taken from them in the Ottoman Empire in the XVI and XVII centuries]. İstanbul: İstanbul Üniv. İktisat Fak. Yay., 1964. VII + 231 p.

23. Gözaydın Ethem Fevzi. *Kırım, Kırım Türklerinin Yerleşme ve Göçmeleri* [The Crimea, resettlement and migration of the Crimean Turks]. İstanbul: Vakıf Matbaası, 1948. 111 p.

24. İhsanoğlu Ekmeleddin. *Osmanlı Devleti Tarihi* [The history of the Ottoman Empire]. Part I. İstanbul: Feza Gazetecilik, 1999. 484 p.

25. İnalıc Halil. *Osmanlı İmparatorluğu'nun Ekonomik Ve Sosyal Tarihi* [Economic and social history of the Ottoman Empire]. Part I. 1300-1600ü Translator Halil Berktaş. İstanbul: Eren yay., 2000. 496 p.

26. İnalıc Halil. *Toplum ve Ekonomi Üzerine Arşiv Çalışmaları. İncelemeler* [Research on society and Economics]. 2 Edition. İstanbul: Eren Yay., 1996. 466 p.

27. İpcioğlu Mehmet. *Konya Şer'iyye Sicillerine Göre Osmanlı Ailesi* [The Ottoman family on the materials of the judicial registers of Konya]. Ankara: Nobel Yay., 2001.

28. *İslâm Araştırmaları Merkezi. İlmihal II. İslâm ve Toplum* [Catechism. Islam and society]. II edition. İstanbul: Diyanet İşleri Bşk. Yay., 1999. 570 p.

29. *Karasu Şer'iyye Sicilleri* [The court register of Karasu], 25.

30. *Karasu Şer'iyye Sicilleri* [The court register of Karasu], 33.

31. *Karasu Şer'iyye Sicilleri* [The court register of Karasu], 47.

32. *Karasu Şer'iyye Sicilleri* [The court register of Karasu], 65.

33. Karpat Kemal. *Osmanlı Nüfusu (1830-1914) Demografik ve Sosyal Özellikleri* [Demographic and social characteristics of the Ottoman population (1830-1914)]. Translator Bahar Tırnakçı. İstanbul: Tarih Vakfı Yurt Yay., 2003. 338 p.

34. Kırımlı Hakan. *Karasubazar. Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi* [Islamic Encyclopedia]. Part 24. İstanbul, 2001. Pp. 472–473.

35. Kırımlı Hakan. *Kırım'dan Türkiye'ye Kırım Tatar Göçü* [The migration of the Crimean Tatars from the Crimea to Turkey]. www.kirimderneği.org.tr/sayfa.asp?is=457'de sayfa 2.

36. Kırımlı Hakan. *Türkiye'deki Kırım Tatar ve Nogay Köy Yerleşimleri* [Location of the Crimean Tatar and Nogai villages in Turkey]. Ankara, 2012. 676 p.

37. *Kur'ân-ı Kerim* [Koran].

38. Mantran Robert. *XVI ve XVII Yüzyılda İstanbul'da Gündelik Hayat. Eren Yay* [Daily life in İstanbul in the XVI and XVII centuries]. Translator –Mehmet Ali Kılıçbay. İstanbul, 1991. 257 p.

39. Ortaylı İlber. *Osmanlı Toplumunda Aile* [Family in Ottoman society]. 2 edition. İstanbul: Pan Yay., 2001. 240 p.

40. Özel Ahmet. *İslâm Hukukunda Milletlerarası Münasebetler Ve Ülke Kavramı* [International relations in Islamic law and the concept of the state]. İstanbul: İklim Yay., 1982. p. 200.

41. Öztürk Yücel. *Osmanlı Hakimiyetinde Kefe (1475-1600)* [Kafa during the Ot-

toman rule]. Ankara: T.C. Kültür Bakanlığı Milli Kütüphane Basımevi, 2000. XXXIV + 570 p.

42. Pakalın Mehmet Zeki. *Osmanlı Tarih Deyimleri ve Terimleri Sözlüğü* [Ottoman historical dictionary of idioms and terms]. C. I, II, III. M. E. B., İstanbul, 1993

43. Sami Şemseddin. *Kâmûs-ı Türkî*. 7 th edition. İstanbul: Alfa Yay., 1999.

44. Saydam Abdullah. *Kırım ve Kafkasya'dan Yapılan Göçler ve Osmanlı İskan Siyaseti (1856-1876)* [Policy of settlement of the Ottoman Empire and migration from the Crimea and Caucasus]. Part IV. Ankara, 1999.

45. Schacht Joseph. Miras. İ. A. C. 8. Eskişehir, 1997. Pp. 354–355.

46. Schacht Joseph. Nikâh. İ. A. C. 9. Eskişehir, 1997. Pp. 258–259.

47. Sročekovskiy V. E. *Muhammed Geray Han ve Vasalları "Kırım Tarihi"* [Muhammad Giray and his vassals]. Translator–Kemal Ortaylı. İstanbul: Su Yay., 1979. 216 p.

48. Tabakoğlu Ahmet. *Gerileme Dönemine Girerken Osmanlı Maliyesi* [Ottoman finances during the crisis]. İstanbul: Dergay Yay., 1985. 384 p.

49. Tabakoğlu Ahmet. *Türk İktisat Tarihi* [History of Turkish economy]. 3 edition. İstanbul: Dergay Yay., 1997.

50. Üçok Çoşkun, Mumcu Ahmet, Bozkurt Gülnihal. *Türk Hukuk Tarihi* [History of Turkish law]. 10 edition. Ankara: Savaş Yay., 2002. XVII + 358 p.

51. Ülküsal Müstecib. *Kırım Türk Tatarları (Dünü-Bugünü-Yarını)* [The Crimean Turks (Crimean Tatars)]. İstanbul: Baha Mat., 1980.

52. Williams Brian Glyn. *The Crimean Tatars: The Diaspora Experience And The Forging Of A Nation*. Leiden, 2001. 520 p.

About the author: Nuri Kavak – Dr. of Sci (Philosophy), Professor at the Department of history, Faculty of natural sciences and philology of the Osmangazi University (Eskişehir Osmangazi Üniversitesi Fen Edebiyat Fakültesi F4 Blok Tarih Bölümü 26480 Meşelik Kampüsü/Eskişehir); nkavak1453@hotmail.com

Крымские татары в советской этнополитике межвоенного двадцатилетия

Григорий Кондратюк

(Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ;
ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический
университет им. Ф. Якубова»)

Аннотация. В статье изучено проведение советской этнополитики в отношении крымских татар в 1920–1930-х годах. Проанализированы формирование и реализация национальной политики в Крымской АССР в отношении крымских татар. Важнейшими компонентами советской этнополитики стали «коренизация аппаратов», создание национальных сельских Советов, проведение аграрной реформы, формирование пролетариата из числа крымских татар, преобразования в культурно-гуманитарной сфере.

Ключевые слова: национальная политика, тюркские народы, крымские татары, коренизация, Крымская АССР.

Для цитирования: Кондратюк Г. Н. Крымские татары в советской этнополитике межвоенного двадцатилетия // Крымское историческое обозрение. 2020. № 1. С. 85–93. DOI: 10.22378/kio.2020.1.85-93

Советская этнополитика межвоенного периода получила название коренизации. Её основные принципы были провозглашены на X и XII съездах РКП(б), в частности в апреле 1923 года. Провозглашение коренизации стало своеобразным подведением некоего промежуточного итога в поиске советской модели этнополитики. Её формирование было начато в период Гражданской войны. Своё видение фундаментальных принципов этнополитики в отношении тюркских народов Мирсаид Султан-Галиев и Мулланур Вахитов представили в Декларации прав народов Востока 2 ноября 1917 года и «Обращении ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 20 ноября 1917 года. Авторы этих основополагающих документов принципиально важным считали формирование государственности для тюркских народов. По их мнению, без государственности невозможно было разрешить ни одной насущной задачи. В марте 1918 года была провозглашена

Татаро-Башкирская советская республика. На первом этапе её существования национальное начало доминировало над коммунистическим. Опыт строительства автономии был перенесён затем и в другие регионы тюркских народов, в том числе и Крым. Крымская ССР создавалась как национальная крымскотатарская автономия, структуры которой были призваны решать насущные проблемы крымскотатарского народа. Численность крымских татар в данном процессе не стала препятствием. В одном из своих публичных выступлений М. И. Калинин говорил, что «у нас в Крыму только 26% татар. Однако у нас существует Крымская республика, которая является татарской республикой» [1, с. 5].

Один из лозунгов большевиков декларировал стремление уничтожить национальное угнетение. В ответе на вопрос о том, как же регулировать межнациональные отношения, мнения в партии разделились. Бесспорным было одно: РКП(б) должна была сохранить монополию на обладание политической властью и происходящие этнические процессы направить в необходимое для себя русло. Осознание данного факта привело таких теоретиков восточного коммунизма, как М. Султан-Галиев, к необходимости формирования тюркских коммунистических структур. Такие специализированные структуры были созданы. В 1921 году в Москве состоялся II Всероссийский съезд мусульманских коммунистических организаций. В резолюции по партийно-организационному вопросу отмечалось, что «наша Коммунистическая партия централизована в боевой штаб, борющийся за всемирную революцию против тёмных сил» [2, д. 753, л. 11]. Съезд принял решение об организации Центрального бюро организаций народов Востока. Центральное Бюро формировалось из 7 человек. Задача Центрального Бюро состояла в том, чтобы направить и координировать всю партийную работу через областные бюро в тюркских республиках. Центральное Бюро формировалось из отделов международной пропаганды, издательского, информационного и организационного. Необходимо отметить, что в работе II съезда принял участие Исмаил Фирдевс. И. Фирдевс вынес на рассмотрение съезда проект резолюции по докладу заместителя председателя Центрального бюро Коммунистических Организаций Народов Востока. Резолюция отмечала, что съезд «рельефно и отчётливо выразил взгляд коммунистов-мусульман на постановку национального вопроса среди трудовых татарских масс» [3, д. 753, л. 4].

Формирование национальной политики в отношении тюркских народов было обусловлено комплексом внутренних и внешних факторов. Один из главных внутренних факторов – перехватить инициативу у движения национальной интеллигенции, выросшей из джадидизма. Представители национальной интеллигенции пользовались огромным авторитетом у крестьянства. Революция вызвала подъём творческой энергии тюркских народов. Мирсаид Султан-Галиев в статье «Татары и Октябрьская революция» отмечает общественно-политическую активность тюркских народов, которая

логически должна была быть оформлена новым государственно-административным статусом. М. Султан-Галиев пишет: «Мы видим пробуждение целой закабалённой царизмом и обречённой на полное культурное и экономическое вырождение и вымирание нации. Забывает ключом освободившаяся от оков новая мысль. Начинается лихорадочное искание новых путей развития... Лейтмотивом всей общественно-политической мысли этой эпохи была идея национального возрождения татар» [4, с. 2]. Общая задача в реализации национальной политики решалась во всех регионах Советского Союза, в том числе в Крымской АССР. Второй вектор – социальная и экономическая модернизация тюркских народов, начатая джадидами. Модернизация на социалистических, большевистских установках, а не в прежней системе координат. Модернизация предполагала проведение аграрной реформы и создание национального пролетариата. Для крымскотатарского народа аграрная реформа, ликвидация бедности являлись насущной задачей. Без обладания реальными политическими рычагами решить эту задачу было невозможно. Необходимо отметить, что неслучайно М. Султан-Галиев содержание национальной политики трактовал рационально: «Основная политическая установка наша по нацвопросу в СССР заключалась в стремлении завоевать для нацрайонов соответствующий их экономическому значению и политической роли удельный вес в общественно-политической жизни Советского Союза. Организационно мы это мыслим как минимум действительное закрепление за нацрайонами тех конституционных прав, которые были выработаны в процессе развития Октябрьской революции и окончательно зафиксированы, как неприкосновенное право националов, XII партсъездом; как максимум мы это представляли в расширении конституционных прав автономных нацобразований РСФСР... до положения союзных республик. Политически же это мыслилось в усилении активной роли националов в разрешении общесоюзных экономических, политических и социально-культурных вопросов по линии партийной и советской, в усилении их влияния на постановку и разрешение отдельных вопросов социалистического строительства в союзном и республиканском масштабах в соответствии с интересами нацрайонов и националов вообще и в организации подлинного представительства националов в соответствующих центральных органах» [5, с. 565–566]. Почти половина крестьян крымских татар были безземельными, являясь арендаторами-скопщиками. Руководство Народного комиссариата земледелия, наркомы С. Меметов, а затем У. Ибраимов инициировали проведение внутриселенного и межселенного землеустройства. Специфика крымской аграрной реформы, в отличие от преобразований в Средней Азии, в том, что земельная реформа должна была повлиять на формирование этнического баланса региона в будущем. Межселенное землеустройство предполагало, что часть безземельных юж-

нобережных крестьян будет переселена в Северный Крым и таким образом, предпосылки притока иноэтнического населения из-за пределов Крыма будут блокированы. Таким образом, земельная реформа состояла не столько в изменении права собственности, сколько перспектив развития тюркских народов. Земельная реформа, проводимая в различных регионах Советского Союза, должна была дать зримые результаты для крестьян и сформировать, таким образом, социальную базу для поддержки власти большевиков. Специфика национальной и аграрной политики проявилась также и в том, что руководство крымской автономии во главе с Председателем ЦИК Крымской АССР Вели Ибраимовым отдало приоритет развитию хозяйств зажиточных крестьян. «Кулацкий» путь развития аграрного сектора Крымской АССР вызвал особо острую критику общесоюзного партийно-политического руководства. Распределение земельной собственности между различными народами Крымской АССР составило один из ключевых элементов национальной политики на полуострове. В условиях этнически более гомогенных регионов Средней Азии взаимозависимость «этнос – земельная собственность» была не так выражена. Аграрные преобразования были начаты с момента установления Советской власти в ноябре 1920 года. Приоритетное оказание помощи крестьянам крымским татарам нашло закрепление в резолюции по докладу «О сельскохозяйственном строительстве в Крыму», принятой II беспартийной татарской областной конференцией. В документе отмечалось, что «самыми разорённым с/х является хозяйство татарского крестьянства, то поэтому оно более всех других народов нуждается в поддержке государства» [6, д. 112, л. 30об.]. Большевиками в начале 1920-х годов решение национального вопроса виделось как решение крестьянской потребности в земле. Конференция приняла решение, что помощь будет оказана при посредстве Сельскохозяйственного банка, в состав правления которого будут направлены три представителя крымских татар, делегированных мероприятием. Коллегия С/х банка должна была приоритетно оказывать помощь крестьянам крымским татарам.

Тезис о решении прежде всего экономических запросов тюркских народов, как практическая реализация национальной политики, прозвучал в выступлении Мирсаида Султан-Галиева «О задачах советского строительства среди татаро-башкир». Докладчик отметил, что «состояние экономики татаро-башкир настоящим образом диктует Советской власти и её хозяйственным органам необходимость выделения работы по восстановлению и возрождению хозяйства татаро-башкир, в смысле ударности, первоочерёдности» [7, д. 104, л. 14]. М. Султан-Галиев сформулировал комплекс причин, которые, по его мнению, привели к экономической катастрофе: «хозяйственно-экономическая жизнь татаро-башкир характеризуется крайней отсталостью и состоянием полной разрухи и разлада... Такое состояние

татаро-башкир объясняется следующими причинами: культурная, политическая и экономическая порабощённость татаро-башкир до революции. Система эта заключалась в следующем: а) искусственное обезземеливание татаро-башкир путём насильственного отчуждения земельных угодий, б) ограничение татаро-башкир в правах недвижимой собственности на окраинах; в) искусственное экономическое обессиливание татаро-башкир в районах колонизации путём материальной и моральной поддержки конкурирующих с ними в хозяйственном отношении переселенческих и колонизационных элементов» [8, д. 104, л. 11–12].

Национальная политика в тюркских регионах Советского Союза реализовывалась не только в аграрном секторе, но и промышленности и кустарных промыслах. Во всех тюркских национальных республиках отсутствовала социальная база большевистской власти в виде пролетариата. Большевистская доктрина была ориентирована на промышленный пролетариат. В результате хозяйственной разрухи 1918–1920 годов Крым оказался деиндустриализирован, и количество промышленных рабочих в социальной структуре было невелико. Формирование слоя промышленных рабочих стало более интенсивным с началом индустриализации 1930-х годов.

Важнейшим направлением в реализации национальной политики стал процесс, получивший название «коренизация аппарата». Коренизация в органах власти и управления означала выделение квот для служащих определённой национальности. В Крымской АССР коренизация органов власти и управления получила название татаризации. Термин не случаен, так как в 1920-х годах национальная политика была ориентирована, прежде всего, на крымских татар. Помимо квотирования важным политическим аспектом коренизации стало применение крымскотатарского языка в области государственного строительства. Определение крымскотатарского языка государственным, наряду с русским, закреплённое в Конституции Крымской АССР 1921 года, существенно изменило сферу его применения. В резолюции Крымскотатарской Беспартийной конференции отмечалось: «Принимая во внимание опубликованный декрет КрымЦИК и Совнаркома по вопросу о татаризации советских аппаратов и применения татарского языка в государственном быту, Всекрымская Татарская Беспартийная конференция выносит пожелание о скорейшем и энергичном проведении этого декрета в жизнь, не жалея никаких сил и средств» [9, д. 104, л. 30]. Также резолюция была принята по докладу «Об участии трудящихся татар в советском строительстве», сделанном председателем правительства автономии Османом Дерен-Айерлы. Конференция высказала пожелание о создании постоянно действующего органа по практическому осуществлению мероприятий по «татаризации советских аппаратов и огосударствления татарского языка в Крыму».

Национальная политика в отношении тюркских народов в начале 1920-х

годов включала также построение определённых отношений с национальной интеллигенцией, линии «власть — духовенство». Руководство крымской автономии было вынуждено признать влияние национальной интеллигенции, активно участвовавшей в национальном движении периода Гражданской войны. Из части этой интеллигенции вышли советские служащие, сотрудники народных комиссариатов, прежде всего Народного комиссариата просвещения. Национальные школы и техникумы призваны были подготовить новое поколение молодёжи, проникнутое духом патриотизма и готовое участвовать в государственном строительстве.

Специфика национальной политики в отношении тюркских народов заключалась в форме автономного образования. Тюркские народы получали статус для своих административно-территориальных единиц в форме республики, края или области. Границы этих образований и объём полномочий определялись многими факторами. На I Всекрымском съезде Советов Крым был объявлен автономной советской социалистической республикой. Одним из главных факторов создания республики являлся внешнеполитический. Надежды большевиков на пролетарскую революцию в Западной Европе не оправдались. Выступления коммунистов в Баварии, Венгрии в 1918 году завершились поражением. Вектор внешнеполитических надежд был обращён на Восток: Турцию и Иран. Создание крымской автономии должно было продемонстрировать, что потребности тюркских народов находят решение. Советский Союз предлагает свой вариант модернизации для тюркского мира, основанный на принципах Коммунистической партии, а не кемалистов. В свою очередь крымские татары должны были стать проводниками коммунистического влияния на Ближнем Востоке. Показателен характер докладной записки, подготовленной членом Крымского обкома РКП(б) Г. Шидаревым 16 июля 1921 года, «Методы подхода к устройству Крымской ССР, как факела Российской социалистической революции на Ближнем Востоке». Г. Шидарев пишет: «Крым является всероссийским окном в Турцию в значительно большей степени, чем кавказские республики, потому что нет народа более тесно связанного с турками, чем крымские татары... Крым должен стать притягательным для мусульман центром, доступным для обозрения всему Востоку, и Крым может стать таким только при условии использования предоставленной ему автономии» [10, д. 63, л. 325].

В сентябре 1920 года в Баку состоялся съезд народов Востока. Мероприятие должно было наметить перспективы для революционного движения на Ближнем Востоке. Крымская автономия должна была стать транзитным пунктом в экспорте коммунистических идей в Турцию. Данная установка активно обсуждалась в среде коммунистов крымских татар. Одним из первых коммунистов С. Меметовым был подготовлен доклад «К вопросу о государственной форме Крыма». Автор указывает на то, что автономия на полуострове создана с учётом международных, революционных и нацио-

нальных факторов. Удовлетворение потребностей крымских татар занимает одно из центральных мест в работе органов государственной власти. В своей работе С. Меметов писал, что в Крыму необходимо создать «образцовый советский уголок», который бы послужил агитацией для всего Востока и притянул бы ориентацию Востока к себе [11, д. 102, л. 73]. Необходимо отметить, что целый ряд преобразований, проводившихся в контексте национальной политики в отношении тюркских народов, коррелируются с мероприятиями в Турции. Это светский характер государства, отделение школы от церкви, латинизация алфавита, индустриализация и поддержка национального промышленного производства. В конечном итоге национальная политика призвана была реализовать коренные интересы тюркских народов, позволив им занять своё место в динамике событий XX века.

Практические мероприятия национальной политики рождались во внутрипартийных дискуссиях РКП(б). Общесоюзные мероприятия вырабатывались Народным комиссариатом по делам национальностей (Наркомнацем). Региональная специфика обсуждалась в Крымском ОК РКП(б), ЦИК и СНК Крымской АССР. К 1923 году в крымской партийной организации сформировались две группы крымских татар-коммунистов, так называемые «правые» и «левые». Подобное деление существовало в партийных организациях Казани, Уфы и других тюркских республик. В среде «правых» и «левых» активно дискутировалась практика этнополитики Советского Союза. Яркими фигурами внутри крымской партийной борьбы стали И. Фирдевс, О. Дерен-Айерлы, Р. Ногаев, В. Ибраимов, У. Ибраимов, М. Мамут-Недим, У. Балич, С. Меметов. Участники внутрикрымских дискуссий поддерживали связь, в частности, с представителями казанской партийной организации, бывшими лидерами Наркомнаца. Одна из ключевых фигур Наркомнаца – заместитель наркома М. Султан-Галиев. Он стал одной из центральных фигур политической оппозиции тюркских республик в начале 1920-х годов. Несколько месяцев в феврале – марте 1921 года М. Султан-Галиев работал в Крыму, проводил обследование крымской партийной организации. В марте 1921 года в Симферополе прошла партийная конференция. Один из центральных докладов был сделан М. Султан-Галиевым «Очередные задачи партии в национальном вопросе». Центральная идея выступавшего состояла в том, что решение национальных проблем – не тактический приём, а долгосрочная перспектива.

Таким образом, в реализации национальной политики в отношении тюркских народов можно выделить два этапа. Первый датируется 1917–1923 годами. Его хронологические рамки начинаются с момента большевистской революции и продолжаются до XII съезда РКП(б) в апреле 1923 года. Это период поиска концептуальных принципов реализации этнополитики, создания национальных автономных республик, возможностей

дискуссий о сфере национальных отношений. Второй этап может быть датирован с 1923 по 1928 год. Начало этапа обозначается официальным провозглашением коренизации. Завершается период судебным процессом по делу Вели Ибраимова, ставшим сигналом наступления на национал-коммунистов в тюркских республиках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Калинин М. И. Евреи в СССР. М.: издание ЦС ОЗЕТ, 1932. 16 с.
2. Центральний державний архів громадських об'єднань (ЦДАГО). Ф. 1, оп. 20, д. 753, л. 11.
3. Там же, д. 753, л. 4.
4. Жизнь национальностей. 1921. 5 ноября. № 24 (122).
5. Султан-Галиев М. Избранные труды. Казань: Гасыр, 1998. 719 с.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17, оп. 61, д. 112, л. 30об.
7. РГАСПИ. Ф. 17, оп. 61, д. 104, л. 14.
8. Там же, д. 104, л. 11–12.
9. Там же, д. 104, л. 30.
10. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. П-1, оп. 1, д. 63, л. 325.
11. ГАРК. Ф. П.-1, оп. 1, д. 102, л. 73.

Сведения об авторе: Кондратюк Григорий Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова»; ведущий научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, г. Казань, Российская Федерация); kondratjukkipu@gmail.com

Crimean Tatars in the Soviet Ethnopolitics in the interwar twenty years.

Grigorii Kondratjuk

(Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History of AS RT; SBEEHE RC «F. Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University»)

Abstract. The article studies formation of the Soviet Ethnopolitics of treatment of the Crimean Tatars in 1920–1930s. It analyses formation and

realization of national policy in the Crimean ASSR towards the Crimean Tatars. The most important component of the Soviet Ethnicpolitics was the policy of “korenization of the apparatus”, creation of national village councils, implementation of agrarian reforms, formation of the proletariat from among the Crimean Tatars, reorganizations in cultural and humanitarian spheres.

Keywords: national policy, Turkic peoples, Crimean Tatars, korenization, Crimean ASSR

For citacion: Kondratjuk G. N. Crimean Tatars in the Soviet Ethnopolitics in the interwar twenty years. Krymskoe istoricheskoe obozrenie=*Crimean Historical Riview*. 2020, no. 1, pp. 85–93. DOI: 10.22378/kio.2020.1.85-93

REFERENCES

1. Kalinin M. I. *Evrei v SSSR* [Jews in the USSR]. Moscow: Izdanie TS OZET, 1932. 16 p.
2. Central state archive of public associations. Found. 1, in. 20, files. 753, p. 11.
3. Ibidem. files. 753, p. 4.
4. *Zhizn' nacional'nostej* [Life of nationalities]. 1921. On 5 November. No 24 (122).
5. Sultan-Galiev M. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Kazan: Gasyr, 1998. 719 p.
6. Russian State archive of socio-political history. Found. 17, in. 61, files. 112, p. 30о6.
7. Russian State archive of socio-political history. Found.17, in. 61, files. 104, p. 14.
8. Ibidem. files. 104, p. 11–12.
9. Ibidem. files. 104, p. 30.
10. State Archive of the Republic of the Crimea. Found. P-1, in. 1, files. 63, p. 325.
11. State Archive of the Republic of the Crimea. Found. P.-1, in. 1, files. 102, p. 73.

About the author: Kondratjuk Grigorii Nikolaevich – Dr. of Sci. (History), ass. prof. at the department of history SBEEHE RC «F. Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University» (295015, Uchebnii lane 8, Simferopol, Crimea, Russian Federation); leading researcher of the Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (420111, Kazan, Baturin St., 7A, Russian Federation); kondratjukkipu@gmail.com

Учёный, поэт, педагог Крыма и Татарстана (к 115-летию со дня рождения Керима Джаманаклы)

Ляля Муртазина

(Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ)

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые моменты татарстанского периода жизни и творчества известного крымскотатарского учёного, поэта и педагога Керима Джаманаклы, внёсшего вклад в развитие литературы, науки и педагогической мысли крымских и казанских татар, описывается его деятельность по подготовке педагогических кадров для национальных школ республики.

Ключевые слова: учёный, Керим Решидович Джаманаклы, педагогическая деятельность, Елабужский педагогический институт, юбилей.

Для цитирования: Муртазина Л. Р. Учёный, поэт, педагог Крыма и Татарстана (к 115-летию со дня рождения Керима Джаманаклы) // Крымское историческое обозрение. 2020. № 1. С. 94–99. DOI: 10.22378/kio.2020.1.94-99

В историю нашей страны Керим Решидович Решидов (Джаманаклы) вошел как видный деятель крымскотатарской культуры – поэт, литературовед, фольклорист. Однако его имя по праву значится и среди выдающихся личностей, внёсших вклад в развитие педагогической мысли, литературоведения и поэзии Татарстана. Творчество Керима Джаманаклы востребовано и ценится у казанских татар, его имя включено в основные справочно-аналитические издания, такие как «Татарская энциклопедия», «Антология татарской педагогической мысли», биобиблиографический справочник «Наши писатели» [5; 7; 8; 11], о нем написаны книги, статьи, изданы его произведения на татарском языке. Имя ученого носит сегодня одна из улиц города Елабуги, с которым связаны последние годы жизни и деятельности Джаманаклы. Елабужский государственный педагогиче-

ский институт, где кафедрой русской и иностранной литературы заведовал Керим Решидович, гордится своим педагогом, человеком, который отдал вузу 20 лет своей жизни, воспитал огромное количество учителей, внес значительный вклад в развитие науки и просвещения Татарстана.

Родился Керим Решидов (тат. Рәшидов (Жаманаклы) Кәрим Рәшид улы) 21 января 1905 года в селе Джаманак (откуда, естественно, и его псевдоним) Таврической губернии в Крыму. После окончания в 1928 году Симферопольского педагогического техникума начинает свою педагогическую деятельность. Однако вскоре убеждается в необходимости продолжения образования – в 1929 году Керим Решидов поступает в Симферопольский педагогический институт. Склонность к научной работе, выявленная ещё в студенческие годы, и одобрение преподавателей дают возможность молодому исследователю начать работу над кандидатской диссертацией на тему «Общественно-литературная деятельность крымско-татарского народного поэта Шамиля Тохтаргазы».

Безусловно, научно-педагогическая деятельность является основным звеном, своеобразным мостом, связующим К. Джаманаклы с Татарстаном. Однако необходимо подчеркнуть и факторы личного характера, которые также сыграли свою роль в укреплении связей с казанскими татарами, – в 1933 году он знакомится с красавицей Рашидой из Казани, которая приехала в гости в Крым к своей тёте, создаётся прекрасная семья, опора и поддержка в дальнейшей нелегкой жизни ученого. Дружба с казанскими коллегами берет начало с этих лет. Таким образом, крымскотатарский поэт и ученый становится «своим» и в Татарстане.

Весной 1937 года Керима Решидовича приглашают в Казань для защиты кандидатской диссертации. Перед майскими праздниками он приезжает в Казань, встречается со своим оппонентом – известным татарским ученым-профессором, заведующим кафедрой татарского языка и литературы Казанского государственного педагогического института Галимджаном Нигмати. Об этой странице своей жизни К. Джаманаклы рассказывает в очерке «Без Казанда кайнадык» [6]. Ему, уже известному и среди татарстанской творческой интеллигенции поэту, разрешили участвовать на закрытом собрании татарских писателей, где он общается с Каримом Тинчуриным, Фатхи Бурнашем, Галимджаном Нигмати, рассказывает им о состоянии Галимджана Ибрагимова, с которым он дружил и недавно встретился в Ялте. Собрание вошло в историю тем печальным обстоятельством, что в нём были предъявлены обвинения К. Наджми, Г. Нигмати, Ф. Бурнаш и некоторым другим татарским писателям, которые тут же были исключены из Союза писателей и из партии. На следующий день Керим Решидович был приглашен в гости к профессору Нигмати, и, несмотря на не совсем радостные для обоих события, два единомышленника го-

ворили о литературе, о Тукае, Г. Ибрагимове. По словам К. Джаманаклы, Нигмати был озабочен тем, как бы эти события не отразились на защите Решидова [6]. Действительно, 25 июня 1938 года ВАКом было решено не присуждать Кериму Решидову ученую степень кандидата филологических наук. То обстоятельство, о котором говорил оппонент, сыграло свою роль. Степень К. Р. Решидов получил лишь в 1940 году – по ходатайству Крымского научно-исследовательского института языка и литературы имени А. Пушкина [1].

В 1941 году К. Джаманаклы вместе с семьей переезжает в Казань [9, с. 13]. В 1943 году в качестве военного корреспондента он побывал в действующем Девятом истребительном авиаполку, публикуется на страницах газет «Кызыл Кырым» и «Красный Крым». Его очерк, посвященный подвигу дважды Героя Советского Союза летчика Ахмет-Хана Султана, в 1943 году выходит отдельной книгой в Казани на татарском языке [2]. Слова выдающегося знатока устного народного творчества Керима Джаманаклы «Аналарның анасы – газиз Ватан. Шуна күрә, “Ватаныңны анаң кебек сөй!” – дигәннәр» («Родина – это мать матерей. Поэтому говорили: «Люби Родину как свою родную мать!») [2, с. 6.], столь важные в тот ответственный для всей страны период, и сегодня не теряют своей актуальности.

В Татарстан Керим Решидович окончательно возвращается в 1945 году. С сентября 1945 года он начинает преподавательскую деятельность в Елабужском учительском институте (позже Елабужский педагогический институт; ныне Елабужский институт Казанского федерального университета).

Многочисленные ученики, воспитанники Керима Решидовича, среди которых, кроме школьных учителей, много известных в татарском мире личностей – ученых, писателей и поэтов, с особой благодарностью вспоминают своего учителя, наставника. Флюс Латыфи, татарский писатель и журналист, пишет: «Мы, первокурсники Елабужского пединститута, «сдва вылупившиеся из яйца цыплята», тогда еще и не подозревали, что наш преподаватель, кандидат филологических наук, который читал нам лекции по «Введению в литературоведение», «очень требовательный педагог», со слов старшекурсников, к тому же он еще и замечательный поэт, известный во всем тюркском мире ученый-фольклорист. [...] О нем в институте слагали афоризмы. Считалось, что, если удачно сдашь экзамен на физмате Люстигу¹, а на филфаке Решидову, можешь считать, что диплом пединститута у тебя в кармане» [10, с. 160].

Керим Джаманаклы был требовательным преподавателем, но в то же время он был и очень добрым, человечным. Именно у него получали первые уроки о доброте студенты, именно он знакомил их с такими важными в жизни любого человека, будущего педагога в первую очередь, категориями как «гуманизм», «сочувствие», «порядочность», «справедливость» и «ответ-

¹ Альфред Люстиг (1908–1985) – известный австрийский и российский ученый, преподаватель, заведующий кафедрой математики Елабужского пединститута.

ственность». Всех поражали эрудиция, высокая культура общения, тактичность, вежливость Керима Решидовича. Во время экзаменов он давал возможность вчерашним выпускникам сельских школ, которые ещё не совсем хорошо владели русским языком, отвечать на смешанном «русско-татарском языке». На первое место всегда ставилось знание предмета, умение мыслить. За что он завоевал уважение среди студентов.

Керим Решидович был полиглотом в истинном понимании смысла этого слова. Во время экзамена по русской литературе, например, он принимал ответы не только на русском, но и на других языках народов Поволжья. Так, студентка-татарка, окончившая чувашскую школу, сдала экзамен преподавателю на чувашском языке. Ученый владел многими тюркскими языками, писал статьи в журналы, которые издавались на узбекском, азербайджанском, казахском, киргизском языках, изучал фольклор этих народов [10, с. 162].

Керим Решидов является автором научных работ, посвященных творчеству татарских писателей и поэтов Габдуллы Тукая, Галимджана Ибрагимова, Мусы Джалиля [11, с. 274]. С особой теплотой написаны статьи о Тукае – «Тукай, Сабир и Туктаргазы» и «Тукай – звезда поэзии», которые включены в сборник «Әсәрләр», изданный на татарском языке в 2005 году. Автор дает высокую оценку произведениям Габдуллы Тукая, справедливо отмечая, что лирика Тукая не знает границ: его стихи знают не только в Поволжье, но и в долинах Крыма, от Уральских гор до просторов Сибири [4, с. 114].

Кроме научных статей, Джаманаклы оставил после себя большое литературное наследие – стихи, переводы. Считал своим долгом знакомить татарского читателя с богатым наследием крымскотатарского народа – образцами народного фольклора. В 1966 году в Казани вышла его книга «Образцы крымскотатарского устного народного творчества» на татарском языке [3], которая получила большое признание среди ценителей литературы и искусства.

Творчество и научно-педагогическая деятельность Керима Джаманаклы и сегодня не забыты. В институтском музее есть специальный раздел, экспозиция, посвящённая наследию великого сына крымскотатарского и татарского народов – известного ученого-педагога и замечательного поэта, где представлены экспонаты, связанные с именем Керима Решидовича Джаманаклы – его книги, фотографии, рукописи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гульнара Керимова. Керим Джаманаклы // <https://ru.krymr.com/a/26806427.html>
2. *Жаманаклы К. Эхмэт Хан-Солтан* (кырым-татар батыры). Казан: Татгосиздат, 1943. 38 б.

3. *Жаманаклы К.* Кырым татар халык авыз иҗаты үрнәкләре. Казан: Татар. кит. нәшр., 1966. 500 б.
4. *Жаманаклы К. Р.* Әсәрләр / төз. Ә. Сибгатуллина. Алабуга: Изд-во ЕГПУ, 2005. 206 с.
5. Жаманаклы Кәрим Рәшид улы // *Рәми И. Г., Даутов Р. Н.* Әдәби сүзлек (элекке чор әдәбияты һәм мәдәнияте буенча кыскача белешмәлек). Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. 348 б.
6. *Кәрим Жаманаклы.* Без Казанда кайнадык // Шәһри Казан. 2005. 18 гыйнвар.
7. *Кәрим Жаманаклы* // Әдипләребез: биобиблиографик белешмәлек: 2 томда. 1 том. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. Б. 502–503.
8. *Кәрим Жаманаклы* // Татар педагогик фикере антологиясе. 2 томда. Т. 2. Казан: Татар. кит. нәшр., 2016. Б. 69–70.
9. Керим Решидов (Джаманаклы): имя в отечественной истории. Крым – Казань – Елабуга. Казань, 2016. 64 с.
10. *Латыйфи Ф.* Беренче укытучым // Казан утлары. 2004. № 12. Б. 160–163.
11. Татарская энциклопедия. В 6 т. Т. 2. Казань: ИТЭ, 2005. 656 с.

Сведения об авторе: Муртазина Ляля Раисовна – кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории и теории национального образования Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7 А, Казань, Российская Федерация); lyalyamur@mail.ru

Scientist, poet, teacher of the Crimea and Tatarstan (on the 115th birthday of Kerim Jamanakli)

Lyalya Murtazina

(Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences)

Abstract. The article discusses certain moments of Tatarstan period of life and work of the famous Crimean Tatar scientist, poet and teacher Kerim Jamanakli. He made a great contribution to the development of literature and pedagogy of the Crimean Tatars and Kazan Tatars. The article describes the activities of Kerim Jamanakli in training teachers for national schools of Tatarstan. The last 20 years of his life he taught at the Elabuga Pedagogical Institute.

Keywords: scientist, Kerim Reshidovich Dzhamanakli, teaching activities, Elabuga Pedagogical Institute, anniversary.

For citation: Murtazina L. R. Scientist, poet, teacher of the Crimea and Tatarstan (on the 115th birthday of Kerim Jamanakli). Krymskoe istoricheskoe obozrenie=*Crimean Historical Riview*. 2020, pp. 94–99. DOI: 10.22378/kio.2020.1.94-99

REFERENCES

1. Gulnara Kerimova. Kerim Dzhamanakly [Kerim Jamanakli] // <https://ru.krymr.com/a/26806427.html>
2. Dzhamanakly K. *Ähmät Han-Soltan (kyrym-tatar batyry)* [Amet Khan-Sultan (Crimean Tatar hero)]. Kazan: Tatgosizdat, 1943. 38 p.
3. Dzhamanakly K. *Kyrym tatar halyk avyz ıcaty ürnäklärä* [Samples of Crimean Tatar folk art]. Kazan: Tatar. kit. näshr., 1966. 500 p.
4. Dzhamanakly K. R. *Äsärlär* [Artworks]. Compiler Ä.Sibgatullina. Alabuga: Publishing house EGPU, 2005. 206 p.
5. Dzhamanakly Kärım Rähıd uly [Dzhamanakly Kerim Reshidovich] *Rämi I. G., Dautov R. N. Ädäbi süzlek (elekke chor ädäbiyatı häm mädäniyate buencha kyskacha beleshmälek)* [Literary dictionary (short reference book on literature and the past century culture)]. Kazan: Tatar book publishing house, 2001. 348 p.
6. Kärım Dzhamanakly. *Bez Kazanda kajnadyk* [We were in full swing in Kazan] *Shähri Kazan*. 2005. 18 gyjnvar.
7. Kärım Dzhamanakly [Kerim Jamanakli] *Ädiplärebez: biobibliografik beleshmälek* [Our writers: bio-bibliographic reference]. In two volumes. Vol. 1. Kazan: Tatar book publishing house, 2009. Pp. 502–503.
8. Kärım Dzhamanakly [Kerim Jamanakli]. *Tatar pedagogik fikere antologiyase* [Anthology of Tatar pedagogical thought]. In two volumes. Vol. 2. Kazan: Tatar.kit.näshr., 2016. Pp. 69–70.
9. Kerim Reshidov (Dzhamanakly): *ımya v otechestvennoj istorii. Krym – Kazan – Elabuga* [Kerim Reshidov (Jamanakli): a name in Russian history. Crimea – Kazan – Elabuga]. Kazan, 2016. 64 p.
10. Latyjfi F. *Berenche ukytuchym* [My first teacher]. *Kazan utlary*. 2004. № 12. P. 160–163.
11. *Tatarskaya enciklopediya* [Tatar Encyclopedia]. In six volumes. Vol. 2. Kazan: ITE, 2005. 656 p.

About the author: Murtazina Lyalya Raisovna – Cand. Sci. (Pedagogy), Leading Research Fellow of the Center of History and Theory of the National Education, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (420111, Kazan, Baturin St., 7A, Russian Federation); lyalyamur@mail.ru

Крым Гирей I – родоначальник классического театра в Крыму (к вопросу 257-летия опыта крымских татар первых театральных постановок европейского театра)

Исмет Заатов

(Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ)

Аннотация. Процесс формирования крымскотатарского театра можно разделить на следующие периоды: – средневековый – народный (начальный хороводно-игрищный кукольный театр теней «Карагоз», театр одного актера «меддах», площадной театр «орта оюны»); ханский в середине XVIII в. (проникновение в Крым традиций европейского театра в эпоху крымского хана Крым Гирея I); возрождение традиций крымскотатарского театра конец XIX–XX вв. (деятельность группы театралов джадидистской крымскотатарской молодежи – последователей И. Гаспринского – под руководством Дж. Меинова); период формирования и деятельности полупрофессиональных крымскотатарских трупп в Симферополе, Евпатории и Ялте 1914–1920 гг. усилиями крымскотатарских дворянок-мырзачек под руководством А. Тайганской; организация профессиональной Симферопольской татарской театральной труппы при наркомате просвещения Крымской АССР в 1921 г. и создание возглавляемой А. Тайганской организационной группы Крымского государственного татарского драматического театра и его деятельность, а также крымскотатарское любительское движение в Крыму и среди крымскотатарской зарубежной диаспоры 1923–1944 гг. (советский додепортационный период); воссоздание и деятельность по настоящее время крымскотатарского театра в Крыму – 1989 г. (последепортационный период).

В данной статье впервые в искусствоведческой практике речь пойдет о так называемом ханском периоде формирования крымскотатарского театра,

о революционной в сфере крымскотатарского искусства, подвижнической деятельности крымского хана Крым Гирея I по продвижению идей европейских театральных традиций и созданию классического театра в Крыму.

Картина предпринимавшихся крымским правителем в строительстве театрального дела в Крыму действий, а также его размышлений и высказываний о театре, воссоздана по текстам, опубликованных в XVIII в. воспоминаний о личных встречах и общении с Крым Гиреем I европейских авторов – немца фон дер Гольца, польки Пильштыновой, россиянина Никифорова, француза де Тотта, австрийца Клеемана. На основании этих воспоминаний выстраивается четкая и явная картина роли первопроходца Крым Гирея I в деле привнесения в культуру Крыма, тюркского и мусульманского мира европейских театральных традиций и создания классического театра.

Ключевые слова: Крым Гирей I, немецкий, российский, польский, австрийский, французский, крымскотатарский театр, Мольер, татарская комедия.

Для цитирования: *Заатов И. А.* Крым Гирей I – родоначальник классического театра в Крыму (к вопросу 257-летия опыта крымских татар первых театральных постановок европейского театра) // Крымское историческое обозрение. 2020. № 1. С. 100–135. DOI: 10.22378/kio.2020.1.100-135

Об эпохе правления крымского хана Крым Гирея I, его воинском искусстве, увлечении науками и длительной деятельности, связанной с организацией в Крыму классического театра европейского образца говорится в исследованиях австрийского историка XVIII–XIX веков Йозефа фон Хаммера-Пургштала, румынского историка XIX–XX веков Николае Йорга, современных американских исследователей Алана Фишера, Джона Т. Александера и Вирджинии Аксан, современного польского историка Дариуша Колоджейчика.

В середине XIX века английский историк и географ Томас Милнер написал свой труд «Крым. Ханы, султаны, цари», с альтернативным российскому и по своему беспристрастным взглядом на знаковые события прошлого Крыма, как бывшей восточной страны, ввергнутой в события, приведшие к очередной османско-российской войне, главенствующую роль в развитии начала которой принимал крымский хан Крым Гирей I.

Правление Крым Гирея I упоминается в исследованиях Георгия (Джорджа) Владимировича Вернадского (1887–1973) – русского и американского историка украинского происхождения, являвшегося профессором Йельского университета.

Деятельность крымского хана Крым Гирея I отражена в хрониках османских историков, в трудах ряда турецких авторов XVIII–XX веков, а также

в исследованиях современных турецких ученых. Еще до присоединения Российской империей Крымского ханства, в 1781 году в Турции был написан исторический труд о событиях Осmano-Российской войны 1768–1774 годов, основным фигурантом начала которой являлся крымский хан Крым Гирей I. Автором написанной в критическом ключе личных впечатлений работы под названием «Hulâsatü'l-i'tibâr» («Выдержанная репутация») [17] является османский дипломат, государственный деятель и непосредственный участник этой неудачной для османской стороны военной кампании, уроженец критского местечка Рисмо, автор широкого круга изданий по истории и устройству Османского государства грек-мусульманин Ресми Ахмед бин Ибрагим Гириди (1700–1783). Ресми Ахмед-эфенди был послом Османской империи в Австрии (1757–1758), Пруссии (1763–1764) и России (1768–1774). Ресми Ахмед-эфенди возглавлял османскую правительственную делегацию на переговорах с российской стороной в Кучук Кайнарджии, завершившихся подписанием мирного договора 1774 года, предоставлявшего независимость Крымскому ханству и положившего конец этой продолжительной войне. Привлекает к себе внимание факт усиления дипломатической активности посланников крымского хана Крым Гирея I в Пруссии именно в тот период, когда послом Османской империи в Берлине был именно Ресми Ахмед-эфенди. Этот факт и детальная информированность Ресми Ахмеда-эфенди в вопросах Буджака, сераскером которого долгое время был Крым Гирей, наталкивают на предположение о том, что автор турецкой истории осmano-российской войны и участвовавший в ней крымский хан могли быть знакомы между собой и в ходе своей деятельности встречаться друг с другом.

С большой долей вероятности можно предположить, что и автор исторического труда «*İbretnâme-yi Devlet*» («Образцовое предупреждение государству»), описывающего исторические события, участником которых являлся Крым Гирей I, Мустафа Кесби-эфенди в своей служебной деятельности также соприкасался с этим выдающимся крымским ханом. Точные даты жизни османского историка неизвестны. Согласно исторической справке в предисловии к транскрибированному со староосманского на современный турецкий язык изданию труда Мустафы Кесби профессора Стамбульского университета Ахмета Огретена [16], Мустафа-эфенди был принят на государственную службу при османском дворе в период первого правления крымского хана Крым Гирея I в мае 1762 года и до 1765 года пребывал в землях Кубани, входивших в границы территории Крымского ханства. Находясь по служебным делам в горах Кубани (северные отроги гряды Большого Кавказа. – И. З.) на расстоянии пяти – шести дневных переходов («beş altı konak mesafede») от крепости Тамань, Мустафа Кесби исследовал залежи золотоносной руды, о чем по возвращении в Стамбул доложил от-

ветственным лицам. Эти исследования османского чиновника проводились в период первого царствования Крым Гирея I и, по нашему предположению, вероятно, были напрямую связаны со словами, сказанными ханом Крым Гиреем I посланнику прусского короля Фридриха II лейтенанту фон дер Гольцу, об организованных им геологических изысканиях и обнаружении в его горах (то есть в горах, находившихся на подвластной крымскому хану территории, в данном случае Кавказских гор, в данном случае слова хана «моих гор» были ошибочно восприняты фон дер Гольцем как название Крымских гор. – И. З.) золотоносной породы [3, с. 31]. Это предположение косвенно подтверждает в своих записках и австрийский негодант и путешественник Николаус Эрнст Клееман: «Как хан знал, что Крымские горы изобиловали золотою рудой и прочими минералами, то и советовал всегда искать оных» [1, с. 210]. О том, что Крым Гирей I просил Порту прислать знающего человека для проверки полученных им сведений о нахождении золотой и серебряной руды в землях, заселенных подвластными ему черкесскими племенами Касай, Каспулат, Бесленей и Шегак на Северном Кавказе, пока не добрались туда русские и не захватили эти сокровища в свои руки, чего он сильно опасался, сообщает и российский историк В. Смирнов [5, с. 81].

В ходе подготовки к войне Порты против Российской империи 1768–1774 годов главнокомандующим объединенными войсками Османской империи и Крымского ханства на Балканах был назначен крымский хан Крым Гирей I, а Кесби Мустафе-эфенди было поручено составить прогнозный бюджет предполагаемых военных действий. С 7 августа 1768 года Мустафа Кесби изучал казначейские книги Мектуби-и-Дефтери, в которых регистрировались расходы на проведение военных экспедиций русско-турецкой войны в период между 1737–1738 годами. Также к началу очередной османско-русской военной кампании ему было поручено проведение ремонта оборонительных сооружений острова и города Исакча на правом берегу Дуная в Добрудже, через который пролегал путь следования из Стамбула в Кавшан Крым Гирея I. Именно в период подготовке к военным действиям могла произойти встреча Крым Гирея I и Кесби Мустафы-эфенди.

Личности крымского хана Крым Гирея I в своих работах в разной степени касались также османский историк второй половины XVIII – начала XIX веков, принц крови правившей в Крыму династии Гиреев, внук Крым Гирея I Халим Гирей-султан (1772–1823), турецкие историки прошлого века Исмаил Хаккы Узунчаршылы (1888–1977) и Исмаил Хами Данышменд (1899–1967), турецкий историк татарского происхождения Акдес Нимет Курат (1903–1971), турецкий историк искусств Октай Асланапа (1914–2013), крупнейший турецкий специалист по османской истории крымскотатарского происхождения Халил Инальджик (1916–2016), современные турецкие историки Альпер Башер, Кемаль Бейдили, Омер Быйик, Осман Кёсе,

Хакан Кырымлы, Николь Канчал-Феррари, Метин Хулагу. Информация о правлении крымского хана Крым Гирея I содержится в опубликованной Генеральной дирекцией государственных архивов Кабинета министров Республики Турции переписке османских султанов с крымскими ханами [11] и в османских документах Крымского ханства [12]. В 2018 году в Стамбуле студенткой из Крыма Адиле Эминовой была защищена дипломная работа, посвященная эпохе правления Крым Гирея I [7].

Самой объемной по широте хронологических рамок описываемого периода и использованию зарубежных, в основном османских письменных источников работой, освещающих историческую биографию крымского хана Крым Гирея I, являются посвященные его правлению главы труда выдающегося российского историка XIX – начала XX веков Василия Смирнова (1846–1922) «История Крымского ханства под верховенством Оттоманской Порты». Деятельность этого крымского правителя упоминается также в работах современников В. Смирнова, российских историков Федора Лашкова (1858–1917), крымского историка и краеведа Арсения Маркевича (1855–1942), современных российских историков Михаила Мейера и Александра Широкограда. Хорошо известен перевод с немецкого на русский язык работы Теодора Мундта «Крым Гирей союзник Фридриха Великого», выполненный в начале XX века В. Остерманом, и студенческий реферат, выполненный в конце XIX века А. Татарчевским «Путешествие и деятельность барона Тотта в качестве консула в Крыму в 1767 году».

О личности крымского хана Крым Гирея I писали европейские и восточные авторы, соприкасавшиеся в своей деятельности с этим выдающимся крымскотатарским правителем, его современники историки, жившие и творившие в одно с ним время и наблюдавшие за деятельностью хана из-за пределов Крымского ханства, и исследователи, компилировавшие свои сведения из текстов различных воспоминаний об этой царствовавшей в XVIII веке в Крыму особе. Круг общавшихся лично с ханом европейских дипломатических и политических деятелей велик, но достоянием исследователей на сегодняшний день являются дневниковые записи и воспоминания об этой незаурядной личности и его увлечении европейским театром посланника к крымскому хану Крым Гирею I короля Пруссии Фридриха II лейтенанта барона фон дер Гольца, польской путешественницы и авантюристки Саломеи Пильштыновой, консула Российской империи в Крымском ханстве премьер-майора Александра Никифорова, консула французского короля Людовика XV в Крымском ханстве барона Франсуа де Тотта и австрийского негоцианта Николауса Эрнста Клеемана.

Имена авторов воспоминаний приведены в соответствии с датировкой очередности времени их общения с этим просвещенным крымским ханом.

Возможно, что в хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи текстах донесений в Санкт-Петербург главы консульства Российской империи в Крымском ханстве времен первого правления Крым Гирея I Александра Никитина помимо сведений, указанных в «Журнале и извлечениях из журнала консула Никифорова о своей поездке в Крым 10.08 – 20.09.1763 г.» и использованных при написании данной статьи, будут обнаружены и другие интересные факты, касающиеся исторической биографии этого крымского хана и в том числе его деятельности на поприще создания театра в Крыму. В данной статье была использована лишь часть текста его опубликованного в вышеуказанном журнале рапорта в Санкт-Петербург из столицы Крымского ханства Бахчисарая от 16 ноября 1763 года.

Автором самой объемной работы о Крым Гирее I является немецкий ученый историк и писатель Теодор Мундт (1808, Потсдам – 1861, Берлин), окончивший в 1830 году Берлинский университет и преподававший в звании профессора с 1842 года историю и литературу в Бреслау (Вроцлав) и Берлине, печатавший с 1832 года.

Одним из свидетельств, подтверждающим высокий уровень познаний в вопросах истории России и соседних с нею государств, профессионально работавшего с архивами Пруссии профессора-историка Мундта, является опубликованный им в 1861 году исторический роман «Царь Павел», посвященный одному из наитрагичнейших эпизодов русской истории – эпохе правления продолжателя царского рода Романовых, сына Екатерины II и Петра III, императора Павла I.

Свой исторический труд, содержание которого, проливая свет на историю дипломатии прусско-крымскотатарских политических отношений, знакомит читателя с личностью крымского хана Крым Гирея I и ролью хана в деле организации в Крыму классического европейского театра под названием «Крым-Гирей союзник Фридриха Великого. Пролог столкновения между Россией и Турцией», Теодор Мундт завершил в августе 1855 года.

Первая часть этой работы опирается на задокументированные воспоминания посланника короля Пруссии Фридриха II ко двору крымского хана лейтенанта барона фон дер Гольца, относящиеся к периоду первого правления в Крыму крымского хана Крым Гирея I (1758–1764 гг.). Крымские воспоминания фон дер Гольца были опубликованы в начале XIX века в издании Генерального штаба Пруссии «*Nachrichten über die Gesandtschaftsreise des Lieutenants von Goltz zu dem Tatar-Khan* из *Denkwürdigkeiten für die Kriegskunst u. Kriegsgeschichte*» («Памятные записи искусства ведения войны и истории войны некоторых офицеров короля. В комплекте с 6 папками. Генеральный штаб Пруссии. Новости о миссии легендарного лейтенанта фон дер Гольца к татарскому хану». Берлин, 1819, тетрадь 6, с. 111) [3, с. 4].

События и действия, связанные с устремлениями крымского хана Крым

Гирея I в деле строительства театрального и музыкального дела европейского образца в Крыму, описанные Теодором Мундтом в своей работе на основании данных из изданных Генеральным штабом Пруссии воспоминаний лейтенанта фон дер Гольца о его миссии к «татарскому хану», происходили во дворце крымских ханов в Бахчисарае и в военном лагере армии крымского хана Крым Гирея I, базировавшемся под находившемся тогда у границ Крымского ханства с Польшей татарского селения Чекчаклы в Буджаке в период с февраля по декабрь 1762 года.

В октябре 1761 года в лагерь короля Пруссии Фридриха II, находившегося под местечком Штрелен в прусской провинции Бранденбург, прибыло посольство от крымского хана Крым Гирея I, которое возглавлял представленный королю в крымской придворной должности личного цирюльника хана Мустафа-ага. Отправка возглавляемого Мустафа-агою крымского посольства в Пруссию, явилось результатом деятельности дипломатического агента прусского короля при дворе крымского хана Крым Гирея I, бывшего корнета австро-венгерского гусарского полка, голландца по происхождению Кароля Боскампа, агитировавшего Крым Гирея I вступить в войну между Пруссией и Россией на стороне Пруссии, на условиях полной финансовой поддержки последней [3, с. 4]. В переданном Фридриху II письме Крым Гирея I крымской стороной в распоряжение прусского короля за денежное вознаграждение, размеры которого предстояло определить в дальнейшем, предлагался шестнадцатитысячный крымскотатарский кавалерийский корпус для использования его в военных действиях против армии Российской империи [3, с. 3].

Приезд посольства Мустафы-аги был не первой инициативой Крым Гирея I в осуществлении дипломатических связей крымских татар с Пруссией. Еще будучи сераскером Буджакской Орды в 1750 году, Крым Гирей направил в Берлин к королю Фридриху II Великому свое посольство с целью передачи его чувств восхищения величием личности короля небольшой по площади страны, успешно ведущей войну с половиной Европы [3, с. 3]. На тот момент Крым Гирею было 33 года от роду, что указывает на то, что его западнофильские взгляды и проевропейские вкусы сформировались довольно в молодом возрасте, что в свою очередь может объяснить и делает вполне понятным происхождение его неподдельного интереса к европейской философской мысли и искусству, а также корни его серьезного увлечения французским театром, подтверждаемых его последовательной деятельностью в создании и содержании при своем дворе смешанной, состоящей из европейской (французской) и крымскотатарской театральной труппы и музыкальной капеллы.

Крымский посол Мустафа-ага возвращался в Бахчисарай в сопровождении обладавшего прекрасной памятью двадцатидвухлетнего лейтенанта фон дер Гольца, состоявшего в личной свите короля Пруссии Фридриха II.

Миссия фон дер Гольца при дворе крымского хана Крым Гирея I началась в конце зимы – начале весны 1762 года. В описании фон дер Гольца, имевший «крупную, высокую фигуру [3, с. 19], Крым Гирей, «представлял собою величественного, сильного мужчину крепкого телосложения, в то же время однако не лишённого известной грации и приятности; при характерном очертании головы на лице его соединялись решительное и строгое выражение воина с любовью к жизни и насмешливым настроением. Его большие, живые глаза метали странные, пронизывающие взгляды, показывая вместе с тем, что в этом сильном сыне природы развился не только дух повелителя и воина, но и необычайно деятельный ум. На его высоком челе и в глубоко сидящих глазах проглядывало мягкое, ласковое выражение задумчивости, почти даже мечтательности, придавая лицу, носившему наиболее благородный отпечаток татарской расы, живую черточку умственной жизни европейца. В его манерах и движениях, с которыми он представился прусскому посланнику, сказывалось столько легкости, достоинства и грации, что и на европейских тронах могли бы ему позавидовать. К этому присоединялось известное добродушие в выражении, настолько же привлекательное, насколько быстрая перемена в лице обнаруживала следы дикости и даже жестокости, производивших устрашающее впечатление. Крым Гирей находился в цветущей поре сорокапятилетнего мужчины, так как в 1758 году, когда вследствие возмущения племени ногайцев он был посажен на татарский престол, ему было около 40 лет» [3, с. 20].

В качестве иллюстрации уровня степени владения ханом Крым Гиреем I тонкостями европейского музыкального искусства и европейской философской мысли следует прибегнуть к передаче некоторых фрагментов прямой речи хана, адресованной к прусскому посланнику во время его первой ханской аудиенции, воспроизведенной фон дер Гольцем в своих воспоминаниях и опубликованной в работе Теодора Мундта полностью: «После этого Крым Гирей, сопровождая речь той улыбкой, которая имела свойство одних ободрять, других же смущать, обратился к прусскому посланнику с вопросом: «Как чувствует себя великий прусский король? Я принадлежу к числу его почитателей и в то же время завидую ему, не только за его храбрость, но и за игру на флейте. Как часто я желал бы владеть этим искусством, если бы мне позволило достоинство властителя Крыма и моих татар (вплоть до установления в Крыму Советской власти профессиональное инструментальное музыкальное исполнительство считалось в крымскотатарской среде в высшей степени зазорным ремеслом и по этой причине у крымских татар этим занимались в основном сплошь крымскотатарские цыгане – чингене. – И. З.)! Во сне мне часто мерещится, будто я слышу нежный звук флейты вашего великого Фридриха, о которой так много говорил весь мир, и каждый раз думаю: жители Запада должны быть счастливы, если короли имеют

возможность управлять с помощью флейты! Я и здесь хотел бы устроить хорошее государство, и на этот счет у меня свои особые мнения. Между князем и его народами должен бы существовать особый дружественный договор, по которому король играл бы только первую флейту, а все остальные следовали бы за его игрой только исключительно потому, что они этого хотят, и потому, что любят слушать его игру. Хану следовало бы и тогда сохранить власть, а в случае надобности перевернуть флейту другим концом и в отношении своих подданных воспользоваться ею в качестве дубинки, если положение не меняется и они упорно не хотят исполнять мелодию, которую насвистывает им хан. Среди французов, как дошли до меня слухи, явились некоторые мужи, которые в своих книгах преподавали такого рода мудрость управления государством, и среди этих господ есть некий Монтескье, об идеях которого я на днях узнал от одного путешественника, и кое-что из них вполне совпадает с моими собственными представлениями, что я именно и хотел бы ввести у себя, если бы только мог решиться выступить перед моими татарами с флейтой наготове!» [3, с. 22].

Эти слова Крым Гирей I подтвердили характеристику хана, полученную ранее фон дер Гольцем из различных источников в том, что Крым Гирей I «был не только храбрым татарским воином, но являлся своеобразным и любознательным человеком, который до некоторых вещей доходил исключительно своим умом и собственными силами старался постигнуть и привить в своем обиходе идеи и устройство, возникшие на Западе» [3, с. 22], а также прекрасно для восточного человека разбирался в секретах европейского музыкального искусства. Завершил хан аудиенцию, данную им прусскому посланнику, следующими словами: «Я между тем льщу себя надеждой, что среди нашей дикой природы вы не будете думать, что покинуты всеми музами. Вы должны присутствовать как-нибудь и на одном из моих концертов, потому что я дорожу ценю мою капеллу, состоящую, как вы увидите, из превосходных артистов по всем инструментам. При этом дворе имеется также труппа комедиантов и скоморохов, дающих нам прекрасные представления. Вы приглашаетесь к ближайшему представлению» [3, с. 23]. Сам тон явного удовлетворения и нотки нескрываемой гордости, с какими были произнесены ханом слова об артистах капеллы и особенно об актерах своей придворной театральной труппы, позволяют исследователям истории театрального искусства сделать вывод, что деятельность ханской придворной театральной труппы и музыкальной капеллы ко времени приезда фон дер Гольца в Бахчисарай являлась делом, уже вполне устоявшимся и в некой степени традиционным, что, в свою очередь, дает повод отождествить время появления придворной театральной труппы и музыкальной капеллы в Крыму с датой восшествия Крым Гирей I на крымский престол, то есть 1758 годом. В этой связи нет смысла лишний раз

отмечать, что создание театральной труппы европейского образца и его дальнейшее развитие в Крыму являлось предметом особой важности для этого крымского правителя и занимало в его жизни особое место. О том, что Крым Гирей I был хорошо знаком с французским театром и живо интересовался французской драматургией, могут свидетельствовать следующие слова, сказанные им прусскому посланнику в ходе той же аудиенции: «Скажите ему (королю Пруссии. – И. З.), что хан Крым Гирей – человек веселый, любящий удовольствия и иногда позволяющий себе посмотреть умную французскую комедию...» [3, с. 23]. Гольцу во время его первого посещения ханского дворца в Бахчисарае была показана также и «высокая башня с террасою, обнесенной решеткой; с этой террасы жены хана могли видеть представления, даваемые ханскими телохранителями, а иногда и находящимися на его службе комедиантами и скоморохами» [3, с. 26].

В определенной мере о том, что Крым Гирей I был хорошо знаком не только с западным театром, но и с творчеством крупнейших философов Запада и Востока, свидетельствует также его высказывание посланнику короля Пруссии Фридриха II фон дер Гольцу, сделанное им в июне 1762 года во время обсуждения крымской и прусской сторонами статей крымскотатаро-прусского военного договора в военном лагере крымских войск, располагавшемся возле татарского местечка Чепчаклы в Буджаке (на картах того времени Чекчаклы. – И. З.): «Так, великий арабский государственный мудрец Ибн Халдун, который не уступит вашему Монтескье, сказал следующее: «Слово верующего решает мир и войну, смотря по тому, к чему будет сказано; ибо сила всего созданного живет в чистом слове верующего, из которого произрастают государства, расцветают города и народы, как дерево, как дерево от своего корня!» У вас все произрастает из написанного, и поэтому у вас один не доверяет другому; ибо бумага все терпит и, не краснея, принимает всякую ложь; но живое слово, оскверненное дыханием лжи, останавливается на устах. Поэтому никогда не сомневайтесь в слове, данном мною, между тем как ваше писание мне приходится обсуждать день и ночь, чтобы проверить его при свете солнца и луны!» [3, с. 45–46].

Крым Гирей I в ходе переговоров с посланником прусского короля проявил себя опытным переговорщиком и человеком, сведущим в вопросах дипломатии. Для того чтобы максимально оттянуть время для окончательного ответа прусскому посланнику о времени и способах военного выступления крымских войск против российских войск на прусской стороне, он во время пребывания Гольца в Бахчисарае отправил новое посольство к Фридриху II в Пруссию во главе со своим придворным переводчиком Якубом с новыми вопросами и поручениями и сроки своего ответа связывал с возвращением этого посольства в Крым [3, с. 26]. Упомянутое крымское посольство, возглавляемое придворным переводчиком и дипломатом Якубом, обратно в

Крым выехал от двора короля Пруссии Фридриха II из Бреслау (современный Вроцлав в Польше. – И. З.) 14 февраля 1762 года [3, с. 35]. Вскоре после возвращения крымского посольства к хану из Пруссии прибыл посланный для его лечения Фридрихом II личный доктор короля господин Фрезе [3, с. 36].

Осуществление постановок драматургических произведений европейских авторов и в том числе пьес Жана Батиста Мольера смешанной придворной театральной труппой, состоявшей как из местных крымскотатарских придворных артистов – мукалидов, так и из приглашенных ко двору лично ханом иностранных актеров и музыкантов из Франции, Австрии и Польши, как это выяснилось из текста воспоминаний фон дер Гольца, де Тотта и Клеемана, было весьма распространенным при дворе хана Крым Гирея I явлением. О степени интенсивности проведения придворной бахчисарайской капеллой и комедиантами концертов и спектаклей можно сделать вывод из слов хана, сказанных им прусскому посланнику дер Гольцу в ходе очередной аудиенции, когда он официально приглашал посланника на представления своих артистов: «А пока желаю вам приятно проводить время; почаще бывайте на моих концертах, каковую честь я прошу оказать мне завтра вечером, и рассказывайте мне больше о том, как живут у вас, что сказали ваши философы и ученые» [3, с. 30]. То, что представления французских и крымскотатарских артистов при дворе хана Крым Гирея I весной 1762 года было делом обыденным и постоянным, говорят также сведения фон дер Гольца об ожидании членами прусского посольства очередной аудиенции хана, за время которого членам дипломатической делегации пришлось многократно присутствовать на обставленных с чрезмерной расточительностью роскошных придворных празднествах, в ходе которых обязательным было выступление «французских артистов и татарской придворной капеллы» [3, с. 35]. Предположительно основным местом проведения выступлений придворной труппы и капеллы мог быть окончательно восстановленный и отреставрированный в начале первого правления Крым Гирея I так называемый зал ханского Дивана, в котором проходили приемы иностранных послов и заседания высшего совета Крымского ханства, так как по своим размерам, форме, комфорту для зрителей и артистов и освещенности являлся наиболее подходящим для этих целей помещением ханского дворца.

Актеры и артисты капеллы Крым Гирей-хана сопровождали его также и в военных походах и почти ежедневно давали свои представления. Об этом свидетельствуют следующие строки из книги Теодора Мундта, описывающие период нахождения прусского посольства в военном лагере ханской армии под татарским местечком Чепчаклы в Буджаке: «По вечерам регулярно устраивались его капеллой концерты, на которых в его (крымского хана. – И. З.) свите появлялись Гольц и Боскамп (соответственно – посланник и

дипломатический агент прусского короля. – И. 3.); но в разговоре с ними он не касался вопросов, состоявших в связи с деловыми сношениями, а говорил о музыке, об искусствах, о философии, которые, по его словам, составляли его конек, и просил Гольца рассказать об операх и пьесах, назначаемых Фридрихом Великим к постановке при его дворе, причем он слушал с напряженным вниманием и некоторые особенности в передаче толмача заносил на доску, которую позади него держал слуга» [3, с. 46–47]. Количество личного времени и неподдельное внимание, которые Крым Гирей I уделял в своих беседах с фон дер Гольцем вопросам развития музыкального и театрального искусства, и в том числе его бесконечные расспросы прусского посланника о постановках театральных пьес и опер при дворе прусского короля, а также конспектирование ханом рассказов посланника об театральных особенностях драматургических и оперных постановок при дворе прусского короля являются дополнительным свидетельством той серьезности, с какой крымский правитель относился к вопросу создания и развития театрального дела в своей стране.

Несмотря на то что Крымское ханство являлось мусульманским государством, управлявшимся по законам шариата, пением и музыкальным инструментальным исполнительством в нем увлекались не только мусульмане-мужчины, но и мусульманки – крымскотатарские женщины. Об этом хорошо свидетельствует описанный Тунманном эпизод, в котором фигурирует дочь ханского придворного толмача Арманда по имени Зейнеб, исполнявшая крымскотатарские песни под собственный аккомпанемент на восточном щипковом струнном музыкальном инструменте кануне, известным тогда в Пруссии и Австрии под названием «цитра» (zither) [3, с. 50].

Смеем предположить, что, достраивая или отстраивая «с безумной роскошью» в период своего первого царствования ханский дворец в Кавшане, Крым Гирей I задумал строительство одного из залов этого дворца в качестве театрального зала, предназначенного специально для осуществления в нем постановок пьес своего придворного тетра. Об этом в какой-то мере могут свидетельствовать строки из мемуаров фон дер Гольца, опубликованные Тунманом: «Хан со своим войском прибыл уже 29 июля (1762 года. – И.3.) к Кавшанам, расположенным на Ботне (река, протекающая по территории современной Молдавии. – И. 3.), в четырех милях от Бендер, городку, в котором находился недавно построенный по распоряжению хана дворец его, где он теперь и устроил свою главную квартиру» [3, с. 48]. Можно предположить, что одним из действий Крым Гирей I, подтверждающим его планы довершить в декабре 1768 года обустройство интерьера нескольких помещений достроенного им в период своего первого царствования нового ханского дворца в Кавшанах именно в русле создания в них неких театральных помещений, явился заказ, сделанный крымским ханом

представленному ему главой ханских придворных лекарей («геким баши») этническим французом Бланшетом и французским консулом бароном де Тоттом австрийскому негоцианту Клееману чрезмерно большего, нежели это было потребно для жилища восточного правителя, количества зеркал и люстр. В связи с этим можно также предположить, что один, возможно, самый большой зал дворца хан планировал обустроить в качестве своеобразного театрального зрительного зала [1, с. 52–53]. Вероятно, что увиденная де Тоттом в конце ноября 1768 года в ханском дворце Крым Гирея I *«новая татарская комедия, основанная на смешных положениях и запутанных приключениях»* [3, с. 65], игралась крымскотатарскими, французскими и предположительно польскими артистами именно в этом зале.

Фон дер Гольцу, возможно, одному из первых представителей прусского двора, пришлось увидеть результаты строительных и отделочных работ, организованных Крым Гиреем I в продолжение реставрации и восстановления бахчисарайского дворцового комплекса, начатых его дядей – крымским ханом Арслан Гиреем I – после варварских разрушений и поджога дворца, учиненных солдатами российской армии под командованием фельдмаршала Бурхарда Миниха в 1736 году. Вот как описал увиденное в ханском дворце в марте 1762 года сопровождаемый переводчиком Мустафой-агою на первую аудиенцию к крымскому хану этот прусский офицер: «Стены зала были сплошь покрыты живописью, изображавшей пейзажи, острова, морские заливы, дворцы в фантастически перемешанной композиции, между тем как пол был усеян изречениями из корана, изображенными золотыми буквами по темному полю». Из этой аванзалы Гольца провели через «ряд небольших, но изящно обставленных зал, сверкавших золотом, серебром и кристаллами; через разноцветные стекла окон распространялся в них магически окрашенный полумрак» [3, с. 19]. Выполненная по заказу и в соответствии с художественными вкусами Крым Гирея I великолепная отделка дворца лишний раз подчеркивает наличие у этого крымского монарха утонченного художественного вкуса и его глубокую осведомленность в вопросах декоративно-прикладного и изобразительного искусства.

Доказательством того, что уже в период первого царствования Крым Гирея I осуществлялся руководимый этим крымским ханом процесс создания профессиональной придворной музыкальной капеллы и театральной труппы могут послужить также и материалы донесений в Санкт-Петербург консула Российской империи в Крымском ханстве премьер-майора Александра Никифорова.

Из рапорта консула России в Бахчисарае 16/27 ноября 1763 года (в оригинале текста):

«Сего ноября, 2-го дня вдовствующая и летами престарелая польская шляхтянка Соломанида Ефимова дочь (Саломея Пильштынова – И.З.), ко-

торая для лечения от очных болезней пред сим несколько времени жила в Киеве, в Москве, и в Санктпетербурге, а после в Константинополе в султанском доме, а на конец когда прошедшего лета (1762 года. – И. З.) из Константинополя ехала в Польшу, то в Хотине здешним ханом (Крым Гиреем I. – И. З.) сдержана и ныне живет в Бахчисарае, пришед ко мне по прочим разговорам, говорила:

1-е. Почти по всякий день для посещения страждущих очною болезнию в ханском дворце, а нередко и у самого хана бывает, оной хан чтоб был безумен или очень умен, того не видно, однако довольно приметила в нем ветреное непостоянство, а чтоб ему что ни сказал, тому всему верит, особливо же от непостоянниц, слушая их внушений и принимая оныя за справедливыя, поступает так радно, как малый ребенок.

2-е. В бытность ее у хана 31-го минувшего октября пришед туда ханской тайной секретар и первый фаворит Абдулах-эфенди и принес полученные через прибывшего к хану от молдавского господаря капу кегаю («капу кяхья» или «капу кетхуда» – титул мажордома, советника-секретаря. – И. З.) многое число турецких и других писем, да от негож господаря два ящика и один сверток, обернутыя полотном и запечатанные. По раскупорению оных видела она в первом ящике до десяти штук парчевых и шелковых материй, а в другом четыре скрипицы, а в свертке самая малая серебряная блюдца. Письмож хан, приняв сам, читал, между которыми одно упомянутого господаря прочитав, зделался вдруг веселым, и как Абдуле так и бывшим тогда чегодарям («чухадар» – крымскотатарское и турецкое слово – суконщик. – И. З.) объявил: «пишет де господарь, что польской король умер, то надобно де нам стараться кормить лошадей», и то письмо положил в карман, прочия турецкия и другия для перевода отдал Абдуле.

3-е. Хан был с соседями и подданными своими так хорошо обходился, как и прежния, но с постоянного пути збивает и на всякое зло наставляет вышеописанный Абдулаг, також и из жидов побусерманившийся находящийся при лекаре прусской нации толмачем Мустафа, и советывала от сего последнего крайнеб я остерегался и ни в какия подробныя с ним разговоры не входил, называя ево великим плутом» [2, Опись 8, единица хранения 1144, Фолиант 25а–26б].

Из текста этого донесения российского консула интересным для темы данной статьи является его второй абзац. В нем со слов польской шляхтянки Саломеи Пильштыновой говорится о присылке молдавским господарем крымскому хану четырех скрипиц, то есть скрипок европейского образца. Господарем Молдовы на тот момент являлся слывший покровителем ученых грек-фанариот Григорий Каллимаки (1761–1764 и 1767–1768). Основным смычковым инструментом в пользовании крымскотатарских, армянских и греческих музыкантов Крымского ханства на тот момент являлся

кеман – близкий родственник персидской кеманчи. Шарообразный корпус инструмента изготавливался в основном из абрикосового дерева, тыквы, кокосового ореха или других материалов и обтягивался кожей. Кеман в персидском языке означает слово «смычок» (в крымскотатарском – «яй» или «джай»), отсюда происходит и название самого инструмента. Кеман производился на тот момент как крымскими мастерами, так и поставлялся из-за рубежа, а так называемый стамбульский кеман являлся одним из основных предметов импорта в Крымское ханство [13, с. 62]. Отсюда и европейская скрипка (виола) вошла в крымскотатарскую музыкальную терминологию под названием «кемане». Возникает вопрос: зачем Крым Гирею I тогда понадобились скрипки именно европейского образца? На тот момент при дворе хана продолжала работать увиденные до этого в марте 1762 года прусским посланником фон дер Гольцем музыкальная капелла и театральная труппа европейского образца, составленные в основном из приглашенных из Европы артистов и музыкантов, в достаточной степени владевших мастерством игры на этом инструменте, и эти скрипки по какой-либо причине понадобились для них. Но нам кажется, что основной ответ на этот вопрос дает в своих воспоминаниях (речь о них будет вестись дальше) австрийский негодциант и путешественник Клееман. Крым Гирей I при заключении контракта с актерами театра и музыкантами оркестра, приглашаемыми для работы в его придворном театре, одним из обязательных условий их работы вменял им обязательство обучать своему искусству местных крымскотатарских артистов. По этой причине эти присланные 31 октября 1763 года молдавским господарем Григорием Каллимаки, вероятно, по просьбе крымского хана четыре скрипки, предназначались именно для добавленных в оркестр европейского образца четырех крымскотатарских музыкантов.

Третьим по хронологии описанных в них событий и основным по важности для темы данной статьи приведенных в них сведений, касающихся истории развития театра европейского образца у крымских татар и вообще в Крыму, а также о личности и деятельности крымского хана Крым Гирея I источником являются воспоминания французского дипломата словако-венгерского происхождения барона Франсуа (Франтишека, Франца) де Тотта. В 1785 году в Париже вышло книжное издание мемуаров Ф. Тотта под названием «Memoires sur les Turcs et les Tartares. Paris, 1785» – «Воспоминания о турках и татарах. Париж, 1785». Это издание в четырех книгах вызвало огромный читательский интерес. В том же году вышло еще три издания мемуаров, которые были также переведены на английский и датский языки. В 1786 году вышел немецкий перевод во Франкфурте и Лейпциге. В 1788 году мемуары были изданы в Вене и Голландии (Амстердаме). «Описания турок и татар» барона де Тотта были изданы в польской столице Варшаве в 1791 году (*Opisy Turków y Tatarów przez barona de Tott, Warszawa, 1791*).

В венгерском Пеште 10-томное собрание мемуаров вышло в 1836 году. Мемуары Ф. Тотта читала вся Европа. Часть мемуаров в переводе Алексея Татарчевского была опубликована на русском языке в 1883 году в Киеве. В самом конце XX века его мемуары были переведены на турецкий язык и под названием «Tott, François baron de. Türkler ve Tatarlara Dair Hatıralar, İstanbul: Tercüman» (Тотт, Франсуа барон де. Воспоминания о турках и татарах. Стамбул: Терджуман) изданы в Турции. Эта чрезвычайно интересная работа была выполнена показавшим себя образованным и талантливым, остроумным и деятельным дипломатом, философом и литератором де Тоттом в жанре мемуаров и дневника путешествий. Всё, описанное им в своих мемуарах, де Тотт пережил лично.

Темы пребывания барона де Тотта при крымском дворе и в связи с этим деятельности и личности крымского хана Крым Гирея I в своих работах касались и такие европейские исследователи, как венгерские историки XIX века Коломан Талый, Ференц Тотт, Ян Янко, Елена Точек, начала и конца XX века Эдгар Палочи и Йозеф Захар, современные словацкие историки Зденек Хорбулак и Мирослав Даниш. В 2015 году вышла развернутая статья профессора, заведующего кафедрой всеобщей истории Университета имени Я. А. Коменского (Братислава, Словакия) Мирослава Даниша «Дипломат словацкого происхождения барон Франтишек Тотт при дворе крымского хана Гирея» («Baron Frantisek Tott, a diplomat of the Slovak origin at the court of the Crimean Khan Giray». Miroslav Danis). В статье на основе малодоступных историографических источников автор анализирует дипломатическую деятельность французского барона Франтишека (Франца) Тотта, консула короля Людовика XV, при дворе крымского хана в последней трети XVIII века. Особое внимание уделено дипломатическим усилиям французского посла в подстрекательстве крымского хана принять участие в русско-турецкой войне против России. Приведены малоизвестные факты биографии Ф. Тотта, касающиеся его деятельности в Бахчисарае и его контактов с крымским ханом Крым Гиреем I.

Находившийся в Бахчисарае на момент вторичного восшествия на крымский престол хана Крым Гирея I, аккредитованный при крымском дворе консул Франции барон де Тотт выехал навстречу следовавшему из Стамбула в Кавшан хану и встретил его на берегу Дуная в Измаиле [3, с. 63].

Одним из дополнительных свидетельств к подмеченному современниками в поведении крымского хана Крым Гирея I признаку западнофильства или, по-другому, если так можно выразиться, его проевропейской жизненной философии могла служить его редкая для восточных правителей, как хан сам говорил барону де Тотту, «принадлежность к числу почитателей французской нации и ее удивительного ума», а также причисление себя к числу «поклонников французской кухни» [3, с. 63]. Барон де Тотт также

передает некоторые детали туалета крымского хана на торжественном приеме ханом членов крымского двора и деятелей крымскотатарского государства в день вступления Крым Гирея I во дворец после прибытия из Константинополя 24 ноября 1768 года. На нем была татарская шапка, украшенная двумя султанами, на которых сверкали алмазы, и традиционный для крымскотатарских правителей воинский аксессуар, призванный подчеркнуть их принадлежность к степным кочевникам – лук и колчан со стрелами [3, с. 64].

Очень важным свидетельством, если так можно выразиться, процесса привития стараниями хана Крым Гирея I традиций европейского классического театра в крымскотатарской среде является письменное замечание французского консула при крымском дворе барона де Тотта о сделанном им наблюдении в день вышеупомянутого торжественного приема крымским ханом членов своего двора и первых лиц крымскотатарского государства во дворце в Кавшанах (24.11.1768 г.): «По окончании обеда артистами Крым Гирея, которые обязательно сопровождали его даже в походах, была поставлена *новая татарская комедия, основанная на смешных положениях и запутанных приключениях*» [3, с. 65]. Следуя логике, слова де Тотта об осуществлении татарскими артистами в тот день постановки «новой татарской комедии» означали то, что к этому времени должны были существовать и «старые», уже к этому времени сыгранные другие, в данном случае крымскотатарские комедии. Но, к огромному сожалению, мемуары барона де Тотта и другие источники не сообщают названия этой новой татарской комедии или же названий уже к этому времени сыгранных артистами театральной труппы крымского хана Крым Гирея I старых татарских комедий. Но сам факт осуществления этих крымскотатарских театральных представлений артистами крымской ханской театральной труппы в середине XVIII века, благодаря литературным стараниям французского дипломата, стал фактом исторической реальности, вслед за вышеприведенными сообщениями фон дер Гольца об увиденных им в 1762 году в Бахчисарае первых постановках классического европейского театра в тюркском и исламском мире носителями тюркского языка и исламской культуры – крымскими татарами. То, что «новая татарская комедия, основанная на смешных положениях и запутанных приключениях», артистами придворной труппы была поставлена именно в день прибытия хана из Стамбула в свой кавшанский дворец, может предположительно указывать на то, что ханская театральная труппа следовала в обозе свиты Крым Гирея I, сопровождая его на всем пути следования ханского кортежа из Румелии. Так как мы не находим сведений, подтверждающих наличие театральной труппы в распоряжении предшественника его второго воцарения на крымском троне – крымского хана Максуд Гирея I, эта труппа, следовательно могла, быть набрана в пери-

од междуцарствия Крым Гирей I, во время его пребывания в находившемся в европейской части Османской империи в окрестностях населенного в основном греками города Визе имении Пынарбаши-Сарай. То есть предполагается, что Крым Гирей I приступил к созданию своей театральной труппы или же вновь ее собрал сразу же после своего возвращения из ссылки на остров Родос в свое вышеназванное поместье. В случае верности нашего предположения это может послужить лишним подтверждением безмерной любви и привязанности Крым Гирей I к своим артистам и к театральному искусству как таковому вообще.

Также французский консул пишет о том, что ко времени их знакомства с Крым Гиреем I этот крымский хан был уже хорошо знаком с личностью и произведениями великого французского драматурга Жана Батиста Мольера и с французским театром как таковым. Об этом свидетельствуют следующие строки из работы Теодора Мундта «Французский дипломат (де Тотт. – И. 3.)», столь решительно завладевший расположением хана, должен был и на этом представлении сидеть рядом с ханом и отвечать на его непрерывные вопросы о французском театре, в особенности же о произведениях Мольера, о которых ему приходилось много слышать» [3, с. 65]. В беседе с крымским монархом французский дипломат выяснил, что Крым Гирей I обладает не только познаниями о французском театре, но и то, что хан также знаком с творчеством и личностью гениального французского драматурга Жана Батиста Мольера. Оказалось, что хану хорошо известны некоторые драматургические произведения Мольера как по сюжету, так и по искусству их обработки. Особенно его интересовал Тартюф, об образе которого хан много размышлял и даже высказал барону де Тотту свое мнение о том, что «в каждой стране имеются свои Тартюфы, и, вероятно, в татарских странах имеются свои» [3, с. 65]. В продолжении этой беседы, Крым Гирей I обратился к французскому консулу с просьбой, чтобы он заказал для хана перевод с французского языка на крымскотатарский язык этой превосходной комедии [3, с. 65]. В примечаниях к своей работе Теодор Мундт, ссылаясь на страницу 116 II тома воспоминаний барона де Тотта (*Memories du Baron de Tott*. II, 116.), пишет, что о переводе «Тартюфа» Мольера на татарский язык барон де Тотт доносил своему начальству в Париж и обратился к Руффину, секретарю французского консульства в Бахчисарае и переводчику французского короля Людовика XV, и что в действительности эта работа была поручена, но не была исполнена [3, с. 65]. Неисполнение данной работы по переводу этой пьесы Мольера, на наш взгляд, в первую очередь объясняется тем, что вскоре не стало самого заказчика перевода – крымского хана Крым Гирей I и, следственно, отпала надобность в ее исполнении. Сам же секретарь французского консульства в Бахчисарае месть Руффин после драматического бегства из разоряемого буджакскими татарами (ногайцами) Кавшана барона де Тотта в Стамбул возгла-

вил французскую дипломатическую миссию в Крымском ханстве [6, с. 24].

Далее французский консул де Тотт, подводя итог своим наблюдениям за театральными пристрастиями Крым Гирея I и влиянием на его мировоззрение театрального искусства как такового, делает вывод, что утверждаемые философией французского классического театра «правила драматического искусства, законы приличия и вероятности, внушали крымскому хану большее уважение, нежели театральные зрелища турок» [3, с. 65]. Под «театральными зрелищами турок» в свое время несколько лет проживший в Стамбуле французский консул, по всей видимости, имел в виду распространенные тогда и в Крыму традиционные виды турецкого народного театра «орта оюны», кукольный театр теней «Карагез и Хадживат» и своеобразный турецкий театр одного актера «меддах».

О всепоглощающей страсти Крым Гирея I к музыкальному искусству или по другому, о том, что этот человек абсолютно не мыслил своего существования без музыкального искусства, свидетельствует также и факт присутствия при нем в последние минуты его жизни небольшого инструментального оркестра, состоящего из шести музыкантов, вероятно, отобранных самим ханом, которые в момент прощания его с жизнью «начали чудно звучащий концерт, пьесы для которого были заранее намечены Крым Гиреем» [3, с. 86].

Также и о факте сохранения древней музыкальной традиции воинского хорового пения тюркских и монгольских народов в крымскотатарской армии во второй половине XVIII века и искусстве крымскотатарских воинов хором исполнять свои песни на марше в конном строю во время длительных конных переходов мы узнаем из этой работы Теодора Мундта со слов сопровождавшего крымского хана Крым Гирея I во время ведения последним военных действий против российских войск в Новой Сербии консула французского короля Людовика XV при крымскотатарском дворе барона де Тотта [3, с. 71].

Практически в одно и то же время с бароном де Тоттом и в основном благодаря протекции этого французского консула в так называемой северной столице Крымского ханства Кавшане (совр. Каушаны, Молдова) побывал и встречался с ханом Крым Гиреем I австрийский негодант и путешественник Николаус Эрнст Клееман (1736–1801), посетивший затем Крым во время своего большого путешествия в 1768–1770 гг. из Вены по Черноморью в Стамбул и через Малую Азию, Архипелаг и Триест снова в Вену.

В год присоединения Крымского ханства к Российской империи в Санкт-Петербурге в переводе на русский язык с французского вышла его работа «Клееманово путешествие из Вены в Белград и Новую Килию, також в земли буджакских и нагайских татар и во весь Крым, с возвратом чрез Константинополь, Смирну и Триест в Австрию в 1768, 1769 и 1770 годах,

с приобщением достопамятностей крымских». / Переведенное с немецкаго на французский, а со онаго на российский язык Государственной военной коллегии секретарем Иваном Одинцовым. – В Санкт-Петербурге: при Государственной Военной коллегии, 1783. – 250 с.

Первое издание немецкого оригинала труда Клеемана, было опубликовано в Вене в 1771 году под названием «Reisen von Wien über Belgrad bis Kilianowa» («Путешествие из Вены через Белград в Килианову»). Второе издание его книги было опубликовано Иоганном Паулем Краузе в 1773 году в Лейпциге. В 1780 году в Невшателе (Нушатель) Типографским обществом печати был опубликован уникальный французский перевод этого труда с немецкого языка, выполненный Анри Рие. Именно текст этого перевода с немецкого на французский язык впоследствии перевел на русский язык секретарь Государственной военной коллегии Российской империи Одинцов. В 1783 году в чешской Праге, в которой с 1776 года Клееман занимался торговлей табаком, Шенфельдом был издан третий, увеличенный тираж этой книги. В том же 1776 году ее издали в голландском городе Хаарлем. Известна еще одна работа Клеемана «Письма о судоходстве и деятельности в Венгрии, Славонии и Хорватии, написанные о поездке в эти страны в 1773 году», что является свидетельством того, что литературная деятельность для него была, отнюдь не случайной.

Подробное перечисление и упоминание в тексте данной статьи количества воспоминаний, научных работ и статей, а также стран их издания, в тексте которых в той или иной степени отображена деятельность крымского хана Крым Гирей I в области создания театрального дела в Крыму, указано в данной статье с целью выявления географии знакомого с этой темой научного мира.

К слову, воспоминания фон дер Гольца, де Тотта и Клеемана о крымском хане Крым Гирее I в XVIII–XIX веках читала вся Европа.

Во владения крымского хана Клееман прибыл со своим переводчиком, армянином из крымского города Карасубазара 20 декабря 1768 года и провел свою первую в Крымском ханстве, сопровождаемую снежной бурей ночь в доме у крымских татар в одной из татарских деревень. Хозяева этого дома, чьи человеческие качества он оценил во много раз выше, нежели достоинства турок, обогрели их, высушили их промокшую одежду. Через три дня следования по территории Крымского ханства, в полдень 23 декабря он прибыл в его северную столицу ханства – татарский город Кавшан. Этимология топонима Кавшан (молдавские Каушени) предположительно можно вывести из тюрко-татарских терминов «кавша» – «впадение» (возможно, от близости данной местности к месту впадения реки Ботна, на которой расположен Кавшан, в Днестр), или «кавшак» – «пересечение дорог», в Кавшане сходились дороги шести направлений. В этом наполненном татарами,

турками, евреями и армянами городе он остановился на постоялом дворе (хане) у некоего перса.

Не найдя на месте консула (по нашему предположению, консула французского короля в Крымском ханстве барона де Тотта, находившегося в это время в османском городе Бендер, где по просьбе крымского хана Крым Гирея I присутствовал при переговорах крымской стороны с представителями польских конфедератов), Клееман через секретаря консула (предположительно, это был месть Кустель. – И. З.) выразил свое почтение господину консулу [1, с. 43–44]. Переводчиком между ними был приглашен некий немецкий еврей (ашкеназ). На другой день, 24 декабря, Клееман встретился с французским консулом и получил его покровительство в своем желании получить от хана паспорт на дальнейшее свое свободное передвижение вместе с привезенными им товарами вглубь территории Крымского ханства [1, с. 45]. На удовлетворение просьбы Клеемана французский консул барон де Тотт попросил три дня. Через четыре дня, то есть 29 декабря, Клееман, не дождавшись ответа консула, обратился к нему вторично с просьбой о содействии в получение ханского фирмана, на что консул уверил его, что все приготовит до отъезда хана (выступления хана в поход во главе войск в пределы Новосербии. – И. З.). Тот факт, что Клееман предоставил консулу де Тотту рекомендательные письма от некоторых лиц, указывает на то, что у них, возможно, были общие знакомые по причине австрийского гражданства немца и происхождения французского консула с территории, по Карловицкому миру 1699 г. с турками отошедшей к австрийским Габсбургам [1, с. 46].

Особое место в своих воспоминаниях и роль в вопросах влияния на хана Крым Гирея I лиц из его окружения путешественник отводит личности главного лекаря хана, которого он называет на татарский манер геким-баши (Глава лекарей). На личности главы ханской лекарской службы стоит остановиться особо. По сведениям Клеемана, он являлся родившимся на острове Хиос, где его отец был консулом Франции, «отатарившимся французом», и носил французскую фамилию Бланшет. Медицинское образование и докторский диплом (докторскую шапку) геким-баши получил в Италии, в Риме. Бланшет неотступно находился рядом с Крым Гиреем, начиная с момента его первого восшествия на крымский престол и до момента кончины хана, включая ссылку хана на остров Сакиз и остров Родос, а также во время его нахождения в имении Пынарбаши в период его междуцарствия. Клееман очень высоко оценивал познания Бланшета в вопросах традиционной восточной медицины и его хорошее отношение к себе. Общались между собой они на латыни [1, с. 47]. Благодаря содействию Бланшета, Клееман смог вечером того же дня встретиться с ханом в одном из помещений ханского дворца, куда Клеемана пригласил толмач – переводчик хана, для того чтобы австриец разъяснил хану при помощи переводчика способы использования

привезенных им различных металлических механических инструментов. Демонстрация хану и его свите инструментов длилась около часа. На обращение Клеемана к хану с просьбой о выдаче фирмана последний ответил, что поговорит об этом с геким-баши. Через два дня от того же геким-баши Клееман узнал об отданном ханом распоряжении о выдаче австрийскому путешественнику фирмана, а на следующий день, 30 декабря, он был удостоен официального приема Крым Гиреем в кавшанском дворце [1, с. 49].

Приведенные выше сведения Клеемана о личности главного лекаря хана являются свидетельством особого положения Бланшета при крымском дворе и большого его влияния на личность Крым Гирея I. По всей видимости, влиянием этого француза и других членов его двора – европейцев объясняется происхождение познаний Крым Гирея I в философии его современника Шарля де Монтескье, а также его увлечение французским театром и природа толкований ханом драматургических произведений Жана Батиста Мольера.

В ходе вышеупомянутой аудиенции хан обратился к Клееману с поручением доставить ему во дворец 150 зеркал, каждое в 6 четвертей в длину и 3 четверти в ширину, а также полдюжины потолочных и дюжину боковых настенных люстр (четверть (четы) – мера длины в XVI–XVII вв.).

В XVI–XVII вв. четвертью (или четью) называли также $\frac{1}{4}$ казённой (трёх-аршинной) сажени; эта четверть в современных единицах равнялась 54 см. – И. 3.) [1, с. 51]. Хан просил Клеемана доставить все это как можно скорее, обещая для избежания задержек и лишних поборов на таможах Османской империи исходатайствовать в Стамбуле у султана специальный фирман, в котором Клееман и его люди будут указаны представителями (комиссарами) крымского хана. По всей видимости, как говорилось об этом выше, эти зеркала были заказаны ханом для оборудования отдельных площадей своего дворца в качестве театральных и репетиционных помещений.

Наряду с этим поручением Крым Гирей I отдельно попросил Клеемана привезти ему из Австрии 12 музыкантов, играющих на различных музыкальных инструментах, для его дворцового театра, с выполнением при этом всех международных юридических формальностей по заключению с этими музыкантами контракта на три года работы в ханском оркестре с выяснением суммы и условий оплаты их работы в Крымском ханстве, с представлением ханского дозволения им выехать обратно в Австрию по истечении срока данного контракта. Со своей стороны Крым Гирей I предложил приглашаемым музыкантам в качестве оплаты за их работу до 3000 пиастров в год. Помимо этого артистам давались одинаковые права наравне с другими работниками при ханском дворе, а также предоставлялись бесплатно покои (жилье при дворе), платье (одежда), мясо, пшено, хлеб, дрова и сено (фураж). Контракт, как говорилось выше, хан предлагал заключить сроком

на три года с условием подготовки к сроку окончания контракта каждым австрийским музыкантом на свое место в оркестре музыканта из числа местных музыкантов, подданных хана. При этом переводчик хана (толмач) объяснил Клееману, что он может обращаться к хану при необходимости через геким-баши (главу лекарей), который уведомит австрийца о воле хана [1, с. 52–53]. Последнее являлось лишним доказательством важности роли при крымском дворе и степени влияния Бланшета на крымского хана.

Среди приближенных Крым Гирея I находилось достаточное число европейцев, которые, как отмечалось выше, наряду с Бланшетом также могли оказывать влияние на формирование тех вкусов, познаний и пристрастий хана в отношении искусства европейского театра, которыми был приятно удивлен французский консул де Тотт в ходе его бесед с Крым Гиреем I о театре. Одним из близких к хану людей был также немец – переводчик, происходивший из самой крупной провинции Пруссии Бранденбурга, перешедший на службу к крымскому хану и принявший ислам вместе с новым именем Мустафа. Выше, в тексте рапорта российского консула в Крымском ханстве Никифорова, если речь идет об одном и том же человеке, то он почему-то назван человеком «из жидов побусерманившийся находящийся при лекаре прусской нации толмачем Мустафа» [2, фол. 25a]. Этот крымский придворный сановник Мустафа-ага, являвшийся одним из ханских переводчиков, ожидал в момент нахождения Клеемана в Кавшане своего назначения на должность посланника крымского хана в Вене при дворе австрийского императора Иосифа Габсбурга II [1, с. 54].

В населенном тогда в основном татарами, турками, армянами, евреями и молдаванами городе Кавшане крымскими ханами был выстроен в стиле местной, крымской архитектуры дворцовый комплекс, состоящий в основном из одноэтажных зданий. Вот, как о нем писал в своих дневниковых записях Клееман: «Сие строение зрению довольно приятное и снаружи выкрашенное белой и синей краскою, окруженное высокой стеною. Издали оно весьма походит на увеселительный (интересно, какое значение вкладывает Клееман в слово «увеселительный» – дом зрелищ, постановок? – И. З.) дом такой, какие бывают в немецкой земле; дворец нарочито велик, и внутри покои, как я видел, великолепны, покрытые коврами, и сделаны софы (веранды. – И. З.).» [1, с. 56]. В свою очередь, служители дворца – татары – произвели на Клеемана впечатление «честных и услужливых людей, молодых и пригожих» [1, с. 57]. Одежду мурз (дворянства) крымских татар путешественник характеризует следующим образом: «Платье их было из тонкого сукна, весьма чистое, и подбитая долгая епанча опоясана длинным шелковым поясом. Сие одеяние, похожее более на платье польское, нравилось мне лучше турецкого: ибо оно придает приятность стану и сидит весьма хорошо» [1, с. 57].

Внедряя в повседневную жизнь крымскотатарского двора традиции ев-

ропейской музыки и театра, Крым Гирей I не ослаблял внимания и к деятельности своего традиционного крымскотатарского военного оркестра «мехтеран», исполнявшего произведения крымскотатарской военной музыки и являвшегося неотъемлемой составной частью крымскотатарской армии. Бывший в год первого воцарения на крымском престоле Крым Гирей I консулом короля Франции Людовика XV в Бахчисарае Клод-Шарль Пейсонель о системе традиционного музыкального профессионализма у крымских татар писал, что «есть мехтер-баши или начальник музыки и двенадцати музыкантов; этот мехтер-баши получает подушную подать в ханском государстве со всех цыган, которые ему всецело подчинены» [4, с. 27]. Вероятно, Пейсонель, говоря о «получении подушной подати со всех цыган в ханском государстве», имел в виду налогообложение занимавшихся в Крымском ханстве профессиональной музыкальной деятельностью крымскотатарских цыган – чингене.

Именно о выступлении и своеобразном восприятии необычного звучания традиционного крымскотатарского военного оркестра Крым Гирей I для настроенного на европейскую оркестровую музыку слуха и музыкальных вкусов австрийца пишет в своих путевых записках Клееман: «Всякий день около ночи военная музыка слышна во дворце хана и продолжается целый час, и я никогда столь гадкой и разногласной музыки не слышал. 10 человек играли на инструментах похожих на гобои, только в половину их менее, коих отверстие весьма узкое (зурна и борозан. – И. З.). Трое били в малые литавры столь запачканные, что с трудом узнать можно, из какого металла они сделаны (думбелек. – И. З.). Наконец, у 10 других на шее висели большие барабаны, покрытые красным сукном, в кои они ударяли весьма сильно толстою кривой палкою, а с другой стороны – другою гораздо малою (чубук давул. – И. З.). Сия музыка начинается то гобоями, которые несколько минут играют одним тоном; после чего один из них начиная играть, бьет такту, и делает разныя телодвижения и кривляния лица по тих пор, сколько его духу станет; напоследок играют они все в один раз, и спустя немного времени за литаврами слышен барабанный бой, и все кончится общим концертом, или лучше сказать, такою музыкою, что гадко. Когда ария кончится, то первый гобоист начинает, а за ним последуют и прочие, так, как я описал. Наконец один из сих музыкантов, крича изо всей силы, делает обещания оберегать хана, которыя повторяются криком всей кучи» [1, с. 58–59]. Интересным и показательным, в смысле наличия и использования крымскими татарами символики, знамен и штандартов Крымского ханства, является описание Клееманом церемонии выступления 7 января 1769 года хана Крым Гирей I и его армии в поход с целью начала военных действий против российских войск: «По правую сторону несли перед ним 12 штандартов, а именно: бунчук с шелковым знаменем, коего половина была красная, а другая зеленая;

два бунчука все зеленые, два небольших знамя, из коих одно зеленое, а другое желтое, весьма похожее на корабельный флюгер, три знамя красныя с широкими зелеными каймами, на коих вырезан полумесяц, а в середине изображалась двойная сабля зеленого цвета; два знамя желтыя с широкими красными каймами, и в середине те же самые знаки зеленые, и два знамя до половины красные и половина зеленые. Все эти штандарты были новые, украшенные многими висящими из красного шелку кистьюми» [1, с. 60–61].

Не часто в европейской литературе встречается описание, как выглядел походный костюм крымских ханов. Для полноты картины отправления крымского хана в военный поход приводим описание Клееманом внешнего вида и выезда Крым Гирея I из ханского дворца в Кавшане: «На нем была шуба соболя, покрытая зеленым штофом (тяжёлая шёлковая или шерстяная ткань с тканым рисунком. – И. З.). Калпак, или челма турецкая была такого ж цвета, с широкою соболею опушкою, и в руке держал жезл, означающий верховное начальство. Онный жезл или палка весьма короткая, оправленная золотом, наверху коей была нарочитая четвероугольная головка с острым концом; при боку имел короткую саблю с золотым эфесом, коей ножны были зеленые бархатные, оправленные также в золото. Лошадь, на которую он садился, была гораздо лучше всех тех, которых я до того видел: она была арабская, росту весьма высокого, белая с черными и темножелтыми пятнами; прибор узды золотой, и наперст или нагрудник такого же металла (золотого), чепрак седла был светло-голубой бархатный, с широкою золотою бахромою. Перед сим владетелем, несли четыре штандарта, также наперед и позади за ним шло восемь драбантов высокого роста, у которых были большие колпаки, украшенные позолоченными гербами, изображающими ханское оружие. Кафтаны на них красные, и опоясаны широким золоченым поясом, с бляхою наперед такого же металла, шаровары были тафтяные желтые и сапожки сафьяновые такого же цвета. Оружие их состояло в длинной сабле, у коей ножны были позолоченные, и в большом кинжале. Два паша последовали верхом на лошади за ханом. Позади их шел его секретарь, одетый в татарское платье. Многие из Начальников сего народа шли в беспорядке, а позади несли прочие знамена, за коими следовали верхами музыканты. Свита была заключена другим народом, составленным из многих сотен татар. Вся сия свита представляла зрелище гораздо великолепнее, как я мог в уме своем представить, чтобы была такая у хана крымского, и мы обыкновенно полагаемся на прочих немцов, делающих, в разсуждении сем, свои описания» [1, с. 61–62]. Как видим, даже в ханском кортеже музыканты занимали одно из почетных мест сразу же за процессией ханских знаменосцев.

В Крым Клееман из Кавшана выехал 21 января 1769 года, получив фирман (разрешение) на дальнейшее следование от ханского секретаря 9

января. Разрешение на выезд Менсил (мензиль. – И. З.), из-за недостатка лошадей для его поездки он получил в день отъезда. До отъезда Клееман встретился и простился с французским консулом и главой лекарей крымского хана. До Бендер Клеемана провожал племянник геким-баши Бланшета [1, с. 63], а сам глава лекарей хана Бланшет уверял Клеемана о том, что находится среди крымских татар более десяти лет [1, с. 204]. Характеризуя Бланшета, австрийский путешественник пишет о нем, как о любимце хана и преданном ему человеке, «который разделил с ним свое благополучие и злополучие» [1, с. 207].

Выходит так, что в окружении Крым Гирея I иностранцы – французы и немцы – занимали отнюдь не последнее место и существенно могли влиять на многие процессы при его дворе, и в том числе на привязанность крымского хана к театральному искусству и его усилия по внедрению канонов европейского театра при крымском дворе.

О смерти хана и о бунте буджакских татар (ногайцев), сжегших Кавшан, Клееман узнал в начале апреля, находясь в крымском Карасубазаре [1, с. 89].

После отъезда из Крыма в Стамбул, в Пере Клееман посетил вернувшегося туда барона де Тотта, который рассказал о том, что в Кавшане татары, виня консула в подстрекательстве хана на начало военного похода в неблагоприятное время, в результате которого заболел и умер их любимый хан, напали на его дом. Все находившиеся в нем вынуждены были бежать кто куда, пропал консульский секретарь (Кустильо. – И. З.). Сам барон три дня скрывался в какой-то яме, откуда его спас и вывез в Стамбул один хорошо относившийся к нему старый татарин [1, с. 165].

Вот какую характеристику крымским татарам дает в своих путевых заметках Клееман: «Татары, зависимые от хана малой Татарии (крымского хана. – И. З.), противу турок не столь грубы, и качества со всем отменного, и по большей части учтивые, добронравные, вежливые и к науке способные» [1, с. 199].

А вот как австриец характеризует Крым Гирея I в отдельно отведенной для описания личности крымского хана Крым Гирея I главе своей книги «Особливыя примечания о хане крымском Крым-Гирее, весьма известном при начале сей войны»: «Никогда малая Татария не была управляема величайшим владетелем, разумнейшим и любезнейшим народу, как ханом Гиреем, и он тот самый, о коем я предложить честь имею» [1, с. 205]. В продолжении Клееман пишет: «Его разум, способность и искусство в войне приобрели новую благосклонность к нему Султана турецкого <...> Татары во всяком случае оказывают много почтения и привязанности к фамилии Гирея, под руководством коего военные их предприятия почти все счастливы, а более привязаны любовью к сему последнему хану, возвышенному в другой раз в сие достоинство, потому что знали его великодушие. Многие

тысячи шли к нему на встречу в Константинополь, где и пробыли во все время его пребывания, провожая его и тогда, когда он возвратился в Крым» [1, с. 206].

Обстоятельством, послужившим поводом к началу дипломатической карьеры де Тотта при дворе Крым Гирея I, явилась серьезная болезнь прежнего консула Франции при дворе крымского хана, и министерство иностранных дел Франции озабочилось поисками достойной кандидатуры на освободившееся место. В итоге прежний французский консул в Бахчисарае Пьер Луи Форнетти (Фурнье) (1732–1790), в 1755–1758 годы работавший переводчиком при консуле Франции в Крымском ханстве Пейсонеля и в 1758–1768 годы исполнявший функции консула в Крымском ханстве [8, с. 158], был отправлен в отставку министром иностранных дел Франции месье Шуазелем, а его функции были переданы Франсуа де Тотту.

В этой связи возникает предположение, что увлечение Крым Гирея I французским театром и его взгляды на развитие европейского театра, а также его усилия по внедрению традиций европейского театра при своем дворе, вероятно, получили свое начало в самом конце консульской каденции в Крыму Клода-Шарля Пейсонеля, а основное влияние на эти процессы оказал все-таки Луи Фурнье, все шесть лет первого правления этого крымского хана тесно соприкасавшийся с ним по долгу своей службы. Немаловажной могла быть в этом процессе и роль обучавшегося в Европе и неразрывно следовавшего повсюду за Крым Гирем I в течение последних десяти лет его жизни его главного лекаря Бланшета, возможно, поступившего на службу к хану благодаря протекции Форнетти. Роль Форнетти (Фурнье) в приобщении Крым Гирея I к искусству французского театра, в какой-то мере подтверждает, что ко времени общения с ханом прусского посланника фон дер Гольца и французского консула де Тотта не выезжавший за этот период в западные страны Крым Гирей I предстал человеком, обладающим вполне твердыми и устоявшимися взглядами на искусство французского театра и драматургии.

Вернувшийся вскоре после ареста в Стамбуле российского посла Обрескова на крымский трон хан Крым Гирей I по пути из Стамбула в Кавшан принял делегатов от польских конфедератов, возглавляемых епископом Адамом Станиславом Красинским и графом Петром Франтишеком Потоцким. На переговорах представителей крымского хана с польскими конфедератами присутствовал также и французский консул де Тотт. На переговорах обсуждалась возможность совместных военных действий против российских войск, но переговоры не принесли никаких реальных результатов.

Российский историк Василий Смирнов, отличавшийся особой, иронично-скептической манерой подачи материалов, в своей работе по истории Крымского ханства, ссылаясь на сто десятую страницу второго тома вос-

поминаний де Тотта (Tott, *Memories*, II: 183) также пишет: «Он (хан Крым Гирей I. – И. З.) и умер-то под звуки концерта, который играли ему шесть музыкантов, постоянно находившиеся в его покоях» [5, с. 101]. Далее российский историк, характеризуя некоторые личные качества Крым Гирея I и его пристрастие к театральным представлениям, в присущей ему манере отмечал: «Подвергаясь во время похода всем неудобствам и трудностям зимнего путешествия и питаясь, зауряд с прочими татарами, толоком, Крым-Герай в то же время умел смаковать и хорошее венгерское вино, и очень любил наслаждаться фиглярскими зрелищами. Любопытно известие как относительно оргий, происходивших в Каушане, так и участие в них конфедератов, которые фигурировали в качестве вожатых в этой компании. Когда пронеслась молва о том, что в Каушане день и ночь происходят пляски да потехи, то «антрепренеры с большими издержками и хлопотами, в надежде на щедрость (хана), позабিরали всех, какие оказались, мальчишек в банях и цирюльнях в Стамбуле и в Пере, посажали их в повозки и запрудили Каушанское поле (и это в условиях самой суровой за последнее время зимы в этом регионе?! – И. З.) <...> ...один из ляхских бояр, душевный приятель ляхского же боярина по имени Потоцкого, с несколькими польскими ресторанными мальчуганами, под видом дружбы к нему, как будто бы бежал из Польши и пристал к ханской свите. Заставляя польских мальчуганов играть вместе со своими музыкантами, хан каждый день как следовало покучивал... Он вздумал взять с собой и в поход упомянутого антрепренера польского; но путешествие оказалось столь пагубным вследствие страшных морозов и массы снегов, что польский боярин, бывший в то же время и за проводника, во время пути исчез» [5, с. 102]. Это чрезмерно едкое и ироничное замечание Смирнова также в какой-то мере может служить подтверждением предположения об участии в выступлениях ханской театральной труппы в Каушане наряду с французскими и крымскотатарскими актерами и польских артистов.

Говоря о деятельности Крым Гирея I в период своего первого и второго правления, будет справедливым коснуться и времени его междоусобицы.

В сентябре 1764 года на крымский трон был посажен сын хана Фетх Гирея II Селим Гирей III. Пребывавший на острове Сакиз (Хиос) Крым Гирей-хан, вступив в переписку со своими сторонниками в Крыму и посылая своих людей в Стамбул, пытался вызвать беспорядки в ханстве. По этой причине Селим Гирей III своими жалобами в Стамбул добился в сентябре 1765 года отправки Крым Гирей-хана, еще дальше – на остров Родос. В марте 1767 года Селим Гирей III был смещен, и вместо него на крымский трон во второй раз был возведен его дядя Арслан Гирей I. Вследствие противоречий, возникших между Крым Гиреем I и сообществом острова Ро-

дос, а также обращения его старшего брата хана Арслан Гирей I к турецкому султану Мустафе III Крым Гирею I было дано разрешение проживать в его румелийском поместье в окрестностях города Визе Пынарбаши-Сарай. Второе правление хана Арслан Гирей I продолжалось недолго. В июне 1767 года тело скончавшегося в Кавшане хана Арслан Гирей I было похоронено в Бахчисарае, а вместо него на крымский трон взошел сын хана Селямет Гирей II Максуд Гирей I [11, с. 144; 15, с. 26–27].

О том, что хан Крым Гирей I был умным, великодушным, влиятельным и по-настоящему выдающимся государственным деятелем своего времени говорит даже то, что в своем поместье Пынарбаши-Сарай в Румелии за короткий срок он принял более пятисот несправедливо смещенных со своих государственных должностей капуданпашей и беев Египта, Алжира и Боснии, пашей Албании и других ранее сосланных на острова государственных деятелей Османской империи [16, с. 73]. Вполне вероятным могло оказаться то, что часть театральной труппы, встретившей его в конце ноября 1768 года в ханском дворце в Кавшане постановкой *«новой татарской комедии, основанной на смешных положениях и запутанных приключениях»*, и сцен из, предположительно пьесы Мольера «Тартюф» [3, с. 65], могла быть сформирована ханом во время его пребывания в своем поместье Пынарбаши-Сарай.

В довершение написания личностного портрета ценителя муз и театрального деятеля хана Крым Гирей I следует привести подчеркивающие уровень познаний хана в архитектурном искусстве слова австрийского путешественника Клеемана об умении им эти познания применить в организации реставрационных и строительных работ в столице и других поселениях ханства, даже находясь в это время за пределами Крымского полуострова: «Он (хан. – И. З.) также, во время своего отсутствия из Бахчисарая, приказал увеличить свой дворец и соорудить в окрестностях сего города многие увеселительные дома» [1, с. 210]. Правда, не совсем понятно, что имел в виду автор под выражением «многие увеселительные дома». Возможно, речь шла об открытии в населенных пунктах Крыма, служивших крымским татарам в качестве своеобразных национальных клубов – кофеен («къаве-хане»), в которых зачастую проходили выступления бродячих артистов театра теней «Карагоз», странствующих артистов театра одного актера «меддах» и музыкально-поэтические выступления поэтов саза – ашиков.

Образ просвещенного крымского монарха, каковым являлся Крым Гирей I, прекрасно дополняют шуточные слова о своем увлечении науками, адресованные ханом прусскому посланнику фон дер Гольцу: «Раз уж сошлись в дружеской беседе добрый пруссак и веселый татарин, поэтому приходится решиться на признание, причем мне важно знать, понизится или повысится вследствие этого ваше мнение обо мне. Знайте же, что с некоторых пор я

очень усердно занимаюсь наукой о природе и приобрел некоторые познания в том, что у вас называется химией, физикой и астрономией» [3, с. 31].

Вот как, со слов австрийца Клеемана, отзывались о владении ханом Крым Гиреем I науками его приближенные: «По объявлению как его лекаря (Бланшета. – И. З.), так и прочих при его свите беспрестанно бывших, хан одарен был чрезвычайными качествами, каких никто из преемников его не имел. Он знал разные науки, и весьма редко, чтоб из мусульманов хотя мало оным изучен был: как например архитектура, география, астрономия и химия. Алхимия была первая, к коей он имел великую страсть» [1, с. 210].

В качестве одного из доказательств уважения и симпатии, с которой относился к своему хану подвластный Крым Гирею I крымскотатарский народ, уместно привести заключительные слова путевых записок Клеемана, касающихся Крыма: «После всех сих действий, особливо касающихся до нравов и других новостей, народ много бы выиграть мог, ежели бы нечаянная и весьма скоропостижная смерть не опровергла бы вдруг великой надежды, которую народ полагал в жизни сего государя» [1, с. 210].

Российский историк Смирнов передает характеристику, данную крымскому хану современником хана османским историком Ахмедом Ресми: «Ресми Ахмед-эфенди, вообще не особенно щедрый на похвальные отзывы и, в частности, не слишком сочувственно относившийся к татарам и их ханам, так, однако же, описывает Крым-Герая: «Крым Герай был остальной богатырь из татар. Он был грозный человек, умевший осуществлять свою угрозу. Татары и казаки боялись его...» [5, с. 99]. В свою очередь Смирнов в завершении главы об эпохе этого крымскотатарского хана отмечает, что «Крым-Герай-хан был последний крымский хан, сколько-нибудь серьезно смотревший на свое властное положение и энергично пользовавшийся им сколько в свое удовольствие, столько же и для поддержания престижа сана, который он носил. С его смертью наступила и политическая смерть Крымского ханства» [5, с. 103].

Теодор Мундт, в завершении своей работы об истории прусско-крымских отношений также называет Крым Гирея I последним великим ханом, правившим Крымским полуостровом, «пред тем, как им завладела императрица Екатерина» [3, с. 87]. Турецкие историки отмечали, что среди плеяды последних ханов Крымского ханства Крым Гирей I был самым внушительным и смелым, отличался своею настойчивостью и железной волей [9, с. 25]. Российский историк Соловьев писал, что «главным союзником Австрии и Франции в Константинополе был крымский хан Крым-Гирей» [5, с. 91]. Известный австрийский историк Хаммер-Пургшталь, также считал Крым Гирея I последним из великих ханов Крыма [10, с. 149] и что именно Крым Гирей I был последним ханом Крымского ханства, по-настоящему

использовавшим достигнутое им положение и не желавшим опираться в правлении своим государством на мощь власти Османов [10, с. 160].

Имеются прямые письменные свидетельства немецких, польских, российских, французских и австрийских авторов о существовании и функционировании при крымском дворе в период первого и второго царствования Крым Гирея I (1758–1764 и 1768–1769) придворной театральной труппы и музыкальной капеллы европейского образца, дававших представления как на крымскотатарском, так и на французском языках, в репертуар которых входили крымскотатарские комедии и драматургические произведения французских классиков (*«новая татарская комедия, основанная на смешных положениях и запутанных приключениях»* [3, с. 65] и предположительно «Тартюф» Мольера, увиденные де Тоттом в Кавшане). Посланник прусского короля Фридриха II барон фон дер Гольц, консул короля Франции Людовика XV барон де Тотт и австрийский негодант и путешественник Клееман наблюдали выступления придворных крымских артистов лично, мадам Пильштынова и Александр Никифоров также находились в этот период в Бахчисарае и также могли быть свидетелями показа театральных представлений. Эти письменно подтвержденные представителями европейских стран, в которых ко времени их появления в Бахчисарае столетиями существовал свой национальный классический театр, факты существования в период предположительно с 1758 по 1769 годы у крымских татар театральной труппы и музыкальной капеллы европейского образца значительно расширяют хронологические рамки бытования традиций европейского классического театра в Крыму и выводят их из первой половины XIX века к середине XVIII века.

Существование с середины XVIII века у крымских татар и вообще в Крыму постановок классического европейского театра, а также такой выдающейся исторической личности, как крымский хан Крым Гирей I, стараниями и усилиями которого эти театральные традиции были привнесены на крымскую землю, является предметом особой гордости крымскотатарского народа и всех крымчан. Крымской ханство стало первым тюрко-исламским государством, а крымские татары первым тюрко-исламским народом, воспринявшими и усвоившими традиции европейского классического театра. К слову, в Османской империи первая европейская театральная постановка была осуществлена итальянской оперной труппой при дворе султана. В 1807 году при дворе османского султана Селима III в первый раз было дано представление оперной труппы из Италии. В 1842 году в Турции были переведены на турецкий язык первые драматургические произведения европейских авторов. Ими стали «Bourgeois Gentilhomme» («Мещанин во дворянстве») и «Le Malade imaginaire» («Мнимый больной») Жана Батиста Мольера. В 1859 году турецким писателем Ибрагимом Шинаси была на-

писана и в 1860 году в газете «Терджуман и ахвал» опубликована первая пьеса на турецком языке «Şair Evlenmesi» («Женитьба поэта»). Первой театральной постановкой на турецком языке стал спектакль классика турецкой литературы Намыка Кемаля «Vatan yahut Silistre» («Родина или Силистра»). В 1873 году в Азербайджане была осуществлена первая театральная постановка на азербайджанском языке. Ею стала постановка пьесы основоположника азербайджанской драматургии Мирзы Фатали Ахундова «Везирь Ленкоранского ханства». В остальных тюркоязычных республиках и регионах бывшего СССР первые театральные спектакли на национальных языках были сыграны в разные периоды XX века.

Просвещенный монарх, храбрый воин, ученый муж, одержимая театральным и музыкальным искусством индивидуальность, благородный, щедрый и великодушный человек, горячо любивший свою землю и служивший ей до конца, любящий сын. Все эти слова о славной исторической личности, унаследовавшей свою любовь к искусствам от своего знаменитого деда – композитора, поэта и одного из величайших крымских ханов Селима Гирея I, именем которого вправе гордиться Крым, крымскотатарский народ и весь тюркский мир. К сожалению, имя этого великого сына Крыма не увековечено на земле, народу и искусству которой он верно служил. Лишь в воспетой великим Пушкиным и Мицкевичем легенде о воздвигнутом по его велению бахчисарайском фонтане и в имени построенных им в Бахчисарае дюрбе – усыпальницы его покойной матери Диляры-Бикеч и разрушенной в 1946 году красавицы-мечети Ешиль Джамии продолжает звучать его гордое и грозное имя – Крым Гирей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клееман Н. Э. Клееманово путешествие из Вены в Белград, Новую Килию, також в Земли Буджатских и Нагайских Татар и во весь Крым с возвратом чрез Константинополь, Смирну и Триест в Австрию в 1768, 1769 и 1770 годах, с приобщением описания достопамятностей крымских / Н. Э. Клееман; пер. с нем. на фр., а с онаго на рос. яз. Гос. Военной Коллегии Секретарем И. Одинцовым. СПб, 1783. 250 с.
2. Копия из рапорта А. Никифорова от 16.11.1763 г. // Архив Внешней политики Российской империи. Ф. 89: Сношения России с Турцией. Оп. 8, единица хранения 1144, фолиант 25а–26b.
3. Крым-Гирей, союзник Фридриха Великого. Пролог столкновений между Россией и Турцией. Теодора Мундта // Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. 1909, № 43. С. 1–88.
4. Пейсонель Ш. де. Записка о Малой Татарии; Пер. с фр. В. Лотошниковой. Днепрпетровск: Герда, 2009. 110 с.
5. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты

в XVIII в. до присоединения его к России. Том второй. М.: Издательский дом Рубежи XXI, 2005. 314 с.

6. *Татарчевский А.* Путешествие и деятельность барона Тотта в качестве консула в Крыму в 1767 году // Киевские университетские известия. 1873, № 10. С. 2–24.

7. *Adile Eminova.* Kırım Giray'ın hanlık dönemi (1758–1764; 1768–1769) Danışman: Dr. Öğr. Üyesi Zekeriya Türkmen İstanbul 29 Mayıs Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Lisans Bitirme Tezi. 2018. 39 s.

8. *François Baron de Tott, Türkler ve Tatarlara Dair Hatıralar*, / tercüme M. Reşat Uzman, ed. M. Fatih Topaloğlu, yay. yönetmeni Cengizhan Orakçı Ankara: Kesit Tanıtım Ltd. Şti., 2004. 324 s.

9. *Halim Giray, Gülbün-ü Hanan* (Kırım Hanları Tarihi). Editör Dç. Dr. Bekir Günay Yayına Hazırlayanlar: Alper Başer, Alper Günaydın. İstanbul. 2013. 121 s.

10. *Hammer-Purgstall, Jozeph von. Kırım Hanlığı Tarihi.* Çevirmen: Seyfi Say. İnsan yayınları. İstanbul. 2013. 197 s.

11. *Kırım Hanlarına Name-i Hümayun (2 Numaralı Name Defteri)*, İstanbul: T. C. Başbakanlık Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü, 2013. 288 s.

12. *Osmanlı Belgelerinde Kırım Hanlığı*, İstanbul: T. C. Başbakanlık Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü, 2013. 359 s.

13. *Özdem Zeynep.* Karşıda bir yer: Kırım Karasubazar'da sosyo-ekonomik hayat (17. Yüzyılın sonlarından 18. Yüzyılın ortalarına kadar) / Zeynep Özdem. – Ankara: Türk Tarih Kurumu. 2010. 197 s.

14. *Tott F.* Memoires sur les Turcs et les Tartares. Paris, 1785. 324 s.

15. *Uzunçarşılı İsmail Hakkı, Osmanlı Tarihi* IV Cilt, I Bölüm (Karlofça Antlaşmasından XVIII Yüzyılın Sonlarına Kadar). Türk tarih Kurumu. Ankara. 2011. 687 s.

16. *Kesbi, Mustafa. İbretnüma-yı Devlet (Tahlil ve tenkitli metin)*, haz. Ahmet Öğreten, Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2002. 654 s.

17. *Resmi Efendi, Ahmet. Hulasatü'l-İ'tibar: (1768–1774 Osmanlı-Rus Harbi Tarihçesi)*, haz. Osman Köksal, Ankara: Gazi Kitabevi, 2011. 183 s.

Сведения об авторе: Заатов Исмет Аблятифович – кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, Батурина, 7А, г. Казань, Российская Федерация); zaatov@gmail.com

Crym Girey I – the founder of the classical theater in the Crimea (on the issue of 257 years experience of the Crimean Tatar`s first theatrical productions of the European type theater).

Ismet Zaatov

(Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences)

Abstract. The formation process of the Crimean Tatar theater can be divided into the following periods: medieval – folk theater (the initial round dance and toy puppet theater of shadows “*Karagoz*”, the theater of one actor “*meddah*”, the arena theater “*orta oyuny*”); Khan’s theater in the middle of the XVIII century (penetration into the Crimea of European theater traditions in the era of the Crimean Khan Crym Girey I); the revival of traditions of the Crimean Tatar theater late XIX–XX centuries (the activities of a theater-goers group of the Jadidist Crimean Tatar youth–followers of I. Gasprinsky, under the leadership of J. Meinov – the efforts of the Crimean Tatar noblewoman-myrsachkas under the leadership of A. Taiganskaya; organization of a professional Simferopol Tatar theater troupe under the People’s Commissar of Education of the Crimean ASSR in 1921 and creation and activities of the Crimean Tatar Drama Theater, headed by A. Taigan, and the Crimean Tatar amateur movement in the Crimea, and among the Crimean Tatar foreign diaspora of 1923–1944 (Soviet pre-deportation period); recreation and current activities of the Crimean Tatar theater in the Crimea, 1989 (post deportation period).

In this article, for the first time in the art history, is revealed the so-called Khan’s period in the formation of the Crimean Tatar theater, discussed the revolutionary activity in the field of Crimean Tatar art, the ascetic activity of the Crimean Khan Crym Girey I to promote the ideas of European theater traditions and create a classical theater in the Crimea.

The picture of the actions undertaken by the Crimean ruler in the construction of theater business in the Crimea, as well as his thoughts and statements about the theater, was recreated according to the text published in the XVIII century, memories of personal meetings and conversations with Crym Girey I of European authors: German – von der Goltz, Polish – Pilshtynova, Russian – Nikiforov, Frenchman – de Tott, Austrian – Kleeman. Based on these recollections is built a clear and explicit picture of a role of Crym Girey I as a pioneer in bringing European theater traditions and creation of a classical theater in the culture of the Crimea, the Turkic and Muslim worlds.

Keywords: Crym Giray I, German, Russian, Polish, Austrian, French, Crimean Tatar theater, Moliere, Tatar comedy.

For citation: Zaatov I. A. Crym Girey I – the founder of the classical theater in the Crimea (on the issue of 257 years experience of the Crimean Tatar's first theatrical productions of the European type theater). Krymskoe istoricheskoe obozrenie=*Crimean Historical Review*. 2020, no. 1, pp.100–135. DOI: 10.22378/kio.2020.1.100-135

REFERENCES

1. Kleeman N. E. *Kleyemanovo puteshestviye iz Veny v Belgrad i Novuyu Kiliyu, takozh v zemli budzhatskikh i nagayskikh tatar i vo ves' Krym, s vozvratom chrez Konstantinopol', Smirnu i Triyest v Avstriyu v 1768, 1769 i 1770 godakh, s priobshcheniyem dostopamyatnostey krymskikh* [Kleeman's journey from Vienna to Belgrade and New Kilia, also to the lands of the Budjak and Nogai Tatars and to the whole of Crimea, with coming back through Constantinople, Smyrna and Trieste to Austria in 1768, 1769 and 1770, with the attaching of the Crimean memorials] Translated from German into French and from French into Russian by the State Military Collegium Secretary Ivan Odintsov. In St. Petersburg: at the State Military College, 1783. 250 p.
2. *Kopiya iz raporta A. Nikiforova ot 16.11.1763 g.* [A copy from the report of A. Nikiforov from 16.11.1763 g.] Archive of the Foreign Policy of Russian Empire, F. 89: Relations of Russia with Turkey, Inventory 8, storage unit 1144, Folio 25a–26b.
3. *Krym-Girey, soyuznik Fridrikha Velikogo. Prolog stolknoveniy mezhdu Rossiyey i Turtsiyey. Teodora Mundta.* [Crym Girey, an ally of Frederick the Great. Prologue of clashes between Russia and Turkey. Theodore Mundt] Translation from German by V. Osterman. Proceedings of the Taurida Scientific Archival Commission. No. 43. Simferopol 1909. P. 1–88.
4. Peyssonel', Sharl' Klod de. *Zapiski o Maloy Tatarii* [Notes on the Little Tataria] Translated from French by V. Kh. Lotoshnikova. Dnepropetrovsk: Gerda, 2009. 110 p.
5. Smirnov V. D. *Krymskoye khanstvo pod verkhovenstvom Otomanskoy Porty v XVIII v. Do prisoyedineniya yego k Rossii* [Crimean Khanate under the rule of the Ottoman Port in the XVIII century before joining it to Russia] Volume Two. M.: Publishing house Rubezhi XXI, 2005. 314 p.
6. Tatarchevskiy A. *Puteshestviye i deyatel'nost' barona Totta v kachestve konsula v Krymu v 1767 godu* [Tatarchevsky A. Travel and activity of Baron Tott as a consul in the Crimea in 1767] *Kiyevskiy universitetskiy izvestiya* [Kiev University News]. 1873. No. 10. Pp. 2–24.
7. *Adile Eminova.* Kırım Giray'ın hanlık dönemi (1758–1764; 1768–1769) Danışman: Dr. Öğr. Üyesi Zekeriya Türkmen İstanbul 29 Mayıs Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Lisans Bitirme Tezi. 2018. 39 s.

8. *François Baron de Tott, Türkler ve Tatarlara Dair Hatıralar* / tercüme M. Reşat Uzmen, ed. M. Fatih Topaloğlu, yay. yönetmeni Cengizhan Orakçı Ankara: Kesit Tanıtım Ltd. Şti., 2004. 324 s.

9. *Halim Giray, Gülbün-ü Hanan* (Kırım Hanları Tarihi). Editör Dç. Dr. Bekir Günay Yayına Hazırlayanlar: Alper Başer, Alper Günaydın. İstanbul. 2013. 121 s.

10. *Hammer-Purgstall Jozeph Von. Kırım Hanlığı Tarihi*. Çevirmen: Seyfi Say. İnsan yayınları. İstanbul. 2013. 197 s.

11. *Kırım Hanlarına Name-i Hümayun (2 Numaralı Name Defteri)*, İstanbul: T. C. Başbakanlık Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü, 2013. 288 s.

12. *Osmanlı Belgelerinde Kırım Hanlığı*, İstanbul: T. C. Başbakanlık Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü, 2013. 359 s.

13. *Özdem Zeynep*. Karşıda bir yer: Kırım Karasubazar'da sosyo-ekonomik hayat (17. Yüzyılın sonlarından 18. Yüzyılın ortalarına kadar) / Zeynep Özdem. – Ankara: Türk Tarih Kurumu. 2010. 197 s.

14. *Tott F. Memoires sur les Turcs et les Tartares*. Paris, 1785. 324 s.

15. *Uzunçarşılı İsmail Hakkı, Osmanlı Tarihi* IV Cilt, I Bölüm (Karlofça Antlaşmasından XVIII Yüzyılın Sonlarına Kadar). Türk tarih Kurumu. Ankara. 2011. 687 s.

16. *Kesbi, Mustafa. İbretnüma-yı Devlet (Tahlil ve tenkitli metin)*, haz. Ahmet Öğreten, Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2002. 654 s.

17. *Resmi Efendi, Ahmet. Hulasatü'l-İ'tibar: (1768–1774 Osmanlı-Rus Harbi Tarihçesi)*, haz. Osman Köksal, Ankara: Gazi Kitabevi, 2011. 183 s.

About the author: Zaatov Ismet Ablyatifovich – Cand. Sci. (Arts), Leading Research Fellow of the Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (420111, Baturin St., 7A, Kazan, Russian Federation); zaatov@gmail.com

УДК 94: 025.173(=512.1)

DOI: 10.22378/kio.2020.1.136-150

«Эмел»имиз не эди (1930–1940)

Исмаил Керим

(Татарстан Джумхуриети Илимлер Академиясы, Ш. Марджани адына тарих Институты; Къырым муэндислик ве педагогика университети)

Анълатма. Къырымтатарджа яйнлар арасында 1930-нджы сенелери гъает меракълы ве салмакълы дергилерден «Эмель меджмуасы» сайылмакъта. Ишбу дерги 1930-нджы сенеден башлап 1940 сенесине къадар нешир этильди ве эпси олып 154 номери чыкъарылды. Нешир мевкъи Пазарчыкъ шеэрчиги о заманда Романиянынъ теркибинде булунмакъта эди. 1930 сенелериннъ сонъунаджек араб уруфатында чыкъарылып, сонъки он беш номери латин харфлери иле басылгъандыр. Дергининъ мундериджаты ве ёнелиши акъкъында логотипинде бойле изаат берильмекте: «Ильмий, эдебий, ичтимай ве икътисадий 15 кунлюк меджмуа. Месуль мудир – адвокат Мюстеджип Аджи Фазыл».

Дерги башкъа девлетте, СССР-ге къаршы олгъан девлетте, чыкъкъаны себебинден, сталин режимини сербест тенкъит этмеге имкяны олгъанындан, Къырымда кечирильген бутюн эгриликлер, акъсызлыкълар, зулумлар, яни «раскулачивание», зиялыларымызгъа ве дигер кадроларымызгъа къаршы мутхиш репрессиялар, ольдюрювлер ачыкъ косьтериле ве сталинистерге къаршы лянетлер ягъдырыла эди.

Иште, макъаладе булар иле берабер къырымтатар тилининъ инкишаф меселелери, эдебий тилимиз акъкъында дискуссиялар, эдебий парчалар ве эдебиятшынаслыгъымызнынъ базы ёнельме ёллары, фольклорымыз, тарихимиз ве тарихчилеримиз акъкъында сёз юрютильмекте.

Анаhtar сёзлер: Къырымтатар кунъделик матбуаты, арабъязылы «Эмель» дергиси, 1930 сенелеринде иджат эткен къырымтатар яызджылары, къырымтатар фольклоры, эдебий тильнинъ шекилленмеси ве осьмеси.

Меселенинъ актуаллиги. 1920-нджи сенелери миллий укюметимиз сасинде янъыдан гурълеп башлагъан миллий медениетимизде чокъ кыйметли къазанчлар эльде этильди. Къырымнынъ озюнде, Русие ве четэль окъув юртларында тасиль алгъан бир сыра аджайип зиялыларымызнынъ чокъ сыфатлы, квалификациялы, самимий хызмет ве арекетлери нетиджесинде къыскъа девир ичинде медений кучюмиз, интеллектуаль вариетимиз биркъач басамакъ даа юксельди. Бир чокъ илим адамларымыз, яызджыларымыз, оджаларымыз, медений хадимлеримизнинъ къальп ве кучлю истидат нуру, самимий чалышмалары, хызметлери иле халкъымызнынъ гъайып этильген яхут меджбурен къаранлыкъларда къалдырылгъан интеллектуаль вариетини ярыкълатып, джанландырып арекетке кетирмеге башладылар.

Языкълар олсун, бу аджайип юкселиш чокъкъа сюрмеди. 1928 сенеси майыс 8 геджесинде Къырым укюметининъ реиси Вели Ибраимов иле берабер Мустафа Абдуллаев сталинджилер тарафындан къуршун джезасына огъратылдылар. Булардан башкъа Къырым укюметининъ чешит юксек макъамларында булунгъан даа 15 адам чешит йыллыкъ шиддетли хапс джезасына укюм этильдиктен сонъ, большевизмнинъ энъ мутхиш ве къюю тоталитар юваларында буюк хыз ве арарет алгъан вульгар социологизмнинъ куфюр гъаелери Къырымгъа да авушып ат ойнатмагъа башладылар. Халкъымызнынъ асырларджа топлагъан медений вариети ёкъкъа чыкъарылып, оны сакъламагъа, осьтюрге ынтылгъан интеллигенциямызгъа исе, «буржуа миллетчиси», «дюнья империализмасынынъ агенти», «халкънынъ хаин душманы» киби иблисджесине ярлыкълар такъылып, бутюнчиклери сталинджилернинъ амансыз, аджымасыз репрессия дегирменине огърадылар.

Эсас кысым. Табий, шу сенелери кечильмез демир чубукъларынен, тырнакъ-сачынаджек сиялы миллионларджа аскерлернен хоралангъан большевиклер девлетинде вульгар социологизми маразы бийлеген матбуатымызгъа къаршы яхут альтернатив фикир бильдирген газет ве журналлар кесин оларакъ чыкъарылмады ве чыкъарыламады.

Лякин тамам шу араларда, яни 1930 сенеси январь 1-ден башлап, Романияда, Пазарчыкъта, башкъа сиясий ве социаль дурумда яшагъан семетдешлеримиз къырымтатар тилинде «Эмель меджмуасы» адлы журналны чыкъармагъа башладылар. Дергининъ эсасчысы белли къырымтатар адвокаты Мюстеджип Улькюсал эди. Базы хаберлерге коре, янъы журналнынъ адыны андаки шаиримиз Мемет Ниязий (1878–1931) къойгъан. Дженктен эввельки аман-аман бутюн девринде «Эмель меджмуасы» араб харфлериле нешир этилип, эпси оларакъ 154 номери чыкъкъандыр. Ялынъыз 1939 сенеси 7-нджи (140) номеринден башлап метинлер латин уруфатында дердж этильди. Меджмуанынъ логотипинде мундеридже ве ёнелиши акъкъында бойле хабер берильмекте: «Ильмий, эдебий, ичтимаий ве икътисадий 15 кунъюк меджмуа. Месуль мудир – авукат Мюстеджип Аджы Фазыл».

Дергининъ 1-джи номериндеки «Ильк сѣз»юнде язарларымыздан Умер Халид бойле дей: «Романиянынъ, бильхасса Добруджа парчасында яшаян ве сайысы 180 бинъге чыкъкъан тюрклерин, фикир, илим ве икътисат ёлунда бирликте яшадыкълары ватандашларындан чокъ гери къалдыкъларыны дюшонерек, бир меджмуа чыкъармагъа ниет ве тешеббюс иттик. Бугунъ чыкъмакъта олан тюркче газетлер хаджим итибарыле кучюк ве мундерида итибарыле даа зияде хавадистен (хаберлерден) муреккеп олдукълары коръдигимизден эдебий, тарихий ве икътисадий язы ве мунакъашалара мусаад ве земин ола биледжек бу «Меджмуа»нынъ бир анъ эввель чыкъмасы люзюмине къаиль олдыкъ. Добруджа тюрклерининъ къучагъында догъып, чокъ кучюк яшларында олан базы меджмуаларын интишар майданындан аз вакъыт ичинде чекиле вирмелери умютсизлиге ве ясе (яскъа) дюшюрмиюр. Чюнки бунлар халкъымызын рекъабетсизлигинден (конкуренциясы олмадыгъындан) зияде умют ве арзусындан тыш себеплер ве амеллер юзюнден девам идемемишлердир. Ёкъса миллетимиз окъумакъ, бильмек ве юксельмек дуйгъу ве истидаты яратылышында мевджут олдугъы киби, кунъден-куне ве, бильхасса буюк мухаребеден сонъра, инкишаф хызыны алмакътадыр» [1, с. 1].

Башлангъычта 8 саифелик олып чыкъкъан «Эмель меджмуасы» бираз вакъыттан 40 саифелик олды. 1-нджи номеринден башлап 47-нджи номеринеджек саифе сыралары узюльмеден девам этмекте эди. Лякин 1932 сенесининъ 1-нджи (48) номеринден саифелери эр номерде янъыдан косътерильгендир. Эминликнен сёйлемек мумкюн ки, о девирде миллий медениетимизнинъ тарихини, миллий ичтимаиетимизни, азатлыкъ огърунда миллий арекетимизни объектив ве догъру суретте косътерген кырымтатарларынынъ екяне журналы «Эмель меджмуасы» эди.

Заманына коре кенди девлетчилиги олса да, советлер режимининъ идареси алтында озъ ватанында, Къырымда, шиддетли такъип ве зулум кечирген ватанпервер зиялыларымызынъ советлернинъ шовинист рухуна уймагъан эсерлери арды-сыра «Эмель меджмуасы»нда басылып турдылар. Месея, Б.Чобан-заде ве А.Герайбайнынъ назм парчаларындан башлап, М.Нузет, К.Джаманакълы, А.Одабаш, Ш.Бектуре, Н.Челебиджихан, А.Лятиф-заде, У.Ипчи, А.Къадри-заде киби зенгин истидаткъа саип шаир ве яызджыларымызынъ эсерлери журналнынъ озюнде басылгъанындан гъайры, 1935 сенеси кене «Эмель меджмуасы» тарафындан Косътенджеде «Къырым шиирлери» серлевасынен топлам оларакъ нешир этильди. Гъает эдибана суретте язылгъан ишбу эсерлернинъ чокъусы ватан-Къырымгъа бесленген севги ве сыджакъ дуйгъуларнынъ, самимий мераметнинъ акси эдилер. Эсерлернинъ адларына дикъкъат этинъиз: М.Нузетнинъ «Къырымгъа», К.Джаманакълынынъ «Къырым дагълары», «Къырым чёллери», О.Рухийнинъ «Гузель Къырым», М.Ниязийнинъ «Добруджадан санъа се-

лям кетирдим», «Ешилъ ада», Темурджаннынъ (А.Одабашнынъ) «Юрдум» ве дигерлери.

1920 сенелерининъ экинджи ярысындан башлап коммунистлер Къырымда улу И.Гаспринскийнинъ адыны да орталыкътан къалдырдылар. Лякин буюк мутефеккиримизнинъ халкъ юрегинде алгъан ерини онъа нисбетен къальплердеки сыджакъны сувутып оламадылар. Назмиет иле гъает аз огърашкъан эдиплер биле И.Гаспринскийге багъышлап шиирлер яздылар. Меселя, А.Одабашнынъ «Улу бабай» эсеринде буюк эдибимизнинъ алидженап хызметлерине юксек къыймет кесиле ве гъарип татарнынъ миллий деградациясы себеплеринден башлыджалары косътериле:

Хэр кес келе ойнап куле яшай эди
Яш Къырымнынъ бол бахытлы шенъ багърында,
Ялан дюнья дженнетлери ясай эди
Къарт татарнынъ сатып чыкъкъан юртларында...

Аслында «Эмель меджмуасы»нынъ эдебиятшынас ве текстологларымыз ичюн де чокъ эмиети бар. Меселя, Ш.Бектуренинъ «Хакъкъым ичюн», Н.Челебиджиханнынъ «Бастырыкъ» киби шиирлерининъ метинлери эввелъ басылгъан вариантларынен къыяс этильсе, базы сёз шекиллери, атта услуп къалыбында биле феркъ сезилир ве шу парчаларнынъ озьгюн, асыл нусхаларыны тиклемек иши, дигер ильмий-эдебий тедкъикъатлар енгиллешир эди. «Эмель меджмуасы»нынъ 1940 сенесинеджек чыкъкъан 154 номерини тарап эдебий эсерлерни айрыджа чыкъарсакъ, занымызджа, бир къач том эдебий эсерлеримизнинъ топламыны да коръмек мумкюн оладжакътыр. Назм, несир ве драматургия саасында къалем ишлеткенлерден Б. Чобан-заде, Джафер Сейдамет, М.Ниязий, А.Арслан, Мемет Алим Вани, А.Къадризаде, Акъкъий Юнус, К.Джаманакълы, Чорабатыр, Къонъуратлы, Усеин Зеки, Шайип Вели, Махфуз, А.Ляtif-заде, Къобаддин Менша Меджит, Текин, Номан Байбору, Айран Токъ, Джавкъайтар, Мустафа Амет, Нураддин, Эюп Муси, Неджип Аджи Фазыл, Адвие Ашым Умер, Раиф Герай, Кунъсюер, Ариф Икмет, Риза Халил, Къырымлы Яныкъ, Осман Амди, Сервер Турупчы, Рефат Мидат, Чолпан, Абляким Джавулдар, Бекир Акъджар ве чешит аббревиатуралар алтында дигерлери бедий эсер бастыргъанларыны коремиз. Иште, «Эмель меджмуасы»нынъ бутюн 154 номерини тарай-тарай эдебий эсерлер иле багълы юкъарыдаки муэллифлерни айырдыкъ.

Чокъ сенелер кечкен сонъ, яни 2010 сенеси, анкаралы Уньсал Акъташнынъ ишбу сойадлар, тахаллюслер ве базы аббревиатураларны ачыкълагъан парчасы нешир этильди. Парчаны неширге азырлагъан унъю лексикографымыз, Къырымда (Къарасувбазарда) белли иш адамы Ресуль Велиляев тарафындан тешкиль этильген Б.Чобан-заде Фонду халкъара мукафаты-

нынъ лауреаты мерхум Саим Осман Карахан эди (Bahçesaray.–2010.– № 63–64.– С. 20). Уньсал Акъташ бойле ачыкълама япа: «Къырымлы Йылмаз» – Джафер Сейдамет Къырымэр; «Къырымлы Йигит» – доктор М. Эдиге Къырымал; «Орлу» – Селим Ортай; «Гюльтекин» – Ибраим Отар; «А.Къ.» – Амет Къаракъая; «Къырымсар» – Али Кемал Гёкгерай; «Темирчили» – Керим Токътар; «Тотманлы» – Бекир Акъджар (Бекир Мухиттин); «Текин» – Мюстеджип Улькюсал; «Добруджалы» – Мюстеджип Улькюсал; «М.У.» – Мюстеджип Улькюсал; «М.Я.» – Мурат Якъупогълу; «А.З.» – доктор Абдулла Зихни Сойсал; «М. Алач» – Сабри Арыкъан; «О.ö.» – Сабри Арыкъан (ялынъыз 25-нджи номерде); «Тонгъгъуч» – Исмаил Отар; «Чорабатыр» – Рашит Ашкъи; «Озькъырым» – Исмаил Отар [2, с. 20].

Тахаллюслер сырасыны косътерген сонъ, Уньсал Акъташ бойле бир меракълы изаат да къошмакъта: «Эмель» бюньесинде (къурулышында) даха бир къысым мюстеар (такъма ад) исимле чыкъан языларын сахиплерини озель себеплерле шу сафхада язмакъ дурумында дегилиз. Илерики йылларда уйгъун весилелерле бунлары да язмайы дюшюнөөрыз» [2, с. 20].

Косътерильген шахсларнынъ бутюнчиги (Къырым язарларындан маада) къырымтатар эдебиятынынъ ич огренильмеген деври ве муэллифлеридир. Аслында «Эмель меджмуасы»нда нешир этильген бир чокъ шиирлер ве икяелерден гъайры, аджайип драма эсерлери де булунмакъта. Назмиетимизни алсакъ, 1930 сенеси басылгъан энъ эввеля Мемет Ниязийнинъ инджилер вари дюльбер, терен фельсефий парчалары: «Булутлы бир уфукъ тулувы», «Койлю достума», «Рухумын энини» киби дёртлюклеринден башлаяракъ, 1931 сенеси айры китап оларакъ чыкъкъан «Сагъыш» («Сагъынма») адлы назм джыйынтыгъына баргъанджек, иджадий ёнелишлерининъ юксекигини айрыджа къайд этмелимиз. Мемет Ниязийнинъ биринджи шиирлер джыйынтыгъы 1911 сенеси Истанбулда «Итхафат» («Багъышламалар») серлевасынен чыкъкъан эди. Бундан сонъ, биз онынъ назм парчаларыны «Яш татар язылары» (Истанбул, 1913) топламында, «Кок китап» (Истанбул, 1919), «Къырым шиирлери» (Косътендже, 1935) киби меджмуаларда да коремиз [3].

Аслында «Эмель меджмуасы»нда басылгъан шиирлерге козь ташлагъанда, нелер корюнмекте? Къонъуратлынынъ «Заваллы халкъым» (1931), Усеин Зеккининъ «Асрет» (1931), А.Арсланнынъ «Ненемин масалы» (1931), Акъкъий Юнуснынъ (Багъчасарай «Зынджырлы» медресеси муаллимлеринден) «Тарихтен бир давуш» (1931), Чорабатырнынъ (Рашит Ашкъининъ) «Тиль къурултайы» (1932), «Ниязийге» (1932), «Джуртумчюн» (1933), «Къырым, сенден кечемем» (1935), «Къайгъы» (1935), «Ниязий» (1935), «Турнам» /Осман Джудининъ хатрасына/(1935), «Джашларгъа» (1935), «Тилек» (1935), «Байрагъым» (1935), «Татарджылыкъ ясайлар деп зорлагъанларгъа» (1936), «Байрам» (1936), «Сюемен» (1936), «Джыйын ясадыкъ»

(1936), «Кочелер» (1936), «Къаргъыш» (1937), «Къурултайджылары» (1937), «Ачув-къаргъыш» (1938), «Хайды, мылтыкъ башына» (1938), «Чатыргъа» (1938), «Атайгъа» /Ататюрккел/ (1939), «Къочанайгъа» (1939), «Московлара» (1939), «Къырымлы джашларгъа» (1939), «Ах, Къырым» (1939), «Бир арслангъа бинъ аюв» (1940), Шаип Велининъ «Муаллим Ниязийге» (1933), Махфузнынъ «Ачлыкъ хатрелери» (1933), Къобаддин Менша Меджитнинъ «Къырымгъа» (1933), Номан Байборунынъ «Челебиджихангъа» (1934), «Ачув» (1938), Айран Токънынъ «Тилегим», (1934), «Джуртум ичюн» (1934), «Татарлыккъа» (1935), Джавкъайтарнынъ «Къырым» (1935), Мустафа Аметнинъ «Ай, орайман» (1935), «Джуртум» (1937), Нуралдиннинъ «Миллет» (1935), Эюп Мусанынъ «Чилле геджеси» (1935), Неджип Аджи Аметнинъ «Ниязийнинъ ташына» (1935), Неджип Аджи Фазылнынъ «Татар къызына» (1935), Адвие Ашым Умернинъ «Гъарип торгъайман» (1935), Раиф Герайнынъ «Ешилъ юрт» (1936), Кунъсюернинъ «Ильхам бермий» (1936), «Талакъ болмасун» (1937), «Ешилъ юрт» (1938), Ариф Икметнинъ «Москвагъа хитап» (1936), Мустафа Аметнинъ «Оксюз Алининъ тербиеси» (1936), «Къурултай» (1937), Б.Дж.-нинъ «Раиф Герай къардашыма» (1936), Токътамазнынъ «Достум Чорабатыргъа» (1936), А.Меметнинъ (Русчукъ) «Эшиткенден бери джанаман» (1936), Халиль Аблякимнинъ «Очум» (1937), «Джуремиз» (1937), М.Х.-нинъ «Челебиджихан» (1937), Риза Халилнинъ «Тилегим» (1937), С. Турупчынынъ (Варшава) «Къара талий» (1937), «Салгъыр къатында» (1938), М.А.В. (Мемет Аджи Ваннинъ) «Койде джума» (1937), Осман Амдининъ «Бахарь» (1937), И.Ф.-нинъ «Къурултай» (1937), Нуреддин Болатнынъ «Апакъайларгъа» (1938), М.Ф.-нинъ «Шу джуректе не бар» (1938), Дерьядалнынъ «Миллете ол файдалы» (1938), Чолпаннынъ «Улькер»ге (1939), А.Б.Дж.-нинъ «Етим Джантемир» (1939).

Икяелерни алсакъ, Текиннинъ (Мюстеджип Улькюсалнынъ) «Аджи Къадыр акъай» (1935), Мемет Аджи Ваннинъ «Уюшалмагъан эки аркъадаш» (1937), И. Сурманынъ «Балыкъчы Мурат» (1937).

Драматургиягъа аит эсерлерден Текиннинъ (Мюстеджип Улькюсалнынъ) «Байрам шенълиги» (1934), Неджип Аджи Фазылнынъ «Къырым» (1934), Сание Афетнинъ «Турмуш кузгюси» (1939), Исмаил Аджи Зиядин «Чорабатыр» пьесасы хусусында (1940).

Журналда басылгъан фольклор къысмыны да айрыджа анъып кечмек керектир. Чокъ зенгин лексика ве озьгюн бедий образларле джюлялангъан парчалар, халкъ агъыз яратыджылыгъымызнынъ битмез-тюкенмез бир океанус олдугъыны ачыкъ косътермекте. Халкъымызнынъ бедий эдебиятындан айрылмаз къысмы сыфатында бугунде де яшатылмасына имкянлар булунмакъта ве тилимизни сакъламакъ ичюн булуна бильмеси къаттый шарттыр. Меджмуанынъ сенелер девамындаки саифелеринде растладыгъымыз «Сурукъ Сув мухаджирлер тюркюси», «Чорабатыр дестаны», «Къырым дестан-

лары», «Къырымджа айтымлар», «Ногъайлар» (1933.– №8) [4], «Тюркю ве чынълар», «Фольклор топлама меселеси», «Къырым халкъ эдебияты ве саз шаирлери», «Чынъ ве чынъдаки макъсат», «Халкъ эдебияты», «Аталар сёзлери», «Басылмаян аталар сёзлери», «Эдиге батыр», «Чынъларнынъ лугъатчеси» ве чокъ дигерлери. Даа къошмалы ки, бу ве бойле парчаларнынъ чокъусы ялынъыз бир номерде дегиль де, бир къач номерлер девамында басылдылар.

Къырымтатар эдебиятынынъ тарихине келиндже, аля бугунъ аз огренильген дереджеде олгъан ханлыкъ деври «Эмель меджмуасы»нда озюнинъ аксини тапкъандыр. Журналнынъ 1-нджи номеринде «IV Махмуд Герайнынъ бир шири» нам парчаны коремиз. Шиир XVII асырда язылса да, чокъсу сатырлары къолай-къолай окъула ве анълашыла. Эм бу парчаны окъугъанда, хатримизге эки асыр сонъ язылгъан Тохтаргъазынынъ язылары джанлана. Махмуд Герайда:

Кими майль олмуш мал дюньяе,
Кими наиль олмуш тадж ве бекъае,
Кими дервиш олмуш китмиш...

У.Ш.Тохтаргъазынынъ «Дюньяда не вар?» парчасында:

Кими киер алтын тадж,
Кими бир пула мухтадж...

Акъикъатен, классиклеримизнинъ языларыны талиль эткенде, базада араларында асырларджа девир месафелери олса да, бири-бирине якъынлыкъ, бири-дигеринен узвийлик, тамырдаш, къардаш, ветандашлыкълары ачыкъ корюнмекте.

1920 сенелерининъ экинджи ярысында Къырым матбаасында эдебиятымызнынъ тарихини айдынлаткъан Б. Чобан-заде ве А.Ляtif-заденинъ ильмий макъалелери басылгъан эди. Шу саада шаиримиз А.Герайбай да баягъы чалышты. Лякин онынъ «Къырым эдебиятына бир бакъыш» адлы буюк аджимли ве зенгин малюматлы макъалеси ялынъыз вефатындан сонъ, кене де «Эмель меджмуасы» тарафындан нешир этильди.

Юкъарыда «Эмель меджмуасы» 1930-нджы сенелери, Къырым теэссюфли ве къыйын вазиятте булундыгъы заман, къырымтатарлар ве оларнынъ вазияти акъкъында объектив хаберлер берип тура эди – деп къайд эттик. Буннынъ энъ ачыкъ мисали 1917 сенесиндеки биринджи къырымтатар миллий укюметининъ арбий министри Джафер Сейдаметнинъ макъалелеридир. Къырымтатар тилинде кендисине еяне, лякин метанетли ве джесюр минбер булгъан Дж. Сейдамет 1930-нджы сенелери «Эмель меджмуасы»нда

«Иш», «Къырым истикъял даваасы», «Къурултай ве Къырым истикъялы» киби аджайип макъалелеринде 1917–1918 сенелери Къырымда ве дигер тюркий регионларда миллий азатлыкъ арекетлери хусусында тафсилятлы ве зенгин малюмат бере. Бундан гъайры, Дж.Сейдамет къайсы бир укумет-те къырымтатарлары хусусында чыкышта булунса, «Эмель меджмуасы» аман шу акъта тафсилятлы хабер бере эди.

1920-нджи сенелерининъ сонъу ве 1930-нджы сенелерининъ башында советлер девлетининъ бутюн кошелеринде олгъаны киби, Къырымда да дешетли суретте «раскулачивание» арекети олып кечти. Бинълернен къырым-татар аилелери эвлеринден, мал-мулкюнден махрум къалып, бинълернен де ботен ерде къурбан оларар. Къырымдан чыкъарылып Урал дагъларына, Орта Асия къумлукъларына сюрюлелер. Шу арада Къырым матбуатында «кулактарны, хаинлерни джезалав вакъты кельди» къабильде яйгъара къопарыла. Ачлыкъ, зорбалыкъ, олюм дешетине огърагъан бинълернен къабаатсыз бала-чагъа, къарт-къуртны къорчалап – «Бу недир?!», «Бу артыкъ ачыкътан-ачыкъ геноциддир!» – деген лаф чыкъарылмады, чыкъарыламады... Къырымтатар тилинде тек «Эмель меджмуасы» бунъа къайгъыра билди. Ветандашларына хисдеш, къальпдеш, дуйгъудашлыкъле джан-юректен яныкълады. Халкъымызнынъ усътунден зулумны токътатувгъа чагъырды. «Эмель меджмуасы»нынъ 1930 сенеси 11-нджи номеринде басылгъан «Бир кереден 48 вагон» [5] адлы макъаледе бойле хабер бериле: «Вахший ЧэКа бир къач сенеден бери Къырым муневверлерини, руханийлерини, зенгин сынфыны тутып-тутып хапс идиюр, ольдириюр, бузлу тундралар ичине сюрдююр идиюр. Бинълердже гъайып идилен бу заваллылардан башкъа, кечен рамазан ичинде бир де топлуджа тевкъифате башланды. Къырым ярым адасынынъ хэр тарафыны бу дефа умумий бир атеш далгъалары къаплады. «Раскулачивание», яни варлыкълы кимселери парчаламакъ шиары алтында япылан бу вахишет нетиджесинде Къырымнынъ бутюн койлеринден юзьлер, бинълердже аналар чолукъ-чоджукъларыле берабер там манасыле ачычпакъ, перишан бир алда станция мевкъилерине къурбан чалынаджакъ хайван сюрюлери киби топланыр. Шехэрлерде бунлара варынаджакъ ер те-даригине лязим корюндиги кимселер де бунлары ичерие алмагъа джесарет идемеерек, ёллар ичине, къая къувукъларында къалырлар...».

Бундан сонъ 1930-нджы сенелерининъ башында олып кечкен ачлыкъ да тафсилятлы оларакъ косьтерильмекте. Джафер Сейдаметнинъ бунъа махсус «Къырымда ачлыкъ» макъалеси де бардыр [6, с. 369–371].

Эбет, бу дешетли вакъиалар акъкъында ерли матбуатта я агъыз ачылмаз, я да бам-башкъа левхаларда косьтерилир эди.

«Эмель меджмуасы» саифелеринде корюнген ярыкъ левхалардан бири де тарих илимидир. Ве тарих илимине далгъан шахсиетлерден энъ корюм-лиси де Керчь тарафларында догъгъан генчлеримизден Абдулла Зихни Сой-

сал (1905–1983) эди. Онынъ тарих иле ильгили ильк парчасы «Лех архивлеринде Къырым иле багълы весикъалар. Мурад Герай Султан бин Мубарек Герай Султаннынъ мектюби» нам серлевасыле «Эмель меджмуасы»нынъ 1930 сенеси 19-нджы номеринде басылгъандыр [7]. «Эмель меджмуасы» саифелеринде Абдулла Зихни акъкъында бойле малюмат була бильдик. Абдулла Зихни Керчь дживарындаки койлерден биринде догъды. Истанбул дарульфунуны тарих шубесини битирип дипломыны алгъан сонъ, Польшада, Краков университетининъ тарих факультетинде, доктора тезини япмагъа башлады.. 1933 сенеси анда докторлыкъ диссертациясыны къорчалады. Айны университетте ве Варшава университетининъ Шаркъ институтында чалышты. Сиясий меселелерде фааль иштирак этти.

1930-нджы сенелери Къырым тарихинен багълы онларнен мукеммель араштырмалары «Эмель меджмуасы» дергисинде басылды. 1939 сенеси Варшавада Сойсалнынъ лехдже (полякча) «Ян Казимир деврине аит весикъалар» адлы 104 саифели китабы нешир этильди [8]. Китапта Къырым ханларынынъ Лех къыралларына ёллагъан 54 ярлыгъы да лех тилине чеврилип берильмекте.

Тедкъикъатларынынъ бирисинде Лехистан архивлеринде булунгъан Къырым иле багълы весикъаларгъа дикъкъат чекерек, бойле хабер этмекте: «Бахс идеджегим пек къыйметли весикъалар буранынъ китапханелери иле Умумий Архивинде (Główny Archiwum) булунмакътадыр. Краковда булунанлар XVII–XVIII асырлара аит иди. Халбу ки, сонъ булдугъым хазинелер XV асырын нихаетлери ве XVI асырын иптидаларындан башлаякъ, сонъ заманлара къадар девам итмектедир. Бинаэналейх, бунларын арасында даха къыйметли ве интересан малюматы мухтива ярлыкъларын мевджудиетини мемнуниетле къайд идеджегим. Бу весайкъын (весикъаларын) Умумий Архивде булунан къысмы сонъ Лехистаннынъ инкъысамында (айрылмасында) Русиее накъиль идилерек, Петроград архивинде мухафаза идильмиш ве узун муддет орада къалдыкътан сонъра, енъи Лехистан хукюмети 1923 сенеси бунлары текрар эски ерине иадее мувафакъ олмуштыр. Бу мухим весайкъын къысм-ы-азама гузель къаблар дерунинде гъает итина иле мухафыз идильмиш... Учъ юзе къарип (якъын) ярлыгъын булунмакъта олдугъыны корьдим. Бунлар арасында ханлар тарафындан эски лех лисанында язылмыш оланлары да вардыр. Бунларын ханлар тарафындан язылдыгъыны узеринде булунан мухюрлеринден анълашылмакътадыр. Ичерсинде ики метро къадар узунлыгъында ве гъает гузель диваний хат иле языланлары да вардыр. Бу къыйметли хазиненинъ керек бизим ве керек Аврупа мюверрихлере (тарихчилерине) анджакъ эсаслы бирер менба оладжагъы ашикяр олмакъле берабер тюрк лисаныле огърашан ориенталистлер ичюн де буюк къыймети хаиз оладжакъларындан шупхэ ёкътур. Чюнки бунларда бугунъ гъайр-ы-мюстамель олан

(кьулланылмагъан) пек эски тюркче (чагъатайджа – А.З.) келимелере сыкъ-сыкъ тесадуф идильмектедир...».

«Эмель меджмуасы»ны саифелеркен Сойсалнынъ тарихле багълы шу сыра парчаларыны растладыкъ:

Зихни А. (Краков, Польша). Къырым ханларыле Полония кыралларынынъ сиясий мунасебетлери. Гъазы Герай-хан бин Девлет Герай-ханнынъ мектюби // Эмель.– 1931.– № 12 (36).– С. 405–409.

Зихни А. (Краков, Польша). Тарих сахифелери. (Гъазы Герайнынъ лех кыралы 3-нджи Буюк Августкъа кондерген ярлыгъы ве кендиси акъкъын-да малюмат) // Эмель.– 1932.– № 4.– С. 6–16.

Зихни А. Липка татарлары ве ислям дюнъясы иле мунасебетлери // Эмель.–1934.– № 4.– С. 18–27.

Зихни А. Аджы Селим Герай Ханнынъ бир ярлыгъы мунасебетиле // Эмель.– 1934.– № 5.– С. 1–13.

Зихни А. Бир лех колонистининъ Къырым хатыраты // Эмель.– 1934.– № 6.– С 1–7.

Зихни А. Ислям Герай Ханнынъ лех кыралы иле муахедеси (антлашмасы) // Эмель.– 1934.– № 9.– С. 1–19.

Зихни А. Дёрдюнджи Мехмет Герай Ханнынъ Лехистана буюк ярдымы // Эмель.– 1934.– № 10.– С. 25–28; № 11.– С. 13–17; № 12.– С. 9–12.

Зихни А. Тарихи кыйметли бир весикъа. (Бир эджнеби тарафындан Къырым ханына миннетдарлыкъ мектюби. Оригиналлы толусынен берильмекте) // Эмель.– 1935.– № 2.– С. 11–16.

Зихни А. Къырымын Тюркие ве Лехистан иле мунасебети. (Къырым ханлыгъына айт) // Эмель.– 1935.– № 8.– С. 8–18.

Зихни А. Къырым Къанун-ы-Эсасийси. (Къырым ханлыгъына айт) // Эмель.– 1935.– 9.– С. 13–21.

Зихни А. Къырым Лехистан достлугъы. (Къырым ханлыгъына айт) // Эмель.– 1935.– № 10.– С. 14–23, 29.

Зихни А. Къара Мустафа – Александр Сулькевич // Эмель.– 1936.– № 1.– С. 16–22.

Зихни А. Татарлара даир базы муляхазалар // Эмель.– 1936.– № 3.– С. 9 – 15; № 4.– С.– 16–19; № 5.– С. 9–12; № 6.– С. 9–12.

Зихни А. (Сойсал). «Прометей» миллетлерининъ диль конферансы. (Истикълял давасында булунгъан «Прометей» тешкилятына ашагъыдаки регионларнынъ миллетлери киргендир: Азербайджан, Гурджистан, Дон, Идиль-Урал, Ингрия /Ижора/, Карелия, Коми, Къырым, Кубань, Шималий Кавказия, Туркистан ве Украина) // Эмель.– 1936.– № 7.– С. 16–33.

Зихни А. (Сойсал). Варшавада Къурултай байрамы. (Къырымдаки I-нджи Къурултайгъа даир) // Эмель.– 1937.– № 1.– С. 14–23.

Зихни А. Къырымтатарларынынъ культуры ве къадынларнынъ тарихтеки ролю // Эмель.– 1937.– № 4.– С. 25–27.

Зихни А. (Сойсал). Варшавада Къурултай мерасиминде нутукълар // Эмель.– 1938.– № 2.– С. 23–31.

Зихни А. (Сойсал). «Эдиге батыр». (Макъале ве текст) // Эмель.– 1939.– № 8 (141).– С. 14–21; № 11 (144).– С. 22–25; № 12 (145).– С. 20–23; 1940.– № 1 (146).– С. 22–25; № 2 (147).– С. 18–22; № 3 (148).– С. 15–19.

Зихни А. (Сойсал)нынъ «Ян Казимир деврине аит весикъалар» китабы хакъкъында. (Макъаледе бойле дениле: Якъында Варшавадаки Шаркъ институтынынъ докторы Абдулла Зихни Сойсал аркъадашымызын лехдже (полякча) «Ян Казимир деврине аит весикъалар» намыле къыйметли бир китабы чыкъмыштыр. 104 буюк сахифейи ве учъ адед ярлыгъын фотографыны хави (къапсагъан) бу эсере...мезкюр Институтнынъ директоры мухтерем профессор, доктор Ольгерд Гурка ве айны институтнынъ реиси С.-сенатор Станислав Седлеки тарафындан ильк сёз язылмыштыр. Сойсал тарафындан язылан баш языда Лехистаннынъ мухтелиф кутюпхане, архив ве музелеринде Къырым ханлыгъына аит 1000-ге (!) якъын ярлыкълар булундыгъындан бахс идиюр) // Эмель.– 1939.– № 8 (141).– С. 26–28.

Польшада Абдулла Зихни Сойсал иле берабер шу арада Къырым тарихини чокътан ве терен огренгенлерден Арслан Кричинский (1887–1939) де булунмакъта эди. 1911 сенеси Санкт-Петербург университетининъ юридик факультетини битирдиктен сонъра, Арслан Кричинский Варшавагъа кетип мусульман джемиетлеринде фааль чалыша. 1917 сенеси къырымтатар Къурултайынынъ даветинен Къырымгъа келе. 1918 сенеси бу ерде Къырым укюметининъ башы Сулейман Сулькевичнинъ канцеляриясында реислик япа. Тамам шу арада Къырым архиви материалларыле файдаланаракъ, эки китаптан ибарет «Очерки русской политики на окраинах» чалышмасыны язып 1920 сенеси Бакуда нешир эте.

Кене де шу арада «Эмель меджмуасы»нда Къырым тарихи иле багълы чалышмаларыны арды-сыра баскъан Къырымлы Абдулла огълу Асан эди. Истанбул архив ве кутюпханелеринде Къырым тарихи иле багълы араштырмаларындан «Эмель меджмуасы»нда онынъ «Адилъ Герай Султан» (1933), «Энъ эски заманлардан Герайлар деврине къадар» (1934), «Вияна огюнде Къырым суварилери» (1935), «Таракъ тамгъанынъ эфсанеси» (1935) киби тедекъикъатлары нешир этиле.

Ишбу Къырым тарихчилери сырасына Амди Герайбайнынъ да чалышмасыны къошаракъ, Джафер Сейдамет буюк гъурурнен чокътан арз эткен ильмий ёнелиш акъкъында махусус макъале яза. Серлевасыны «Ильк адым» къойып, яни «темель ташы къоюлды ве энди бу гъает муим ве керекли ильмий ёнелишни илерилетмек, осьтюремек керек» манасында «Къырым тарихини, бильхасса миляддан беш-он асыр эввель Къырыма кельмиш ве

ерлешмиш олан эски тюрк къабилелерининъ тарихлери...» ишленедежегиле сёйлей.

Нетиджелеме. Умумуен алгъанда, «Эмель меджмуасы» къырымтатар миллий медениети, тили ве эдебияты, ичтимаиети ве тарихининъ энъ парлакъ саифелеринден биридир. 1930-нджы сенелери Къырымдаки халкъымыз дешетли зорбалыкъ, зулум, мутхиш репрессия ве гъайыплар алтында булундыгъы заман, башкъа бир муитте ве дурумда булунгъан диаспорамызнынъ акъыл-ферасети, тешкилий усталыгъы, къайнакъ руху ве миллий ирадеси саесинде къырымлылыкъны, ветанперверликни, миллий гъурур ве миллий азатлыкъны кене де байракъ этип котерип, самимий ынтылышларле миллий ёнелишимизни, медений ве тарихий акъынтымызны дурдурмадан чалыштыртты.

«Эмель меджмуасы»нда акс этильген вариет бугунъде джумлемиз ичюн алтын бир фонд олмасындан гъайры, арды-аркъасы кесильмез, битмез-тюкенмез медений ве тарихий гъыда чокърагъыдыр дее билирмиз.

КЪУЛЛАНЫЛГЪАН ЭДЕБИЯТ

1. *Halid U.* İlk söz // Emel. 1930. № 1.
2. *Unsal Aqtaş.* Bazı soyadların açıklamaları // Bahçesaray (Istanbul). 2010. № 63–64.
3. *Mehmet Niyaziy.* İthafat. Istanbul. 1911; Yaş tatar yazıları. Istanbul. 1913; Qırım şiirleri. Köstence. 1935.
4. *Noğaylar* // Emel. 1933. №8.
5. *Bir kereden 48 vagon* // Emel. 1930. № 11.
6. *Seydamet C.* Qırımda açlıq // Emel. 1931. № 9.
7. *Soysal Z.* Leh arhivlerinde Qırım ile bağlı vesiqalar. Murad Geray Sultan bin Mubarek Geray Sultannın mektübü // Emel. 1930. № 19.
8. *Soysal Z.* Yan Kazimir devrine ait vesiqalar. Warszawa. 1939. 104 p.

Наши «Стремления» (1930–1940)

Исмаил Керимов

(Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ;
ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет
им. Ф. Якубова»)

Аннотация. Одним из наиболее авторитетных журналов на крымскотатарском языке 1930-х годов является журнал «Эмель», издававшийся в местечке Пазарчик (Румыния) с 1-го января 1930 года по 1940-й год. В отличие от всей другой крымскотатарской периодики «Эмель» вплоть до конца 1930-х годов был арабографичным и лишь последние номера вышли латинизированным шрифтом. Всего издано 154 номера. Характер журнала в логотипе указан следующим образом: «Научный, литературный, общественный и экономический журнал. Выходит один раз в 15 дней». Главным редактором журнала являлся известный крымскотатарский писатель, публицист и общественный деятель Мюстеджип Аджи Фазыл (Улькюсал).

В журнале систематически отражались различные проблемы языка, литературы, культуры и общественной жизни крымских татар. В том числе многочисленные критические замечания по выводам языковых конференций 1927, 1929 и 1934 годов, а также дискуссий о крымскотатарском литературном языке. Опубликован объемный художественный материал: поэзия, проза, драматургия. Множество статей посвящено критике сталинской политики в СССР. Разоблачались истинные причины раскулачивания и многочисленных репрессий национальных кадров, ученых, писателей и учителей в Крыму.

В статье в общих чертах анализируется содержательная часть издания, связанная с крымскотатарской диаспорой Румынии. Делается попытка атрибуции некоторых псевдонимов и аббревиатур.

Ключевые слова: Крымскотатарская периодическая печать, арабографичный журнал «Эмель», крымскотатарские поэты и писатели 1930-х годов, фольклор, проблемы становления и развития крымскотатарского литературного языка.

Сведения об авторе: Керимов Исмаил Асанович – доктор филологических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма, Крымский инженерно-педагогический университет; ведущий научный сотрудник

ник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); alimes@mail.ru

Для цитирования: Керимов И.А. «Эмел»имиз не эди (1930–1940) // Крымское историческое обозрение. 2020. № 1. С. 136–150. DOI: 10.22378/kio.2020.1.136-150

Our “Emel” (“Aspiration”) (1930–1940)

Ismail Kerimov

*(Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences;
SBEEHE RC «F. Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical
University»)*

Abstract. One of the most respected journals in the Crimean Tatar language, in 1930s was “Emel” (“Aspiration”), which was published in Pazarchik (Romania) from the 1st of January of 1930s up to the 1940s. “Emel” was arabographic up to the end of the 1930s, and only the last issues were published in Latin. Totally there were published 154 issues. The style of the journal in logotype was shown like this: “Scientific, literary, public and economical journal. Published once in 15 days”. Chief editor of the journal was popular Crimean Tatar writer, publicist and public figure Mistergip Fazil (Ulkusal). Different problems of the language, literature, culture and public life were highlighted regularly and published in the journal. At the same time there were given critical articles, reviews on the results of the scientific conferences of 1927, 1929, 1934 and discussions of Crimean Tatar literary language materials. A very big amount of literary material was published and discussed there: fiction literature, poetry, drama. Lots of articles were devoted to Stalin’s policy in the USSR. Real reasons of repressions against kulaks (wealthy citizens of the USSR) were presented and analyzed, severe repressions against Crimean Tatar specialists: scholars, writers and teachers of the Crimea were highlighted on the pages of the journal. The given article also analyzes the content of the journal connected with the Crimean Tatar diaspora in Romania. The attribution of some pseudonyms and abbreviations are given as well.

Keywords: Crimean Tatar periodicals, arabographic journal “Emel”, Crimean Tatar poets and writers of 1930s, folklore, problems of coming into being and development of the Crimean Tatar literary language

For citation: Kerimov I.A. Our “Emel” (“Aspiration”) (1930–1940). Krymskoe istoricheskoe obozrenie=*Crimean Historical Review*. 2020, no. 1, pp. 136–150. DOI: 10.22378/kio.2020.1.136-150

REFERENCES

1. Halid U. *İlk söz* [First few words]. *Emel* [Inspiration]. 1930. No 1.
2. Unsal Aqtaş. *Bazı soyadların açıklamaları* [Attribution of some authors] Bahçesaray (Istanbul). 2010. No 63–64.
3. Mehmet Niyaziy. *İthafat* [Dedication]. Istanbul. 1911; *Yaş tatar yazıları* [Young Tatar writers]. Istanbul. 1913; *Qırım şiirleri. Köstence* [Crimean poems]. 1935.
4. *Noğaylar* [Nogays’]. *Emel* [Inspiration]. 1933. No 8.
5. *Bir kereden 48 vagon* [48 cars at once]. *Emel* [Inspiration]. 1930. No 11.
6. Seydamet C. *Qırımda açlıq* [The famine in the Crimea]. *Emel* [Inspiration]. 1931. No 9.
7. Soysal Z. *Leh arhivlerinde Qırım ile bağlı vesiqalar. Murad Geray Sultan bin Mubarek Geray Sultannın mektübü* [A letter from Mubarek Sultan Giray]. *Emel* [Inspiration]. 1930. No 19.
8. Soysal Z. *Yan Kazimir devrine ait vesiqalar* [Documents related to the era of Jan Casimir]. Warszawa. 1939. 104 p.

About the author: Kerimov Ismail Asanovich – Dr. of Sci. (Philology), Professor, Director of the Scientific Research Institute of the Crimean philology, history and culture of the Crimean ethnos, SBEEHE RC “F. Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University”; Leading Researcher of the Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (420111, Kazan, Baturin St., 7A, Russian Federation); alimes@mail.ru

Неизвестные сюжеты крымских этнографических изысканий: Евгения Спасская

Андрей Непомнящий

*(Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ;
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского)*

Аннотация. Раскрыта неизвестная страница истории крымоведения, связанная с насыщенными событиями 20-ми годами XX столетия. На основе личных архивных документов крупного исследователя Крыма – этнографа Евгении Юрьевны Спасской, выявленных в Национальных архивных фондах рукописей и фонозаписей Института искусствоведения, фольклористики и этнографии им. М. Т. Рильского НАН Украины, восстановлены неизвестные направления изучения этнографии крымских татар, в частности разбор и публикация материалов коллекции крымскотатарской вышивки этнографа-собиранья А. М. Петровой. На основе личных документов, выявленных в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, и эпистолярного наследия этнографа восстановлены неизвестные ранее факты ее научной биографии, связанной с исследованиями в Крыму, контактами с крымскими учеными.

Ключевые слова: Е. Ю. Спасская, крымоведение, этнография, крымскотатарская вышивка, А. М. Петрова, Д. М. Щербаковский, репрессии.

Для цитирования: *Непомнящий А. А.* Неизвестные сюжеты крымских этнографических изысканий: Евгения Спасская // Крымское историческое обозрение. 2020. № 1. С. 151–166. DOI: 10.22378/kio.2020.1.151-167

Восстановление многогранной картины историко-этнографического изучения Крыма, которое началось в последней трети XVIII столетия, демонстрирует нам значительное количество новых имен, перечень различных малоизвестных институций, научных мероприятий, проводимых на полуострове с целью его всестороннего познания [24, с. 539–540; 26, с. 45–474]. Интересные сюжеты этнографического крымоведения связаны с трудами и малоизвестными коллекциями целого ряда крымоведов, чья деятельность в этом направлении до последнего времени оставалась не-

изученной. Одна из таких исследовательниц – Евгения Юрьевна Спасская (1892–1980), известный советский этнограф и искусствовед [27, с. 227–250]. Именно ее разыскания в 20-е годы XX века сыграли определяющую роль в становлении научных исследований крымскотатарской вышивки и сохранению уникального пласта крымоведческого этнографического наследия [23, с. 124–133; 28, с. 31–33].

О крымском периоде творческой биографии Е. Ю. Спасской умалчивают официальные издания тех лет. Так, справочник «Наука и научные работники СССР: без Москвы и Ленинграда» информирует, что Е. Ю. Спасская является аспирантом Научно-исследовательской кафедры. При этом не уточняется, какого научного заведения. Очевидно, речь идет о Киевском институте промышленной кооперации. Указано и место работы – сотрудник Кустарного отделения Киевского областного сельскохозяйственного музея. Сфера научных интересов обозначена как «изучение истории Украины: искусство, изразцы, керамика, вышивка» [14, с. 400]. Биографические документы Евгении Юрьевны сохранились в архивах Киева и Санкт-Петербурга. В фонде Комиссии «Наука и ее работники в пределах СССР (1924–1930)», который отложился в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук, нами выявлена анкета исследовательницы, заполненная 31 декабря 1926 года, где названы основные места ее работы и сформулированы научные приоритеты [30]. Гораздо более информативными являются документы личного собрания ученой, хранящиеся в составе Научных архивных фондов рукописей и фонозаписей Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М. Т. Рыльского НАН Украины. В составе личного фонда – подробная автобиография, составленная Е. Ю. Спасской в 60-е годы XX века [15], переписка [20], списки печатных трудов [19], фотографии [17]. Особое значение для восстановления биографической канвы имеют дневники Е. Ю. Спасской, хранящиеся в Научном архиве Института археологии НАН Украины (копии – в Нежинском краеведческом музее [6, с. 151–169; 7]).

Евгения Юрьевна Спасская родилась в Нежине в 1892 году в семье священника. В 1910-м завершила обучение в гимназии имени П. И. Кушакевич [13, с. 151]. В «Автобиографии Спасской Евгении Юрьевны», написанной в 60-е годы прошлого века, она указала, что «в 1909/10 годах окончила гимназию имени Н. Я. Кумакевич в Нежине». Видимо, в памяти стерлось истинное название. Она продолжила образование на Историко-филологическом факультете Московских высших женских курсов им. В. И. Герье, который окончила в 1914 году. С началом Первой мировой войны, в сентябре 1914 года, Е. Ю. Спасская поступила на учебу в частную фельдшерско-акушерскую школу доктора П. А. Бушtedта в Нежине.

После шестимесячного обучения она начала работать штатной медицинской сестрой в земском госпитале для раненых воинов. В «Автобиографии» Е. Ю. Спасская указала, что закончила курсы сестер милосердия летом 1914 года, а с 21 сентября 1914-го по 3 мая 1915 года работала в пятом отделении Второго нежинского госпиталя медсестер [16]. С июня 1915-го по 1917-й год Евгения Юрьевна находилась в распоряжении командования Юго-Западного фронта – в Подволочинске, Тернополе, Коломне. Сначала в медицинско-санитарном отделе, затем в отделе помощи населению [16]. На-

ходясь на полях боевых действий в Галиции и Буковине, она увлеклась местной этнографией. Уже в 1919 году Евгения Юрьевна стала соавтором книги «Народне мистецтво Галичини й Буковини і Земський Союз в війні 1916–1917 рр.» [36, с. 36]. В 1917–1919 годах Е. Ю. Спасская сотрудничала в подотделе трудовой помощи в Киеве. Находясь в 1919 году в Нежине, она заболела брюшным тифом, вызвавшим осложнения. Для того чтобы окончательно выздороветь, она устроилась работать в санаторно-курортное управление и представительство Красного Креста в Ялте и Феодосии [17]. Свои увлечения этнографией Евгения Юрьевна перенесла на местную мультикультурную почву, оценив этнографическое богатство полуострова.

После окончательного восстановления Советской власти на полуострове в ноябре 1920 года она решила остаться здесь, устроившись работать инструктором кустарных мастерских Райпотребсоюза Красного Креста Крыма в Ялте и Феодосии [2, с. 64]. Во время пребывания в Крыму Е. Ю. Спасская познакомилась с местными краеведами, в частности с председателем Таврической ученой архивной комиссии Арсением Ивановичем Маркевичем [22, с. 186], исследователями крымскотатарской этнографии, в том числе с А. М. Петровой (1871–1921) [5, с. 141].

Осенью 1921 года в Феодосии оборвалась жизнь собирательницы образцов крымскотатарской вышивки Александры Михайловны Петровой. Не имея специальной научной подготовки, являясь, по сути, только этнографом-собирателем, А. М. Петрова готовила к изданию «Альбом татарских вышивок Старо-Крымского района». В течение пятнадцати лет

ею было собрано около 1400 рисунков образцов крымскотатарских вышивок. Эта огромная и уникальная по составу коллекция была завещана ею Е. Ю. Спасской [34, с. 21–22]. Коллекцию Е. Ю. Спасская получила только в 1924 году после активного вмешательства в этот процесс видных фео-досийских краеведов и общественных деятелей художника Константина Федоровича Богаевского (1872–1943) и поэта Максимилиана Александровича Волошина (1877–1932). После передачи коллекции Спасская констатировала, что пропало около 300 рисунков.

В 1921 году Е. Ю. Спасская, спасаясь от голода в Крыму, вернулась в Нежин (работала в художественно-промышленных мастерских), а оттуда в

1923 году переехала в Киев, где заняла должность технического секретаря «Пролетарской правды». В 1925–1934 годах Евгения Юрьевна заведовала кустарным отделом Киевского сельскохозяйственного музея и постоянной промышленной выставкой [2, с. 64]. Одновременно в 1924 году она стала студенткой Киевского археологического института, где увлеклась изучением гончарства. В институте она познакомилась с выдающимся ученым-искусствоведом, крупным музейным работником, заведующий отделом этнографии Всеукраинского исторического музея Даниилом Михайловичем Щербаковским (1877–1927) [3, с. 71–73, 133], который оказал огромное влияние на формирование творческих интересов начинающего этнографа [33, с. 272–286]. Для истории этнографических исследований представляют немаловажный интерес сохранившиеся письма Евгении Юрьевны к Д. М. Щербаковскому, которые отложились в личном архивном фонде Даниила Михайловича в Научном архиве Института археологии НАН Украины. Эмоциональное, наполненное переживаниями о судьбе уникальных музейных собраний, эпистолярное наследие Е. Ю. Спасской прекрасно рисует нам атмосферу того непростого времени. Так, 31 декабря 1925 года Е. Ю. Спасская сообщала своему научному наставнику:

«Глубокоуважаемый Даниил Михайлович!

Простите, что пишу Вам по-русски, но я настолько взволнована и сердита все эти дни, что не могу себя заставить ни читать, ни писать ни по-

украински, ни по-польски. В Нежине происходит очередной грабеж. Для Харьковского социального музея из города вывозят все, что еще имеет хоть какую-нибудь художественную ценность» [8].

Е. Ю. Спасская вспоминала, что после получения ею этнографической коллекции А. М. Петровой она, не решаясь заняться обработкой этих материалов, решила посоветоваться с Д. М. Щербаковским, куда сдать на хранение это собрание, на что получила ответ о необходимости самой сделать научное описание и систематизировать богатейшее и ценнейшее собрание. Сама Е. Ю. Спасская признавала, что «если бы не было у покойницы Александры Михайловны такого «адвоката», как он [Д. М. Щербаковский (А. Н.)], не хватило бы у меня ни терпения, ни силы воли высидеть всю зиму вечерами на полу в моей холодной комнате, разбирая эти рисунки» [33, с. 278].

Летом 1925 года Е. Ю. Спасская специально ездила в Крым для работы с фондами музеев Бахчисарая, Евпатории, Симферополя и Ялты, имевших этнографические отделы, для консультаций со специалистами по крымскотатарскому искусству. Такая практическая экскурсия была необходима, «так как книг не нашла ни одной, ни в крымских, ни в московских библиотеках, которые помогли бы в этом деле», – вспоминала позже этнограф [33, с. 278]. Действенную помощь исследовательнице смог оказать только неформальный руководитель крымского краеведения Арсений Иванович Маркевич, дружба и научные консультации с которым продолжились и в последующие годы. Именно он являлся главным проводником для Е. Ю. Спасской в дебрях крымоведческой литературы. Об этом А. И. Маркевич сообщал нежинскому историку Михаилу Николаевичу Бережкову [10]. Нам мало известно о крымских маршрутах этнографа и ее научных контактах в среде крымоведов. На полуострове Е. Ю. Спасская контактировала с Клавдией Яковлевной Рыбальской – сестрой заведующей Евпаторийским краеведческим музеем П. Я. Чепуриной. Рыбальская руководила вышивально-ткацкими артелями в Алуште, Бахчисарае, Евпатории, Карасубазаре, Ялте. Интересны сохранившиеся ее воспоминания об этих годах, выявленные нами в переписке Рыбальской с В. В. Болсуновой [35]. Интересную информацию о посещении Е. Ю. Спасской Евпатории содержит одно из ее писем Д. М. Щербаковскому, выявленное нами в его личном архивном фонде. 10 сентября 1925 года она писала:

«Глубокоуважаемый Даниил Михайлович!

Когда я узнала, что Вы в Крыму, мне очень захотелось обратиться к Вам с непрошеным советом: я уверена, что Вы не пожалеете, если на обратном пути побываете в Евпатории.

Это последняя столица караимов всего мира. В ней очень старые кладбища караимские, еврейские, татарские.

В караимской библиотеке собрано б[олее] 10.000 томов книг и б[олее] 600 рукописей на древнееврейском, персидском, турецком и др[угих] языках.

В Музее краеведения находятся церковные ткани и шитье из закрывшихся кенасс всего Востока и вообще много неожиданно великолепных экспонатов и редких книг. Старый город хорошо сохранился и очень хорош.

Я прожила 1 1/2 мес[яца] у завед[ующей] Музеем Полины Яковлевны Чепуриной и теперь думаю, что Евпатория самый интересный город Крыма.

П[олина] Я[ковлевна] знает Вас с моих слов и будет очень рада с Вами познакомиться и все Вам показать. Я не сомневаюсь, что она и, в случае ее отсутствия, ее сестра и помощница Клавдия Яковлевна примут Вас очень радушно на все время, которое Вам понадобится для осмотра Евпатории. <...>

P.S. От Симф[ерополя] до Еwp[атории] 3 ч[аса] езды, и поезда идут 2 p[аза] в сутки; от Севастополя морем немного дольше. Адрес Музея: угол 2-й Продольной и Дувановской, 22/21, Музей ОХРИСа. Новый Город. Трамвай подходит почти к Музею» [9; 21, с. 133–135].

Осенью 1925 года на семинаре в Археологическом институте, который вел Д. М. Щербаковский, Евгения Юрьевна выступила с докладом «Метод работы с массовым материалом по народному искусству», в котором познакомила научную общественность с методикой исследования ею коллекции Александры Михайловны Петровой. Еще один ее доклад «Татарские вышивки Старо-Крымского района», благодаря участию Всеволода Михайловича Зуммера (1885–1970), был опубликован в Баку в 1926 году [34]. Статья открывается справкой о деятельности в Феодосии этнографа-собиранителя А. М. Петровой и краткой характеристикой ее коллекции рисунков. Е. Ю. Спасская отметила, что на многих зарисовках (их ей досталось около 1100) есть лаконичные записи, сделанные А. М. Петровой. Иногда это несколько букв или условные обозначения, которые расшифровать не удалось. Е. Ю. Спасская разделила все рисунки по названиям вышитых вещей: марама, шербенте и кебризы – и по видам: покрывала, полотенца (салфетки, скатерти), пояса, платки. Значительное внимание в статье уделено методике отделения рисунков тканей XVIII–XIX веков от изделий XX века, описанию особенностей материала и техники вышивки. Указанные Е. Ю. Спасской способы крымскотатарской вышивки перекликаются с подобными образцами искусства, которые в это же время изучала в Евпатории Полина Яковлевна Чепурина: коса, гобеленовский шов, решеточка (мережка), гладь, петля-тамбур, строчка. Автор подроб-

но охарактеризовала расцветку тканей и узоры, выделив, что среди них особое место занимают цветы [25, с. 293–310].

Прочитав данную публикацию, Д. М. Щербаковский заметил своей ученице, что при характеристике композиций рисунков материал изложен слишком сухо. Даниил Михайлович справедливо полагал, что нужно было дать больше ярких примеров, чтобы фактаж ожил, приобрел выразительность, убеждал [33, с. 278]. Публикация была с интересом воспринята специалистами-крымоведами и получила доброжелательную оценку [4, с. 355].

Еще одно исследование Е. Ю. Спасской «Старо-Крымские узоры», проведенное на материалах собрания А. М. Петровой, было представлено В. М. Зуммером на тюркологической подкомиссии Общества обследования и изучения Азербайджана, а позднее опубликовано на страницах «Известий» этой научной организации в Баку [32]. Воспроизведенные в статье двадцать рисунков были отобраны из почти тысячи изображений как наиболее типичные или особо интересные для данного района, позволяющие охарактеризовать разнообразие сюжетов и элементов орнамента. Этнограф назвала наиболее показательные предметы обихода крымской татарки, которые украшаются вышивками: полотенца, салфетки, скатерти, свадебные пояса, платки, головные покрывала. Автор проанализировала различные способы вышивок. Статья иллюстрирована двадцатью рисунками – примерами узоров, подготовленными А. А. Де-Ленс и Е. Ю. Спасской. Отметив факт того, что вышивки никогда не датируются, Е. Ю. Спасская предложила варианты их

атрибуции. Возраст установлен приблизительно, по общим признакам. Для более ранних вышивок исследовательница считала характерным лучшее качество материала, тщательность исполнения, стройность композиции и массивность основных линий узора. А для более поздних, по ее мнению, была характерна дешевизна материала, осыпа-

ющееся золото, мнущиеся набивные пластинки, что свидетельствовало о небрежной технике. Об этом же говорили сбивчивая композиция, жидкие узоры. А тонкие зигзагообразные линии, вместо прежних – массивных, – бесспорное отличие новой современной вышивки [32, с. 183].

Оценивая вклад Е. Ю. Спасской в изучение народных тканей и вышивок на фоне общего развития крымскотатарской этнографии в то время, ее коллега по цеху искусствоведов, археолог и музейный деятель Мария Алексеевна Новицкая (1896–1965) критически отметила, что «вышивку крымских татар Старокрымского района обработала по материалам Петровой в двух статьях Е. Ю. Спасская в 1926 году. К сожалению, одна статья, в которой представлен анализ материала, техники и орнамента, не имеет совсем иллюстраций, а вторая, более короткая, содержит таблицы, подготовленные очень нерадиво» (перевод с укр. – А. Н.) [29, с. 233–245].

Дальнейшая творческая биография и судьба Е. Ю. Спасской отбросили ее далеко от Крыма. Ученая некоторое время работала в Киеве заведующей отделом кустарной промышленности в Сельскохозяйственном музее, который открылся в 1925 году в Мариинском дворце. При музее функционировала постоянная промышленная выставка. В задачи отдела входило выявление этнографических особенностей в деревообрабатывающем и текстильном промыслах, лозоплетении и росписях крестьянских хат [12, с. 451]. Ученая тяжело переживала развал научного музееведения, начавшийся в Украинской ССР в начале 30-х годов XX века. Сельскохозяйственный музей в итоге негативных процессов, которые охватили все стороны жизни советского краеведения тех лет, закрыли, а экспонаты были свалены в сарае. Однако ученые штудии не прекратились. Евгения Юрьевна

продолжала в эти годы сотрудничать на Научно-исследовательской кафедре Киевского института промышленной кооперации. Осенью 1931 года в Харьковском институте истории материальной культуры она защитила кандидатскую диссертацию [11, с. 286–293].

В это время наладились научные контакты Евгении Юрьевны с видным советским этнографом, фольклористом и диалектологом Дмитрием Константиновичем Зелениным (1878–1954). В личном архивном фонде Д. К. Зеленина, который находится в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук, сохранились восемь писем от Е. Ю. Спасской. Они датированы 1929–1930 годами [31]. Вот что писала Евгения Юрьевна 21 марта 1929 года:

«Глубокоуважаемый Дмитрий Константинович.

Очень я возгордилась, что Вы о моих брошюрах отозвались как о «прекрасных», и даже не поверила, так как мне они кажутся недоделанными и поверхностными из-за вечного спеха, в котором я живу, и из-за отсутствия настоящего образования. Я всегда чувствую себя дилетантом и самоучкой, открывающим всем известные Америки. Всегда чувствую отсутствие глубокого знания предмета и то, что в свое время материальной культурой никогда не занималась, не интересовалась, плавала по книжкам историческим и философским, после тифов и эти знания и языки растеряла» [31, л. 4].

Спустя месяц, 21 апреля, Евгения Юрьевна сообщала в Ленинград:

«Охотно сообщу Вам о себе: Сельскохозяйственный музей я оставила из-за неприятностей, которые мне чинил, по моему мнению, очень злобный и неумный заведующий отделом, лентяй, которому я казалась слишком беспокойным подчиненным. Сейчас он продолжает вредить мне, подняв вопрос о запрещении мне опубликовать работу о гончарах с иллюстрациями – экспонатами музея. Предлог то, что он в 1925 г. приобрел эту коллекцию для музея и сам ее когда-то обработал. <...>

В Историческом музее после назначения меня на место Д[аниила] М[ихайловича] [Щербаковского (А. Н.)] кандидатура моя была отведена. Если не ошибаюсь, официальный предлог, что я только аспирант, а не научный сотрудник.

Настоящая моя служба на долгий срок оттянет возможность окончить аспирантуру, т. к. берет все время, не оставляя ничего для занятий. Я инструктор-организатор кустарных экспортных вышивальных мастерских в Киевском округе. <...> Отношение ко мне пока что тоже неплохое, но я уже вижу, что на этом мире надо непременно уметь пускать пыль в глаза, чего я не умею и не люблю» [31, л. 7–7 об.].

Евгения Юрьевна была арестована в марте 1934 года. Еще ранее –

31 октября 1934 года – по «Делу славистов» был арестован в Ленинграде ее брат – Иван Георгиевич Спасский (1904–1990), работавший с января 1932 года в Эрмитаже. Главным обвинением следствия стали контакты Е. Ю. Спасской с Федором Людвиговичем Эрнстом (1891–1942). Младший брат известного археолога-крымоведа Николая Львовича Эрнста – историк украинского ис-

кусства, музейный работник был арестован 23 октября 1933 года по делу «контрреволюционной немецкой фашистской организации на Украине». Ф. Л. Эрнст осужден по статье 58–11 в мае 1934 года на три года исправительно-трудовых лагерей. С 1937 года работал в Алма-Ате заместителем директора по научной части Казахской народной художественной галереи. Затем он переехал в Уфу, где в той же должности работал в Башкирском государственном музее. Был вновь арестован как «немец» за антигосударственную пропаганду 16 июля 1941 года, а 10 октября приговорен к высшей мере наказания. Реабилитирован в 1989 году [1, с. 54, 88]. Через несколько дней после ареста Е. Ю. Спасскую отправили с двухлетним сыном на поселение в Уральск сроком на три года [17]. После ссылки ученая жила и работала в Алма-Ате и Семипалатинске инструктором по художественной промышленности. С 1946 года окончательно осела в Алма-Ате. Она выполняла обязанности научного сотрудника Отдела этнографии Академии наук Казахской ССР. С 1948 года работала в Алма-Атинском государственном педагогическом институте имени Абая секретарем Ученого совета, а позже – заведующей аспирантурой.

Евгения Юрьевна умерла 12 сентября 1980 года. Через девять лет, в сентябре 1989 года, ее реабилитировали [12, с. 455]. Крымские страницы творчества ученой – лишь малая, однако довольно содержательная составляющая ее научного наследия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Білокінь С. І. В обороні української спадщини: історик мистецтва Федір Ернст / Ін-т історії України НАН України. Київ, 2006. 356 с.
2. Білоконь С. І. Мистецтвознавча діяльність Є. Ю. Спаської // Народна творчість та етнографія. Київ, 1983. № 6. С. 64–67.
3. Білокінь С. І. Музей України (Збірка П. Потоцького): Дослідження, матеріали / Національний Києво-Печерський історико-культурний заповідник. Київ, 2006. 475 с.
4. Бороздин И. [Рецензия] // Новый Восток. Москва, 1926. № 15. С. 355. Рец. на: Известия Восточного факультета Азербайджанского гос. ун-та им. В. И. Ленина. Сер.: Востоковедение. Баку, 1926. Т. 1. С. 354–355.
5. Волошин М. Культура, искусство, памятники Крыма // Крым: путеводитель / Под ред. И. М. Саркизова-Серазини; Московское физиотерапевтическое об-во; РОПИК. Москва; Ленинград: Земля и фабрика, 1925. С. 126–148.
6. Етнографічні щоденники Євгенії Спаської / Підг. Т. Діденко; передм. О. Морозов // Ніжинська старовина. Ніжин, 2006. Вип. 2(5). С. 151–169.
7. Институт археологии (ИА) НАН Украины, научный архив. Ф. 9. Оп. 1. Д. 136. Л. 1–34.
8. ИА НАН Украины, научный архив. Ф. 9. Оп. 1. Д. 168. Л. 690.
9. ИА НАН Украины, научный архив. Ф. 9. Оп. 1. Д. 168. Л. 692.
10. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского (ИРНБУВ). Ф. 23. Оп. 1. Д. 934. Л. 1.
11. Маньковська Р. В. Діяльність Є. Ю. Спаської на ниві музейництва // Історія України: Маловідомі імена, події, факти: Збірник статей / Ін-т історії України НАН України. Київ: Рідний край, 1997. Вип. 2. С. 286–293.
12. Маньковська Р. Євгенія Юрївна Спаська // Зневажена Кліо / Гол. ред. Ю. З. Данилюк. К., 2005. С. 450–456.
13. Морозов О. Передмова // Ніжинська старовина. Ніжин, 2006. Вип. 2(5). С. 151.
14. Наука и научные работники СССР: без Москвы и Ленинграда / Справочник. Ленинград, 1928. Ч. 6. VIII, 406, [2] с.
15. Научные архивные фонды рукописей и фонозаписей Института искусствоведения, фольклористики и этнологии (НАФРФИИФЭ) им. М. Т. Рильского НАН Украины. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–3.
16. НАФРФИИФЭ им. М. Т. Рильского НАН Украины. Ф. 48, Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
17. НАФРФИИФЭ им. М. Т. Рильского НАН Украины. Ф. 48, Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
18. НАФРФИИФЭ им. М. Т. Рильского НАН Украины. Ф. 48. Оп. 1. Д. 2.
19. НАФРФИИФЭ им. М. Т. Рильского НАН Украины. Ф. 48. Оп. 1. Д. 4. Л. 8–15.
20. НАФРФИИФЭ им. М. Т. Рильского НАН Украины. Ф. 48. Оп. 1. Д. 9. Л. 7, 14, 35, 43.
21. Непомнящий А. А. Академик Крачковский и крымоведение 20-х гг. XX в.: две малоизвестные командировки // Петербургский исторический журнал:

исследования по российской и всеобщей истории. Санкт-Петербург, 2015. № 2(06). С. 130–140.

22. *Непомнящий А. А.* Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения. Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 3). 432 с.

23. *Непомнящий А. А.* Кримські сторінки біографії Євгенії Спаської // Ніжинська старовина: збірник регіональної історії та пам'яткознавства / Центр пам'яткознавства НАН України. Київ, 2008. № 6(9): Ніжинознавчі студії, № 5. С. 124–133.

24. *Непомнящий А. А.* Музыкально-этнографические полевые исследования в Крыму (20-е гг. XX века) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Крымский федеральный ун-т им. В. И. Вернадского. Симферополь, 2019. Вып. 24. С. 539–551.

25. *Непомнящий А. А.* Подвижники крымоведения. Т. 2: TAURICA ORIENTALIA / Респ. комитет АРК по охране культурного наследия. Симферополь, 2008. 600 с. (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 12).

26. *Непомнящий А. А.* Становление и развитие историографии истории Крыма: этнографы и экспедиции (XIX – начало XX века) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. Симферополь, 2019. Т. 5(71), № 4. С. 21–66.

27. *Непомнящий А. А.* Страницы истории крымской этнографии: исследователи, музеи, экспедиции // Энциклопедия народов Крыма / гл. ред. О. А. Габриелян. Симферополь, 2016. С. 227–250.

28. *Непомнящий А. А.* Ученое совещание при КрымОХРИСе: становление научного памятниковедения в регионе (1920–1921) // У истоков советской археологии: организации и учреждения археологического профиля в новых реалиях: матер. Международной научной конф., 26–27 февр. / Ин-т археологии РАН. Москва, 2019. С. 31–33.

29. *Новицька М.* Вивчення старовинних тканин та вишивання за революційних часів на території Радянського Союзу // Записки Всеукраїнського археологічного комітету. Київ, 1930. Т. 1. С. 233–245.

30. *Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПФАРАН).* Ф. 155. Оп. 2. Д. 649. Л. 19.

31. СПФАРАН. Ф. 849. Оп. 3. Д. 397. Л. 1–10.

32. *Спаская Е. Ю.* Старо-Крымские узоры // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1926. № 3. С. 181–184, 8 л. ил.

33. *Спаська Є.* Спогади про мого найсуворішого вчителя Данила Щербаківського / Підг. С. Білокінь // Україна: Наука і культура: Щорічник. Київ, 1990. Вип. 24. С. 272–286.

34. *Спаская Е. Ю.* Татарские вышивки Старо-Крымского района: По материалам А. М. Петровой // Известия Восточного факультета Азербайджанского гос. ун-та им. В. И. Ленина. Сер.: «Востоковедение». Баку, 1926. Т. 1. С. 21–47.

35. *Центральный государственный архив литературы и искусства Украины* (ЦГАЛИУ). Ф. 1260. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–3.

36. *Шудря Є.* Подвижниці народного мистецтва: біобібліографічні нариси / За ред. М. Селівачова. Київ, 2003. Зошит 1. 60 с.

Сведения об авторе: Непомнящий Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан (420111, Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского; dr.aan@mail.ru.

Unknown topics of the Crimean ethnographic research: Evgenia Spasskaya

Andrey Nepomnyashchy

*(Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences;
V. I. Vernadsky Crimean Federal University)*

Abstract. The given article discloses the unknown pages from the history of the Crimean studies, associated with the rich events of the 20s of the XX century. There were reproduced the unknown directions in the study of ethnography of the Crimean Tatars, in particular, was given the analysis and publication of material collections of the Crimean Tatar embroidery of the ethnographer-collector A. M. Petrova. The material is based on personal archival documents of a great researcher of the Crimea – ethnographer Evgenia Yurievna Spasskaya, they were identified in the National Archival Funds of manuscripts and phonorecords of the Institute of Art, Folklore and Ethnography. M. T. Rylsky NAS of Ukraine. The previously unknown facts of her scientific biography, related to the research in the Crimea and contacts with the Crimean scientists on the basis of her personal documents, were identified in the St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences and the epistolary heritage of an ethnographer.

Keywords: E. Y. Spasskaya, Crimean local history, Ethnography, Crimean Tatar embroidery, A. M. Petrova, M. D. Scherbakovsky, repression.

For citation: *Nepomnyashchy A. A. Unknown plots of the Crimean ethnographic research: Evgenia Spasskaya. Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review. 2020, no. 1, pp. 151–166. DOI: 10.22378/kio.2020.1.151-167*

REFERENCES

1. Bilokin' S. I. *V oboroni ukrayins'koyi spadshhy'ny': istory'k my'stecztva Fedir Ernst* [In defense of Ukrainian heritage: Art historian Fedir Ernst]. In-t istorii' Ukrai'ny NAN Ukrai'ny [Institute of History of Ukraine, NAS of Ukraine]. Kyiv, 2006. 356 p. (In Ukrainian).
2. Bilokon' S. I. *My'stecztoznachcha diyal'nist' Ye. Yu. Spas'koyi* [Art activity by Ye. Yu. Spasskaya]. *Narodna tvorchist' ta etnografiya* [Folk art and Ethnography], Kyiv, 1983, no 6. pp. 64–67 (In Ukrainian).
3. Bilokin' S. I. *Muzej Ukrayiny' (Zbirka P. Potocz'kogo): Doslidzhennya, materialy'* [Museum of Ukraine (Collection P. Potocki): Research, materials]. Nacional'ny'j Ky'yevo-Pechers'ky'j istory'ko-kul'turny'j zapovidny'k [National Kyiv-Pechersk historical and cultural reserve]. Kyiv, 2006. 475 p. (In Ukrainian).
4. Borozdin I. *[Recenzija]* [Review]. *Novyj Vostok* [New East]. Moscow, 1926. no 15. P. 355. Rew.: *Izvestija Vostochnogo fakul'teta Azerbajdzhanskogo gos. un-ta im. V. I. Lenina. Ser.: Vostokovedenie* [Proceedings of the Oriental faculty of Azerbaijan State University V. I. Lenin. Ser.: Orientalism]. Baku, 1926, vol. 1, pp. 354–355 (In Russian).
5. Voloshin M. *Kul'tura, iskusstvo, pamjatniki Kryma* [Culture, art, monuments of the Crimea]. *Krym: Putevoditel'* [Crimea: Guide-book] / Pod red. I. M. Sarkizova-Serazini; Moskovskoe fizio-terapevticheskoe ob-vo; ROPIK. Moscow; Leningrad: Zemlja i fabrika Publ., 1925, pp. 126–148 (In Russian).
6. *Etnografichni shhodenny'ky' Yevgeniyi Spas'koyi* [The ethnographic diaries by Eugenia Spasskaya] / Pidg. T. Didenko; Peredm. O. Morozov. *Nizhyns'ka starovyna* [Nizhyn antiquity]. Nizhyn, 2006, vol. 2(5), pp. 151–169 (In Ukrainian).
7. *Institut arheologii (IA) NAN Ukrainy, nauchnyj arhiv* [Institute of Archaeology (IA) of NAS of Ukraine, scientific archive]. Fund 9, inventory 1, file 136, sheets 1–34 (In Russian, unpublished).
8. *IA NAN Ukrainy, nauchnyj arhiv* [IA NAS of Ukraine, scientific archive]. Fund 9, inventory 1, file 168, sheets 690 (In Russian, unpublished).
9. *IA NAN Ukrainy, nauchnyj arhiv* [IA NAS of Ukraine, scientific archive]. Fund 9, inventory 1, file 168, sheets 692 (In Russian, unpublished).
10. *Institut rukopisej Nacional'noj biblioteki Ukrainy im. V.I. Vernadskogo* [The Institute of manuscripts of Vernadsky National Library of Ukraine] (IRNBURV). Fund 23, inventory 1, file 934, sheet 1 (In Russian, unpublished).
11. Man'kovs'ka R. V. *Diyal'nist' Ye. Yu. Spas'koyi na ny'vi muzejny'cztva* [Activities by E. Y. Spasska in the field of museums]. *Istoriya Ukrayiny': Malovidomi ime-*

na, podiyyi, fakty`: *Zbirny`k statej* [History of Ukraine: Unknown names, events, facts: Collected Articles]. In: *t istorii` Ukrai`ny NAN Ukrai`ny*. Kyiv: Ridnyj kraj Publ., 1997, vol. 2, pp. 286–293 (In Ukrainian).

12. Man`kovs`ka R. *Jevgenija Jurii`vna Spas`ka* [Eugeniya Yurievna Spasska]. *Znevazhena Klio* [Humiliated Clio]. Gol. red. Ju. Z. Danyljuk. Kyiv, 2005, pp. 450–456 (In Ukrainian).

13. Morozov O. *Peredmov*a [Preface]. *Nizhyns`ka starovyna* [Nizhyn antiquity]. Nizhyn, 2006, vol. 2(5), p. 151 (In Ukrainian).

14. *Nauka i nauchnye rabotniki SSSR: bez Moskvy i Leningrada: Spravochnik* [Science and scientists of the USSR: Without Moscow and Leningrad: Directory]. Leningrad, 1928. Ch. 6. VIII, 406, [2] p. (In Russian).

15. *Nauchnye arhivnye fondy rukopisej i fonozapisej Instituta iskusstvovedenija, fol`kloristiki i jetnologii (NAFRFIIFE) M. T. Ryl'sky NAN Ukrainy* [Science archival collections of manuscripts and fonotipia of Institute of Art Studies, Folklore Studies and Ethnology MT Rylsky of the National Academy of Sciences of Ukraine]. Fund. 48, inventory 1, file 1, sheets 1–3.

16. *NAFRFIIFE*. Fund 48, inventory 1, file 1, sheets 1.

17. *NAFRFIIFE*. Fund 48, inventory 1, file 1, sheets 2.

18. *NAFRFIIFE*. Fund 48, inventory 1, file 2.

19. *NAFRFIIFE*. Fund 48, inventory 1, file 4, sheets 8–15.

20. *NAFRFIIFE*. Fund 48, inventory 1, file 9, sheets. 7, 14, 35, 43.

21. Nepomnjashhij A. A. *Akademik Krachkovskij i krymovedenie 20-h gg. XX v.: dve maloizvestnye komandirovki* [Academician Krachkovsky and Crimean local history of the 20s. XX century: two little-known scientific trips]. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal: issledovanija po rossijskoj i vseobshhej istorii* [Petersburg Historical Journal: Studies on Russian and World History]. St. Petersburg, 2015, no 2(06), pp. 130–140 (In Russian).

22. Nepomnjashhij A. A. *Arsenij Markevich: Stranicy istorii krymskogo kraevedenija* [Arseniy Markevich: Pages of history of the Crimean local history]. Simferopol: Biznes-Inform Publ., 2005. (Serija: «Biobibliografija krymovedenija»; Vol. 3) [Biobibliography of Crimean local history]. 432 p. (In Russian).

23. Nepomnjashhij A. A. *Kry`ms`ki storinky` biografiyi Yevgeniyi Spas`koyi* [Crimean biography pages of Eugene Spassky]. *Nizhy`ns`ka starovy`na: Zbirny`k regional`noyi istoriyi ta pam`yatkoznavstva* [Nizhyn Antiquity: A Collection of Regional History and Monuments]. Centr pam`yatkoznavstva NAN Ukrainy [Center for Monuments of the NAS of Ukraine]. Kyiv, 2008, no 6(9): no 5, pp. 124–133 (In Ukrainian).

24. Nepomnjashhij A. A. *Muzykal`no-jetnograficheskie polevyje issledovanija v Krymu (20-e gg. XX veka)* [Musical and ethnographic field studies in the Crimea (20s of the XX century)]. *Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria]. Krymskij federal`nyj un-t im. V. I.

Vernadskogo [V. I. Vernadsky Crimean Federal University]. Simferopol, 2019, vol. 24, pp. 539–551 (In Russian).

25. Nepomnjashhij A. A. *Podvizhniki krymovedenija* [Devotees of the Crimean studies] Vol. 2: TAURICA ORIENTALIA / Resp. komitet ARK po ohrane kul'turnogo nasledija [Resp. Committee of ARC on protection of cultural heritage]. Simferopol, 2008. 600 s. (Serija: «Biobibliografija krymovedenija»; Vol. 12) [Biobibliography of Crimean local history] (In Russian).

26. Nepomnjashhij A. A. *Stanovlenie i razvitie istoriografii istorii Kryma: jetnografy i jekspedicii (XIX – nachalo XX veka)* [Formation and development of histories' historiography of the Crimea: ethnographers and expeditions (the XIX century – the beginning of the XX century)]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki* [Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical science]. Simferopol, 2019, Vol. 5(71), no 4, pp. 21–66 (In Russian).

27. Nepomnjashhij A. A. *Stranicy istorii krymskoj jetnografii: issledovateli, muzei, jekspedicii* [Pages of history of the Crimean Ethnography: researchers, museums, expeditions]. *Jenciklopedija narodov Kryma* [Encyclopedia of the peoples of the Crimea], gl. red. O. A. Gabrieljan. Simferopol, 2016, pp. 227–250 (In Russian).

28. Nepomnjashhij A. A. *Uchenoe soveshhanie pri KrymOHRISe: stanovlenie nauchnogo pamjatnikovedenija v regione (1920–1921)* [Scientific conference at the KrymOHRIS: formation of monuments research in the region (1920–1921)]. *U istokov sovetskoj arheologii: organizacii i uchrezhdenija arheologicheskogo profilja v novyh realijah: mater. Mezhdunarodnoj nauchnoj konf., 26–27 fevr.* [At the origins of the Soviet archeology: organizations and institutions of archaeological profile in the new realities: proceedings of the International Scientific Conference, February 26–27]. *In-t arheologii RAN* [Institute of Archeology of RAS]. Moscow, 2019, pp. 31–33 (In Russian).

29. Novyc'ka M. *Vyvchannja starovynnyh tkanyn ta vyshyvannja za revoljucijnyh chasiv na terytorii' Radjans'kogo Sojuzu* [Study of ancient fabrics and stitchings within the revolutionary period in the Soviet Union]. *Zapysky Vseukrai'ns'kogo arheologicheskogo komitetu* [Proceedings of all-Ukrainian archaeological Committee]. Kyiv, 1930, vol. 1, pp. 233–245 (In Ukrainian).

30. *Sankt-Peterburgskij filial arhiva RAN* [St. Petersburg's branch of archive RAS] (SPFARAN). Fund 155, inventory 2, file 649, sheet 19 (In Russian, unpublished).

31. SPFARAN. Fund 849, inventory 3, file 397, sheets 1–10 (In Russian, unpublished).

32. Spasskaja E. Ju. *Staro-Krymskie uzory* [Srary Krym patterns]. *Izvestija Obshhestva obsledovanija i izuchenija Azerbajdzhana* [Proceedings of the Society for the survey and study of Azerbaijan]. Baku, 1926, no 3, pp. 181–184, 8 l. il. (In Russian).

33. Spas'ka Je. *Spogady pro mogo najsuvorishogo vchytelja Danyla Shherbakivs'kogo* [Memories of my stern teacher Daniel Shcherbakovsky]. Pidg. S. Bilokin'.

Ukrai'na: Nauka i kul'tura: Shhorichnyk [Ukraine: Science and Culture: Yearbook]. Kyiv, 1990, vol. 24, pp. 272–286 (In Ukrainian).

34. Spasskaja E. Ju. *Tatarskie vyshivki Staro-Krymskogo rajona: Po materialam A. M. Petrovoj* [Tatar embroidery of Stary Krym region: on materials by A. M. Petrova]. *Izvestija Vostochnogo fakul'teta Azerbajdzhanskogo gos. un-ta im. V. I. Lenina. Ser.: Vostokovedenie* [Proceedings of the Oriental faculty of Azerbaijan State University V. I. Lenin. Ser.: Orientalism]. Baku, 1926, vol. 1, pp. 21–47 (In Ukrainian).

35. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva Ukrainy* [Central State archive of literature and art of Ukraine] (CGALIU). Fund 1260, inventory 1, file. 7, sheets 1–3 (In Ukrainian, unpublished).

36. Shudrja Je. *Podvy'zhny'ci narodnogo my'steczstva: Biobibliografichni nary'sy'* [Ascetic folk art: Bibliographic essays]. Za red. M. Selivachova. Kyiv, 2003, Zoshyt 1, 60 p. (In Ukrainian).

About the author: Nepomnyashchy Andrei Anatolievich – Dr. of Sci. (History), Professor, Leading Researcher of the Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (420111, Kazan, Baturin St., 7A, Russian Federation); Head of the Department of Historical Regional Studies and Local History of V. I. Vernadsky Crimean Federal University; e-mail: dr.aan@mail.ru.

Наследие

УДК 94 (477.75): 929

DOI: 10.22378/kio.2020.1.168-179

Исмаил Гаспринский в Индии: анализ и транслитерация очерка «Маариф ёлунда» («За грамотностью»)

*Эльмира Абибуллаева**(Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ;
ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный
и археологический музей-заповедник»)*

Аннотация. Биография известного крымскотатарского просветителя и редактора-издателя Исмаила Гаспринского (1851–1914) рассматривалась многими исследователями, но некоторые вехи его жизни и деятельности требуют детального изучения. Разбор биографического очерка «Маариф ёлунда» – «За грамотностью», опубликованного на страницах газеты «Терджиман» в 1912 г., раскрывает подробности воплощения его гуманистических идей и стремлений в жизнь. В статье анализированы конкретные факты пребывания Исмаила Гаспринского в Индии с миссией просвещения и распространения нового метода преподавания. Исследование также вносит ясность и дополнение к историям отдельных музейных предметов, которые ранее оставались неизвестными.

Ключевые слова: Исмаил Гаспринский, просвещение, биография, музейный предмет, Индия.

Для цитирования: Абибуллаева Э. Э. Исмаил Гаспринский в Индии: анализ и транслитерация очерка «Маариф ёлунда» («За грамотностью») // Крымское историческое обозрение. 2020. № 1. С. 168–179. DOI: 10.22378/kio.2020.1.168-179

Деятельность Исмаила Гаспринского (1851–1914) получила мировое признание, его заслуги высоко оценены, его творчество стало национальным достоянием всех тюрко-татарских народов. Особо следует отметить его труд по пропаганде и внедрению звукового метода [10, с. 19]. Джадидизм – новый звуковой метод обучения грамоте, в широком смысле – обновление, которое радикально изменило суть и структуру начального образования во многих мусульманских странах, придав ему более светский характер. Общеизвестно, что джадидизм не является мононациональным, замкнутым в себе движением педагогов крымских татар. Как любое прогрессивное гуманистическое явление в общественной жизни, оно имело широкую географию распространения. В первое десятилетие XX в. в России насчитывалось более чем 5000 школ нового реформированного типа [3, с. 286].

Целеустремленность, бескорыстие и стремление распространить образованность и знания повсюду подтверждаются поездкой Исмаила Гаспринского в Индию. О просветительском проекте редактора-издателя в Индии сообщалось на страницах таких изданий, как «Терджиман», «Неджат», «Тюрк Юрду», «Икдам», «Вақыт» [11, с. 219–220]. Нельзя не согласиться с мнением турецкой газеты «Икдам», которая в марте 1912 г. опубликовала статью о поездке просветителя в Индию и проанализировала этот шаг так: *«Исмаил Гаспринский в России не поднимал много шума. Не публиковал различные программы и проекты. Не призывал к насилию, не собирал 10-тысячные митинги и не выступал с пламенными речами. Он собрал пять-десять учащихся и начал обучать их по звуковому методу в квартале Кайтаз-ага в Бахчисаре. Он подготовил и издал учебные пособия, сам показывал правила правописания и необходимость обучения грамоте девочек и женщин, объяснил важность “джемиет-и маалие” (общественных фондов) и “джемиет-и хайрие” (благотворительных фондов), составил все правила. И на протяжении 30-ти лет он говорил и писал об этом. И сегодня тоже об этом. Тридцать лет он неустанно работал на этой ниве. Происходящие политические и другие события не сбили его с верного курса. <...> Деятельность Исмаил-бея была направлена не только тюркам и мусульманам, которые благодаря его усилиям стали обучаться грамоте. Он повез свой метод в другие страны... Не это ли является гуманизмом и патриотизмом?»* [11, с. 220]. Опираясь на сведения этих изданий, известный востоковед А. Н. Самойлович сделал сообщение в журнале «Мир Ислама» под названием «Мусульманская периодическая печать» [3, с. 285].

Современные исследователи жизни и деятельности Исмаила Гаспринского И. Керимов, В. Ганкевич, С. Гафаров, Д. С. Кырымэр, Э. Лаззерини, Н. Девлет, Я. Акпинар и др. в своих трудах отмечали поездку редактора-издателя в Индию с целью пропаганды просвещения. Но некоторые считали этот факт недостоверным: в частности А. У. Фишер высказал со-

мнение в правдивости сообщений о путешествии Исмаила Гаспринского в Индию.

Следует отметить, что мусульманское население, проживающее в Индии, с деятельностью и изданиями редактора-издателя познакомилось еще в начале 1900-х г. Как отмечает Л. Климович, сохранилось письмо И. Гаспринскому из Бомбея от В. Клемина из Российского имп. Генерального Консульства от 18 (31) октября 1901 г., в котором сообщалось, что, по наведенным им справкам в Бомбее, Пешаваре и Лагоре, «мусульмане боятся навлечь на себя неудовольствие английских властей покупкою русских книг». Однако в том же 1901 и последующие годы, а данные сохранились по 1912 г., продажа изданий И. Гаспринского, в том числе Корана малого, среднего и большого формата, исчислялась ежегодно многими тысячами экземпляров [8, с. 103].

Сам Исмаил Гаспринский побывал в Индии позже, – в 1912 г. Свою поездку в Индию просветитель достаточно подробно описал в биографическом очерке «Маариф ёлунда» («За грамотностью»). Все части очерка представлены в пяти номерах газеты «Переводчик-Терджиман»: русскоязычная версия очерка вышла в двух номерах – № 18, № 21; на крымскотатарском языке очерк был издан в трех номерах – № 23, № 24, № 30. Завершающую часть очерка автор опубликовал только на крымскотатарском языке (арабицей). В русскоязычном варианте очерк озаглавлен как: «За грамотностью», в варианте на крымскотатарском языке – как «Маариф ёлунда». Вышеописанное подтверждает, что с конца 1905 г. Исмаил Гаспринский перестает полностью переводить все статьи, помещаемые в периодической газете, и она практически превращается в одноязычную [3, с. 121].

Публикации биографического очерка предшествуют письма, которые были напечатаны на страницах газеты «Терджиман» в апреле 1912 г. Письма были отправлены учеником Исмаила Гаспринского – Дакуви Мухаммед Азадом. В которых адресант сообщал, что обучение в Индии проходит по учебнику «Ходжа-и субъян», который был переведен на урду, что новая школа, методика преподавания и учебные пособия вызвали большую заинтересованность в соседних регионах [9, № 18]. В последующих письмах Мухаммед Азад сообщал, что из регионов поступает большое количество заказов на учебные пособия.

Учитывая, что Исмаил Гаспринский очень обдуманно подходил к каждому своему проекту, можно предположить, что учебное пособие по персидскому языку, экземпляры которого сегодня хранятся в фондах Бахчисарайского музея-заповедника, также были предназначены для индийских школ. Пособие «Фарси» («Грамматика персидского языка»), изданное в 1911 г., как и учебное пособие «Ходжа-и субъян» [5, 6, 7,] имеет на обложке поговорку: *«Джахиль къаланын, оланын – гунахлары анна ве бабалары узерине*

къалур» (пер.: «За безграмотность детей несут ответственность родители»). В предисловии «Фарси» редактор пишет рекомендации и методику изучения персидского языка: «Этот учебник будет способствовать изучению языка. Если учить персидский язык один или два раза в неделю, можно на нем говорить и понимать. Если 4 раза в неделю, то можно переходить к чтению книги «Бааде гулистан» [4, с. 1–2]. То, что Исмаил Гаспринский планировал посредством персидского языка обучать «звуковому методу», подтверждает его обращение, опубликованное в конце очерка: «Снова и снова с именем Аллаха Милостивого и Милосердного! Я приглашаю кого-нибудь из моих опытных преподавателей, братьев, знающих персидский язык и обучающихся «звуковым методом». <...> Индийские ученые верят персидскому языку. С лёгким персидским языком дела пойдут быстрее» [13, № 30]. О давних планах поездки в Индию редактор-издатель пишет в начале своего очерка: «Меня давно тянуло в Индию. Интересно. Хотелось также посмотреть, как там учатся, что есть там хорошего и в чем недостатки... Признаюсь, я лелеял мысль дать Индии кое-что. Нет, не кое-что, а нечто очень ценное и хорошее: звуковой метод преподавания начальной грамоты, данный России незабвенным Ушинским и позже применённый мною к мусульманским мектебам. Долголетний опыт и отличные результаты меня окрылили» [16, № 18]. Все вышеперечисленные факты указывают на то, что И. Гаспринский приехал в Индию с определенными намерениями и привез с собой специально подготовленные и разработанные учебные пособия.

Помимо текстовой части в очерке представлена и фотография, на которой редактор-издатель вместе с преподавателем звуковой школы Мухаммед Азадом-эфенди, переводчиком Хаджи Абдуррахманом-эфенди и четырьмя будущими преподавателями «звукового метода». Фото было сделано в Бомбее, недалеко от новометодной школы, в фотоателье Махмуда-эфенди [12, № 24]. К сожалению, оригинал фотографии на сегодняшний день не сохранился, как и многие фотографии, представленные некогда в Доме-музее Исмаила Гаспринского в 1921–1930 гг. [14, с. 45], но благодаря опубликованному в газете «Терджиман» очерку и размещенной там фотографии, мы имеем представление и об этом этапе жизни редактора-издателя (Рис. 1).

Еще одним свидетельством поездки Исмаила Гаспринского в Индию является статуэтка Будды – это своеобразный памятный сувенир, который сегодня представлен в экспозиции Мемориального музея Исмаила Гаспринского. Как известно, Дом-музей И. Гаспринского был открыт в 1921 г. и являлся филиалом Государственного Бахчисарайского дворца-музея. Когда Дом-музей был закрыт, 1932 г., все предметы были переданы в фонды Бахчисарайского дворца-музея [14, с. 12–29]. К сожалению, акты приёма пред-

метов в фонды Государственного Бахчисарайского дворца-музея сохранились в небольшом количестве. Наличие таких актов, с соответствующим номером, зафиксировано в инвентарных книгах, в отдельной графе. Но не всегда запись поступлений музейных предметов сопровождалась указанием номера акта и данными, откуда и когда поступил предмет [17, с. 77–78]. В инвентарных книгах 1930-х гг. вышеупомянутая статуетка перечисляется в одном ряду с переданными из Дома-музея Исмаила Гаспринского предметами, но в графе «Место поступления» запись отсутствует. Данный факт относится к большинству музейных предметов, имеющих прямое отношение к Исмаилу Гаспринскому [14, с. 36, 40]. Единственная запись в инвентарных книгах относительно этого предмета – описание: в первой книге описание дано на арабской графикой на крымскотатарском языке под № 1234: «*Сары джиаз сачы бурулы ики вериун бойлу. Багъыры эсхир къурунуб отурмыш хейкельджик*» [1, л. 74–75 об.]; в другой инвентарной книге описание на русском языке под № 686: «*Статуетка Будды из желтой меди*» [2, л. 76–77 об.]. Таким образом, анализ очерка «За грамотностью» пролил свет и на музейный экспонат, информация о котором в музейной документации отсутствовала (Рис. 2).

Необходимо заметить, что Исмаил Гаспринский, находясь в Индии, обратил внимание и на социально-экономические аспекты жизни, которые нашли своё отражение в очерке «Планомерная миграция» («Мухаджирет-и мунтазама»). Этот очерк был опубликован в конце 1912 г. в турецком журнале «Тюрк Юрду», где автор, рассуждая о миграционных процессах в России, вспоминает и как бы сопоставляет условия, которые вынуждают индийских эмигрантов переселяться к южным берегам Ирана, в города Омана, Йемен, Африку [15, с. 343–350]. В свою очередь это еще раз доказывает, что просветитель старался отразить и показать различные стороны жизни и происходящие процессы посредством своих публикаций.

Ниже приведён транслитерированный текст очерка «Маариф ёлунда» из газеты «Терджиман» за 1912 г. – № 23, № 24, № 30.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник». Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 74–75 об.
2. Архив ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник». Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 76–77 об.
3. Ганкевич В. Ю. На службе правде и просвещению: Краткий биографический очерк Исмаила Гаспринского (1851–1914). Симферополь: Доля, 2000. 328 с.
4. Гаспринский И. Фарси [Персидская грамматика]. Бахчисарай, 1911. 50 с.
5. Гаспринский И. Ходжа-и субъян. Джылт I. [Учитель детей. Часть I]. Бахчисарай, 1910. 16 с.

6. *Гаспринский И.* Ходжа-и субьян. Джылт III. [Учитель детей. Часть III]. Бахчисарай, 1910. 68 с.
7. *Гаспринский И.* Ходжа-и субьян. Джылт IV. [Учитель детей. Часть IV]. Бахчисарай, 1910. 16 с.
8. *Гаспринский И.* Россия и Восток. Казань: Татарское книжное изд-во Жиен, 1993. 132 с.
9. За грамотностью // Терджиман, 1912 г., № 18.
10. Исмаил Гаспринский – великий просветитель / сост. Ф. Зиядинов. Симферополь: Тарпан, 2001. 256 с.
11. *Керимов И. А.* Гаспринскийнинъ «джанлы» тарихи 1883–1914. Симферополь: Тарпан, 1999. 408 с.
12. Маариф ёлунда // Терджиман, 1912 г. № 24.
13. Маариф ёлунда // Терджиман, 1912 г. № 30.
14. Награды и подарки Исмаилу Гаспринскому в собрании Бахчисарайского музея-заповедника: каталог / сост. Абибуллаева Э. Э. Белгород: Констатнта, 2017. 212 с.
15. Полное собрание сочинений Исмаила Гаспринского / сост. Сеитваниева Г. Ю., Сеитмететова С. А. Симферополь: ООО Форма, 2016. Т. 1. 384 с.
16. Хиндистандан мектуб // Терджиман, 1912 г. № 18.
17. *Эминов Р. Р.* Материалы Государственного дворца и музея тюрко-татарской культуры (1917–1944) как источник по истории и этнографии крымских татар // Восточный архив. 2015. № 2 (32). С. 75–84. Режим доступа: <http://handvorec.ru/doc/JPEG/emin.mat.Arhib-32-2015.pdf>

Сведения об авторе: Абибуллаева Эльмира Эбазеровна – младший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, Батурина, 7А, г. Казань, Российская Федерация); заведующий Мемориальным музеем Исмаила Гаспринского Государственного бюджетного учреждения Республики Крым «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник» (298405, ул. И. Гаспринского, 47 А, Бахчисарай, Российская Федерация); shems-annur@mail.ru

Исмаил Гаспринский «Маариф ёлунда»

Бумбай виляетин умум эхалиси он алты миллион хесаб олунуёр. Нуфус Бумбайин эхалиси бир миллиона къадар бар. Эксери эхали муджевсидир, бунлардан уч миллион къадары дин ислям иле мушриф олмушдыр. Араб ве карс пек аздыр, тюрк ёкъдыр. Эртеси кун шехер базарларыны ве джад-делерини долашдыкъда дюкянларын, магъазларын, къавхелеры (къавеха-

не) ингилиздже ве эски санскрит бозмасы – «куджрати», энъ язылмыш олдукълары хальде хат харджи иле язылмыш бир левха тесадюф итмедеги дикъкъатымы джелъп этти.... Мусульманлар чокъ, джамилер, медреселер вар, хат араби иле язлухы ве илян ёкъ! Бираз нагът иш иле бу хукюметин сыры анълашылды: мегер ахвамы дердимиз хинди даха зияде хукюм сюрюёр имиш. Мектеблерде араби альфабе костерилуб баде кърает Къуран дерси эдильдиги хальде чоджукълара милли лисан, язы, хесаб костерильмиёр шойлеки мукъадимедже бизлерде олдугъу киби хинд чоджукълары уч-беш сене мектебе девам итдикден сонра язысыз къалыёрлар. Баде кенди башларына харф араби иле язы тахсиль кучъ ве мешакъат олдугъындан гъает саде ве енгиль олан хат кочюртиёр огренуб окъутсай халь ве дюнья бунынъ иле токътур, тутуб язы язуб мутемале идиёрлар.

Мектеблернинъ усулсызлыгъы хат арабининъ нисбети бир дередже кучлюги хат куджуретимининъ бин аль ислям интишарыны ве гъалебесини муджиб олмушдыр. Бу халы анъладыкътан сонъра атышым бир къат даха артты, мусульманлар бинигъди арабиден гъайры хат ихтималы коръмедигинден хат-къоджратининъ гъалебеси бана фена тесир этти. Бумбайде не-сир олунан муслюман газетесининъ дахи хат къуджрати иле тертиб ве нешир идильдиги, мирасын не дередже ерлешдигини гостерийёр, бельки лязим микъдарда окъуян буламияджакъдыр...

Тасиль тамиль демек олан «усул савтией» костермек, нешир этмек, хер ерден даха зияде бурада лязим имиш!

Ёкълама оларакъ бу миябик «анджиман ислямиеси» ичтимаи анда булунуб шеэхирин илиме къалмиясына мубтелеи ачтым. Къыркъ элли койде окъуб бакъсакъ тасиль мумкюн олдугъыны сёйледим! Итимад идильмеди, къулакъ верильмеди, башкъа султанлара верильди, хейхат чокъ докъумелер гордугъом, кечирдигим, халлери.

Бин-ал ислям назариет иле дегиль амелият [практика] ве эмир вакъиа иле иш кормек лязимдир. Хемен тюркче-ордуджа билен ве муалимлиги къабул эдеджек «бир адам» арашдырма башладым. Бу адама «усул савтией» бильдируб нюмюне мектебине буны муалим итмее къарар вердим. Бир хафта аранылды, бойле бир адам булунмады. Ахрыджа шекиль ханесинде кашмир задегянарындан къабул исляим иле мешруф олмуш ве иши алты сенелер Багдадта булунуб хайле тюркче тасиль итмиш Мухаммед Азад эфендийи расткетирдим. Мухаммед Азад эфенди муалимлиги къабул итди. Он куне къадар бунъа дерс веруб «усул савтиейи» хазым итдиктен сонъра бундан хинди базарында джума джами къаршисында мектеб хане ачара итдим ве энъ лязим оланы тедарик идтирдим. Руми саат икиде, джума намазындан сонъра нумюне мектебининъ масасы ве кесады иджра идильди.

Шехирин ингилиздже ве къуджарати гъазетелеринде, шу гюн, мектебе даир бир заметке [заметка] нешир олунду. Дайие Бумбай къазасы. Газете

мухаррири бир османлы таджири ве отуз-кыркъ къадар саир адамлар тешриф буюрдулар. Адет маалие ифтизасынджа хазыр булунанлара шекерлемелер ве чичеклер, гуллер такъдим этильдиктен сонъра хатым Къуран иле меджлис ачилды. Даадан сонъра меджлисе бир сёз сёйлемек лязим иди. Къалгъанлара гузельдже накъыш идирмек фикри иле шу ёлда биян халь итдим: «Эфендилер, бугюн рахатынъызы бозуб бу меджлисима тешриф буюрдынъыз ичюн джумленъизе арз тешеккюр идиёрум».

Муалюм Мухамед Азад эфенди урдуя терджиме итди «бу гузель ватанынъызы, бу мешхур алеми Хиндистаны зиярете къарар вердигим хальде бош эль иле кельмек истемеюб сеях ве къардаш армагъаны бир хедие кетирмеге истемиш идим... Бунъа коре берабер маде бир миллион ингилиз лирасы гетурмеге къарар ведим... (терджиме итильди) сексен миллион эхали арасында 9–10 миллион эхали мектеб ве талебе булунаджагъы муталюмдир. Бир миллион алтуны бунлара тасдыкъ идерсем анджакъ бирер кунделик я бирер китаблыкъ джезви бир шей оладжагъы ине бу ниетден чевирди. Бирер хатыралыкъ хедие беделине бин сёзлере «усул савтиейи» кётурдюм, бу усул саесинде субъянынъыз ве джумле амеллеринъыз кыркъ – элли кун тарафында окъумакъ – язмакъ хош баханлыгъа къатл ола биледжекдир. Эгер бойле исе бир миллион ингилиз лирасындан даха фазла ве эфсиль олзмамы?... (терджиме этильди хошнудлыкъ нидалары анъладылды). Бу дедигиме сизлер тааджип идеджексиз, табидир бельки итимад итмиеджексиз бунъада хакълысыз... Бен итимад истемиёрум иште бурасы нюмюне ве теджрубе мектебидир. Усул огренмиш муалюм бу адамдыр сизлерден, акъче, эшья хатта тешеккюр биле истемиёрум, анджакъ джумленъызге бирден баш уруб теменни идиёрум бундан кыркъ – элли кун сонъра вакъыа оладжакъ биринджи имтихане тешриф буюруб усул савтиенинъ вереджеги темирмии корюнъюз... Бу риджайи текрар идерек джумленъизе эльведа идиёрум ... Сабах эркен ватаныма ёл алыёрум. Имтихана къадар мектеб бенимдир джумле хараджаты верильмишдир. Имтихандан сонъра макъбуль буюрсанъыз мектеб сизин олур... Эльведа.

Мектеб меджлиси дагъылдыгъы хальде усул савтийейи тахсилени арзу иден дёрт дживан къалуб бадалетхасиль ханесининъ саир виляетлерине гидуб савтие мектеплери ачаджакъларыны окъадар ильмихаль маариф маалие ёлунда чалышаджакъларыны топладылар. Бу... мерамындан? зиядесийле ферахлануб лязим келен базы насихатларда булундум. Бу Мумбай виляетинде муалим мектеб Мухаммед Азад эфенди, саир дёрт биюк виляетде бу дёрт мюрид мусарафын чалышаджакълары джаныма къувет веруб вуджудыма тазелик багъыш идиёрду. Бу ишин, бу эснасын ядикяры олмакъ узре

малюм оладжакълар бунлар иле берабер февту-гъарафымызы чикъармакъ риджасында булундулар. Бунда бунларын ресимлерини бераберимде булундырмакъ арзусында булунаджагъым таби илдугъындан иман, рыза костеруб дживарда булунан Махмуд эфенди, фотогърафханесине ёл алдыкъ.

Бумбай мусульманлары аля-франка тарзылыкъ куньдереджелик аля-франка киюм, эшья тиджарети итдиклери киби фотогърафчилыкъ, загярлыкъ [ювелирное дело] киби ишлерде земанеден гери къалмамая чалышмакъдадырлар. Махмуд эфенди фотогърафханесинде шу кенарда дердж идильмиш ресим алынды. Юзлерин сагъ тарафында элинде чичек булунан нумуне мектеб савтиенинъ муалими Махмуд Азад эфендидир, сол тарафындаки терджиманым Хаджи Абдулрахман эфендидир, къалан дерт киши усул савти иле тедрис корьмек истеен «маариф мюридлери» дедигим дживанлардыр. Дженаб-и Хакъ мувафакъиетлерини ихсан саи ве хасетлерини темир ве хайырлы ийлесун!

Хиндистан кенарунда коре бильдигим исыджакъ (проблески) бу къадар илеруси илеруде гёрилюр. Муалим мектебхане талебе тедарик итмек иле мешгъуль булунаракъ рухсет ресмие алмакъ яки бу ёкълама итмек хатырдан чикъмыш иди. Мектеб ачиладжагъы кунь бу джихет башыма дюшди. Махаллик эджнебиеден кельмиш эджнеби бир адам мухалк хукюметине хати бир хабер биле вермеюб бу мале бир иш тутмуш булунуёрум... Бу фикир иле хемен файтона атлаюб, эсте [акълымда] олдугъым мистер Фавола къошдум:

– Эфендим бугюн нюмюне мектеб ачиёрум, бунъа рухсет кимден яки нереден алмакъ лязим келиёр?

– Мектеб ачмакъ ичюн рухсетми?

– Ингилиз законларында бойле бир маде ёкъдур мухтарсыз эфендим.

Ингильтере харыджи ядмы кельди? Бираз утандым ве хемен кендими топлаюб:

– Бильмиёрум эфендим «рухсет» дие янълыш ибаре къулландым... киме хабер вермек лязим келиюр демек истиюрум... Фавол дженаблары кюлюм-сиреб:

– Хич киме хабер вермее борджлы дегилиз, лязим хаберлери хукюмет кенди джема идер... Ишинъизе девам идинъ.

Не рухсет законы вар, неде «явочный порядка»!.. Русча ишлеен башым ингилиз усул идаресини бирден бир алдырамыюр.

Бумбайда бенди базарда ачдыгъым усул-савти мектебининъ биринджи имтиханы кечен ай башында олмакъ лязим иди. Чюнки бу усул иле мубтедилере окъумакъ ве язмакъ тахсиль итдирмек ичюн ики ай муджрет къафи

олдугъы бу тарафларда джумле халкъа малюмдир. Имтихан хабери макъа-мына Бумбайдан мектуб алдыкъ – бири муталебемизин векили Хаджи Хали Арслан эфендиден, дигери бизим терджиманлыкъ итмиш Хаджи Абдулрахман эфендиден. Хер ики мектубун вердиклери хабер будур ки – Бенделери мектеби ачуб Ветана харекет итдигим баденде усул костеруб тахмиин итдигум муалим Мухаммед Азад эфенди бир ай къадар мектебе девам идуб, бу ише джемаатын дикъкъатыны хайли джелъб итмиш. Бундан сонъра биракъуб Багъдада гитмиш, шойлеки усулу-тесираты гёрильмиюб къалмышдыр. Муалим Мухаммед Азад эфенди мукъадимдже бойле бир нетиджее деялет кёрюльмиёр иди. Вазифесини терк иле Багъдада чекильдигининъ себеби яки себеблери меджхуль къалыёр. Мухаммед Азад эфенди бу эманетли бир затын незарында ве химаесинде расткетирмуш ве муалимлиге давет итмиш идим. Имтихана къадар мектебин ве муалимин идаресини темин итмиш идим. Эгер беш-он рупиялар даха лязим олмуш олса Бумбайдаки векилимиз тарафындан хесабымыза сарф идиледжеги таби иди. Шойлеки нумю-нелик дерсханенинъ башына кельмиш хале бир тюрлю мана вереминюрум.

Хер не исе бу бойле кетсун. Маариф сахабелери тахиль тахиль тум тах-сили муджиб оладжагъыны биленлер затлара таиф идеджеклери маалюм ве табиидир лякин бу заманда бу хараблыкъ заманында таифе махиль, вакъыт ве лузум къалмиёр анджакъ бир меселеге къаршу беш хемет иле чалыш-макъ керек олыёр. Бина-али Хиндустана бахыш идильмиш биринджи ню-муне мектеби тамире ве нетидже вермедиги хальде. Текрар Бумбайда ве Лахор иле Дели беледиелерине бирер нюмуне мектеб темин идильмек фарз олыёр.

Текрар ве текрар бисмиллях эль рахмани эль рахим! Лисан фарсие эште ве усул савтие иле дерс веруб теджрибе корьмуш муталим къардашларым-дан бирини давет эдиёрум. Азиз эмирининъ секиз-он ай вакъытыны сексен миллиёнлукъ Хиндистан джахилисининъ тенбие ве халемине багъш итмие Хиндин уч буюк меркезинде бирер нюмуне мектеби тайин ве ерлери му-алимлере усул костермеге зевкъ видждан ве тенбир земан иле Хиндустане гидуб келеджек бир къардаш давет эдиёрум. Ёл рахат, меснек азыр, харад-жат ве мусарф «Терджиман» идареханесинден. Маариф арсланларындан бирини чагъырыёрум сеси версун. Хинд улемасы ве мутебираты фарсие ишанадыр. Асан [къолайли] фарси иле иши юрютмек мумкюндур.

Ismail Gasprinsky in India (transliteration and analysis of the sketch “Maarif Yolunda” (“On the Way to Education”))

Elmira Abibullaeva

*(Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences;
“Bakhchisarai Historical-Cultural and Archeological
Museum-Preserve”)*

Abstract. Biography of a well-known Crimean Tatar educator and publisher Ismail Gasprinsky (1851–1914) was studied by many researchers, but some aspects of his life and activity needs a more detailed study. Analysis of his biographical sketch – “Maarif Yolunda” (“On the Way to Education”), which was published on the pages of “Terdzhiman” newspaper in 1912, opens up the new details in his attempts of implementation his humanistic ideas and activities in life. The article also analyses specific facts of his visit to India, which had the mission of enlightenment of people and polishing his new methods of teaching. The investigation opens up the new aspects of materials, gives additional information about the history of earlier unknown separate museum subjects

Keywords: Ismail Gasprinsky, enlightenment, biography, museum subjects, India.

For citacion: *Abibullaeva E. E.* Ismail Gasprinsky in India (transliteration and analysis of the sketch “Maarif Yolunda” (“On the Way to Education”). *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2020, no. 1, pp. 168–179. DOI: 10.22378/kio.2020.1.168-179

REFERENCES

1. Archive of Bakhchisarai Historical-Cultural and Archeological Museum. Found. fol.16, in 1, files 1, p. 74–75.
2. Archive of Bakhchisarai Historical-Cultural and Archeological Museum. Found. fol. 16, in 1, files 3, p. 76–77.
3. Gankevich V. Y. *Na sluzhbe pravde i prosveshcheniyu: Kratkij biograficheskij ocherk Ismaila Gasprinskogo (1851–1914)* [On the service of Justice and Education: a brief biographical sketch of Ismail Gasprinsky (1851–1914)]. Simferopol, Dolya, 2000. 328 p.
4. Gasprinskij I. *Farsi* [Grammar of Persian language]. Bahchisaraj, 1911. 50 p.

5. Gasprinskij I. *Hodzha-i-subyan. Chast I.* [The World of Children. Vol. I]. Bahchisaraj, 1910. 16 p.
6. Gasprinskij I. *Hodzha-i-subyan. Chast III.* [The World of Children. Vol. III]. Bahchisaraj, 1910. 68 p.
7. Gasprinskij I. *Hodzha-i-subyan. Chast IV.* [The World of Children. Vol. IV]. Bahchisaraj, 1910. 16 p.
8. Gasprinski I. *Rossiya i vostok* [Russia and the East], I. Gasprinski. Kazan, Tatar book publishing hous. Zhien, 1993. 132 p.
9. *Za gramotnost'yu* [On the Way to Literacy]. *Terdzhiman* [Translator]. 1912. № 18.
10. *Ismail Gasprinskij – velikij prosvetitel* [Ismail Gasprinski is a great Educator]. Compiler by F. Ziyadinov. Simferopol, Tarpan, 2001. 256 p.
11. Kerimov I. A. *Gasprinskijnin" «dzhanly» tarihi 1883–1914* [The living history of Ismail Gasprinsky 1883–1914]. Simferopol, Tarpan, 1999. 408 p.
12. *Maarif yolunda* [On the Way to Education]. *Terdzhiman* [Translator]. 1912. № 24.
13. *Maarif yolunda* [On the Way to Education]. *Terdzhiman* [Translator]. 1912. № 30.
14. *Nagrady i podarki Ismailu Gasprinskomu v sobranii Bahchisarajskogo muzeya-zapovednika: katalog* [Awards and gifts to Ismail Gasprinsky in Bakhchisarai Museum-Preserve: catalog]. Compiler by Abibullaeva E. E. Belgoro, KONSTANTA, 2017. 212 p.
15. *Polnoe sobranie sochinenij Ismaila Gasprinskogo* [Complete works of Ismail Gasprinsky]. Compilers: Seitvanieva G. Y., Seitmemetova S. A., Simferopol, OOO Forma, 2016. Vol. 1. 384 p.
16. *Hindistandan mektyub* [Letters from India]. *Terdzhiman* [Translator]. 1912. № 18.
17. Eminov R. R. *Materialy Gosudarstvennogo Dvorca i muzeya tyurko-tatarskoj kul'tury (1917–1944) kak istochnik po istorii i etnografii krymskih tatar* [Materials of the State Palace and Museums of the Turkco-Tatar culture (1917–1944) as a source of History and Ethnography of the Crimean Tatars]. *Vostochnyj arhiv* [Eastern archive]. 2015. № 2 (32). P. 75–84. [Elektronik resource]. Access mode: <http://handvorec.ru/doc/JPEG/emin.mat.Arhib-32-2015.pdf>

About the author: Abibullaeva Elmira Ebazeroovna – junior researcher of the Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (420111, Kazan, Baturin st., 7A, Russian Federation); Head of Ismail Gasprinsky Memorial museum, State budgetary establishment of the Republic of the Crimea “Bakhchisaray Historical-Cultural and Archeological Museum-Preserve” (298405, Bakhchisarai, Gasprinsky st., 47A, Russian Federation); shems-annur@mail.ru

УДК 811.512.161

DOI: 10.22378/kio.2020.1.180-210

Крымскотатарско-датская дипломатия в документах Крымского ханства

Рефат Абдужемилев

(Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ;
ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический
университет им. Ф. Якубова»)

Аннотация. В рубрике представлены оригинальные по языку и стилю ярлыки и письма правящей элиты Крымского ханства, с переводом на русский язык, отражающие крымскотатарско-датские контакты в XVII в. (*латинографическая транслитерация и перевод – Р. Р. Абдужемилев*). Материалы собраны из фондов Рейхсархива (Императорского архива) в Копенгагене (Дания) и опубликованы в книге Josef Matuz, “Krimtatarische Urkunden im Reichsarchiv zu Kopenhagen: Mit historisch-diplomatischen und sprachlichen Untersuchungen”. Freiburg: Klaus Schwarz Verlag, 1976. 348+34 s. [Йозеф Матуз, «Крымскотатарские документы в Рейхсархиве в Копенгагене: с историко-дипломатическими и лингвистическими исследованиями». Фрайбург: Изд-во Клаус Шварц, 1976. 348+34 с.].

Содержание книги охватывает следующие вопросы: **А.** Крымское ханство середины XVII века. **В.** Дипломатические отношения между Крымским ханством и Данией во второй половине XVII в. **С.** Крымские дипломатические обычаи в отношениях с Данией. **Д.** Попытка дипломатии соответствующих крымских документов. **Е.** О языке документов: предварительные заметки, фонетика, морфология, комментарии по синтаксису, словарные комментарии, выводы. **Ф.** Документы: сохранность документов, издание оригинальных крымскотатарских писем из копенгагенского Рейхсархива, предварительные заметки, документы 1–27. **Г.** Записи нетурецких материалов. **Н.** Источники и библиография. **И.** Указатель: персоналии и династии, топонимы, народы, языки и географические термины, слова и предметы, лингвистика, авторы и работы. **Ж.** Таблицы.

Ключевые слова: Дания, дипломатия, документ, крымскотатарский, Крымское ханство, османский, письмо, Рейхсархив (Императорский архив) в Копенгагене, ярлык.

Для цитирования: Абдужемилев Р. Р. Крымскотатарско-датская дипломатия в документах Крымского ханства // Крымское историческое обозрение. 2020. № 1. С. 180–210. DOI: 10.22378/kio.2020.1.180-210

Документ 1

Письмо дружбы (мухаббетнаме) от хана Мехмед Герая IV Фридриху III

Бахчисарай, 28 мая 1658 г.

Объявление о победе над армией Трансильвании и просьба о помощи.

Сигнатура (шифр): TKUA Tatariet AI 2/4/3.

Язык: османский с несколькими татарскими элементами.

Бумага: желтоватая, не слишком толстая, гладкая лицевая сторона. Формат: 104,5 x 38 см.

Шрифт характерного стиля: рик'а; -шпигель: 43,5 x 27 см.

Тугра: в золоте, формат: 17 x 28 (9,5) см.

Invocatio «Hu» («Он») в золоте – на 52,5 см над первой строкой и в 3 см от верхнего края бумаги.

Оборот: пусто.

Размеры оттиска печати: 20 x 19 мм.

Список литературы: Lewis, «Some Danish-Tatar Exchanges», S. 144 : Notiz, Plate I: Faksimile [Льюис, «Некоторые датско-татарские обмены», с. 144 : примечания, таблица I: факсимиле].

Hu

Mehmed Geray Han bin Selâmet Geray Han

sözümüz

Qıdvet-ı erbabu'l-milletü'l-Mesihîye zübdet-i ashab tayfetü'l-Nasraniye dostumuz ve qardaşımız Dünyâ¹ qıralı olan qıral-ı devlet-iştimal huzurına selâm-selâmet-resan ve peyâm-i meserret-nişan iblâğıyle inhay-i Hanı budır ki yaqın-uzaqda olan padişahan-ı ali-maqam ve hükkam-i zevîü'l-ihtiramle dostluq ve qardaşlıq itmek mu'tad-ı zafer-i'tiyadımız olmağle bundan aqdem muhabbetname hattımız ile elçimiz könderilmişidi ve şimdi dahi muhabbetnamemiz yazdırılıb emekdar qullarımızdan Meydanğazı Mırzayı elçi könderilmiştir inşa'Allahu Ta'alâ şeref-i vusulında muhabbetnamemiz qıraat itdirib dostluq ve qardaşlıq idesiz murad ve maqsudımız siziñ dostuñuza dostluq idüb duşmanıñuza tuşmanlıq itmekdir siz qardaşımız dahi dostumıza dostluq idüb duşmanımıza tuşmanlıq idesiz qardaşımız Lih qıralı Yan Qazimir etrafında olan Masqva ve Eşved ve Erdel tuşman olub vilâyetine yürdüklerinde Elhamdülillâhi Ta'alâ Erdel Macar taburına urulduğı qılıç mesmu'ñiz olmuşdır siz qardaşımız da Lih qıralı ile dost ve qardaş olub bilütf-ü Allahu Ta'alâ Eşved qıralına urduqları qılıç işidib safa itmişüzdir Masqva qıralı dahi kendi halında durmayüb Lih yüzüne tama' idüb Özi Qazağı memleketin

¹ Примечательный стилистический прием документов – семантический диссонанс (разнозвучие), использование в обращении фразы «Dünyâ qıralı» («король мира») вместо «Daniyâ qıralı» («король Дании»).

alub Lih Vilâyetine oğlun qıral itmek için bir kaç yıldan beri asker yazub tedarik idüb yürmekle Qazaqdan ve Lih qıralından imdad talebi için elçileri kelüb cümle Noğay ve Tatar askeriyle bi'z-zat kendimiz evvel baharden Masqva üzerine atlandıq benim qardaşım sizden dahi rica iderim ki Lih qıralıyle siz dahi Masqva üzerine atlanub Lih ile bir-biriñüze arqa ve yardım olub Masqvadan intiqam almayâ sarf-ı maqdur idesiz inşa'Allahu-Ta'alâ biz dahi size dostluq ve qardaşlıq ideriz fima-ba'd Al-i Osman padişahı devletlü Hünkâr-ı ali-veqar hazretleri Venedik qıralı ile bir kaç yıldan beri cenkleri olub her zaman siziñ tarafıñızdan Venedike yardım için gemiler könderüb Venedik qıralına dostluq ider imişsiz sizden rica iderim ki bizim hatrımız körüb bir dahi ol gemileri Venedik qıralına köndermeyesiz bu husus için size ziyâde minnet ideriz qardaşlıq idüb hatrımız köresiz ve cümle askeriñüz ile Lih qıralına kelüb qoşulub bir-biriñüze arqa ve yârdım olub Masqva üzerine yürüyesiz bu qardaşlığı iderseñüz inşa'Allahu Ta'alâ biz dahi muradıñızdan artıq dostluq ve qardaşlıq ideriz varan elçimizi eglendirmeyüb muhabbetnameñüz ile aliü'l-acele qaytarıb könderesiz ahvalıñızı bize bildirersiz baqı ve'd-dua ali min teba' el-Huday

*Mehmed Geray Han bin [tamğa] Selâmet Geray Han
Bi-maqam-ı Bağçasaray*

Перевод:

Он [Аллах]!

*Мехмед Герай-хан, сын Селямет Герай-хана
наше слово*

Достойнейшему из предводителей народа Месихие², важному довершению сподвижников племени Насрание (христианского племени), нашему другу и брату, королю Дании, королю благополучия. Доведя и сообщив приветствия и пожелания здравия, и ознаменованные радостью вести, ханское извещение таково: с высокими в степени падишахами из близких и далеких земель и правителями, обладателями уважения, быть в дружбе и братстве, есть нашим преобладающим обычаем и традицией. Доселе с нашим мухаббетнаме³-хаттом⁴ был отправлен наш посол. А нынче же было велено написать наше мухаббетнаме. И из слуг-эмекдаров послом был отправлен Мейдангази-мурза. По воле Всевышнего Аллаха, оказав [ему] достойный прием по прибытии, велев зачитать наше мухаббетнаме, чините дружбу и братство. Наше намерение и наши цели – чинить дружбу Вашему другу и чинить вражду Вашему врагу. А Вы же, наш брат, чините дружбу нашему другу и вражду нашему врагу. Вы наверняка слышали, что вокруг нашего брата, короля Поль-

² Месихие – христиане, последователи Месиха (Пророка Исы).

³ Мухаббетнаме («муххаббет» дружба + «наме» письмо) – письмо дружбы, дружественное письмо.

⁴ Хатт – письмо.

ши Яна Казимира, собрались наши противники Москва, Швед (Швеция) и Эрдель (Трансильвания), и с походом на их виляет, хвала Всевышнему Аллаху, наш меч ударил по лагерю Эрделя и Маджара (Венгрия). А Вы же, наш брат, будучи другом и братом с королем Польши, милостью Всевышнего Аллаху, услышав об ударе меча на короля Швеции, возрадовались. А король Москвы же, не стоя на своем положении, надвигаясь набегом на Польшу, завладев страной приднепровских казаков, дабы сделать своего сына королем Польского виляета, уже несколько лет подряд выписывал войско и готовился. Тогда от казаков и от короля Польши с просьбой о помощи прибыли послы. И со всем ногайским и татарским войском мы сами [собственной персоной] с начала весны отправились на лошадях в поход на Москву. Мой брат, от Вас же прошу: приложите усилия для мести Москве, тоже выйдя с королем Польши в поход на Москву и будучи вместе с Польшей поддержкой и опорой друг для друга. По воле Всевышнего Аллаху мы тоже учиним Вам дружбу и братство. Вслед за тем [исходя из того] высочайший османский падишах, его превосходительство, благословенный хункяр⁵, уже несколько лет подряд воюет с королем Венеции [Вендик]. Все время (постоянно) с Вашей стороны, отправляя в Венецию корабли на помощь, Вы тем самым чините дружбу королю Венеции. У меня же просьба к Вам, из уважения к нам, впредь не отправляйте те корабли королю Венеции. По сему вопросу будем Вам премного благодарны. Чиня братство, окажите нам уважение и услугу. И присоединившись со всем Вашим войском к королю Польши, будучи поддержкой и опорой друг для друга, идите на Москву. Коль вы учините сие братство, то по воле Всевышнего Аллаху мы тоже свыше Вашего намерения учиним дружбу и братство. А отправившегося от нас посла, не занимая, наскоро возвратите с Вашим мухаббетнаме. И известите нас о своем положении. Все молитвы о Вас и на все воля Божья.

Мехмед Герай-хан, сын [тамга] Селямет Герай-хана

Место – Бахчисарай

Источник: Josef Matuz, “Krimtatarische Urkunden...”, с. 126–129.

Документ 2

Письмо дружбы от калги Гази Герай-султана Фридриху III

Аккерман, в 1068 г. х. [= 9 октября 1657 – 28 сентября 1658 г.]

О дружбе (свидетельство дружбы).

Сигнатура (шифр): TKUA Tatariet AI 2/4/1.

Язык: османлы.

Бумага: желтоватая, не слишком толстая, только слегка сглаженная с обеих сторон. Формат: 41,5 x 25 см.

⁵ Хункяр (п.) – правитель, падишах, султан.

Шрифт характерного стиля: рик'а; -шпигель: 15x18,5 см.

Тугра: черная, формат: 5,5 x 14 (3,5) см.

Invocatio «Hu» («Он»), написанное черными чернилами, находится на 23,5 см выше первой строки и 0,5 см от верхнего края бумаги.

Оборот: примечание дат. канцлера: «Galgan Sultans schreiben an Ihr Mayt. in Dennemark» («Калги-султаны пишут Вашему величеству в Дании»).

Размеры оттиска печати: 20 x 20 мм.

Hu

*Ğazı Geray Sultan bin Mübarek Geray Sultan
sözümüz*

Meveddet-qarar sadaqat-disar dostumuz ve qardaşımız Dünya qıralı qıral-ı dame musalahata eli yevmü's-Sual savbına selâm-selâmet-resan-ı Sultanı iblâğıyle inha-i dostane oldur ki saadetlü ve şevketlü ağaçamız Han-ı azimü'ş-şan ve Haqan-ı zişan hazretleri siz qardaşımıza dostluq için mu'tad-ı qadim üzre mektüb-ü muhabbet ile ilçilerin köndermekin ol vech üzre dostluq için bizim dahi muhabbetnamemiz ile pürsiş hatırlarıyçün qıdvetü'l-aqran ilçimiz Meydan(?)ğazı zide qadrühu könderilmiştir lediyü'l-vusul kerekdir ki siz dahi dost ve muhabbet olub bu taraf ile dostluq ve alâqa itmekden halı olmayâsız şevketlü Han ağaçamız hazretleriniñ muhabbetnamelerinde her ne yazılmış ve sıparış olunmuş ise bizim dahi sözümüz ol söz ve ol cevabdır cümle söz Han-ı azimü'ş-şan hazretleriniñ muhabbetnamelerinde tahrir olunmuşdır aña köre amel ve i'tibar idesiz bizim dahi sözümüz ve dostluğımız heman siziñle dostluq itmekdir daima dostluqda ve muhabbetlikde olub selâmiñuz münqatı' olmayâ baqı ve'd-dua ali min etba' el-Huday sene-i saman ve sittin ve elf

Bi-yurt-i Aqkerman

Ğazı Geray Sultan bin Mübarek Geray Sultan

Перевод:

Он [Аллах]!

*Гази Герай-султан, сын Мубарек Герай-султана
наше слово*

Решительному в дружбе, облаченному в кафтан верности, нашему другу и брату, королю Дании, пусть его взаимность и мир длятся до Дня Вопросов. Доведа и сообщив по-султански приветствия и пожелания здоровья, дружественное извещение таково: благословенный, могущественный и величественный наш брат, великий и достославный хан и его превосходительство, славный хакан, Вам, нашему брату, во имя дружбы, по древнему обычаю, отправил своих послов с дружественным письмом. Таким же образом, во благо дружбы и с нашим мухаббетнаме для вопрошания о здравии и благополучии был отправлен достойнейший из равных, наш посол Мейдан(?)гази, да уве-

личится его степенство и достоинство. По [его] прибытии нужно, дабы и Вы были в дружбе и согласии и не обошли стороной в деле дружбы и налаживания связей с этой стороной. Все, что написано и поручено в мухаббетнаме нашего величественного и могущественного брата, его превосходительства хана, то и наше слово есть таковым словом и таковым ответом. Все слова написаны в мухаббетнаме его превосходительства, великого и достославного хана, поступайте согласно им и внимайте им. А наше же слово и наша дружба – тотчас чинить дружбу с Вами, постоянно, будучи в дружбе и согласии, дабы не прекращались Ваши селямы [пожелания мира]. Все молитвы о Вас и на все воля Божья. Год тысяча шестьдесят восьмой.

В юрте Аккерман

Гази Герай-султан, сын Мубарек Герай-султана

Источник: Josef Matuz, “Krimtatarische Urkunden...”, с. 134–135.

Документ 3

Ярлык хана Мехмед Герая IV Фридриху III

Бахчисарай, в «месяце джемази-уль-эввель 1071» [= 2–31 января 1661 г.].

О дружбе (свидетельство дружбы).

Сигнатура (шифр): TKUA Tatariet AI 2/4/5.

Язык: Krimtatarisch – крымскотатарский.

Бумага: желтоватая, не слишком толстая, гладкая лицевая сторона. Формат: 158 x 38 см.

Стиль письма: рик’а, смешанный с несколькими элементами несих; -шпигель: 42 x 28 см.

Тугра: в золоте. Формат: 14 x 27 (8,5) см.

Invocatio «Hu» («Он») в золоте, составляет 0,5 см от верхней части бумаги.

Оборот: пусто.

Размеры оттиска печати: 20 x 19 мм.

Литература: Lewis, «Some Danish-Tatar Exchanges», S. 139: Notiz [Льюис, «Некоторые датско-татарские обмены», с. 139: Примечания].

Hu

Mehmed Geray Han bin Selâmet Geray Han

sözümüz

Bi-inayetü’l-melikü’l-ğaffar leyl-u-nehar dergâ[h]-ı bi-zeval ve bargâh-ı lâ-Yezal hazretlerigâ yüzler sürtib hamd u sipas ve şükr-ü bi-qıyas isar ve nisar qılurmız kim bu kün mekân taqı barça halq-ı cihannı yaratıb barçamızğa aql-ı kâmil ihsan eyledi taqı min uluğ Mehmed Geray Han hazretlerimizniñ zat-ı şerifin

Öz lütfundın barçasıdın berter ve ‘ali eylâb (“*Inna ce’alnake haliyfeten fıyl Ardı*”⁶) birle meşhun qılıb tac-ı padişahı muqarrer ve hil’ât-i Şehinşahı müyesser idüb serir-i saltanat-ı Hanıda bir qarar ve kârgâr eylâdi taqı Divan-ı Adalet-ünvan ve bünyan-i saadet-erkânımnı meniñ vücud-ü şerif-i saadet-lâtifim birlen araste ve musaffa ve cema-i bi-kemalım birle piraste ve mücelli qılıb taqı barça halâyiğı edamniñ tuğray-i ğaray cihan-ara ve ferman revan qaza-ceryânımnı nafız ve cari qılıb der-i Devletimi barça fuqara za’if-za’afaya melcâ-i ve ma’vı eyledi Elhamdülillâhi ali tilekü’n-n’iam taqı kobdin kob tahiyyât-ı bi-ğayât ve seniyyât-i bi-nihayat ol habib-i Huda peyğamberimiz hazret-i Muhammedü’l-Mustafa salli-Allahu Ta’alâ aleyhi ve sellem ve çar-yâr-i ba-safa ve Al-i ashab-ı ba-vefa hazretleriniñ ruh-ı mutahhara ve merqade (u) münevverelerigâ bolsun kim dünyâda hem ahiretde vesilet eli Allah maqbule i’nd-Allahu turarlar Uluğ Orda Uluğ Yurtniñ uluğ padişahı bolğan devletli ve azametli ve şevketli Keyvan-menzilet Utarid-fitnat Merrih-satvet Behram-salvet Müşteri-şevket mühr-ü sipihr Hanı ahter-ı burc Haqanı min uluğ Mehmed Geray Han edem-Allahu Ta’alâ eyyâm-i devletühu ve erkân-i izzetühu mansurın eli yevmü’l-Mev’ud hazretlerindin dostumuz aslâh-Allahu Şane Dünyâ qıralı olan qıral-ı musadaqat-iştimal savb-ı ba-savabına i’lâm yarlığ-ı şerif-ı saadet-encam Hanı oldur ki taraf-ı izzet-nümudımızdan tefahhus olunmaq tecviz olunursa Elhamdülillâhi Ta’alâ vilâyetimiz emin ve aman veren heyet üzre olub dostlarıñ izdiyâd-i meratib cah ve celâledi ve redd-i zeban ve zikr-i lisanımız der pürsiş hatırlarıyle yaqın qullarımızdan qıdvetü’l-emasil ve’l-aqran Canahmed bek zide qadrühu könderilmişdir inşa’Allahu Ta’alâ vusulı müyesser olduqda muhabbetname yarlığ-ı şerif-ı saadet-lâtifimi yahşı tñlab dostluğımızda ve qardaşlığımızda bir qarar olub muhabbetlik hattıñıznı yazub köndermekden halı olmayüb dostumıza dost duşmanımıza duşmanlıq etkâysiz baqı ve’d-dua ali min teba’ el-Huday tahrira fi mah-ı Cümaziü’l-evveli sene-i 1071

Bi-maqam-ı Bağçasaray el-mahruse
Mehmed Geray Han bin [tamğa] Selâmet Geray Han

Перевод:

Он [Аллах]!

Мехмед Герай-хан, сын Селямет Герай-хана
наше слово

Милостью Властелина и Прощающего грехи ночью и днем, бесконечного Порога и нескончаемого Прибежища для молитв, представ пред [Ним] своими ликами, сеем и воздаем хвалу и молитвы, и неизмеримые восхваления, ибо сегодня [Он] создал землю и весь мирской люд и всех нас одарил милостиво совершенным умом. А меня же, благословенного хазрет⁷ Мехмед Герай-хана,

⁶ «О Давуд! Воистину, Мы назначили тебя наместником на земле» – Коран, Сура 38 Сад, аят 26.

⁷ Хазрет – почтенный, уважаемый, превосходительство, титул для выражения уважения.

из Своей милости сделал самым превосходным и высочайшим среди всех (согласно аяту «*Воистину, Мы назначили тебя наместником на земле*»), наделил обильными благами, и решено было мне надеть падишахский венец, и удостоили чести надеть шехиншахский⁸ кафтан, и благополучно возвели на ханский престол султаната и одарили пользой. А Справедливый Диван и Здание Благополучия с моим благословенным и красивым телом с украшенным и очищенным, и превосходным ликом привели в порядок, украсили и отшлифовали. А все творения, людей привели в покорность моей тугре, что охватывает мир, велел подчиняться и следовать моему всесильному ферману. А мои Государственные Врата сделал прибежищем и молитвенным местом для всех бедных, слабых и немощных. Хвала Аллаху, за желание благ, а также премного нескончаемых молитв и приветствий, и бесконечных молитв любимцу Бога, нашему пророку хазрет Муххаммеду Мустафа, да благословит его Всевышний Аллах и приветствует, и четверем праведным халифам и верным хазрет сахабам, их пречистым душам и озаренным лучами могилам. В сем бренном мире и в мире вечности они будут проводниками во имя одобрения Аллаха и будут стоять рядом с Аллахом. Великой Орды, Великого Юрта великого падишаха, благословенного, великого, сильного и могущественного, в степени Кейван⁹, проницательного как Утарид¹⁰, сильного и гневного как Меррих¹¹, резкого на удар словно Бехрам¹², мощного как Мюштери¹³, хана, печати небесного свода, хакана, звезды созвездия, от меня, великого хазрет Мехмед Герай-хана, да продлит Всевышний Аллах дни [моего] благополучия и победы в кругу уважения до Обещанного Дня. Нашему другу, да благословит его праведность Славный Аллах, в сторону короля Дании, короля взаимной дружбы, обладателя милостей, известительный священный ханский ярлык, озаренный счастьем в своем довершении, состоит в следующем. Коль будет уместным и позволено спросить о нашей почтенной и блистающей достоинством стороне, то хвала Всевышнему Аллаху, наш виляет¹⁴ пребывает в положении уверенности и благополучия, увеличение степеней друзей прибавляет значимость и величие, и отвержения языка. И упоминание нашего языка для спрашивания о здравии и благополучии, из приближенных к нам слуг был отправлен достойнейший среди подобных и равных Джанахмедбек, да увеличится его степенство и достоинство. По воле Всевышнего Аллаха по [его] прибытии, хорошо заслушав наш благословенный и красивый

⁸ Шехиншах (п.) – шах над шахами, падишах над падишахами.

⁹ Кейван – спутник Сатурна (Зухаль).

¹⁰ Утарид – спутник Меркурия.

¹¹ Меррих – Марс (планета).

¹² Бехрам – планета Марс.

¹³ Мюштери – Юпитер (планета).

¹⁴ Виляет – земля, страна, область.

ярлык-мухаббетнаме, будучи с нами в дружбе и в братстве довольно доброт-но и умеренно, не обессудьте написать и отправить Ваш дружественный хатт, чините дружбу нашим друзьям, и вражду – нашим врагам. Все молитвы о Вас и на все воля Божья. Писано в месяце джумази-уль-эввель 1071 года.

Место – богохранимый Бахчисарай

Мехмед Герай-хан, сын [тамга] Селямет Герай-хана

Источник: Josef Matuz, “Krimtatarische Urkunden...”, с. 139–141.

Документ 4

Письмо дружбы от калги Гази Герай-султана Фридриху III

Ак-Сарай [= Акмесджид], 13-й день джемази-уль-эввель 1071 [= 14 янва-ря 1661 г.].

О дружбе (свидетельство дружбы).

Сигнатура (шифр): TKUA Tatariet AI 2/4/2.

Язык: Krimtatarisch – крымскотатарский.

Бумага: желтоватая, не слишком толстая, гладкая лицевая сторона. Фор-мат: 55,5 x 41,5 см.

Стиль письма: дивани; -шпигель: 27 x 28 см.

Тугра: в золоте, с черными очертаниями. Формат: 12 x 26 (7) см.

Invocatio «Hu» («Он») в золоте – 26 см над первой строкой и 7,5 см от верхнего края бумаги.

Оборот: пусто.

Размеры оттиска печати: 20 x 20 мм.

Hu

Ğazı Geray Sultan bin Mübarek Geray Sultan

sözümüz

Bi-inayetü'l-melikü'l-ğaffar leyl-u-nehar dergâh-i bi-zeval ve bargâh-i lâ-Yezal hazretlerigâ yüzler sürilüp hamd u sipas ve şükr-ü bi-qıyâs isar ve nisar qılurmız kim bugün ve mekânı ve barça halq-ı cihannı yâratıp barçamızğa aql ve idrak-i kâmil ihsan eyledi Elhamdülillâhi ali tilekü'n-niam ve ba'deza mufahhir-i mevcüdat ve server-i kâinat hazret-i Habib-i ekrem ve şefi'-i kâfe-i umm yâ'ni Muhammedü'l-Mustafa sallı-Allahu aleyhi ve sellem ve car-yâr-i ba-safa ve Al-i ashab-ı ba-vefa hazretleriniñ ruh-u mutahhara ve ravza-i münevverelerigâ kopden kop tahiyyat-i bi-ğayât ve seniyyât-i bi-nihayât bolsun kim min uluğ Qağalğa Ğazı Geray Sultan hazretleriniñ zat-ı şerifini Öz lütuf ve kereminden barça halq üzeringâ 'ali eyledi taqı Divan-ı Adalet-ünvan ve bünyan-i saadet-erkânımnı vücud-ü şerifim ve zat-ı lâtifim birle araste ve musaffa ve cemal-i ba-kemalım birle piraste ve mücellâ

qılub Devlet eşigimizni barça za'if u za'afaya ve faqir u fuqarayâ melcâ-i ve ma'vı eyledi Elhamdülillâhi ali ni'ma'ya el-mütevaliyât fima-ba'd Uluğ Orda Uluğ Yurtıñı uluğ padişahı bolğan ağaçamız Han-ı a'zam ve Haqanu'l-muazzam hazretlerinden siz qardaşımız ve mühibb-i dirinimiz tarafına muhabbetnameler ile yâqın qullarından ademler ta'yin olunub könderilmek ile taraf-ı bahirü'l-i'zz ve ş-şerefimizden dahi pürsiş hatriñüz içü[n] nameler tahrir olunub yâqın qullarımızdan Sefer ağa qulum ta'yin olunub muhabbetnamemiz ile könderilmiştir inşa' Allahu Ta'alâ vusul bolduqda ağaçamız Han-ı a'zam hazretleriniñ muhabbetnamelerinde her ne cevab yâzıldıyse anıñ ile amel idesiz bizüm dahi muradımız oldur heman bizüm ile dostluq ve qar[d]aşlıq idesiz daima muhabbetname mektübiñüz eksik itmeyesiz bizüm ile dostluq eyledigiñüzden ziyâdeler ile hatt ideriz şöyle malüm oluna ve'd-dua ali min ettba' el-Huday yazıldı tahtgâhımız Aq Sarayında biñ yetmiş bir Cümaziü'l-evveliniñ on üçünçi küni.

*Ğazi Geray Sultan bin Mübarek Geray Sultan
Bi-maqam-ı Aq Saray el-mahruse*

Перевод:

Он [Аллах]!

*Гази Герай-султан, сын Мубарек Герай-султана
наше слово*

Милостью Властелина и Прощающего грехи ночью и днем, бесконечного Порога и нескончаемого Прибежища для молитв, представ пред [Ним] своими ликами, сеем и воздаем хвалу и молитвы, и неизмеримые восхваления, ибо сегодня [Он] создал землю и весь мирской люд, и всех нас одарил милостиво умом и совершенной проницательностью. Хвала Аллаху, за желание благ. А вслед за тем премного нескончаемых молитв и приветствий, и бесконечных молитв гордости и славе всего сущего, предводителю мироздания, хазрет великодушному любимцу, и покровителю всеобщего достоинства, то есть хазрет Муххамеду Мустафа, да благословит его Аллах и приветствует, и четверем праведным халифам, и верным и высоким хазрет сахабам¹⁵, их пречистым душам и озаренным лучами садам. Меня, мое превосходительство, великого калгу Гази Герай-султана, из Своей милости и великодушия Он возвысил над всем прочим людом. А Справедливый Диван и Здание Благополучия и Счастья с моим благословенным телом и красотой, украсили и очистили, и с превосходным ликом привели в порядок, украсили и отшлифовали. А мои Государственные Врата сделали прибежищем и молитвенным местом для всех слабых и немощных, и бедняков. Хвала Аллаху, да продолжают сии блага! Вслед за тем (исходя из того) Великой Орды, Великого Юрта от вели-

¹⁵ Сахаба (араб. «сортаник») или асхаб – сподвижники пророка Мухаммеда (с.а.в.), которые виделись с ним и уверовали в него как Посланника Аллаха, т. е. стали мусульманами.

кого падишаха, нашего брата, его превосходительства великого хана и величайшего хакана к Вам, нашему брату и старому другу, из приближенных слуг были назначены и отправлены люди. От нашей же ясно почтенной и славной стороны для вопрошания о Вашем здравии и благополучии были написаны письма, а из приближенных к нам слуг был назначен мой слуга Сефер-ага и отправлен с нашим мухаббетнаме. По воле Всевышнего Аллаха по [его] прибытии поступайте сообразно всякому ответу, написанному в мухаббетнаме нашего брата, его превосходительства, великого хана. И наше же намерение таково. Тотчас же чините с нами дружбу и братство, постоянно не обделяйте нас Вашим дружественным письмом. Исходя из дружбы с нами, больше будем писать Вам хатты. Так и ведайте. Молитвы о Вас и на все воля Божья. Писано в нашем стольном граде Ак-Сарай в тысяча семьдесят первом году тринадцатого дня джумази-уль-эввель.

*Гази Герай-султан, сын Мубарек Герай-султана
Место – богохранимый Ак-Сарай*

Источник: Josef Matuz, “Krimtatarische Urkunden...”, с. 146–148.

Документ 5

Письмо дружбы от нуреддина Мурад Герай-султана Фридриху III

Бахчисарай, [в месяце джемази-уль-эввель 1071 = 2–31 января 1661 г.].

О дружбе (свидетельство дружбы).

Сигнатура (шифр): TKUA Tatariet AI 2/4/7.

Язык: Krimtatarisch – крымскотатарский.

Бумага: желтоватая, не слишком толстая, гладкая лицевая сторона. Формат: 58 x 38,5 см.

Стиль шрифта: рик’а; -шпигель: 21,5 x 30,5 см.

Тугра: в золоте. Формат: 12 x 29 (6,5) см.

Invocatio «Hu» («Он») в золоте – 26 см над первой строкой и 2,5 см от верха бумаги.

Оборот: пусто.

Размеры оттиска печати: 22 x 18 мм.

Hu

*Murad Geray Sultan bin Mübarek Geray Sultan
sözümüz*

Bi-inayetü’l-melikü’l-ğaffar leyl-u-nehar dergâh-i bi-zeval [ve] bargâh-i lâ-Yezal hazretlerigâ yüzler sürtib hamd-sipas ve şükr-ü bi-qıyâs isar ve nisar qılurmız kim bugün mekân taqı barça halq-ı cihannı yâratıb barçamızğa aql-ı kâmil ihsan

eyledi taqı min uluğ Nuraddin Murad Geray Sultan hazretlerimizniñ zat-ı şerifin Öz lütfundın barçasıdın berter ve ‘ali eyledi taqı Divan-i Adalet-ünvan ve bünyan-i saadet-erkânimni meniñ vücud-ü şerif-i saadet-lâtifim birle araste ve musaffa ve cema-i ba-kemalım birle piraste ve mücelli qılıb Devlet eşigimni barça fuqara ve za’if-za’afayâ melcâ-i ve ma’vı eyledi Elhamdülillâhi ali tilekü’n-ni’am taqı kopdin kop tahiyyât-i bi-ğayât ve seniyyât-i bi-nihayât ol Habib-i Huda peyğamberimiz hazret-i Muhammedü’l-Mustafa sallı-Allahu Ta’alâ aleyhi ve sellem ve çar-yâr-i ba-sefa ve Al-i ve ashab-ı ba-vefa hazretleriniñ ruh-ı mutahhara ve merqade-i münevvereleriña bolsun kim taqı Uluğ Orda Uluğ Yurtınıñ uluğ padişahı ağaçamız Han-ı a’zam hazretleri tarafındın qardaşımız Dünyâ qıralına muhabbetname mektüpleriyle yâqın qullarından ademlerin köndermekle taraf-ı pür-şerifimizden pürsiş hatırlarıyle qullarımızdan Zulfiqar qulum könderilmiştir inşa’Allahu Ta’alâ vusulı müyesser olduqda Han-ı a’zam hazretleriniñ kâğıdında her ne cevab yâzıldı bolsa anıñle amel idesiz Han-ı a’zam hazretleriniñ yâzdıqları cevabları bizimdir dostumuz ve qardaşımızsız daima muhabbetnameñüz eksik itmeyesiz baqı ve’d-dua ali min teba’ el-Huda.

*Murad Geray Sultan bin Mübarek Geray Sultan
Bi-maqam-ı Bağçasaray el-mahruse*

Перевод:

Он [Аллах]!

*Мурад Герай-султан, сын Мубарек Герай-султана
наше слово*

Милостью Властелина и Прощающего грехи ночью и днем, бесконечного Порога и нескончаемого Прибежища для молитв, представ пред [Ним] своими ликами, сеем и воздаем хвалу и молитвы, и неизмеримые восхваления, ибо сегодня [Он] создал землю и весь мирской люд, и всех нас одарил милостиво совершенным умом. Меня же, мое превосходительство, нуреддина Мурад Герай-султана, из Своей милости Он возвысил над всем прочим людом. А справедливый Диван и Здание Благополучия и Счастья с моим благословенным и красивым телом украсил и очистил, и с превосходным ликом привел в порядок, украсил и отшлифовал. А мои Государственные Врата сделал прибежищем и молитвенным местом для всех бедняков, слабых и немощных. Хвала Аллаху за желание благ, да продлятся они. А также премного нескончаемых молитв и приветствий, и бесконечных молитв любимцу Бога, нашему пророку хазрет Муххамеду Мустафа, да благословит его Всевышний Аллах и приветствует, и четверем праведным халифам, и верным хазрет сахабам, их пречистым душам и озаренным лучами могилам. Великой Орды, Великого Юрта от великого падишаха, нашего брата, его превосходительства великого хана к нашему брату, королю Дании, с письмом-мухаббетнаме был отправлен человек из числа приближенных [к хану] слуг. От нашей досто-

славной и благословенной стороны для вопрошания о здравии, благополучии и положении был отправлен один из наших слуг по имени Зульфикар. По воле Всевышнего Аллаха, коль суждено ему прибыть, поступайте согласно всякому ответу, написанному в листе великого хазрет хана. Написанные от великого хазрет хана ответы есть и нашими. Вы – наш друг и брат. Да не убавятся Ваши мухаббетнаме никогда. Все молитвы о Вас и на все воля Божья.

Мурад Герай-султан, сын Мубарек Герай-султана

Место – богохранимый Бахчисарай

Источник: Josef Matuz, “Krimtatarische Urkunden...”, с. 152–154.

Документ 6

Письмо дружбы от хана «Чобан» Адиль Герая Фридриху III

Бахчисарай, первая декада месяца реби-уль-эввель 1077 [= 1–10 сентября 1666 г.].

Передается сообщение о вступлении на престол.

Сигнатура (шифр): Traktater Tyrkijet Nr. 1

Язык: османлы, с татарскими элементами.

Бумага: не очень толстая, венецианского происхождения. Формат: 57 x 40 см.

Стиль письма: смешанного типа дивани-рик’а; -шпигель: 28 x 21 см.

Тугра: в золоте. Формат: 12 x 29 (9) см.

Invocatio «Hu» («Он») в золоте – 26 см над первой строкой и 2,5 см от верхнего края бумаги.

Оборот: пусто.

Размеры оттиска печати: 23 x 20 мм.

Ссылка на литературу: Duda, “Die osmanischen Staatsschreiben”, S. 157: Regest und Urkundenbeschreibung [Дуда, «Османская государственная переписка», с. 157: Записи и описания документов], B. Lewis, “Some Danish-Tatar Exchanges”, S. 139: Notiz [Б. Льюис, «Некоторые датско-татарские обмены», с. 139: Примечания].

Hu

Adil Geray Han bin Devlet Geray Sultan

sözümüz

Muhabbetlü ve meveddetlü ve sadaqatlu Dünyâ qıralı olan dostumuz ve qardaşımız qıral-ı devlet-iştimal savbına selâm-selâmet-resan ve peyâm-i meserret-nişan iblâğıyle hal ve hatırların sual olunduqdan soñra i’lâm ve inhay-i Hanı budır ki inayet-i Samedani qarın ve hidayet-i Sübhani rehin olub Qırım Yurduna vasil ve muradımızdan efüm meramımıza nail baba tahtına Han ve barça halqımıza Sultan

olub qutlu saatda cülüs-ü ma'delet me'nusim vaqı' olmağın dudman muhalledü'l-erkânımıza qadimi dostluğınız olduğında ahbar-ı meserretimiz ihbar olunmaq mu'tad-ı zafer-ıtiyâdımız ola kelmekle dostumuz ve qardaşımız olduğınıza bina'en muhabbetname hattımız yâzılıb Seferğazı bek qulumız ile iblâğ ve irsal olunmışdır lediyü'l-vusul kerekdir ki siz dostumuz ve qardaşımız taqı ata ve dedeleriñüz eslâfımıza ide keldikleri dostluq ve qardaşlığı mer'i tutup mabeyinde olan dostluq ve qardaşlıq izdiyâd olmasına sa'y ve güşeş olunursa inşa'Allahu Ta'alâ taraf-ı saadet-nümudımızden taqı rah-ı meveddet mensesed olmayüb şan-ı saadet-nişanımıza lâyıq olan dostluq ve qardaşlıqda qusur olunmayüb nice padişahane dostluqlarımız müşahede eylemeñüz muqarrerdir siz dahi dostluq ve qardaşlıqda taqsirat eylemeyüb mu'tad-ı qadim üzre dostluq eyleyesiz berat köndürilmişdir siz dahi dostluqda taqsirat eylememeñüz ma'muldir baqı ed-dua ali min teba' el-Huday yâzıldı tahtgâhımızda Bağçasarayında biñ yetmiş yedi Rebiü'l-evveliniñ evailinde.

Adil Geray Han bin Devlet Geray Sultan

Bi-maqam-ı Bağçasaray

Перевод:

Он [Аллах]!

Адиль Герай-хан, сын Девлет Герай-султана

наше слово

Дорогому и дружественному, и верному нашему другу и брату, королю Дании, королю благополучия. Доведя и сообщив приветствия и пожелания здравия, и ознаменованные радостью вести, справившись о Вашем здравии и благополучии, ханское извещение таково: близкой милостью Самедани [Аллаха] и хидаетом Субхани [истинным путем Субхани (Аллаха)] мы достигли Крымского Юрта и свыше нашего намерения достигли желаемого, став ханом на отцовском престоле и султаном для всего нашего люда. И в благословенном часу свершилось наше традиционное, желаемое и правовое восшествие на престол. Во время Вашей давней дружбы к нашему длящемуся и поныне роду, с преобладающим обычаем сообщать наши радостные вести, согласно дружбе и братству с Вами, был написан наш мухаббетнаме-хатт, и извещен и отправлен к Вам с нашим слугой Сефергази-беком. По прибытии необходимо, дабы Вы, наш друг и брат, соблюдали издавна длящуюся дружбу и братство, что Ваши отцы и деды чинили нашим предшественникам. Ежели Вы будете прилагать старания для увеличения дружбы и братства между нами, тогда по воле Всевышнего Аллаха и с нашей проявляющей благословение и счастье стороны не оборвется путь дружбы и согласия. И не будет недостатков в дружбе и братстве, достойных нашей славы со знаком благополучия и счастья. И тогда Вы обречены созерцать нашу огромную падишахскую дружбу. А Вы же тоже, не пренебрегая дружбой и братством, чините дружбу

сообразно древней традиции. Посему и отправлен брат¹⁶. В своих делах да и Вы не пренебрегайте дружбой. Все молитвы о Вас и на все воля Божья. Писано в нашем стольном граде в Бахчисарае в тысяча семьдесят седьмом году в начале реби-уль-эввель.

*Адилъ Герай-хан, сын Девлет Герай-султана
Место – Бахчисарай*

Источник: Josef Matuz, “Krimtatarische Urkunden...”, с. 158–159.

Документ 7

Письмо дружбы от калги Крым Герай-султана Фридриху III.

s. 1 [около 1–10 сентября 1666 г.].

О дружбе (свидетельство дружбы).

Сигнатура (шифр): TKUA Tatariet AI 2/4/9.

Язык: османлы, с несколькими татарскими элементами.

Бумага: желтоватая, не слишком толстая, гладкая лицевая сторона. Формат: 51 x 36 см.

Стиль письма: дивани; -шпигель: 17,5 x 23,5 см.

Тугра: в золоте. Формат: 13 x 28 (8) см.

Invocatio «Hu el-mu'in» («Он [Аллах] Помощник!») в золоте – 23, 5 см над первой строкой и 1 см от верхнего края бумаги.

Оборот: пусто.

Размеры оттиска печати: 21 x 19 мм.

*Hu el-mu'in
Qırım Geray Sultan bin Devlet Geray Han
sözümüz*

Muhabbetlü ve meveddetlü dostumuz Tunyâ qıralı olan qıral-ı musadaqat-ünvan muhalesat-iştimal savbına selâm-selâmet-resan ve peyâm-i meserret-nişan iblâğıyle hal ve hatırları sual olunduqdan soñra i'lâm ve inhay-i Sultanı budır ki saadetlü ve devletlü ali-hazret me'ali-rutubet Hurşid-tal'ât Utarid-fitnat ağaçamız Adil Geray Han edem-Allahu Ta'alâ eyyâm-i devletühu ve erkân-i izzetühu mansurin eli yevmü'l-Mev'ud hazretleri tarafından muhabbetname hattlarıyle yâqın qullarından elçilerin köndermekle taraf-ı i'zzetimizden dahi muhabbetname hattımız ile elçimiz könderilmiştir inşa'Allahu Ta'alâ vusulı müyesser olduqda saadetlü ve devletlü ağaçamız Han-ı a'zimü's-şan hazretleriniñ muhabbetname

¹⁶Брат – указ, свидетельство, жалованная грамота; султанская грамота на владение землей или назначение на должность; официальный документ на подтверждение прав и получение привилегий.

hattlarında her ne tahrir ve işaret buyurmuşlar ise biz dahi ol cevabda ve ol dostluq üzreyüz şöyle malûmîñiz ola.

*Qırım Geray Sultan bin Devlet Geray Sultan
Sahh*

Перевод:

*Он [Аллах] Помощник!
Крым Герай-султан, сын Девлет Герай-хана
наше слово*

Нашему дороговому и любимому другу, королю Дании, королю с титулом взаимной дружбы и воплощения доброго взаимоотношения. Доведя и сообщив приветствия и пожелания здравия, и ознаменованные радостью вести, справившись о Вашем здравии и благополучии, султанское извещение таково: счастливый и благословенный, высокого превосходительства и высочайшей степени, солнцеликий, пронизательный словно Утарид, наш брат хазрет Адиль Герай-хан, да продлит Всевышний Аллах дни его благополучия и победы в кругу уважения до Обещанного Дня, с мухаббетнаме-хаттом отправил посла из числа приближенных к себе слуг. А с нашей же почтенной и достойной стороны тоже с мухаббетнаме-хаттом был отправлен наш посол. По воле Всевышнего Аллаха, коль суждено ему прибыть, всякое, что написано и указано в письме-мухаббетнаме счастливому и благословенному нашему брату, высокого и достославного хазрет хана, то и мы стоим на том ответе и на той же дружбе. Так и ведайте.

*Крым Герай-султан, сын Девлет Герай-султана
Заверено*

Источник: Josef Matuz, “Krimtatarische Urkunden...”, с. 163–164.

Документ 8

Письмо дружбы от нуреддина Девлет Герай-султана Фридриху III

Сюрень-Сарай, в месяце реби-уль-ахыр 1077 [= 1–29 октября 1666 г.].

Сообщается известие о восшествии на трон хана Адиль Герая.

Сигнатура (шифр): TKUA Tatariet AI 2/4/4.

Язык: османлы, с несколькими татарскими элементами.

Бумага: желтоватая, не слишком толстая, гладкая лицевая сторона. Формат: 50 x 35 см.

Стиль письма: рик’а; -шпигель: 24 x 25 см.

Тугра: в золоте. Формат: 12 x 26,5 (9) см.

Invocatio «Hu el-mu’in» («Он [Аллах] Помощник!») в золоте – 20,5 см над

первой строкой и 0,5 см от верхнего края бумаги.

Оборот: пусто.

Размеры оттиска печати: 23 x 19 мм.

Hu el-mu'in
Devlet Geray Sultan bin Feth Geray Sultan
sözümüz

Sadaqatlu ve meveddetlü ve muhabbetlü dostumuz Dunyâ qıralı olan qıral-ı devlet-iştimal huzurları savbına selâm-selâmet-resan ve peyâm-i meserret-nişan iblâğıyle hal ve hatırların sual olunduqdan soñra i'lâm ve inhay-i Sultanı budır ki şevketlü ve azametlü ağaçamız baba tahtına Han ve barça halqına Sultan olup muhabbetname hattlarıyla elçilerin köndermekle min uluğ Nuraddin Sultan bolğan Devlet Geray Sultandan dahi siz qardaşımıza muhabbetname hattımız tahrir olunup elçimiz ile irsal olunmışdır vusulında ma'muldir ki şevketlü ve şecaatlü ve azametlü ağaçamız Han-ı a'zam ve Haqanu'l-muazzam hazretleri her ne tahrir buyurmuşlar ise bizim dahi murad ve maqsudımız oldur tarafiñızda dostluq olunursa inşa'Allahu Ta'alâ bu canibden dahi rah-ı meveddet mensed olmayüp baba ve dedeleriñüz ile ecdad-ı ali-nijadımız teşekkül-ü dostluq ve qardaşlıq ide kelmişler ise inşa'Allahu Ta'alâ biz dahi mer'i tutup dostluq ve qardaşlıq üzre olmamız muqarrerdir tarafiñızda dahi elçiñüz eksik eylemeyesiz dostluq ziyâde olmasına bais bir maslâhatdır inşa'Allahu Ta'alâ padişahane nice dostluqlar müşahede eylemeñüz muqarrerdir baqı ed-dua ali min teba' el-Huday yâzıldı tahtgâhımız Syüren Sarayında biñ yetmiş yedi ta[r]ihında Rebiü'l-ahir ayında.

Devlet Geray Sultan bin Feth Geray Sultan
Bi-maqam-ı Syüren Saray

Перевод:

Он [Аллах] Помощник!

Девлет Герай-султан, сын Фетх Герай-султана
наше слово

Нашему верному, дорогому и любимому другу, королю Дании, королю благополучия. Доведя и сообщив приветствия и пожелания здравия, и означенные радостью вести, справившись о Вашем здравии и благополучии, султанское извещение таково: могучий и величественный наш брат, став ханом на отцовском престоле и султаном для всего своего люда, отправил посла с мухаббетнаме-хаттом. А от меня же, великого нуреддин-султана Девлет Герай-султана к Вам, нашему брату, был написан мухаббетнаме-хатт и отправлен с нашим послом. По [его] прибытии следует поступать так: всякое, что письменно велено нашим могучим и храбрым, и великим братом, великим ханом и величественным хаканом, таковым же есть и наше намерение и наши цели. Ежели с Вашей стороны будет дружба, то по воле Всевышнего

Аллаха, от сей стороны не оборвется дружественный путь. Коль наши высокого рода предки издавна чинили сложившуюся с Вашими отцами и дедами дружбу и братство, то по воле Всевышнего Аллаха, так и мы впредь будем соблюдать сей путь, и обречены мы быть в дружбе и братстве. С Вашей же стороны да не обделите нас послами, причина большей дружбы кроется в совете и в пути мира. По воле Всевышнего Аллаха, да обречены Вы на созерцание многих дружественных дней. Все молитвы о Вас и на все воля Божья. Писано в нашей столице в Сюрень-Сарае в году тысяча семьдесят седьмом в месяце реби-уль-ахыр.

Девлет Герай-султан, сын Фетх Герай-султана
Место – Сюрень-Сарай

Источник: Josef Matuz, “Krimtatarische Urkunden...”, с. 167–168.

Документ 9

Ярлык хана Селим Герая Кристиану V

Бахчисарай, 29-го реби-уль-ахыр 1088 [= 1 июля 1677 г.].

О дружбе (свидетельство дружбы).

Сигнатура (шифр): Traktater Tyrkiet Nr. 2

Язык: османлы, с несколькими татарскими элементами.

Бумага: желтоватая, прочная, гладкая лицевая сторона. Формат: 55 x 37 см.

Документ был разорван между Invocatio и тугрой и склеен полоской бумаги, поэтому оригинальная длина документа остается неизвестной.

Стиль письма: «слегка небрежный дивани»; -шпигель: 27,5 x 22 см.

Тугра: в золоте. Формат: 11,5 x 25,5 (8,5) см.

Invocatio «Ну» («Он») в золоте – 24,5 см над первой строкой и 2 см от верхнего края бумаги.

Оборот: примечание канцлера Дании: “Till Kongl. May. fra den Store Chan Selim Gerei Chan offvergiffvet ved dem fornemste Gesant Temer Aga. 1677.” / *«Его королевскому величеству от великого хана Селим Герай-хана, отправленного их выдающимся послом Темир-агой. 1677»* [Zu deutsch: An seine kgl. Majestat, vom großen Chan Selim Gerei Chan, überreicht durch den vornehmsten Gesandten Temer Aga. 1677. / На немецком: *«Его королевскому величеству, от великого хана Селим Герай-хана, представленный самым выдающимся посланником Темир-агой. 1677»*].

Размеры оттиска печати: 27 x 24 мм.

Список литературы: Duda, “Die osmanischen Staatsschreiben”, S. 158: Regest und Urkundenbeschreibung [Дуда, «Османская государственная переписка», с. 158: Записи и описания документов]; B. Lewis, “Some Danish-Tatar Exchanges”, S. 139: Notiz [Б. Льюис, «Некоторые датско-татарские обмены», с. 139: Примечания].

Hu

*Selim Geray Han bin Bahadır Geray Han**sözümüz*

Hamd-ı firavan ve şükr-ü bi-geran ol cenab-i Rabb-i müte'al ve sahibü'l-cüd ve'l-kemal Celle Şane ve Ta'alâ hazretlerine olsun dahi salâvat-ı bi-hadd ve tahiyyât-i lâ-yü'ad ol mufahhir-i mevcûdat ve server-i kâinat hatemü'l-enbiyâ-i ve şefî'-i ruz-i ceza a'ni hazret-i Muhammedü'l-Mustafa sallî-Allahu Ta'alâ aleyhi ve sellem ve Al u evlâd ve ashab-ı güzîn rızvan-Allahu Ta'alâ aleyhim ecmain üzerine olsun Ulu Orda ve Ulu Yurtınıñ ve Taht-ı Qırım ve Deşt-ı Qıpçaqınıñ ve cümle Tatar ve bi-hesab Noğayınıñ ve Tat ve Tavgaçınıñ ve Tağ-ara Çerkâçınıñ ulu padişahı ve Han-ı a'zamı olan ali-hazret sami-rutubet me'ali-menqıbet Utarid-fitnat Keyvan-menzilet Suleyman-şevket Skender-savlet Çemşid-haşmet saadetlü şevketlü azametlü mehabetlü ben Selim Geray Han hazretlerimizden millet-i Mesihyye Ulusu ve çoq eqalim-i hristiyân hakimi olan Dunyâ qıralı muhabbetlü ve meveddetlü qardaşımız qıral-ı sadaqat-iştimal hatemat-a'vaqıbe bi'l-hayr qabline selâm-selâmet peyâm ki ehali-i Islâma olan vufur vedd ve ihlâsları cihetinden sadır olur iblâğıyle hal ve hatırları sual olunduqdan soñra i'lâm yarlığ-ı şerif-i şevket-elif Hanı budır ki bu dudman-ı rasihu'l-bünyân şahanemize dostluq üzre olanları haber-i sıhhat zat-ı saadet-alüdemiz ahbarıyla meserret-yâb (yâsab) ve istifsar-ı hal ve hatırlarıyla mesrur ve şadi-me'ab eylemek qaide-i müstahsene-i mulûkanemiz olub siz hod bu Asitan-i muhalledü'l-erkân hidivanemiz hayr-hahı olduğınız hasebiyle işbu muhabbetname-i Hümayunımız tahrir olunub elçilik hıdmetiyle qıdvetü'l-emasıl ve'l-aqrân qulum Temurcan ağa zide qadrühu irsal olundı inşa'Allahu Ta'alâ vusulında elçimizi divanıñuza alub ve muhabbetname hatt-ı şevket-maqrunımızı ta'zim ve tekrim ile oqudub siz dahi dostluq lâzimesin icra idesiz ve elçimizi eglendirmeyüb izdiyâd muhabbete bais olur muamelât ile ve muhabbetnameñiz ile taraf-ı saadetimize i'ade itddiresiz inşa'Allahu Ta'alâ dostumıza dost ve düşmanımıza düşman olanlar dostluğında taqsirat itmeziz sizden dahi ma'mul budır ki bu din-i mübin tarafına nazar-i'tibar ile nazır olub dostane hareket eylemekden halı olmayâsız şöyle bilesiz baqı ve'd-dua ali min ettba' el-Huday yâzıldı tahtgâhımız Bağçasarayında hicret-i Nebevieneniñ biñ seksen sekiz senesi mah-ı Rebiü'l-ahır selhinde.

*Han Selim Geray bin [tamğa] Bahadır Geray Han**Bi-maqam-ı Bağçasaray el-mahruse***Перевод:***Он [Аллах]!**Селим Герай-хан, сын Бахадыр Герай-хана**наше слово*

Обильная хвала и безграничный шукюр Всевышнему Господу, Властелину всего сущего и совершенного, Славному и Великому. А также безгра-

ничный салават¹⁷ и бесчисленные молитвы, и приветствия гордости и славе всего сущего, и предводителю мироздания, довершению пророков и покровителю в День Наказания, то есть Мухаммеду Мустафа, да благословит его Всевышний Аллах и приветствует, его высокому роду и детям, и отборным сподвижникам, да будет доволен Всевышний Аллах ими всеми. Великой Орды и Великого Юрта, и Крымского Престола и Дешт-и Кипчака, и всех татар, и бесчисленных ногаев, и татов и тавгачей, и горных черкесов от великого падишаха и великого хана, нашего Высокого превосходительства, высокой степенности, высочайшего положения, проницательного словно Утарид, уровня Кейван, мощного словно Сулейман¹⁸, атакующего словно Эскендер¹⁹, грозного как Джемшид²⁰, благословенного и счастливого, могущественного, великого и внушительного, меня, хазрет Селим Герай-хана. Великому правителю стран народа Месихие и хакиму²¹ многих христианских климатов²², королю Дании, дорогому и любимому нашему брату, королю верности, довершению и следствию добродетели, воссылая приветствия, пожелания мира и здоровья, уведомляя, с сообщением о появлении обильной дружбы и искренности к исламскому люду, после вопрошания о здравии и благополучии, благословенный и могущественный известительный ханский ярлык таков: для нашего шахского рода, прочного строения, есть излюбленное царственное правило сообщать нашим друзьям вести о нашем благословенном здравии и сим счастливить их, и радовать и довольствоваться их вопрошанием о здравии и благополучии. Поскольку Вы сами являетесь добродетелью для сего падишахского и продолжительного Порога, посему и был написан сей августейший мухаббетнаме и по посольской службе был отправлен достойнейший из подобных и равных, мой слуга Тимурджан-ага, да увеличится его степенство, слава и достоинство. По воле Всевышнего Аллаха, по [его] прибытии примите нашего посла в свой Диван, и почтительно и великодушно велев зачитать наш могущественный мухаббетнаме-хатт, Вы также исполните необходимости дружбы. И не занимая нашего посла, с вызывающим большую дружбу обхождением и Вашим мухаббетнаме возвратите в нашу благословенную и окутанную счастьем сторону. По воле Всевышнего Аллаха, мы не обделим дружбой тех, что будут другом наших друзей и врагом

¹⁷ Салават (араб. – благословение; мн. от «саят» – молитва) – молитва восхваления и возвеличивания Пророка Мухаммеда, мир ему и благословение.

¹⁸ Сулейман (Соломон) – пророк, царь, сын пророка Давуда (Давида).

¹⁹ Эскендер (Искандер Зуль-Карнайн, Александр Македонский) – праведник и великий царь, воздвигший стену, защищающую от народов Яджудж и Маджудж.

²⁰ Джемшид – в иранской мифологии и эпосе персидский царь, четвертый правитель из династии Парадата (Пишдадидов). Был идеалом царя у персов.

²¹ Хаким – правитель, падишах.

²² Климат – страна, материк.

наших врагов. А от Вас же ожидаем, дабы поглядывали с вниманием на сию сторону истинной веры и не пренебрегали дружественными поступками. Так и ведайте. Все молитвы о Вас и на все воля Божья. Писано в нашей столице в Бахчисарае в году тысяча восемьдесят восьмом от хиджры Пророка в конце месяца реби-уль-ахыр.

*Хан Селим Герай, сын [тамга] Бахадыр Герай-хана
Место – богохранимый Бахчисарай*

Источник: Josef Matuz, “Krimtatarische Urkunden...”, с. 172–174.

Документ 10

Ярлык калги Селямет Герай-султана Кристиану V

Акмесджид, 29-го реби-уль-ахыр 1088 [= 1 июля 1677 г.].

О дружбе (свидетельство дружбы).

Сигнатура (шифр): TKUA Tatariet AI 2/2/2.

Язык: османлы, с татарскими элементами.

Бумага: белая, толстая, ребристая, гладкая лицевая сторона. Формат: 48,5 x 35 см.

Стиль шрифта: рик’а; -шпигель: 20,5 x 25 см.

Тугра: в золоте. Формат: 10,5 x 21,5 (6) см.

Invocatio «Hu» («Он») – 22,5 см над первой строкой и 1,5 см от верхнего края бумаги.

Оборот: примечание канцлера Дании: “Till Hans Kongl. May, fra den Store Chams eldste Broder som heder Selemet Gherei Galga Sultan offvergiffvet ved hans Gesanter Ilas. 1677” / «Его королевскому величеству от старшего брата великого хана, которого зовут Селямет Герай калга-султан, отправленный послом Ильясом. 1677» [Zu deutsch: An seine kgl. Majestat, vom ältesten Bruder des großen Chans, der heißt Selemet Gherei Galga Sultan, überreicht durch beinen Gesandten Ilas. 1677. / На немецком языке: «Его королевскому величеству от старшего брата великого хана, которого зовут Селямет Герай калга-султан, представленный посланником Ильясом. 1677»].

Размеры оттиска печати: 27 x 22 мм.

Hu

*Selâmet Geray Sultan bin Bahadır Geray Han
sözümüz*

Hamd-ı firavan ve şükr-ü bi-geran ol cenab-i Rabb-i müteal ve sahibü’l-cüd ve’l-kemal Celle Şane ve Ta’alâ hazretlerine olsun dahi salâvat-ı bi-hadd ve tahıyyât-ı lâ-yu’ad ol mufahhir-i mevcûdat ve server-i kâinat hatemü’l-enbiyâ ve

şefi'-i ruz-i ceza a'ni hazret-i Muhammedü'l-Mustafa salli-Allahu Ta'alâ aleyhi ve sellem ve Al u evlâd ve ashab-ı güzîn rızvan-Allahu Ta'alâ aleyhim ecmâin üzerine olsun Ulu Orda ve Ulu Yurtıñ ve Taht-ı Qırım ve Deşt-ı Qıpçaqñ ve cümle Tatar ve bi-hesab Noğayñ ve Tat ve Tavgaçñ ve Tağ-ara Çerkâçñ ulu padişahı ve Sultan-ı a'zamı olan ali-hazret sami-rutubet me'ali-menqıbet Utarid-fitnat Keyvan-menzilet Suleyman-şevket Skender-savlet Çemşid-haşmet saadetlü şevketlü azametlü mehabetlü ben Selâmet Geray Sultan hazretlerimizden millet-i Mesihıyye Ulusu ve çoq eqalim-i hristiyan hakimi olan Dunyâ qıralı muhabbetlü ve meveddetlü qardaşımız qıral-ı sadaqat-iştimal hatemat-avaqıbe bi'l-hayr qabline selâm-selâmet peyâm ki ehali-i Islâma olan vufur-u vedad ve ihlâsları cihetinden sadr olur iblâğıyle hal ve hatırları sual olunduqdan soñra i'lâm yarlığ-ı şerif-i şevket-elif Sultanı budır ki bu dudman-ı rasihu'l-bünyan padişahanemize dostluq üzre olanları haber-i sıhhat zat-ı saadet-alüdemiz ahbarıyle meserret-yâb (yâsab?) ve istıfsar-ı hal ve hatırlarıyle mesrur ve şadi-me'ab eylemek qaide-i müstahsene-i melikânemiz olup siz hod bu Asitan-ı muhalledü'l-erkân hidivanemize hayr-hahı olduğıñız hasebiyle işbu muhabbetname-i Hümayunımız tahrir olunup elçilik hizmetiyle qıdvetü'l-emasıl ve'l-aqran qulum Temurcan ağa zide qadruhu irsal olundu inşa'Allahu Ta'alâ vusulında elçimizi Divanıñıza alup ve muhabbetname hatt-ı şevket-maqrunımız ta'zim ve tekrım ile oqudup siz dahi dostluq lâzimesin icra idesiz ve elçimizi eglendirmeyüp iz[d]iyâd muhabbete bais olur muamelât ile ve muhabbetnameñiz ile taraf-ı saadetimize iade itddiresiz inşa'Allahu Ta'alâ dostumıza dost ve duşmanımıza duşman olanlar dostluğında taqsirat itmeziz sizden dahi ma'mul budır ki bu din-i mübin tarafına nazar-i'tibar ile nazır olup dostane hareket eylemekden halı olmayâsız şöyle bilesiz baqı ve'd-dua ali min ettba' el-Huday yâzıldı tahtgâhımız Aqmescid Sarayında hicret-i Nebeviyyeniñ biñ seksen sekiz senesi mah-ı Rebiü'l-ahır selhinde.

Selâmet Geray Sultan bin Bahadır Geray Han

Bi-maqam-ı Aqmescid Saray el-mahruse

Перевод:

Он [Аллах]!

Селямет Герай-султан, сын Бахадыр Герай-хана

наше слово

Обильная хвала и безграничный шукюр Всевышнему Господу, Властелину всего сущего и совершенного, Славному и Великому. А также безграничный салават и бесчисленные молитвы, и приветствия гордости и славе всего сущего, и предводителю мироздания, довершению пророков и покровителю в День Наказания, то есть Мухаммеду Мустафа, да благословит его Всевышний Аллах и приветствует, его высокому роду и детям, и отборным сподвижникам, да будет доволен Всевышний Аллах ими всеми. Великой Орды и Великого Юрта, и Крымского Престола, и Дешт-и Кипчака, и всех татар, и

бесчисленных ногаев, и татов и тавгачей, и горных черкесов от великого падишаха и великого султана, нашего Высокого превосходительства, высокой степени, высочайшего положения, проницательного словно Утарид, уровня Кейван, мощного словно Сулейман, атакующего словно Эскендер, грозного как Джемшид, благословенного и счастливого, могущественного, великого и внушительного, меня, хазрет Селямет Герай-султана. Великому правителю стран народа Месихие и хакиму многих христианских климатов, королю Дании, дорогому и любимому нашему брату, королю верности, довершению и следствию добродетели, послав с вестями приветствия и пожелания здоровья, с сообщением о появлении обильной дружбы и искренности к исламскому люду, после вопрошания о здравии и благополучии, благословенный и могущественный известительный султанский ярлык таков: для нашего шахского рода, прочного строения, есть излюбленное царственное правило сообщать нашим друзьям вести о нашем окутанной благословением персоны здравии, и сим счастливить их, и радовать и довольствовать их вопрошанием о здравии и благополучии. Поскольку Вы сами являетесь добродетелью для сего правительственного и продолжительного Порога, посему и был написан сей августейший мухаббетнаме и по посольской службе был отправлен достойнейший из подобных и равных мой слуга Тимурджан-ага, да увеличится его степенство, достоинство и слава. По воле Всевышнего Аллаха, по [его] прибытии примите нашего посла в свой Диван, и почтительно и великодушно велев зачитать наш могущественный мухаббетнаме-хатт, Вы также исполните необходимости дружбы. И не занимая нашего посла, с вызывающим большую дружбу обхождением и Вашим мухаббетнаме возвратите в нашу счастливую и благословенную сторону. По воле Всевышнего Аллаха мы не обделим дружбой тех, что будут другом наших друзей и врагом наших врагов. А от Вас же ожидаем, дабы поглядывали с вниманием на сию сторону истинной веры и не пренебрегали дружественными поступками. Так и ведайте. Все молитвы о Вас и на все воля Божья. Писано в нашей столице в Акмесджид-Сарае в году тысяча восемьдесят восьмом от хиджры Пророка в конце месяца реби-уль-ахыр.

Селямет Герай-султан, сын Бахадыр Герай-хана

Место – богохранимый Акмесджид-Сарай

Источник: Josef Matuz, “Krimtatarische Urkunden...”, с. 179–181.

Документ 11

Ярлык нуреддина Сафа Герай-султана Кристиану V

Бахчисарай, 29-го реби-уль-ахыр 1088 [= 1 июля 1677 г.].

О дружбе (свидетельство дружбы).

Сигнатура (шифр): TKUA Tatariet AI 2/2/3.

Язык: османлы с татарскими элементами.

Бумага: желтоватая, не слишком толстая, гладкая лицевая сторона. Формат: 41 x 28 см.

Стиль шрифта: дивани с мотивами рик'а; -шпигель: 19 x 20 см.

Турга: в золоте. Формат: 8,5 x 18 (5,5 см).

Invocatio «Hu» («Он») – 18 см над первой строкой и 1 см от верха листа.

Оборот: примечание канцлера Дании: “Till Hans Kongl. May. fra den Store Chams anden broder Safa Gherej Muradon Sultan offvergiffvet ved Hans Gesanter Amet. 1677”. / *«Его королевскому величеству от другого брата великого хана, Сафа Герай нуреддин-султана, отправленный его послом Аметом. 1677»*. [Zu deutsch: An seine kgl. Majestat, vom anderen Bruder des großen Chams, Safa Gherej Muradon Sultan, überreicht durch seinen Gesandten Amet. 1677. / *На немецком языке: «Его королевскому величеству, от другого брата великого хана, Сафа Герай нуреддин-султана, представленный его посланником Аметом. 1677»*].

Размеры оттиска печати: 21 x 20 мм.

Hu

Safa Geray Sultan bin Safa Geray Sultan

sözümüz

Hamd-ı firavan ve şükr-ü bi-geran ol cenab-i Rabbü'l-müteal ve sahibü'l-cüd ve'l-kemal Celle Şane ve Ta'alâ hazretlerine olsun dahi salâvat-ı bi-hadd ve tahiyât-ı lâ-yu'ad ol mü'ciz-i mevcûdat ve server-i kâinat hatemü'l-enbiyâ-i ve şefî'-i ruz-i ceza a'ni hazret-i Muhammedü'l-Mustafa salli-Allahu Ta'alâ aleyhi ve sellem ve Al u evlâd ve ashab-ı güzîn rızvan-Allahu Ta'alâ aelyhim ecmain üzerine olsun Ulu Orda ve Ulu Yurtınıñ ve Taht-ı Qırım ve Deşt-ı Qıpçaqınıñ ve cümle Tatar ve bi-hesab Noğayınıñ ve Tat milân Tavgaçınıñ ve Tağ-ara Çerkâçınıñ uluğ Nuraddin Sultanı bolğan saadetlü şevketlü ben Nuraddin Sultan Safa Geray Sultan hazrelerimizden millet-i Mesihyye Ulusu çoq eqalim-i hristiyân hükumdarı bolğan muhabbetlü ve meveddetlü qarındaşımız Dunyâ qıralı bolğan sadaqat-iştimal huzurlarına selâm-selâmet peyâm ki ehali-i Islâma bolğan vufur sadaqat ve ihlâsları cihetinden sadır olur iblâğıyle hal ve hatırları tefahhus olunduqdan soñra i'lâm yarlığ-ı şerif-ı saadet-elif Sultanı budır ki bu dudman-ı rasihu'l-erkân-i Cengiziyâne dostluq üzre olanlar dostane aşnalıq ile nevaziş olunmaq qaide-i müstahsene-i şahanemiz olup şevketlü azametlü mehabetlü salâbetlü şecaatlü ağaçamız Han-ı alişan hazretleri tarafıñıza elçi köndermekle biz dahi hatrıñüz sualiyçün muhabbetname-i 'ali yazup elçilik hizmetiyle qıdvetü'l-emasil ve'l-aqran qulum Temircan zide qadrühuyı irsal itmişizdir inşa' Allahu Ta'alâ vusulında elçimizi Divanıñıza alup ve muhabbet ve meveddet namemizi ta'zim ve muhabbet ile oqudup ve elçimizi eglendirmeyüb muhabbetnameñüz ile iade itdirmeñüz ma'muldir inşa' Allahu'r-Rahman bize düşen dostluqda qusur olunmazdır baqı ed-

dua ali min ettba' el-Huday yâzıldı tahtgâhımız Bağçasarayında biñ seksen sekiz Rebiü'l-ahrı selhinde.

*Safa Geray Sultan bin Safa Geray Sultan
Bi-maqam-ı Bağçasaray el-mahruse*

Перевод:

Он [Аллах]!

*Сафа Герай-султан, сын Сафа Герай-султана
наше слово*

Обильная хвала и безграничный шукюр Всевышнему Господу, Властелину всего сущего и совершенного, Славному и Великому. А также безграничный салават и бесчисленные молитвы и приветствия гордости и славе всего сущего, и предводителю мироздания, довершению пророков и покровителю в День Наказания, то есть Мухаммеду Мустафа, да благословит его Всевышний Аллах и приветствует, его высокому роду и детям, и отборным сподвижникам, да будет доволен Всевышний Аллах ими всеми. Великой Орды и Великого Юрта, и Крымского Престола, и Дешт-и Кипчака, и всех татар, и бесчисленных ногаев, и татов с тавгачами, и горных черкесов от великого нуреддин-султана, счастливого и благословенного, могущественного меня, нуреддин-султана хазрет Сафа Герай-султана. Великому правителю стран народа Месихие и многих христианских климатов, дорогому и любимому нашему брату, королю Дании, королю верности, доведя приветствия и пожелания здоровья с вестями, с сообщением о появлении обильной верности и искренности к исламскому люду, после вопрошания о здравии и благополучии, благословенный и счастливый известительный султанский ярлык таков: для сего прочного Чингизового рода есть излюбленное шахское правило соблаговольять милостиво и дружественно (по-дружески) приветствовать наших друзей, сближаясь с ними. Поскольку могущественный, великий, величественный, непоколебимый и храбрый наш брат, славный хазрет хан, отправил в Вашу сторону посла, то и мы для вопрошания о Вашем здравии и благополучии написали высокий мухаббетнаме и по посольской службе отправили достойнейшего из подобных и равных, моего слугу Темирджана, да увеличится его степенство, слава и достоинство. По воле Всевышнего Аллаха по [его] прибытии примите нашего посла в свой Диван, и почтенно и с любовью велите зачитать наше мухаббетнаме. И не занимая нашего посла, от Вас требуется его возврат с Вашим мухаббетнаме. По воле Милостивого Аллаха, не быть недостатку в выпавшей на нас дружбе. Все молитвы о Вас и на все воля Божья. Писано в нашей столице в Бахчисарае в конце месяца реби-уль-ахыр тысяча восемьдесят восьмого года.

*Сафа Герай-султан, сын Сафа Герай-султана
Место – богохранимый Бахчисарай*

Источник: Josef Matuz, "Krimtatarische Urkunden...", с. 186–188.

Документ 12

Ярлык Хаджи Герай-султана Кристиану V

Бахчисарай, 29-го реби-уль-ахыр 1088 [= 1 июля 1677 г.].

О дружбе (свидетельство дружбы).

Сигнатура (шифр): TKUA Tatariet AI 2/2/4.

Язык: османлы с татарскими элементами.

Бумага: белая, не слишком толстая, рваная, гладкая лицевая сторона. Формат: 40 x 29,5 см.

Стиль шрифта: рик'а; -шпигель: 15,5 x 20 см.

Invocatio «Ну» («Он») – 18 см над первой строкой и 0,5 см от верхнего края бумаги.

Оборот: примечание канцлера Дании: “Till Hans Kongl. May. fra den Store Chams yngste broder Azi Gherej Sultan ved Hans gesanter Fetta. 1677. d 2. Dec.” / *«Его королевскому величеству, от младшего брата великого хана, Хаджи Герай-султана, от его посланника Фетты. 1677. 2 декабря.»* [Zu deutsch: An seine kgl. Majestat, vom jüngsten Bruder des großen Chans, Azi Gherej Sultan, (überreicht) durch seinen Gesandten Fetta. Den 2. Dezember 1677. / *По-немецки: «Его королевскому величеству, от младшего брата великого хана, Хаджи Герай-султана, (представленный) его посланником Феттой. 2 декабря 1677 г.»*].

Размеры оттиска печати: 18 x 18 мм.

Ну

Hamd-ı firavan ve şükr-ü bi-geran ol cenab-i Rabbü'l-müte'al ve sahibü'l-cüd ve'l-kemal Celle Şane ve Ta'alâ hazretlerine olsun dahi salâvat-ı bi-hadd ve tahiyât-i lâ-yuad ol mü'ciz-i mevcûdat ve server-i kâinat hatemü'l-enbiyâ-i ve şefi'-i ruz-i ceza a'ni hazret-i Muhammedü'l-Mustafa salli-Allahu Ta'alâ aleyhi ve sellem ve Al [u] evlâd ve ashab-ı güzin rızvan-Allahu Ta'alâ aleyhim ecmain üzerine olsun Ulu Orda ve Ulu Yurtınıñ ve Taht-ı Qırım ve Deşt-ı Qıpçaqınıñ ve cümle Tatar ve bi-hesab Noğayınıñ ve Tat milân Tavgaçınıñ ve Tağ-ara Çerkâçınıñ uluğı Hacı Geray Sultan hazretlerimizden millet-i Mesihyye Ulusu çoq eqalim-i hristiyân hükumdarı bolğan muhabbetlü ve meveddetlü qarındaşımız Dunyâ qıralı bolğan sadaqat-iştimal huzurlarına selâm-selâmet peyâm ki ehali-i Islâma bolğan vufur sadaqat ve ihlâsları cihetinden sadır olur iblâğıyle hal ve hatırları tefahhus olunduqdan soñra i'lâm yarlığı-ı şerif-ı saadet-elif Sultanı budır ki dudman-ı rasihu'l-erkân Cengiziyâne dostluq üzre olanlar dostane aşna ile nevaziş olunmaq qaide-i müstahsene-i şahanemiz olub şevketlü azametlü mehabetlü salâbetlü şecaatlü ağaçamız Han-ı alişan hazretleri tarafınıza elçi köndermekle biz dahi hatrıñuz sual için muhabbetname-i 'ali-i yâzub elçilik hızmetiyle qıdvetü'l-emasıl ve'l-aqran qulum Temircan zide qadrühuyı irsal idmişüzdir inşa'Allahu Ta'alâ vusulında elçimizi Divanıñıza alub ve muhabbet ve meveddet namemizi

ta'zim ve muhabbet ile oqudub ve elçimizi eglendirmeyüb muhabbetnameñiz ile iade itdirmeñüz ma'muldir ki inşa'Allahu'r-Rahman bize düşen dostluqda qusur olunmazdır baqı ed-dua ali min ettba'el-Huday yâzıldı tahtgâhımız Bağçasarayında biñ seksen sekiz Rebiü'l-ahır selhinde.

Bağçasaray el-mahruse

Hacı Geray Sultan bin Qırım Geray Sultan (?)

Перевод:

Он [Аллах]!

Обильная хвала и безграничный шукюр Всевышнему Господу, Властелину всего сущего и совершенного, Славному и Великому. А также безграничный салават и бесчисленные молитвы, и приветствия гордости и славе всего сущего, и предводителю мироздания, довершению пророков и покровителю в День Наказания, то есть Мухаммеду Мустафа, да благословит его Всевышний Аллах и приветствует, его высокому роду и детям, и отборным сподвижникам, да будет доволен Всевышний Аллах ими всеми. Великой Орды и Великого Юрта, и Крымского Престола, и Дешт-и Кипчака, и всех татар, и бесчисленных ногаев, и татов с тавгачами, и горных черкесов от великого хазрет Хаджи Герай-султана. Великому правителю стран народа Месихие и многих христианских климатов, дорогому и любимому нашему брату, королю Дании, королю верности, доведя приветствия и пожелания здоровья и уведомив, с сообщением о появлении обильной верности и искренности к исламскому люду, после вопрошания о здравии и благополучии, благословенный и счастливый известительный султанский ярлык таков: для нашего прочного Чингизового рода есть излюбленное шахское правило соблаговольять милостиво и дружественно (по-дружески) приветствовать наших друзей, сближаясь с ними. Поскольку могущественный, великий, величественный, непоколебимый и храбрый наш брат, высокий и достославный хазрет хан, отправил в Вашу сторону посла, то и мы для вопрошания о Вашем здравии и благополучии написали высокий мухаббетнаме и по посольской службе отправили достойнейшего из подобных и равных, моего слугу Темирджана, да увеличится его слава, степенство и достоинство. По воле Всевышнего Аллаха по [его] прибытии примите нашего посла в свой Диван и почтенно и с любовью велите зачитать наше мухаббетнаме. И не занимая нашего посла, от Вас требуется его возврат с Вашим мухаббетнаме. По воле Милостивого Аллаха не быть недостатку в выпавшей на нас дружбе. Все молитвы о Вас и на все воля Божья. Писано в нашей столице в Бахчисарае в конце месяца реби-уль-ахыр тысяча восемьдесят восьмого года.

Богохранимый Бахчисарай

Хаджи Герай-султан, сын Крым Герай-султана (?)

Источник: Josef Matuz, "Krimtatarische Urkunden...", с. 192–194.

Документ 13

Письмо дружбы от жены хана Селим Герая Кристиану V

Бахчисарай, 29-го реби-уль-ахыр 1088 [= 1 июля 1677 г.].

О дружбе (свидетельство дружбы).

Сигнатура (шифр): TKUA Tatariet AI 2/2/1.

Язык: османский с татарскими элементами.

Бумага: белая, толстая, ребристая, гладкая лицевая сторона. Формат: 48,5 х 34 см.

Стиль шрифта: рик'а с элементами дивани; -шпигель: 16 х 25,5 см.

Invocatio «Ну» («Он») – 25 см над первой строкой и 2 см от верхнего края бумаги.

Оборот: примечание канцлера Дании: “Till hanns Kongl. May, fra den Store Chams Moder Anabihim ved hendes Gesant Mustaffa 1677. d 2 December”. / *«Его королевскому величеству, от матери великого хана, Анабийим, данное ее послом Мустафой. 1677, 2 декабря»*. [Zu deutsch: An seine kgl. Majestat, von der Mutter des großen Chans, Anabihim, (überreicht) durch ihren Gesandten Mustaffa, 2. Dezember 1677. / *По-немецки: «Его королевскому величеству, от матери великого хана, Анабийим, (представленное) ее послом Мустафой, 2 декабря 1677 г.»*].

Оттиск печати на обороте, перевернутая, 6 см от низа и 5 см от правого края бумаги. Размеры: 22 х 20 мм.

Ну

Muhabbetlü ve meveddetlü ve sadaqatlu halyâ Dunyâ qıralı olan dostumuz ve qardaşımız qıral-ı muhalesat-ıştimal huzurları savbına selâm-selâmet peyâm ki erbab-ı imana olan vufur muhabbetiñiz sebebinden zahir ve bahir ve hulâsa-i kelâm ki ehali-i Islâma olan meveddet ihtisasıñuz cihetinden sadır ve mütebadir olur iblâğıyle inhay-i muhib-i muhlis muhabbet-musavvir budır ki bu dudman-ı muhalledu'l-erkân ki Deşt-ı Qırıma Han ve Ulu padişah olan dostlarıñuza dostluq idüb muhabbet ve sadaqat üzre olanlara nevaziş ve aşnalıq ve ğarrime (?) müstahsene olduğından halâ Taht-ı Qırıma Han ve ulu padişah olan şevketlü mehabbetlü salâbetlü ve şecaatlu qarındaşımız Han-ı devlet-ıştimal hazretleri tarafından pürsiş hatrıñuz için elçi qulları ve muhabbetname-i yarlıĝ-ı şerifleri könderilüb erbab-ı imana bezl olunan vufur muhabbet ve meveddetiñize binaen bu (işbu) muhlis-i meveddet-engizleri dahi hatrıñuzı sual idüb muhabbetnameleri yâzılub huzurıñuza köndermişlerdir inşa' Allahu Ta'alâ varup vusul bolduqda dostluq ve muhabbet için könderdigimiz muhabbetnamemizi elçi olan aĝa yedinden aldırub ve huzurıñuzda oqudup tarafımıza külli muhabbet idesiz ve siz dostumuzdan dahi ma'mulimiz budır ki kiden elçi ile dostluq muhabbetnameñuzi tahrir idüb köndermeñüz ma'mulimizdir bundan soñra dahi dostluq ve muhabbet sabit-qa-

dem bilüb ve siz qardaşımız dahi dostluqda olup hatrıñuzden ihrac eylememeñüz ma'mulimizdir baqı ed-dua ali min teba' el-Huday yâzıldı tahtgâ[h]-ı Bağçasaray-da hicret-i Nebeviyyeniñ biñ seksen sekiz tarihi mah-ı Rebiü'l-ahır selhinde.

Ulu biyim hazret-i Han halâ

Перевод:

Он [Аллах]!

Дорогому и любимому, и верному нынешнему королю Дании, нашему другу и брату, королю взаимной дружбы, приветствия и пожелания здоровья с вестями таково: с сообщением по причине Вашей обильной дружбы к обладателям веры явно, и, в общем, от появившейся особенной Вашей дружбы и расположения к исламскому народу, рисующее согласие сердечное и дружественное извещение таково: хан и великий падишах от длящегося поныне рода в Дешт-и Крыме, чиня дружбу Вашим друзьям, поскольку соблаговолил по излюбленному правилу изъяснить милость, близость и приветствие находящимся в дружбе и верности, то ныне со стороны хана Престола Крымского и великого падишаха, могущественного, величественного, непоколебимого и храброго нашего брата, благополучного хазрет хана для вопрошания о Вашем здравии и благополучии был отправлен слуга-посол и благословенный ярлык-мухаббетнаме. Согласно Вашей обильной дружбе и любви, проявляемой к обладателям веры, сей дружелюбный Ваш сердечный друг [мы] также, спрашивая о Вашем благополучии и здравии, написали мухаббетнаме и отправили к Вам. По воле Всевышнего Аллаха по прибытии примите из рук аги-посла наше мухаббетнаме, отправленное во благо дружбы и согласия. И немедленно велев прочитать его пред Вами, чините премного дружбы в нашу сторону. И от Вас, нашего друга, ожидаем, дабы написали дружественное мухаббетнаме и отправили его с отъехавшим послом. Вслед за сим же прочно соблюдайте дружбу и согласие. А Вы же, наш брат, будучи в дружбе, никогда не выбрасывайте ее из головы. Все молитвы о Вас и на все воля Божья. Писано в столице в Бахчисарае в конце месяца реби-уль-ахыр тысяча восемьдесят восьмого года от хиджры Пророка.

Улу-бийим нынешнего хазрет-и Хана

Источник: Josef Matuz, "Krimtatarische Urkunden...", с. 198–199.

*Продолжение – в следующем номере
«Крымского исторического обозрения»*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Matuz Josef*. Krimtatarische Urkunden im Reichsarchiv zu Kopenhagen: Mit historisch-diplomatischen und sprachlichen Untersuchungen. Freiburg: Klaus Schwarz Verlag, 1976. 348+34 s.

Сведения об авторе и переводчике: Абдуземилев Рефат Рустем оглы – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани (420111, Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); старший научный сотрудник НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова» (295015, Учебный пер., 8, Симферополь, Российская Федерация); refatimus@gmail.com

Crimean Tatar-Danish diplomacy in the documents of the Crimean Khanate

Refat Abduzhemilev

*(Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy
of Sciences; SBEEHE RC «F. Yakubov Crimean Engineering
and Pedagogical University»)*

Abstract. The rubric presents original in language and style *yarlyks* and letters of the Crimean Khanate's ruling elite, with the translation into Russian, reflecting the Crimean Tatar-Danish contacts in the 17th century (*Latinographic transliteration and translation by R. R. Abduzhemilev*). Materials were collected from the stocks of the Reichsarchives (Imperial Archives) in Copenhagen (Denmark) and they were published by Josef Matuz in a book "Krimtatarische Urkunden im Reichsarchiv zu Kopenhagen: Mit historisch-diplomatischen und sprachlichen Untersuchungen". Freiburg: Klaus Schwarz Verlag, 1976. 348 +34 s. ["Crimean Tatar Documents in the Reichsarchives in Copenhagen: with Historical- Diplomatic and Linguistic Researches". Freiburg: Klaus Schwartz Verlag, 1976. 348+34 p.].

The book's contents cover the following issues: **A.** Crimean Khanate of the mid 17th century. **B.** Diplomatic relations between the Crimean Khanate and Denmark in the second half of the 17th century. **C.** Crimean diplomatic customs in dealings with Denmark. **D.** Attempting diplomacy of relevant Crimean documents. **E.** On the language of documents: preliminary notes, phonetics, morphology, syntax comments, vocabulary comments, conclusions. **F.** Documents: preservation of documents, publication of the original Crimean Tatar letters from the Copenhagen Reichsarchives, preliminary notes, documents 1–27. **G.** Records of the non-Turkish materials. **H.** Sources and bibliography. **I.** Index: personalities and dynasties, place names, peoples, languages and geographical terms, words and objects, linguistics, authors and works. **J.** Tables.

Keywords: Denmark, diplomacy, document, Crimean Tatar, Crimean Khanate, Ottoman, letter, Reichsarchives (Imperial Archives) in Copenhagen, yarlyk.

For citation: *Abduzhemilev R. R.* Crimean Tatar-Danish diplomacy in the documents of the Crimean Khanate. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Riview*. 2020, no. 1, pp. 180–210. DOI: 10.22378/kio.2020.1.180-210

REFERENCES

1. Matuz Josef. *Krimtatarische Urkunden im Reichsarchiv zu Kopenhagen: Mit historisch-diplomatischen und sprachlichen Untersuchungen* [Crimean Tatar Documents in the Reichsarchives in Copenhagen: with Historical-Diplomatic and Linguistic Researches]. Freiburg: Klaus Schwarz Verlag, 1976. 348+34 p. (In German).

About the author and translator: Abduzhemilev Refat Rustem ogly – Cand. Sci (Philology), senior researcher of the Crimean Scientific Center of the Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (420111, Kazan, Baturin St., 7A, Russian Federation); senior researcher of the Research Institute of the Crimean Tatar philology, history and culture of ethnic groups of the Crimea in SBEEHE RC «F. Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University» (295015, Uchebnyy lane, 8, Simferopol, Crimea, Russian Federation); refatimus@gmail.com

Реммаль Ходжа.
Хроника «Тарих-и Сахиб Герай хан»
(«История о хане Сахиб Герае»).
Часть 5. Завершение

Рефат Абдужемилев

*(Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ;
ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический
университет им. Ф. Якубова»)*

Аннотация. Вниманию читателей предлагается перевод на русский язык завершающих фрагментов из хроники «Тарих-и Сахиб Герай хан» (XVI в.)¹. Автором хроники являлся ученый, придворный астролог при дворе хана Сахиба Герая Кайсуни-заде Мехмед Нидаи, известный под литературным псевдонимом Реммаль Ходжа.

Наряду с фактографической составляющей хроники, немаловажное значение имеет и художественная специфика. В сравнении с другими сочинениями историографической направленности, данное сочинение наиболее ярко демонстрирует силу художественного слова, свой эстетический потенциал. Произведение написано в панегирической форме, автор воспекает героические деяния в период ханства Сахиба Герая. В хронике проявляются традиции османской историографии.

Перевод выполнен из турецкого издания «Tarih-i Sahib Giray Han («Histoire de Sahib Giray, Khan de Crimée de 1532 a 1551», Анкара, 1973)». Автор перевода пытается коррелировать содержание перевода с содержанием оригинала, передать художественное воплощение исторических событий, сохранить стиль произведения, по возможности сохранить реалии языка ханской эпохи. Текст будет полезен для специалистов по истории и литературе Крымского ханства.

Ключевые слова: Хроника, Крымское ханство, Сахиб Герай, Реммаль Ходжа, крымскотатарская литература.

Для цитирования: Абдужемилев Р. Р. Реммаль Ходжа. Хроника «Тарих-и Сахиб Герай хан» («История о хане Сахиб Герае»). Часть 5. Завершение // Крымское историческое обозрение. 2020. № 1. С. 211–224. DOI: 10.22378/kio.2020.1.211-224

¹ Начало и продолжение произведения были опубликованы в № 1(10) и № 2(11) за 2018 г., № 1(12) и № 2(13) за 2019 г.

Тогда прошла та ночь и наступило утро. И видел султан, что от пятнадцати тысяч людей всего лишь семнадцать человек осталось рядом с ним. Дивуясь вероломству татар и неведению ими хлебосольности², в тот день, не зная, что и чинить, предался терпению до вечера. А с наступлением ночи с поднятой головой покинул Ор.

В час приготовления хазрет хана [Девлет Герай-хана] к сражению с Эмин Герай-султаном на утро байрама пришла весть: «Эмин Герай-султан удалился, а мурзы, что были при нем, явились и изъявили намерение ударить челами перед падишахом». Так и молвили. И тогда хан дал свое позволение на то, дабы, кроме отбывших с Сахиб Герай-ханом в поход, все оставшиеся явились и получили всевозможные блага и милости.

Тогда достигли повеления и крепостей на острове Тамань, с вестями о том, что Девлет Герай-хан удостоился ханства, а участь Сахиб Герай-ханова уже готовится. Народ был извещен по сему. И весть постигла Али-Кылыч-бека: «Велено казнить Адиль Герай-султана и принести его голову». Весьма озадачен³ был тогда Али-Кылыч-бек. Коль не казнит его, тогда суждено быть казненным ему самому. Что же оставалось делать? Волей-неволей⁴ покинул султана со словами: «Постреляю-ка я из лука»⁵. И сверху маленького рва, приблизившись к тому розоликому и сладкоречивому ханзаде, Али-Кылыч-оглы тайком, вероломно и окаянно закинул веревку из-за спины и удушил султана по-разбойничьи. И отдал тот [султан] свою сладкую душу Богу. Но при виде того зрелища не было ни единой души, что не проронила бы слез. Тогда ему [султану] было семнадцать лет. А потом взяли покойника и похоронили его в Бахчисарае.

А султанчиков из крепости привели одного за другим, дабы удушить в Салачике во дворце Менгли Герай-хана. А когда пошли в крепость за Хаджи Герай-султаном вместе с Селямет Герай-султаном и вывели их с сестрами, то тогда поднялся такой стон и плач, что неверные и мусульмане по сему изливались слезами. Разум покинул одних, а другие помешались⁶. И рвали они на себе волосы, царапали и изрывали лики⁷. По окончательному велению⁸, они были разлучены тысячами бед. А тот безбожный деспот и злодей, что звался Ак-Мамшык, удушил двоих султанчиков, обреченных на великие страдания. И проклятия сыпались со стороны тех, кто слышал

² «Tatarın bivefalığına ve tuz-etmek haqqın bilmedüklerine ta'accüb edüb».

³ «tahayyürde qalub».

⁴ «Çar u naçar».

⁵ «Oq atışalum».

⁶ «ve kimi divaneye dönüb».

⁷ «saçların yolub, yüzlerin pare-pare etdiler».

⁸ «ahır el-emr».

их стон. Сии безвинные и чистые люди⁹, перебравшись в мир вечности¹⁰, вошли в рай. Среди них был и десятилетний Хаджи Герай-султан и восьмилетний Селямет Герай-султан. И четырехлетний Газанфер Герай-султан, его тоже убили мальчиком. И сына Эмина Герая, Джафер Герай-султана, и дядю Кутлу Герая, Ходжа Тая, безжалостно казнили. И не было ни единой души, которая бы ни проклинала сии злодеяния.

А в это время прибыл вестник [муштуджу] от Сахиб Герай-хана. И привели его к хану. И спросили о вестях, на что и молвил: «Едет». Хан [Девлет Герай-хан] молвил, что старшим над султанами, вышедшими из заключения, назначен Болюк Герай-султан. Его и Канбери-бека, и старшего над слугами¹¹ отправил навстречу к Сахиб Герай-хану. А сам же вслед прямо держал путь¹² в Кефе.

На сей же стороне Сахиб Герай-хан, прибыв с большим числом пленников, с трофеями и в сытости, велел остановиться у горы Хытыбыт. В тот день доложили вести:

– О наш Падишах! Визири выставили Вас изменником в глазах Благословенного Хункяра, назначив на место нашего падишаха [Вас] ханом Девлет Герай-султана и отправив в путь. Он же явился и из Аккермана на кораблях вошел в Гёзлеве. А Эмин Герай-султан со своим войском находится за пределами Ора. Хан [Девлет Герай-хан] прибыл в Ваш дворец и вошел в него, вывел всех дочерей ханий и других людей к крепости, а потом велел бекам казнить султанов. Отворил он Вашу казну, пустил на расходы красный алтын, и выдал кисеты с акче и алтыном бекам, что били челами. Так он и завладел шахским виляетом¹³.

В тот миг Сахиб-хан, услышав сие известие, горестно заплакал¹⁴ и молвил:

– Коль огланы мертвы, значит они – мученики. И пред Богом они достигли своего высокого положения¹⁵. А коль уж владения утеряны, то не беда – нет кикого, кто смог бы забрать свои владения в могилу¹⁶. Все же обидно за народ Крыма, жаль его. Ибо Девлет Герай-султан нетороплив и милостив. Но не быть ему сильным, подобно мне, ханом над сим виляетом. Страна не будет подвластна ему¹⁷. А следствие тому – край прогнется под силой врага, а владения будут утеряны¹⁸.

⁹ «Ol ma'sum u pakler».

¹⁰ «ahirete intiqal edüb».

¹¹ «qul qarındaşlarınıñ ağasını».

¹² «Kefeye toğrı revana oldı».

¹³ «malikane vilâyeti zabt eyledi».

¹⁴ «ah ağladı».

¹⁵ «Haq qatında mertebe buldılar».

¹⁶ «Mal telef oldı ise, malın qabrıne alub, gider kimse yoq».

¹⁷ «Memleket zabt olmaz».

¹⁸ «Aqubet, el düşmana zebun olub, mülk elden çıkar».

И на сих словах, премного сожалея и обеспокоившись, тревожные мысли одолевали его голову¹⁹. С одной стороны беспокойство за сыновей и дочерей, а с другой – печаль по розоликим девушкам, по венцу и престолу, по собственности и владениям [мал у менал] и по казне дворца. В тот час у Сахиб Герай-хана было около тридцати шести тысяч овец и более десяти тысяч выючных животных [хэргеле], и пять-шесть тысяч простого скота²⁰, и три тысячи годных слуг. В общем, со времен Чингисхана среди всех ханов не был такой падишах, что имел бы столько состояния и такого множества казны²¹.

Ибо подобный венец и престол были утеряны. Хан то плакал, то погружался в море недоумения²², а то и окунался в море дум²³, не ведая, что чинить и как же быть. Наконец, собрав самых приближенных к себе лиц²⁴, известил о положении дел. А те же молвили ему в ответ:

– О наш Падишах! Решение сему делу таково: отбив отсюда и переехав со всем войском через Азак, направимся прямо к Ору, дабы весь люд слышал о Вашем прибытии к Ор Агзы. Так что рядом с Девлет Герай-ханом и не останется никого. И все они явятся к Вам. Не будет ни единой души возле него. И он [Девлет Герай-хан] не пожелает остаться наедине с собой, а потом сядет на корабль и отплывет. И тогда Вы, вновь воссев благополучно на свой престол, отправите посланца к Хункяру и известите о своей верности. Конечно же, Хункяр будет ведать о Вашей верности и накажет тех, кто стал причиной Ваших неудач и клеветал на Вас²⁵.

В тот миг хазрет хан молвил:

– В настоящий час хазрет Хункяр – повелитель мира²⁶. Мы же зажгли свою свечу его огнем²⁷. Коль мы вернемся отсюда, будто беглецы, то тем самым мы поступим вопреки великого повеления. Я не сверну со своего пути, даже если умру – на все воля Аллаха. Ежели останусь живым, тогда мое слово само дойдет до Хункяра²⁸.

И на сей молве, остались на том месте в ту ночь. Однако же очи хана не сомкнулись на сон. И велел он позвать янычар, они сами же уяснили положение дел.

¹⁹ «aqlı perişan oldı».

²⁰ «ve beş-altı biñ qara tavarı».

²¹ «El-qıssa, Cengiz Han zamanından berü gelen hanlardan bunıñ gibi mal ve hazinesi çoq padişah gelmiş degildi».

²² «gâh tahayyür bahrine müstağraq».

²³ «fikir deryâsına ğarq olub».

²⁴ «mahrem olanı yanına cem' edüb».

²⁵ «Size bahane ve bühtan edenlerüñ haqqından gelür».

²⁶ «sahibqıran-ı alemdür».

²⁷ «Biz dahi çırağı andan yaqduq».

²⁸ «Eger sağ olursam, sözüm hod Hünkâra yeter».

И [хан] обратился тогда к ним:

– О мои спутники! Что смолвите? Схватите ли Вы меня и выдадите ли Девлет Гераю? Или же до прибытия моего посланца от Хункяра, не выдав, будете оберегать меня?.

На что те и отвечали:

– О наш Благословенный хан! Столько времени мы кормимся твоими благами и столько милостей видели от тебя. Всем нам судилось погибнуть, лишившись голов, а теперь тебя хотят забрать от нас. О наш падишах! Нисколько не печалься, мы ни на шаг не отойдем от тебя. Ни один, ни два месяца, а больше, что бы ты ни приказывал, готовы мы повиноваться твоему ферману²⁹. Коль понадобится ради твоего блага, готовы мы и пожертвовать своей жизнью³⁰. Не дадим мы тебя в чужие руки.

А хазрет хан и молвил на то:

– Мое намерение к Вам таково: приготовьте-ка мне судно и, сев со мной в то судно, доставите меня к Благословенному Хункяру. Ибо у Хункяра со мной учинена клятва³¹. Падишах не обделит меня милостью, он примет решение снова верить мне ханство. Пусть же моей обязанностью³² будет сделать каждого из вас настоящим человеком. А не ведаете ли Вы, что Хункяру было донесено о предательстве воеводы Богдана Петра? Посему Падишах, лика Земли³³, назначил другого воеводу. А потом Петро воевода, прибыв к Вратам, склонил счастливого Хункяра простить свои грехи. И снова он был назначен беком в виляете Богдан³⁴. Хвала Всевышнему Аллаху, мы сами же мусульмане. В особенности, нет у нас предательства. Чаю надежду, что наши намерения будут оправданы³⁵.

На что те и отвечали:

– О наш падишах, нисколько не переживайте! Мы не уготовим тебе ничего плохого. Найдя судно, доставим тебя до Стамбула!

Хан же, слепо поверив их словам, на утро после ночи увидел, что не осталось ни единого татарина. И все разошлись по сторонам³⁶, а некоторые из слуг и вовсе рассеялись³⁷.

Тогда, отбыв оттуда, добрались до Темрюкской крепости. Люд крепости, молвя: «Приказы за падишахом», выдвинул телеги с пушками и телеги

²⁹ «fermanberiz».

³⁰ «uğrında lâzim gelür ise, dirligimizden ferağat ederüz».

³¹ «Zira benümle Hünkârîñ ahd u peymanı vardır».

³² «üzerime farz olsun».

³³ «Ruy-ı Zemin».

³⁴ «Gerü Boğdan vilâyetine Beg dikdi».

³⁵ «Ümiddir ki, namurad olmyâvuz».

³⁶ «tar u mar olmış».

³⁷ «ve qullarîñ ba'zısı perakende olmış».

с военным снаряжением. Тогда хан, безнадежно прощаясь с сим миром³⁸, печально вздыхая от разлуки с детьми³⁹, разрыдался ручьями слез⁴⁰. На сей раз направился⁴¹ он к Таманской крепости. А что же ему оставалось делать, ведь беда настигает врасплох. Перестав кушать и пить, даже вода не проходила по горлу⁴². С заботой и тоскою поник он в уныние.

Стих:

Как жаль, что утеряно благополучие! Не подало руки счастье.

Земля из-под ног виляета попала в чужие руки.

Вошел я в корабль несчастий, погрузился я в море печали;

Беда, что настигла меня, похожа на Ноев Потоп⁴³,

Да не окажется никто в той же беде, что и я.

Мои мысли и разум сбивают меня с пути.

В сем мире для всякого хана нет беды страшнее этой,

Теряет он владения, а сам же печалится.

Ибо связано мое счастье, а будет ли оно развязано?

О, Господь! Покинут ли сердце печаль и забота?

Сахиб Герай ныне же возносит просьбу к Богу,

Пусть же облагодетельствует тебя или владением, или же героической смертью.

Проза:

В час бедствия, когда хазрет хан ехал, промовляя сии слова, его сыну Гази Герай-султану приснился сон. И видел он, как [хан] идет в слезах. От его плача сердце разрывалось на части⁴⁴. При виде их рыдания люди не сдержались и стали плакать.

Спустя время хан собрался с мыслями и с назиданием обратился к сыну:

– О свет моих очей! Не плачь! Милостью Всевышнего Аллаха и по Его воле мы обретем благополучие. А коль настигнет нас смерть и окончится наша жизнь, что ж – на все воля Аллаха, судьбы предначертаны Им. Погибнув мучениками, достигнув степени свидетельства, мы обретем желаемую вечность. Земная жизнь завершается смертью. Все же⁴⁵ от могилы не уйдешь. Обретение человеком степени свидетельства есть милостью Всевышнего.

³⁸ «dünyâdan ümidi qat edüb».

³⁹ «ehl-ü evlâdına hasret gitdügine ah edüb».

⁴⁰ «gözleriniñ yaşını ırmaq gibi aqdurdı».

⁴¹ «Taman hisarına toğrıldı».

⁴² «Yemekden ve içmekden geçüb, boğazından su dahi geçmez olub».

⁴³ «Tufan-ı Nuha beñzer başımdaki felâket».

⁴⁴ «Anıñ ağladuğına yüregi pare-pare olub».

⁴⁵ «Beherhal».

И на сей молве [хан] обратился к стоявшим рядом Исаку-казы и Мамшык-беку, и главе янычар, и Агыш-аге, и Джафер-аге, и к другим мужам:

– Всевышний Аллах все приводит в порядок и делает угодным⁴⁶! Надемся, что спасение от сей печали кроется недалеко. И тогда мы с легкостью обречем спокойствие!

Сими словами они [мужи] воодушевлялись.

Таким путем и добрались до Таманской крепости⁴⁷. Хазрет хан велел позвать коменданта крепости [хисар агасы], к которому и обратился:

– Ага, что скажешь? Приложишь ли усилия⁴⁸, дабы найти мне судно? А коль я доберусь до Хункяра, тогда вы займете высокие положения при моем благополучном царствовании.

На что комендант крепости и отвечал:

– О мой Благословенный хан! Давайте-ка Вы благополучно войдите в крепость, а мы займемся приготовлениями. Ежели Вы учините привал за пределами крепости, кто знает, авось явится человек от Девлет Герай-хана и учинит некое неподобающее дело, застав Вас врасплох и безоружным⁴⁹.

Так, хана взяли в крепость и расположили вместе с сыном Гази Герай-султаном в сторожевой башне⁵⁰. А остальных распределили в крепостные строения. А как только ага приготовит судно, то отбудут они отсюда. Так и думали.

Однако же на сей стороне явились посланный Девлет Герай-ханом Болюк Герай-султан, Канберди-бек и старший над слугами, вместе с четырьмя-пятью сотнями людей. И потребовали хана. А те же намерились не выдавать. В тот миг коменданту [ага] Таманской крепости и приближенному к хану командиру янычар вручили повеление Хункяра, где было написано: «Строго-настрога, не упрямясь и не перечая⁵¹, выдать Сахиб Герай-хана людям Девлет Герай-хана. А коль будете выдумывать всяческие причины, тогда будете жестоко наказаны». Таков был сей ферман. Что же им оставалось делать?! Волей-неволей указали на ханские покои. В тот миг старший над слугами и Канберди-бек вошли с оружием и с конвоем. А вслед за ними Болюк Герай оголил лезвие своего меча⁵² и замахнулся. Хан, встав на ноги, попытался сбить с ног Болюк Герая. Старший над слугами потянул хана сзади, не приблизив того к противнику. Встрепенулся тогда Болюк Герай и кольнул хана сразу в нескольких местах. И, приняв того [хана] за мертвеца, оставили лежать. На сей раз увидел хана Гази Герай-султан и отодвинул-

⁴⁶ «Allah-ı Ta'alâ oñara».

⁴⁷ «Bu tariq ile Taman hisarına geldiler».

⁴⁸ «derman edermisin?».

⁴⁹ «ğafil ve yaraqsuz bulup».

⁵⁰ «dizdar olduğu qullede oğlu Ğazı Geray Sultan ile bir yere qondurdılar».

⁵¹ «Zinhar inad ve muhalefet etmeyüb».

⁵² «qılıç üryân edüb çalduqda».

ся на шаг. В то время нечестивец, что не боялся Божьего гнева, по имени Колатай, недостойный отцовского наследия сын⁵³, не проявив жалости к тому розоликому падишаху, отсек его голову. В тот час, когда отдал он свою сладкую душу Богу, оставили его перед отцом. Да снизойдет на него милость Всевышнего Аллаха. А когда же затворили дверь и вышли наружу, оставив стражника [бекчи] у врат, то по истечении времени «умерщвленный» хан пришел в себя, раскрыв очи и ужаснувшись при виде своего сына-кровинушки Гази Герай-султана, что лежал мученически убиенным перед ним. В тот миг [хан] так тяжело вздохнул⁵⁴, что янычары у дверей сообщили Болюк Гераю неприятную весть⁵⁵. И, явившись снова, убил его [хана] в муках, кольнув сбоку в грудь⁵⁶. Так и достиг хан Божьей милости и блаженства. Тогда были казнены Машык и Агыш, и ич-оглан Джафер-ага. А потом после разграбления и обретения пожитков, взяв с собой военное снаряжение из Темрюка, возвращались обратно. А тела покойного хана и султана вывезли в Керчь, а оттуда на телегах отправили в Крым.

А в тот час, как Девлет Герай-хан пребывал в пути к Кефе с вестями о мученической смерти покойного, не выдержал хан, роняя слезы. И даже приближенные к нему люди тоже разрыдались. Хан, облачившись в траурное одеяние⁵⁷, с великим сожалением прибыл в Крым. А к тому времени тело хана уже было привезено.

Хан мягкосердечно попытался окинуть взглядом покойного на телеге, не выдержав слез. Тогда он велел, дабы тело покойного было предано омовению. А сей несчастный же [то есть я] бросил свой взор на покойника, что лежал на похоронных носилках. И собственными очами видел семнадцать ран от меча⁵⁸, от чего и невольно заплакал⁵⁹. А стоявший тогда рядом люд, увидев меня в таком стане, тотчас был охвачен всеобщим плачем.

Увидев сие, хазрет хан спрашивал:

– Кто сей плачущий человек?.

На что и отвечали:

– О наш падишах! Это учитель покойного, Реммаль Ходжа.

В то мгновение хан велел позвать меня и обратился со словами:

– Эй, Ходжа Реммаль! Честь и хвала тебе! Видно по тебе, что ты верный слуга, что знает цену своей службе⁶⁰. А теперь же пусть будут отобраны

⁵³ «Bir veled-i nahalef».

⁵⁴ «derundan bir ahı serd çekdi kim».

⁵⁵ «napesende haber verüb».

⁵⁶ «bögrinden qılıç ile sançub».

⁵⁷ «qaralar giyüb».

⁵⁸ «on yedi yerde qılıç yaresin müşahede edüb».

⁵⁹ «bihtiyâr olub ağladım».

⁶⁰ «Tuz-etmek haqqın bilürmüş adam imişsin».

сорок человек. Похороните покойного в усыпальнице его великого прадеда Хаджи Герай-хана⁶¹. А до прибытия телеги к месту читайте Коран макамом⁶² перед телегой!

И тогда отправил их, выдав пять сотен флоринов на расходы. Ибо совершили намаз, покойного положили на одну телегу, а султана – на другую. А во время процессии шли перед телегой то плача, то читая Преславный Коран.

Однажды, когда они добирались до окрестностей Улаклы⁶³, валиде [мать], дочери хании и бикечи хана выстроили людей вдоль дороги и наблюдали за похоронной процессией хана. Ибо виднелись похоронные телеги⁶⁴. С вырванными волосами и истерзанными ликами, со стоном и несмолкаемыми возгласами прикладывали свои лики к табутам⁶⁵ хана и султана, изливаясь слезами. У тех, до чьих ушей доходил сей стон, вместо слез из очей лилась кровь⁶⁶. Настолько большая поднялась суматоха с криками, что даже не поддается описанию⁶⁷. Кинулись вперед телег, подняв оглушительный стон и крик, а изнеженки, чьи лики не видели дневного света⁶⁸, остались рыдать позади телег.

Так мы и добрались до Салачика. Соратники и слуги покойного хана, мужчины и женщины погрузились во всеобщий стон и плач⁶⁹, будто бы сие событие знаменовало собой День Светопрествления⁷⁰. А потом, промовляя: «Воистину мы пришли от Аллаха и мы вернемся к Нему»⁷¹, отворили усыпальницу Хаджи Герай-хана и похоронили вместе с сыном. И прочитав суры из Священного Корана во благо его чистой души⁷², накрыли покойника кумачом в тридцать тонов и кемха⁷³. Раздав все это улеме [ученым] и неимущим, преподнесли милостыней [саадака] пять сотен флоринов. Подняв руки, прочитали молитвы во благо его души, а потом люди разошлись⁷⁴ по сторонам. К тому времени покойному хану было пятьдесят лет. А Гази Герай-султану – тринадцать.

⁶¹ «Varub merhumı ulu babası Hacı Geray Han kâşanesinde defnedin».

⁶² Макам – ритм, мелодичность, протяжность.

⁶³ «Bir gün Ulaqlı ayâğında gelürken».

⁶⁴ «Çünkü meyyit arabaların gördiler».

⁶⁵ Табут – погребальные носилки.

⁶⁶ «gözlerinden yaş yerine qan revan olur idi».

⁶⁷ «Bir giriv peyda oldu ki, diller ile vâsf olunmaz».

⁶⁸ «ol yüziñ gün görmiyen nazeninler».

⁶⁹ «feryâd u fiğan ve giryâna ağaz edüb».

⁷⁰ «güyâ kıyamet günüñden bir nişan idi».

⁷¹ «İnna lillâhi ve inna ileyhi raci'ün».

⁷² «ruh-ı paki için Quran-ı Şerif oqınub».

⁷³ Кемха – шелковая ткань.

⁷⁴ «halq tağıldı».

Вслед за тем Девлет Герай-хан, прибыв из Крыма, счел возможным казнить султанчиков ради порядка в мире. А потом⁷⁵ Эмин Герай-султан вышел «казаковать». И, увидев спящего нокера со своими благами, тогда заколол его мечом при первой же возможности и учинил мучеником. А затем привез мертвеца. А Девлет Герай-хан узрел положение и велел четвертовать того неверного и окаянного злодея. Однако же не смог он найти того неверного, что казнил Гази Герай-султана. И молвил: «Одно из имен Господа – Воздающий наказание»⁷⁶. А затем, найдя Болюк Герай-султана, велел его тотчас казнить. И закололи его в том самом месте, где он заколол покойного хана, испустив его кровь. И пролилась кровь Хаджи Герая и Селямет Герай-султана.

А когда была решена доля султанчиков⁷⁷, велел призвать жен и дочерей покойного. Среди них были с ангельской натурой и видом пери⁷⁸, обладательницы благополучия, всех их [аммиси] – двенадцать высочайших женщин⁷⁹. Всех их Девлет Герай-хан наделил всевозможными ласками⁸⁰ и каждой велел назначить подарки и множество жалований. И выдали по овечке из отары⁸¹, по выючному животному⁸², по казне⁸³, лучших пленников и всякого вида кумача⁸⁴. И повелел:

– Не говорите, что Ваш отец-хан умер. Ведь, покуда я буду в здравии и сем мире, то не позволю вам бедствовать. Будьте довольны!

И на сих словах отправил их в Улаклы-Сарай, а дефтердару же учинил наставление:

– Ежемесячно и сполна выдавайте жалованье [улюфе] ханьям и бикечам моего покойного брата в Улаклы!

И настоял на сем. Так и учинили. Близкие и родня⁸⁵ покойного хана в царствование Девлет-хана величественно и счастливо обрели спокойствие и беспечность⁸⁶.

В общем, таковым было случившееся и приключившееся⁸⁷ с покойным

⁷⁵ «Badehu».

⁷⁶ «müntekimdir bir adı Mevlânîñ».

⁷⁷ «Qaçan kim, Sultançıqların qaydı görüldükde».

⁷⁸ «biri melek haslet ve peri suret».

⁷⁹ «on iki ali rif’at hatunları».

⁸⁰ «buların cümlesi dilnüvaht edüb».

⁸¹ «qoyundan qoyun».

⁸² «ve hergeleden hergele».

⁸³ «ve hazineden hazine».

⁸⁴ «ve qumaşdan her nevi’den qumaşlar».

⁸⁵ «Merhum hanın ta’alluqatı».

⁸⁶ «asude hal ederler».

⁸⁷ «serencamı ve sergüzeşti bu minval üzere olub».

хазрет ханом, да снизойдет милость и прощение Бога на него! Но причина завершения⁸⁸ сей истории событий и приключений покойного и прощенного хана такова: «Однажды ночью сей несчастный и немощный⁸⁹ [то есть я] погрузился в сон. И видел я явление, когда покойный хан, обитатель рая, в степи, подобной Фирдевсу⁹⁰, сидел на золотом престоле посреди дворцов и пристроек⁹¹. Узрев сего несчастного, он промолвил: «Подойди-ка сюда». Я же приблизился. И обратился он ко мне: «Я собираюсь на войну, тебе же поручено отвечать за эту крепость⁹², вести учет приходов и расходов, составляя дефтер!» И, обернувшись, повелел своим секретарям: «Я расширил его полномочия, так и запишите в дефтер». И, доверив сию крепость и дворцы сему несчастному, сам же, вооружившись и опоясавшись, отбыл таким, каким я видел его воочию. Я же занялся содержанием крепости. И тогда я проснулся спросонья, вознося молитвы за его пречитскую душу. А затем прочитал макамом Преславный Коран.

И по удивительной мудрости однажды некто прибыл и молвил тогда:

– Нури-Султан-ханий, воссылая приветствия к Вам, попросила Вас явиться. Пусть же расскажут о событиях из жизни нашего отца-хана⁹³, дабы сия книга стала поводом для памяти с молитвами вплоть до Дня Светопрествления⁹⁴. А всяческие их пожелания постараемся исполнить. Отборную лошадь, отборного пленника, золотых акче выдадим им, дабы утешить⁹⁵ и уважить сполна. И пусть же нашим долгом будет попечение о них до скончания их земной жизни⁹⁶. Да будут они нашим отцом в земном мире и в мире вечности.

Так и повелевали. И на вопрос: «Каким будет Ваш ответ, что же мне доложить?», сей ничтожный же, вознеся безграничные и бесподобные молитвы их высочеству, промолвил:

– Из нее был бы превосходный пир⁹⁷. Честь и хвала ее разуму и проницательности! Возжелали же они, дабы их отец был поминаем благими делами⁹⁸. А теперь же передайте хазрет ханий наши молитвы. А я же, коль

⁸⁸ «tarih-i encamina sebeb».

⁸⁹ «bu faqir-i pür-taqsir».

⁹⁰ Фирдевс – рай.

⁹¹ «köşkler ve saraylarda».

⁹² «bi hisarı zabt ve rabt edüb».

⁹³ «Han babamın, serencamın rivayet ve hikâyet edüb».

⁹⁴ «ol kitab sebebi ile ta kıyamete degin yâd olub, hayr du'a ile añılsun».

⁹⁵ «teselli hatır olduğu mertebe verüb».

⁹⁶ «ve hayâtda olduqça, görüb, gözetmek üzerimize farz-ı 'ayn maqamında olsun».

⁹⁷ Пир – наставник, глава тариката (суфийского ордена).

⁹⁸ «Babasınıñ hayrile yâd olduğın murad edermişler».

на то воля Всевышнего Аллаха, приступлю⁹⁹ к исполнению ее повеления. Коль Всевышний Господь поможет, ниспослав Свое провидение».

И на сих словах отправил того человека. И молвили тогда: «Как гласит фетва [решение], набожная дочь лучше сына-грешника»¹⁰⁰. А у покойного и не осталось сыновей. Однако же у него осталась дочь подобной пронизательности¹⁰¹, которая стала причиной поминания молитвами славного имени ее отца вплоть до Дня Светопреставления. Как прекрасно, что сие благо и счастье уготовлено тому человеку, у которого в конце остается подобное умное чадо-дочь¹⁰², что приносит довольство и покой душе отца¹⁰³ и в молитвах хранит светлую память о покойном хане. А сие дело свидетельствует о близости к Богу¹⁰⁴.

Ибо сей великий и славный хан, покинув сей земной мир в великой борьбе¹⁰⁵, обрел достойное себя место. А хазрет ханий же обрела столько милостей в просьбе от сего молитвенного поминовения. А нам же пришлось поминать его [хана] в молитвах, сохранив память в книге и читая. А покуда слушающие сию книгу будут возносить молитвы, тогда покойный хан с легкостью обретет блага и премного возвысится¹⁰⁶.

А коль уж меня настигли столько бед и трудностей, то клянусь Великим Аллахом, что любовь покойного не скончается из сердца¹⁰⁷. Пусть же Всевышний Господь, да сияет слава Его, ниспослет довольство на его душу¹⁰⁸! И, собрав всех эвлия [праведников] и энбия [пророков], сделает султанами всех представших¹⁰⁹! По праву господина пророков¹¹⁰, опираясь на Твою милость, о милостивый над милостивыми¹¹¹.

⁹⁹ «buyurduqları işden, inşaAllah-ı Ta'alâ mübaşeret edelim».

¹⁰⁰ «fasıq oğuldan, zahid kız yegdür» fetvası üzere».

¹⁰¹ «lâkin bunıñ gibi arife qızı qalub».

¹⁰² «soñında bunıñ gibi aqılle mahdumesi qalub».

¹⁰³ «babasınıñ ruh-ı revanıñ şad etdürüb».

¹⁰⁴ «Cenab-ı Haqqa yaqın olmağa delildir».

¹⁰⁵ «dar-ı dünyâdan şehadetle gidüb».

¹⁰⁶ «dınleyenler hayır du'a etdükçe, merhum hane sevablar ve nice dereceler müyesser ola».

¹⁰⁷ «merhumın muhabbeti göñülden zail olmuş degildür».

¹⁰⁸ «ruh-ı revanıñ şad eylesün!».

¹⁰⁹ «ehl-i didar olan selâtinden eylesün!».

¹¹⁰ «Behaqq-ı seyyidü'l-mürselin».

¹¹¹ «berahmetin yâ errahm er-rahimin».

Эпилог¹¹²

Хвала Аллаху, моя книга довершена;
А ее слово я назвал сияющим, ясным как день.
Каким было приключение хана,
Что он вершил, вписал я, о хане степи [хан-ы дешти].
Докончил я свой рассказ, ривает¹¹³,
А Божья милость снизошла на сего несчастного.
А коль спросишь дату ее, шахзаде,
То было сие в году девятьсот шестидесятом, не более того.
Ибо ныне нуждаюсь в молитвах,
Невозможно оказать всеобщую милость бедняге.
Пусть же будет конец, ибо и ты нуждаешься,
Подумай о конце, раскрой очи на всякую пользу.
Коль никто не останется в сем мире,
Все же не погибнет тот, чье доброе имя останется в памяти¹¹⁴.
Поминай же Сахиб Герай-хана его добрым именем¹¹⁵,
Не сходит с уст всякий миг его имя¹¹⁶.
Хватит сих слов умному,
Будет знаком роза из розария¹¹⁷.
Писано в благословенном месяце Реджеб, в году шестьдесят первом¹¹⁸.

Конец

Сведения об авторе и переводчике: Абдужемилев Рефат Рустем огълы – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани (420111, Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); старший научный сотрудник НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова» (295015, Учебный пер., 8, Симферополь, Российская Федерация); refatimus@gmail.com

¹¹² «Natime».

¹¹³ Ривает – предание, рассказ о былом.

¹¹⁴ «Eyü adı qalan dünyâda ölmez».

¹¹⁵ «Eyü ad ile gör Sahib Geray Han».

¹¹⁶ «Nice mezkürdür dillerde her an».

¹¹⁷ «Olur, bir gül, gülistandan nişane».

¹¹⁸ «Harrere fi selh-i Recebü'l-hayr, li seneti ihda ve sitte elf».

Remmal Khoja. Chronicle «Tarikh-i Sahib Geray Khan» («History about Sahib Geray Khan»). Part 5. The end

Refat Abduzhemilev

(Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences;
SBEEHE RC «F. Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University»)

To the attention of the readers is offered the translation into Russian of the final fragments from the chronicle «Tarikh-i Sahib Geray Khan» (XVI c.)¹¹⁹. The chronicle's author was a prominent scholar, a court astrologer at the court of Sahib Geray Khan, Kaysuni-zade Mehmed Nidai, known under the pen-name Remmal Hoja.

Along with the factual component of the chronicle, the artistic specifics are also important. In comparison with the other works of historiography orientation, this work most clearly demonstrates the power of an artistic word, its aesthetic potential. The work is written in panegyric form, the author praises the heroic deeds during the Khanate of Sahib Geray. The traditions of Ottoman historiography are also revealed in the chronicle.

The translation was made from the Turkish edition of «Tarih-i Sahib Geray Han («Histoire de Sahib Giray, Khan de Crimée de 1532 a 1551», Ankara, 1973) ». The author of the translation tries to correlate the content of the translation with the content of the original, to convey the artistic embodiment of historical events, to preserve the style of the work, to preserve the realities of Khan's era language, if possible. The text will be useful for specialist in the history and the literature of the Crimean Khanate.

Keywords: Chronicle, Crimean Khanate, Sahib Geray, Remmal Hoja, Crimean Tatar literature.

For citacion: *Abduzhemilev R. R.* Remmal Khoja. Chronicle «Tarikh-i Sahib Geray Khan» («History about Sahib Geray Khan»). Part 5. The end. Krymskoe istoricheskoe obozrenie=*Crimean Historical Riview*. 2020, no. 1, pp. 211–224. DOI: 10.22378/kio.2020.1.211-224

About the author and translator: Abduzhemilev Refat Rustem ogly – Cand. Sci (Philology), senior researcher of the Crimean Scientific Center of the Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (420111, Kazan, Baturin St., 7A, Russian Federation); senior researcher of the Research Institute of the Crimean Tatar philology, history and culture of ethnic groups of the Crimea in SBEEHE RC «F. Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University» (295015, Uchebnyy lane, 8, Simferopol, Crimea, Russian Federation); refatimus@gmail.com

¹¹⁹ The beginning and continuation of the work were published in the previous issues – № 1(10) and № 2(11) for 2018, № 1(12) and № 2(13) for 2019.

Новые издания: рецензии, отзывы

УДК 94(47)

DOI: 10.22378/kio.2020.1.225-240

**«А более ста тысяч рати у меня есть...».
Военное дело Крымского ханства в Новое время:
рецензия на монографию А. А. Шейхумерова
«Армия Крымского ханства: организация
и тактика (XV–XVIII вв.)». Казань – Симферополь:
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. – 304 с.**

Виталий Пенской

*(Белгородский государственный национальный
исследовательский университет)*

Аннотация. В минувшем году свет увидело исследование молодого крымского историка А. А. Шейхумерова, посвященное военному делу Крымского ханства в Новое время (XV–XVIII вв.). Целью своей работы автор выбрал тему, явно не относящуюся к числу популярных и активно разрабатываемых в отечественной исторической науке (для которой вообще нехарактерна любовь к подобного рода сюжетам). Отказавшись от описательного подхода и выбрав в качестве основного проблемный, исследователь сконцентрировался на анализе ключевых сюжетов из истории развития крымского военного дела Нового времени. Как результат, данная книга представляет собой первый в современной российской историографии очерк, позволяющий составить целостное представление об основных особенностях военного дела крымских татар. В рецензии дается краткая характеристика структуры и содержания работы и отмечены некоторые дискуссионные моменты в концепции автора и его интерпретациях отдельных моментов истории эволюции крымского военного дела.

Ключевые слова: Новое время, военная история, история военного дела, Крымское ханство.

Для цитирования: *Пенской В. В.* «А более ста тысяч рати у меня есть...». Военное дело Крымского ханства в Новое время: рецензия на монографию А. А. Шейхумерова "Армия Крымского ханства: организация и тактика (XV–XVIII вв.)" // Крымское историческое обозрение. 2020. № 1. С. 225–240. DOI: 10.22378/kio.2020.1.225-240

«Война есть... подлинное орудие политики, продолжение политических отношений другими средствами» [2, с. 47]. Так почти два столетия назад прусский военный теоретик К. фон Клаузевиц охарактеризовал то место, которое занимала война в жизни европейского общества Нового времени. Преследуя свои политические интересы, монархи Нового времени без особых раздумий пускали в ход *ultima ratio regum*, когда убеждались в том, что все остальные способы убедить «партнеров» принять их точку зрения не оказывали нужного воздействия. В условиях, когда политический вес и авторитет того или иного государства напрямую определялся эффективностью его военной машины, ее способностью достичь поставленной верховной властью цели на полях сражений, в походах и боях, немудрено, что развитию военного дела в государствах Нового времени уделялось первостепенное внимание.

Естественно, что это не могло не сказаться и в том, как освещалась долгое время история Нового времени в трудах историков. Политическая история на протяжении долгого времени рисовалась прежде всего как история военная и дипломатическая. Лишь в XX веке акценты в реконструкции прошлого начали смещаться, однако проблемы, связанные равно и с историей военной как историей битв и сражений, и историей военного дела (то, что в современной западной историографии именуют термином «warfare»), по-прежнему остаются достаточно популярными в исследованиях зарубежных историков.

Этого, к сожалению, нельзя сказать об отечественной историографии. Для нее издавна сюжеты, связанные и с военной историей, и с историей военного дела в особенности, находились на периферии исследовательских интересов и рассматривались преимущественно постольку, поскольку они касались других, более важных на то время тем. Отчасти это компенсировалось тем, что изучением вопросов, связанных с историей войн и военных конфликтов, занимались историки в погонах, однако их интересовали преимущественно прикладные темы, да и в плане сугубо профессиональной подготовки они зачастую уступали историкам гражданским, в результате чего качество военно-исторических штудий далеко не всегда было удовлетворительным. К счастью, в последние десятилетия ситуация с военно-историческими штудиями в России начала медленно выправляться. И хотя вопросы, касающиеся изучения особенностей развития военного дела и в самой России, и тем более за ее пределами, как и прежде, явно не попадают в «мейнстрим» официальной исторической науки и исследуются главным образом энтузиастами, среди ко-

торых немало непрофессионалов, тем не менее общий положительный тренд налицо. И есть надежда, что со временем количество постепенно трансформируется в качество, тем более что на хорошую военно-историческую литературу в российском читающем сообществе сохраняется пусть и небольшой, но устойчивый спрос. Об этом косвенно свидетельствует достаточно стабильный поток новинок военно-исторической литературы, выпускаемой отечественными издателями, причем, что характерно, достаточно разнообразных по тематике и целевой аудитории.

Работа молодого крымского исследователя А. А. Шейхумерова «Армия Крымского ханства: организация и тактика (XV–XVIII вв.)», как может показаться на первый взгляд, исходя из ее названия, не претендует на всеобъемлющий характер и касается лишь отдельных, хотя и важных, вопросов развития военного дела Крымского ханства на исходе средневековья и в Новое время. Однако это первое впечатление обманчиво, поскольку в самом тексте автор попутно рассматривает целый ряд других вопросов, связанных с особенностями складывания, функционирования и эволюции (что особенно важно, поскольку временные рамки исследования охватывают без малого четыре столетия) крымской военной машины.

Из аннотации к работе следует, что «монография посвящена важным и малоизученным аспектам истории крымских татар: организации и тактике вооруженных сил Крымского ханства». В том, что проблема действительно является явно недостаточно исследованной, автор показывает, анализируя историографию вопроса (с. 8–22), особенно подробно рассматривая состояние изучения проблемы историками тех стран, которые наиболее активно контактировали, в т. ч. и в военном отношении, с Крымским ханством в XV–XVIII вв., а именно России, Украины и Польши. И в целом всякий, кто мало-мальски знаком с темой, согласится с мнением А. А. Шейхумерова, подытожившего историографический раздел своей книги словами: «В большинстве перечисленных нами работ мировой историографии военное дело крымцев рассматривается либо вскользь, в рамках военной истории, либо изучались лишь отдельные его аспекты» (с. 22). Вывод справедливый и вместе с тем в известной степени парадоксальный, ибо, как совершенно точно подметил исследователь, при том, что существует немало посвященных материальной и духовной культуре крымскотатарского народа и политической истории Крымского ханства исследований, а вот специальных работ по истории крымского военного дела нет и по сей день, «хотя военное дело являлось наиболее запоминающейся современникам сферой крымской культуры» (с. 5).

Отчасти такое положение сложилось в связи с отмеченной автором «Армии Крымского ханства» определенной политизации и идеологизации проблемы (с. 6), но не меньшее значение сыграло также и состояние источниковой базы. Ее анализу А. А. Шейхумеров посвятил отдельный раздел сво-

ей работы. Характерной ее особенностью является отмеченное автором превалирование нарративных источников с присущим для них субъективизмом в оценках, определенной предвзятостью и зависимостью от культурной традиции (в этом случае нельзя не вспомнить замечание В. М. Тюленева, которое было сделано, правда, по другому случаю, но, по сути, подходящему и к нашему. Историк тогда писал, что «нам хотелось бы преодолеть традиционный функциональный подход современных историков к произведениям исторической прозы перестать видеть в них исключительно поставщиков информации», ибо «каждый писатель, бравшийся за перо историка, обладал некоторой суммой взглядов на прошлое и настоящее, философией истории, исходя из которой, он и организовывал исторический материал, привлекал те или иные источники» [9, с. 9–10]). Отрадно отметить, что А. А. Шейхумеров при использовании нарративных источников, в особенности европейских, придерживается этой позиции (с. 24–25).

В целом знакомство с первым разделом монографии оставляет благоприятное впечатление – автор проделал большую работу по выявлению и анализу литературы и источников (самого разнообразного характера и свойства), причем постарался сделать эту выборку максимально репрезентативной, привлекая для анализа особенностей развития крымского военного дела материалы с разных сторон. Такой подход, несомненно, не только дает своего рода «стереоскопический» эффект, но и позволяет с большим доверием отнестись к предлагаемым А. А. Шейхумеровым положениям и выводам.

Перейдем теперь к характеристике основной части работы, состоящей из двух частей. Первая из них, «Организация армии Крымского ханства», посвящена, как следует из ее названия, внутренней структуре крымского войска. Вторая часть, «Тактика войск Крымского ханства», соответственно, рассматривает вопросы, связанные с анализом действий ханских ратей непосредственно на поле боя.

Со страниц II главы исследования войско Крымского ханства предстает перед глазами читателя отнюдь не неорганизованной ордой плохо экипированных всадников на маленьких лошаденках, но достаточно сложно устроенной пусть не машиной (оставим это определение для европейских армий Нового времени, рационально организованных и структурированных согласно всем правилам современной военной науки), но системой достаточно эффективной для своего времени. «Можно выделить следующие структурные составляющие крымскотатарского войска: ханская гвардия (отряды служилой аристократии и ездящая пехота); *нукеры* беев, мурз и султанов; ополченцы-*сеферлю*, рекрутируемые для похода из простого населения», – пишет А. А. Шейхумеров. Кроме того, неперенным составным элементом крымского воинства были слуги (казанджи/кошчу) и волонтеры, а также союзники

и подданные крымских ханов — от ногаев до казаков и кавказских горцев, завершает своей перечень автор (с. 32).

Перечислив эти составные элементы, далее автор подробно характеризует их. На наш взгляд, наиболее любопытными и примечательными являются те сведения, которые сообщает исследователь, рассказывая о конной и пешей ханской «гвардии», в особенности о последних — ханских тюфенкджи/сейменах, которые представляли собой ездящую пехоту, оснащенную ручным огнестрельным оружием. Появление этого рода войск в составе ханской армии (наряду с артиллерийскими частями) представляет собой яркий пример попытки адаптировать традиционные кочевые военные институты к условиям т. н. «пороховой» (или «военной») революции Нового времени. Это явление наглядно подтверждает тезис автора исследования о том, что крымскотатарское военное дело не стояло на месте, но активно развивалось, впитывая в себя иноземные военные новшества. Вместе с тем стоит заметить, что, говоря о времени появления ханской пехоты как более или менее постоянного профессионального компонента крымского войска, находящегося на ханском содержании, стоит отнести его к самому началу XVI или даже к концу XV в. (как можно предположить, исходя из переписки Менгли-Гирея I и Ивана III).

Весьма любопытным и небезынтересным представляется анализ мобилизационной практики, характерной для Крымского ханства. Автор исследования четко разделяет постоянный боевой компонент крымского войска, который составляли ханская гвардии и «дворы» крымской аристократии (их можно охарактеризовать как наиболее подготовленный, надлежащим образом экипированный и мотивированный профессиональный элемент крымской военной системы), и «ополчение», созываемое в случае необходимости из числа рядовых крымцев. А. А. Шейхумеров совершенно справедливо подчеркивает, что регулярные тотальные мобилизации всего боеспособного мужского населения ханства неизбежно подрывали бы крымскую экономику и способствовали бы разорению массы простых подданных ханов (с. 61). Поэтому (и с этим мнением стоит согласиться) такого рода мобилизации были экстраординарным случаем, а обычной полагалась норма призыва по 1 всаднику от 5 домов, а то и меньше (с. 62–63). Отсюда проистекает и подчеркиваемая автором невозможность для крымских ханов выставить в поле «тьмочисленные», насчитывающие многие десятки тысяч всадников, полчища. Впрочем, содержать полевую армию в несколько десятков (не говоря уже о сотне или более) тысяч бойцов в то время (да и много позже тоже) не могло ни одно государство, даже обладавшее более развитым административным аппаратом, чем Крымское ханство.

И, подводя итог этого раздела монографии А. А. Шейхумерова, отметим, что приведенные им сведения относительно структуры крымского войска представляют интерес еще и с точки зрения изучения особенностей развития

военного дела в переходные эпохи, какой, без сомнения, являлось раннее Новое время – время, когда формировались основы крымскотатарской военной системы как результат попытки осуществить синтез старой доброй кочевой военной традиции с новыми веяниями, связанными с т. н. «пороховой революцией». Правда, крымцы не смогли пройти эту дистанцию до конца, но почему – это, пожалуй, предмет отдельного разговора, явно выходящего за рамки этого исследования.

Традиционный характер крымской военной системы наглядно просматривается и из анализа организации ханского войска, который был осуществлен автором «Армии Крымского ханства». А. А. Шейхумеров полемизирует с утвердившейся в отечественной (и украинской, которая, впрочем является генетически продолжением советской) историографии традицией применять к организации крымскотатарского войска т. н. «десятичную» систему. Разобрав сведения, которые сохранились в источниках, исследователь пришел к выводу, что «принятая в русской и украинской традиции деления крымского войска по десятичному принципу (десятки, сотни, тысячи) равно как и польская традиция (*торхаки* и *чамбулы*) представляются нам не отражающими существовавшие реалии» (с. 90).

В самом деле, ведь перед нами не регулярная постоянная армия на полном содержании у верховной власти, которая имеет закрепленную в нормативных актах четкую, устоявшуюся структуру и организацию, а вполне традиционное войско, которое к тому же в значительной степени независимо от государства в лице хана. И такое традиционное войско, естественно, будет строиться на иных, нежели постоянная армия, началах – территориальных, кровнородственных, семейных, клановых, патрон-клиентских и др. При таких раскладах математическая точность в организации просто недостижима в принципе, а все названия организационных единиц («тьмы», «тысячи», «сотни» и «десятки»), встречающиеся в источниках, неизбежно будут носить условный характер. В лучшем случае их можно полагать некими административными терминами, которые отражают мобилизационные возможности той или иной единицы.

Другое дело – ханская «гвардия», в особенности наемная пехота, а также иные квазипостоянные крымские военные формирования. В этом случае элементы более четкой внутренней организации становятся и возможными, и практически неизбежными. Поэтому, принимая в первом приближении предложенную автором исследования реконструкцию внутренней организации крымскотатарского войска (от *коша*, насчитывавшего несколько человек, к *болюку* и далее к *байраку* и *алаю*), оговоримся, что эти организационные элементы применительно к татарскому «ополчению», «дворам» крымских аристократов и ханской «гвардии» неизбежно будут иметь разный характер. Тот же самый *алай*, который можно перевести как «полк» или «корпус», мог

представлять собой тактическое соединение, включающее в себя несколько разнородных отрядов, действующих под единым командованием. При этом командные структуры и отношения в алае выстраивались по принципу личной преданности, семейственности и патрон-клиентских связей, а внутреннее единство и спайка его составных частей достигалась посредством долгой совместной практики и «притирки» отдельных элементов друг к другу.

Весьма любопытным является раздел второй главы, посвященный некрымским компонентам ханского войска. Автор подробно рассматривает роль, которую играли в военных усилиях ханства не только ногаи, но и представители народов, населявших Южный берег Крыма (в т. ч. и продолжавших исповедовать христианство или иудаизм), рабы-вольноотпущенники, казаки и перебежчики. Кстати, относительно последних А. А. Шейхумеров пишет, что «хотя Крым и имел в глазах европейцев мрачную репутацию места, куда лучше не попадать, примеры добровольного бегства к крымским татарам во время военных кампаний имеются...» (с. 114). И после ознакомления с этим параграфом работы автора содержащиеся в русских поручных записях и грамотах требования не отъезжать не только «в Литву» или «в Немцы», но и «в Крым», выглядят несколько иначе, чем просто прихоть царя-тирана.

«Регулярная армия Шахин-Гирея (1775-1783)», последний раздел 2-й главы работы, образует пусть и небольшой, но важный и ценный элемент исследования, предпринятого А. А. Шейхумеровым. Эта страница истории крымскотатарского войска и крымского военного дела даже на общем фоне неудовлетворительного состояния исследований в этой сфере выделяется не в лучшую сторону. По существу, в данном случае можно вести речь о первом более или менее полноценном очерке истории военных реформ, предпринятых в конце существования Крымского ханства как политического субъекта.

Начиная этот раздел, историк задает вполне закономерный вопрос: «Почему, несмотря на уменьшающуюся на протяжении второй половины XVII–XVIII вв. эффективность своих действий, крымские татары сохраняли архаичную военную организацию до последних лет существования своего государства?», почему «вестернизация» крымского войска не началась раньше, в 1-й половине или даже начале XVIII в.? Автор считает, и вполне обоснованно, что «было бы ошибкой считать затянувшуюся консервацию военных институтов Крымского ханства показателем отсталости» (с. 121).

Почему с такой точкой зрения можно согласиться? Рассмотрим аргументы, которые А. А. Шейхумеров приводит в пользу такой точки зрения. Он исходит из того, что «для успешного формирования боеспособной регулярной армии требовалось несколько условий», а именно «решить вопрос ее содержания» (с. 122), и этот вопрос, по нашему мнению, надо полагать архиважным. Армия Нового времени предполагает не только наличие соответствующих ресурсов, и не только людских, финансовых и материальных

(оружие, порох, прочая амуниция и снаряжение, провиант и фураж, кони и т. д. — да много ли чего еще требует современная армия для того, чтобы успешно вести боевые действия?). Нет, важно не только это (и, быть может, даже не столько это), но в первую очередь наличие соответствующего административного ресурса, грубо говоря, соответствующей «мускулатуры» власти, благодаря которой она способна мобилизовать необходимые ресурсы и направить их на решение этой задачи, сохраняя при этом порядок и управляемость в обществе.

Вывод, к которому приходит автор, вполне логичен и расставляет все по своим местам. «Богатые централизованные империи имели достаточно ресурсов для создания массовой постоянной армии, — пишет А. А. Шейхумеров. — Крым такой возможности не имел», ибо регулярные армии Нового времени, насчитывавшие десятки и порой даже сотни тысяч солдат и офицеров (на пике своей мощи, на рубеже XVII/XVIII вв., армия Людовика XIV насчитывала порядка 400 тыс. чел. [11, р. 299]), обходились весьма и весьма недешево, составляя лишь несколько процентов от общей численности населения страны (во французском случае — порядка 2–2,5%). «В Крымском ханстве с его ограниченными ресурсами и несколькими сотнями тысяч жителей регулярная армия составила бы всего несколько тысяч человек и, вероятнее всего, была бы разгромлена намного более многочисленным неприятелем в первом же столкновении», — указывал автор (с. 122). Поэтому крымские ханы и военачальники были вынуждены, осознавая преимущества своих неприятелей, довольствоваться тем, что было у них в руках, по одежке протягивая ножки, компенсируя недостатки своих армий за счет тактики и личных качеств своих воинов.

Надо сказать, что получалось это у них это довольно долгое время неплохо — А. А. Шейхумеров приводит немало свидетельств того, как иррегулярные по своей сути татарские армии противостояли не только, к примеру, полякам, но и армиям Российской империи. Другое дело, что подобного рода тактика «малой» войны и партизанщина оправдывали себя до поры до времени лишь в условиях весьма специфического театра военных действий. Голые и безлюдные пространства Северного Причерноморья и южнорусских степей позволяли легкой татарской коннице выбирать место и время для атак на медлительные русские армии, привязанные к своим обозам, — запас пространства и времени позволял ей это делать. Но как только это преимущество исчезло, то и работать не то чтобы эффективно, но и просто удовлетворительно такая тактика перестала. Иван Грозный в зените своего наступления на Крым в конце 50-х гг. XVI в. не рискнул послать свое войско в поход непосредственно на Крым, стартуя фактически с Оки; князь В. В. Голицын спустя 130 лет дошел с превеликими трудами степью до Перекопа, начав марш значительно южнее; фельдмаршал Б. К. Миних через полвека преодолел укрепления

Перекопа и вторгся в Крым, имея за спиной меньше верст, чем Голицын, но понес при этом изрядные потери, а генерал-аншеф В. М. Долгоруков в 1771 г. повторил успех Миниха, но с меньшими затратами – и все потому, что передовые рубежи Российского государства сблизились с владениями крымских ханов чуть ли не вплотную. Поэтому и проводимая автором аналогия с действиями русских войск в 1812 г. не слишком удачна – как бы то ни было, территория западных губерний Российской империи, ставшая театром военных действий в Отечественную войну, все же не Дикое Поле.

Что же касается военной реформы Шагин-Гирея, то, пожалуй, когда автор пишет о том, что она стала возможна только после смены внешне- и внутриполитических ориентиров Бахчисарая, с этим стоит согласиться: «Для поддержания порядка в стране, подавления оппозиции и ограниченных походов против черкесов действительно была бы нужна маленькая вестернизированная армия» (с. 124). Подчеркнем при этом, что первые две задачи в этом случае носили первостепенный характер. Другое дело, что консервативное («холодное», по классификации К. Леви-Стросса) татарское общество отвергло эту реформу, и эта причина должна быть поставлена на первое место среди названных автором исследования (с. 131). Переломить же сопротивление реформе Шагин-Гирей не сумел, поскольку сама государственная организация Крымского ханства оказалась не готова к столь радикальным шагам – хан-реформатор не имел в своем распоряжении соответствующего административного ресурса, государственного аппарата с «прокачанной мускулатурой» (опять же – как тут не вспомнить теорию «военной революции», предложенную М. Робертсом, увязывавшую военные преобразования с реформами административными! [См.: 12]). Так что здесь мы не согласимся с мнением А. А. Шейхумерова, который полагает, что при постепенном характере преобразований и более аккуратных действиях Шагин-Гирея эта реформа имела некоторые шансы на успех (с. 131). Здесь нужны были более серьезные и глубокие, действительно революционные преобразования, затрагивавшие самые основы жизни крымского общества – одного ханского желания, даже если это харизматичная личность, здесь мало, тем более, если результаты реформы должны иметь пролонгированный характер.

В третьей и последней главе «Армии Крымского ханства» А. А. Шейхумеров подробно анализирует тактику крымскотатарского войска в походах и боях XVI–XVIII вв. (преимущественно, конечно же, на материалах XVII и XVIII столетий как наиболее полно представленных в источниках – впрочем, все исследование построено главным образом на анализе источников именно этого периода). «Крымцы считали сражения на открытой местности своей стихией», – пишет автор и, продолжая свою характеристику, подчеркивает, что, «превосходя своих противников в подвижности кавалерии, они делали ставку на действия в открытом поле, на внезапные атаки, избегали

по возможности штурмов подготовленных в бою оборонительных позиций» (с. 132, 133). Внезапность, стремительность в атаке, ставка на фланговый маневр и обход с целью атаковать неприятеля с тыла, активное и широкое применение всякого рода военных хитростей и стратагем, действия на коммуникациях, нацеленные на изнурение противника, вообще «малая» война, равных в которой татарам среди их восточноевропейских противников (что русских, что поляков с литовцами) не было (за исключением, может быть, только казаков) – это, по мнению исследователя, и есть «визитная карточка» татарской тактики.

Вместе с тем автор подчеркивает, что, вопреки устоявшемуся мнению, нельзя сказать, что крымцы всячески уклонялись от рукопашного боя. Да, безусловно, стрелковая тактика («лучный бой») доминировала в их действиях на поле боя, но и от атак с саблей наголо татары вовсе не уклонялись. При этом, подчеркивает А. А. Шейхумеров, с течением времени «мечное сечение» обретает все более распространенный характер (с. 160–161). Очевидно, полагает автор, это было связано с изменением характера и противника, и войн, которые вели в конце XVII–XVIII вв. крымские татары, а также падением эффективности применения лука в полевых сражениях против регулярных армий, хорошо оснащенных огнестрельным оружием, дисциплинированных и обученных новой линейной тактике (на что указывает А. А. Шейхумеров на с. 169 своего исследования). В итоге на закате существования крымской государственности, пишет автор, «представляла собой комбинацию действий ружейной пехоты, действующей в рассыпном строю (в том числе в горно-лесистой местности), и кавалерии, сочетающей атаки холодным и **огнестрельным оружием**» (с. 166).

Мы не случайно выделили окончание цитаты. Дело в том, что, опять же традиционно, принято считать, что татары негативно относились к огнестрельному оружию, и это отношение как будто подтверждается свидетельствами современников (которые приводит автор монографии на с. 173–174). Однако, показывает А. А. Шейхумеров, это только одна сторона медали. Другая же, обратная, свидетельствует об обратном. Крымцы хорошо осознавали преимущества обладания огнестрельным оружием, и ханы довольно рано подключились к процессу «пороховой» революции (другое дело, что темпы включения в этот процесс оказались явно недостаточными, но это тема отдельного исследования). О наличии в составе ханского войска пехоты, вооруженной огнестрельным оружием, и артиллерии уже было сказано выше (причем, подчеркнем, свидетельства о их существовании относятся уже к началу XVI в.). Однако только во 2-й половине XVIII в. огнестрельное оружие, отмечает автор, стало завоевывать широкую популярность среди рядовых татарских воинов (с. 185). А. А. Шейхумеров при этом подчеркивает, что представления об определенной технологической отсталости Крыма от России

в области производства ручного огнестрельного оружия преувеличены, на что мы ответим – и да, и нет. Если относиться к мушкету или пистолету как произведению искусства, своего рода «шедевр», то, конечно да, можно даже сказать, что изделия крымских ремесленников даже превосходили по качеству изготовления и отделки оружие русской пехоты и кавалерии XVIII в. (с подобными казусами столкнулись русские войска во время Кавказской войны, а французы – во время кампаний по покорению Алжира в XIX в.). Однако это ремесленное производство не могло соревноваться с русскими оружейными мануфактурами, и качество неизбежно должно было (и так оно и случилось) уступить количеству.

Кстати, говоря об огнестрельном оружии, стоит упомянуть об использовавшейся крымскими военачальниками в XVI в. (по крайней мере, при Сахиб-Гирее и Девлет-Гирее) тактике совместного применения вооруженной огнестрельным оружием пехоты, легкой артиллерии и конницы на поле боя (о чем автор монографии говорит вскользь, мимоходом на с. 199). Два наиболее известных таких примера – это сражение с ногайцами на подступах к Перекопу зимой 1548/49 г., описанное придворным хронистом Сахиб-Гиреем Реммалем-ходжой [1, с. 209–210], другой случай – сражение при Судьбищах в июле 1555 г. [см.: 4]. И в том, и в другом случае ханская пехота, засевшая в лагере, своим огнем, поддержанным пальбой полевой артиллерии, отразила атаку неприятельской конницы, а контратака крымской конницы завершила поражение противника. Два этих примера, пропущенные А. А. Шейхумеровым, служат ярким подтверждением следующего его тезиса: «Способ ведения боевых действий крымскотатарских полководцев был сугубо прагматичен и продиктован желанием использовать сильные стороны своей армии, лишив противника его преимуществ» (с. 134).

Отметим также и несколько случаев применения крымцами артиллерии в полевых сражениях и во время осад, также характеризующих татарскую тактику в переходный период с непривычной стороны. Так, Саадет-Гирей I в конце зимы 1532 г. пытался взять «украинный» литовский замок Черкассы, обстреливая из своей артиллерии [см.: 6], Сахиб-Гирей во время своего неудачного похода на Москву в 1541 г. сперва пытался форсировать Оку под прикрытием огня своей артиллерии, а затем приступал к Пронску, также подвергнув крепость бомбардировке из своего наряда [см.: 7]. Девлет-Гирей в 1552 г. подступал к Туле при поддержке артиллерийской канонады [см.: 8], а затем аналогичным образом действовал в 1565 г. против Болхова [см., например: 5]. Наконец, в июле 1572 г. Девлет-Гирей использовал свою артиллерию, пытаясь форсировать Оку под Серпуховым [см., например: 3].

Вместе с тем мы не согласимся с тезисом автора, который полагает, что «ликвидация крымскотатарской государственности в 1783 г. оборвала динамически развивающуюся историю тактики крымцев, в последние годы

существования ханства серьезно отошедшей от традиционного военного искусства» (с. 166), поскольку (и сам автор на это указывал ранее) дело не только и не столько в самих татарах, сколько в том, что Крымское ханство существенно отставало в политико-административном плане от своего основного противника – Российского государства и, само собой, было намного беднее ресурсами. В этих условиях никакие тактические изыски не могли спасти ситуацию – порядок бьет класс, и Бог всегда на стороне больших батальонов, тем более что крымские военачальники, как подчеркивает автор, не могли позволить себе относиться к собственным войскам как к расходному материалу (с. 212–214). «Крымская армия была «стеклянной пушкой», – пишет историк, и в этом с ним трудно не согласиться, – мощной, но хрупкой, и полководцы должны были учитывать, что чрезмерные потери подорвали бы военный потенциал государства» (с. 224). Эта проблема накладывала серьезные ограничения на действия татарских военачальников и, в известном смысле, не позволяла им идти до конца, не считаясь с потерями, в стремлении нанести решительное поражение неприятелю. Видимо, именно этим и можно объяснить то, что, согласно статистике, татары чаще терпели неудачу в открытом бою, нежели побеждали в нем. На это обстоятельство и обращает внимание автор в заключительном разделе последней главы. По его мнению, и с ним можно согласиться, разные критерии победы у татар и их противников («обе стороны считали, что добивались успеха. Крымские татары – тем, что задерживали продвижение противника и наносили ему урон, неприятель – тем, что удерживал за собой поле боя», с. 237) приводят к парадоксальному положению, когда «нет надежных оснований говорить, что крымские татары выиграли большинство битв, в которых участвовали, также нет оснований для утверждения обратного» (с. 237).

В заключении к своей работе автор подводит общий итог своих изысканий, отмечая, что «вооруженные силы Крымского ханства динамически изменялись с течением времени, реагируя на вызовы эпохи» (с. 238). Процесс этих изменений, подробно проанализированный исследователем с привлечением широкого круга разнообразных источников, не оставляет сомнений в том, что да, действительно крымской правящей элите удалось на протяжении почти четырех столетий создать достаточно эффективную военную систему. Во многом благодаря ей Крымское ханство, существенно уступая своим главным противникам, России и Польско-литовскому государству, играло в восточноевропейской политике чрезвычайно важную роль. Другое дело, что потенциал развития, заложенный внутри этой системы, был довольно ограничен, и когда он был исчерпан, Крымское ханство проиграло гонку вооружений и соревнование военных систем и пало.

В целом же, характеризуя монографию А. А. Шейхумерова, отметим, что, несмотря на кажущуюся порой эпатажность и парадоксальность тезисов ав-

тора (впрочем, нельзя не отметить, что тезисы автора основаны на скрупулезном анализе первоисточников и хорошо аргументированы), тем не менее работа удалась. Конечно, это не полноценная «энциклопедия» по крымско-татарскому военному делу эпохи позднего Средневековья – Нового времени (уже хотя бы потому, что в работе не затронут ряд важных аспектов развития военного дела Крымского ханства, например, логистика, и главный упор сделан на события XVII и XVIII вв.). Однако это серьезный шаг вперед не только в изучении истории Крымского ханства и его культуры (а военная культура, несомненно, важная составляющая культуры любого общества), но и в целом истории Восточной Европы и кочевого мира, равно как и истории военного дела Нового времени. Отдельные опечатки не портят общего благоприятного впечатления от исследования. Без обращения к «Армии Крымского ханства» теперь нельзя представить полноценную работу по истории военного дела и внешней политики региона в рассматриваемый период, и в этом главная заслуга автора монографии. Выразим надежду, что А. А. Шейхумеров не остановится на достигнутом и продолжит работу в выбранном направлении над более широким и масштабным исследованием особенностей развития крымского военного дела.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулсемилев Р. Р. Реммаль Ходжа. Хроника «Тарих-и Сахиб Герай хан» («История о хане Сахиб Герае»). Часть 4 // Крымское историческое обозрение. 2019. № 2. С. 203–233.
2. Клаузевиц, К. фон. О войне. Т. 1. М.: ООО «Изд-во АСТ»; СПб.: Terra Fantastika, 2002. 558 с.
3. Пенской В.В. Сражение при Молодях 28 июля – 3 августа 1572 г. История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. II. С. 127–236 // [Электронный ресурс] URL http://www.milhist.info/2012/08/23/penskoj_1 (дата последнего обращения 18.04.2020).
4. Пенской В. В. Сражение при Судьбищах 3–4 июля 1555 г. – эпизод русско-крымского противостояния // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История, Политология. Экономика. Информатика. № 7 (62). 2009. Вып. 10. Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. С. 87–95.
5. Пенской В. В. Там, вдали, за рекой... (русские города «на Поле» в борьбе с татарской агрессией в XVI в.) // История в подробностях. 2011. № 9 (сентябрь). С. 6–15.
6. Пенской В. В. Черкасское сидение // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международной научно-практической конференции 18–20 мая 2016 года. Часть IV. СПб., 2016. С. 302–315.
7. Пенской В. В. «Царь крымский пришел ко берегу Оки-реки с великою похвалою и с множеством вниъства своего...». Стояние на Оке в 1541 году // Военно-исторический журнал. 2011. № 12. С. 41–47.

8. Пенской В. В., Пенская Т. М. «Большая игра» в Восточной Европе: тульская экспедиция Девлет-Гирея I летом 1552 г. и начало «войны двух царей» // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7. № 3. С. 524–544.

9. Тюленев В. М. Рождение латинской христианской историографии. С приложением перевода «Церковной истории» Руфина Аквилейского. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2005. 288 с.

10. Шейхумеров А. А. Армия Крымского ханства: организация и тактика (XV–XVIII вв.). Казань – Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 304 с.

11. Lynn J. The Trace Italienne and the Growth of Armies: The French Case // The Journal of Military History. Vol. 55. № 3 (Jul., 1991). P. 297–330.

12. Roberts M. The Military Revolution, 1560–1660 // Roberts M. Essays in Swedish History. L.: Weidenfeld und Nikolson, 1967. P. 195–225.

Сведения об авторе: Пенской Виталий Викторович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ») (308015, ул. Победы, 85, Белгород, Российская Федерация); penskoy@bsu.edu.ru.

**"And more than hundred thousands of troops
are with me...". Military science of the Crimean
Khanate during the Modern Times:**

**the review of A. A. Sheykhumerov's monograph
Army of the Crimean Khanate: the organization
and tactics (XV–XVIII centuries). Kazan – Simferopol:
Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy
of Sciences, 2019. – 304 p.**

Vitaly Penskoy

(Belgorod National Research University)

Abstract. A study "The Army of the Crimean Khanate" of a young Crimean historian A. A. Sheykhumerov was published last year. It is devoted to the Crimean

Khanate's warfare in Modern Times (XV–XVIII centuries). The purpose of work, chosen by the author, is not clearly related to the number of popular and actively developed by domestic historical science topics. As the basic topic of research the historian took this problematic method and concentrated on analyzing key stories from the history of the Crimean warfare development in the New Times. This book in modern Russian historiography is the first essay on warfare of the Crimean Tatars. It allows us to have a holistic view of its main features and characteristics. The review gives a brief description of the structure and content of work and makes notes of some disputable points in the author's concept and interpretations of individual moments in the history of the Crimean warfare evolution.

Keywords: Modern Times, military history, history of warfare, Crimean Khanate.

For citation: Penskoj V. V. «And more than hundred thousands of troops are with me...». Military science of the Crimean Khanate during the Modern Times: the review of A. A. Sheykhumerov's monograph "Army of the Crimean Khanate: the organization and tactics (XV–XVIII centuries)". Krymskoe istoricheskoe obozrenie=*Crimean Historical Review*. 2020, no. 1, pp. 225–240. DOI: 10.22378/kio.2020.1.225-240

REFERENCES

1. Abduzhemilev R. R. *Remmal` Xodzha. Xronika «Tarix-i Saxib Geraj xan» («Istoriya o xane Saxib Gerae»)* [(“The Story of Khan Sahib Gerai”]. Chast` 4. *Kry`mskoe istoricheskoe obozrenie* [Crimean Historical Review]. 2019. № 2. S. 203–233.
2. Klauzevich, K. fon. *O vojne* [About War]. T. 1. M.: OOO «Izd-vo AST» [Publishing house AST]; SPb.: Terra Fantastika, 2002. 558 s.
3. Penskoj V. V. *Srazhenie pri Molodyax 28 iyulya 3 avgusta 1572* [The Battle of Molodi, July 28, August 3, 1572]. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki* [History of warfare: research and sources]. 2012. T. II. S. 127–236 // [E`lektronny`j resurs] URL http://www.milhist.info/2012/08/23/penskoj_1 (data poslednego obrashcheniya 18.04.2020).
4. Penskoj V. V. *Srazhenie pri Sud`bishhax 3–4 iyulya 1555 g. – e`pizod russko-kry`mskogo protivostoyaniya* [The Battle of Sudbishy, July 3–4, 1555 – an episode of Russian-Crimean confrontation]. *Nauchny`e vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya, Politologiya. E`konomika. Informatika* [Scientific reports of Belgorod State University. Series of History, Political Science. Economy. Computer science]. № 7 (62). 2009. Vy`p. 10. Belgorod: Izd-vo BelGU, 2009. S. 87–95.
5. Penskoj V. V. *Tam, vdali, za rekoj... (russkie goroda «na Pole» v bor`be s tatarskoj agressiej v XVI v.)* [There, in the distance, across the river ... (Russian cities “on the Field” in the fight against Tatar aggression in the XVI century)]. *Istoriya v podrobnostyax* [History in details]. 2011. № 9 (sentyabr`). S. 6–15

6. Penskoj V. V. *Cherkasskoe sidenie* [Cherkasy siege] *Vojna i oruzhie. Novy'e issledovaniya i materialy'. Trudy` Sed'moj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 18–20 maya 2016 goda* [War and weapons. New research and materials. Proceedings of the Seventh International Scientific and Practical Conference, May 18–20, 2016]. Chast` IV. SPb., 2016. S. 302–315.

7. Penskoj V. V. «Czar` kry'm'sky`j prishel ko bregu Oky`-reki s velikoyu poxvaloyu i s mnozh'stvom v`in`s'tva svoego...». *Stoyanie na Oke v 1541 godu* [“The Crimean king came to the bank of the Oka River with great praise and with a multitude of his troops ...” Standing on the Oka River in 1541]. *Voenno-istoricheskij zhurnal* [Military History Journal]. 2011. № 12. S. 41–47.

8. Penskoj V. V., Penskaya T.M. «Bol'shaya igra» v Vostochnoj Evrope: tul'skaya e'kspediciya Devlet-Gireya I letom 1552 g. i nachalo «vojny` dvux czarej» [“The big Game” in Eastern Europe: Tula expedition of Devlet Giray I in summer of 1552 and beginning of “War of Two Kings”]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review]. 2019. T. 7. № 3. S. 524–544

9. Tyulenev V. M. *Rozhdenie latinskoj xristianskoj istoriografii. S prilozheniem perevoda «Cerkovnoj istorii» Rufina Akvilejskogo* [The birth of Latin Christian historiography. With the appendix of translation of the “Church History” by Rufin of Aquileia]. SPb.: Izd-vo Olega Aby'shko [Publishing house of Oleg Abyshko], 2005. 288 s.

10. Sheykhumerov A. A. *Armiya Krymskogo hanstva: organizaciya i taktika (XV–XVIII vv.)* [Army of the Crimean Khanate: the organization and tactics (XV–XVIII centuries)]. Kazan – Simferopol: Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 304 p.

11. Lynn J. The Trace Italienne and the Growth of Armies: The French Case // *The Journal of Military History*. Vol. 55. № 3 (Jul., 1991). P. 297–330.

12. Roberts M. The Military Revolution, 1560–1660 // Roberts M. *Essays in Swedish History*. L.: Weidenfeld und Nikolson, 1967. P. 195–225.

About the author: Penskoj Vitaly Victorovich – Dr. of Sci. (History), ass. prof., Prof. of the Department of theory and history of state and law of the Law Institute, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Belgorod State National Research University”(SRU “BelSU”) (308015, Belgorod, Pobedi St., 85, Russian Federation); penskoj@bsu.edu.ru

Век служения науке: фундаментальное издание по истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

(рецензия на монографию «История Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского в документах и фотографиях» / ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» [А. А. Непомнящий, А. С. Кравчук]. Белгород: Константа, 2018. 352 с.)

Дмитрий Прохоров

(ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»)

Аннотация. Представлена рецензия на монографию «История Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского в документах и фотографиях» (Симферополь, 2018), авторами-составителями которой выступили сотрудники Музея истории КФУ им. Вернадского. Это структурное подразделение, которое возглавляет доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения КФУ им. Вернадского Андрей Анатольевич Непомнящий. Актуальность исследования обусловливается тем, что, несмотря на значительное число публикаций по истории данного учебного заведения, подлинной истории университета в научном смысле этого слова до сих пор издано не было. Издание подготовлено сотрудниками музея на основании полученных в ходе кропотливых изысканий материалов, хранящихся в архивах Симферополя, Москвы, Махачкалы и Санкт-Петербурга. В монографии осуществлена попытка суммировать данные, обнаруженные авторами в архивохранилищах, а также имеющуюся на сегодняшний день в литературе информацию относительно истории одного из старейших вузов Юга России.

Ключевые слова: Крым, университет, биографика, просвещение, высшее образование.

Для цитирования: Прохоров Д. А. Век служения науке: фундаментальное издание по истории Крымского федерального университета

им. В. И. Вернадского (рецензия на монографию «История Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского в документах и фотографиях» / ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» [А. А. Непомнящий, А. С. Кравчук]. Белгород: Константа, 2018. 352 с.) // Крымское историческое обозрение. 2020. № 1. С. 241–250. DOI: 10.22378/kio.2020.1.241-250

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, являющийся старейшим вузом Крыма, 14 октября 2018 г. отметил свой юбилей – 100-летие со дня основания. Идея открытия Таврического университета возникла еще в начале XX в., а одним из вдохновителей его создания стал караим Соломон Самойлович Крым – премьер-министр Крымского краевого правительства в 1919 г., ученый-агроном и благотворитель. В августе 1916 г. разработанный им законопроект об открытии в Крыму высшего учебного заведения был поддержан и подписан членами Государственного Совета: князем Е. Н. Трубецким, графом А. Н. Толстым, академиками В. И. Вернадским, С. Ф. Ольденбургом и др. В июле 1918 г. Таврическое губернское земство избрало

С. С. Крыма председателем и постоянным членом Попечительского совета университета. Торжественное открытие вуза состоялось 14 октября 1918 г. в здании Дворянского театра Симферополя (ныне – Крымского академического русского драматического театра им. М. Горького). Историческое заседание открылось речью первого ректора Таврического университета Р. И. Гельвига: «Таврический университет как храм науки с сегодняшнего дня должен зажегся ярким светом истины, он должен стать светильником знания, постоянно и ярко горящим... К нему будут приходить молодые жизни, чтобы получить свой свет, идти в жизнь и светить, светить вокруг. Освещая светом знания, давая истину научную, университет будет облагораживать и ум, и сердце, постепенно улучшая жизнь и людей» [1, с. 18].

К этому времени в Крым уже переехали всемирно известные ученые: академики Н. И. Андрусов, В. И. Палладин, В. А. Обручев, П. П. Сушкин, и

поэтому Таврический университет на момент открытия представляли преподаватели самой высокой квалификации. В этом учебном заведении также работали академики М. М. Богословский, В. И. Вернадский, К. Г. Воблый, Д. А. Граве, А. Э. Кесслер, В. А. Обручев, член-корреспонденты Д. В. Айналов, Н. К. Гудзий, И. А. Линиченко, Е. В. Петухов, и более 100 профессоров. Некоторые из них впоследствии стали академиками и член-корреспондентами: Г. Н. Высоцкий, В. М. Гордон, Н. С. Кошляков, Е. Н. Павловский, Н. И. Палиенко, О. Л. Струве, Ф. В. Тарановский, Ф. Г. Яновский, Д. В. Сеницын, Б. В. Чобан-заде и многие другие.

За свою столь долгую и насыщенную событиями историю университет прошел через множество преобразований. Через два с половиной года после своего открытия, в январе 1921 г., его переименовали в Крымский университет им. М. В. Фрунзе. На базе университета были также созданы медицинский (открыт 1 апреля 1931 г.) и сельскохозяйственный институты. 25 сентября 1931 г. Крымскому медицинскому институту было присвоено имя И. В. Сталина, которое учебное заведение носило до апреля 1956 г. В 1925 г. университет реорганизовали в Крымский государственный педагогический институт им. М. В. Фрунзе. Среди выпускников пединститута в предвоенные годы были будущие академики Д. И. Щербаков, И. В. Курчатов, Г. М. Франк, а также ставший впоследствии нобелевским лауреатом И. М. Франк. Лекции в вузе читали видные ученые и специалисты: профессора Н. В. Оглоблин, П. А. Данильченко, П. А. Двойченко, П. С. Попов, В. В. Лункевич, И. И. Пузанов, А. Н. Деревикский, Г. А. Максимович, В. И. Филоненко, Н. К. Бауман и другие.

Спустя почти 50 лет, в 1972 г., произошла очередная реорганизация вуза, который теперь переименовали в Симферопольский государственный университет им. М. В. Фрунзе. В августе 1999 г. учебному заведению присвоили статус национального. Под таким названием Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского просуществовал до 2014 г., когда по распоряжению правительства Российской Федерации учебное учреждение преобразовали в Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского.

Столь длительная и насыщенная событиями история старейшего вуза Крыма получила достойное воплощение в фундаментальных публикациях, недавно предпринятых сотрудниками Музея истории КФУ им. Вернадского. Данное структурное подразделение, которое возглавляет доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Андрей Анатольевич Непомнящий, на протяжении нескольких лет осуществляло подготовку ряда научно-справочных изданий, снабженных уникальными фотографиями и документами об истории университета. Среди этих книг: трехтомник «Профессора Крымского федерального университета», книга об истории Научной библиотеки КФУ «Путь длиною в

сто лет: Научная библиотека Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского» и монография «История Крымского федерального университета в документах и фотографиях». Все эти труды подготовлены сотрудниками музея на основании полученных в ходе кропотливых изысканий материалов, хранящихся в архивах Симферополя, Москвы, Махачкалы и Санкт-Петербурга.

Заметим, что подобные издания предпринимались и ранее. Так, первая публикация об университете, ставшая сегодня одним из ключевых исторических источников, авторства крупнейшего крымоведа А. И. Маркевича, увидела свет в 1919 г., когда Таврическому университету исполнился только год [3, с. 29–48]. Следующая книга, посвященная истории вуза, была опубликована уже в послевоенное время. Это небольшая брошюра, в которой кратко освещалась история университета. Затем в течение длительного времени подобного рода изданий не предпринималось. Лишь в 2014 г. увидел свет фотоальбом «На пороге столетия: от Таврического университета – до Крымского федерального: история в документах и фотографиях» (Симферополь, 2014) [2]. Его авторами-составителями стали Н. В. Багров, Е. Н. Чуян и В. В. Орехов, а идея самой книги принадлежала ректору ТНУ им. В. И. Вернадского Николаю Васильевичу Багрову. Основу альбома составляют редкие фотографии из архива Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. В этой своеобразной фотолетописи вуза представлены этапы истории и основные направления деятельности Таврического университета – с момента его создания и до преобразования в Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского. Основной акцент в данном издании сделан именно на фотографиях, иллюстрирующих прошлое старейшего в Крыму вуза. Что же касается нового издания – монографии «История Крымского федерального университета в документах и фотографиях», то, по словам авторов-составителей, этот фолиант является уникальной летописью создания и становления университета «на протяжении всей его вековой истории, где были взлеты и падения, но никогда не прекращалось движение вперед, не останавливалось развитие научной мысли» [1, с. 4]. Все это обеспечивало стабильно высокие научно-педагогические результаты.

«Историю Крымского федерального университета в документах и фотографиях» выгодно отличают собранные в ней материалы. На страницах книги размещены уникальные документы, которые, в большинстве своем, впервые вводятся в научный оборот, что позволяет по-новому раскрыть историю университета. Например, в издании предпринята научная реконструкция этапов становления университета, выявлены малоизвестные факты истории деятельности его сотрудников.

Книга разделена на несколько частей: открывает том вступление от имени редакционной коллегии, в которую вошли и. о. ректора КФУ им. В. И. Вер-

надского А. П. Фалалеев, проректор по академической и административной политике В. О. Курьянов, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения, директор Музея истории КФУ профессор А. А. Непомнящий, а также доцент А. С. Кравчук. Далее следуют семь глав, каждая из которых посвящена определенному хронологическому этапу развития университета. В частности, первая глава раскрывает историю создания университета, от возникновения идеи до ее реализации; во второй главе рассматривается деятельность вуза в 1921–1925 гг., а третья освещает период его существования в 1925–1941 гг. В четвертой и пятой главах отражены перипетии деятельности университета в тяжелые годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время, когда восстанавливались инфраструктура и экономика края. В шестой главе проанализированы этапы преобразования университета и его подразделений в конце 1960–1990-х гг. Наконец, седьмая глава посвящена новейшей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, а также перспективам развития высшего образования в Республике Крым. Завершает книгу послесловие от имени авторов-составителей.

В каждой из глав книги представлены материалы, отражающие историю создания и функционирования отдельных подразделений вуза, что делает монографию весьма информативной и претендующей на роль своеобразной энциклопедии истории высшего образования в Крыму. Структурно монография хорошо продумана, а составляющие ее части пропорциональны, логичны и оформлены в едином ключе. Изложение представленного материала снабжено пространными комментариями и пояснениями авторов-составителей, особенно важными в тех частях текста, которые непосредственно касаются малоизвестных страниц истории вуза. Данную книгу отличает и высокий полиграфический уровень, что, несомненно, положительно влияет на восприятие издания в целом.

Актуальность предпринятого исследования состоит и в том, что в нем аргументированно, с использованием многочисленных и малоизвестных мас-совому читателю архивных материалов, в доступной форме изложена наиболее полная на сегодняшний день версия истории Крымского федерального университета и его подразделений, существовавших ранее, а также действующих в настоящее время. Например, впервые в книге представлена история восточного факультета, организованного в университете в 1921 г. Еще в мае 1918 г. Ялтинская коллегия профессоров постановила ходатайствовать об открытии факультета восточных языков или турецко-татарского отделения при историко-филологическом факультете, однако в то время подобным планам не суждено было осуществиться. Постановление совета историко-филологического факультета о создании Восточного отделения рассматривали на заседании Совета Таврического университета 7 июля 1919 г., где было принято

решение: признать желательным открытие этого отделения на историко-филологическом факультете с 1 сентября 1919 г. Восточное отделение в Таврическом университете просуществовало несколько лет, до его ликвидации в марте 1922 г. Тем не менее работа по созданию факультета соответствующего профиля не прекратилась. В 1924 г. факультет востоковедения в качестве одного из четырех отделений вошел в состав педагогического факультета, который в сентябре – октябре 1925 г. был преобразован в Педагогический институт. На восточном отделении, а затем факультете работали такие известные востоковеды, историки и филологи, как Б. В. Чобан-заде, В. И. Филоненко, А. М. Лукьяненко, Е. В. Петухов, А. И. Маркевич, А.-С. Айвазов, И. Леманов, О. Акчокраклы и многие другие специалисты [1, с. 60–64; 4, с. 517, 518].

В результате репрессий 1930-х гг. профессорско-преподавательскому составу факультета крымскотатарского языка и литературы был нанесен серьезный урон. Традиции отечественного востоковедения и лингвистики в университете возродились с созданием в 1990 г. на филологическом факультете кафедры крымскотатарского языка и литературы. В 1992 г. ее разделили на две кафедры: кафедру крымскотатарского языка и кафедру крымскотатарской литературы. А в 2002 г. на базе филологического факультета Таврического национального университета имени В. И. Вернадского создали факультет крымскотатарской и восточной филологии.

Востоковедческие исследования продолжились в Крымском федеральном университете также с организацией Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма (НИЦ ИАК), образованного на основе Крымского отделения Института востоковедения им. А. Е. Крымского Национальной академии наук Украины (КОИВ НАН Украины). В свою очередь, КОИВ НАН Украины появилось на базе лаборатории по изучению этнической истории Крыма, созданной в 1989 г. в научно-исследовательском секторе Симферопольского государственного университета. НИЦ ИАК проводит исследования по истории, археологии, этнографии Крыма в широком аспектном и хронологическом диапазоне. Все эти нюансы истории университета нашли отражение в рассматриваемой монографии [1, с. 324, 325].

Отдельного упоминания заслуживает иллюстративная составляющая издания «История Крымского федерального университета в документах и фотографиях», профессионально подобранная его авторами-составителями. На страницах книги присутствуют редкие и уникальные фотографии сотрудников университета, виды корпусов университета в различные периоды его существования, а также цифровые копии оригиналов уникальных и малодоступных документов, касающихся насыщенной истории вуза. Все это стало возможным благодаря планомерной и тщательной работе сотрудников Музея истории КФУ в архивах и библиотеках Российской Федерации.

В рамках реализации Программы развития КФУ им. В. И. Вернадского

и проекта ГСУ/2016/10 «Музей истории КФУ им. В. И. Вернадского: формирование бренда в научно-образовательном пространстве» (24.05.2016 – 31.12.2018 гг.) сотрудниками Музея истории КФУ осуществлялись научные командировки с целью разыскания документов по истории вуза в архивах Российской Федерации (например, в таких городах, как Москва, Санкт-Петербург, Махачкала). Было произведено копирование тысяч единиц архивных документов для фондов Музея истории вуза. Среди них – оригинальные документы по истории университета 1920–1980-х гг., личные дела с анкетами и фотографиями профессоров Таврического и Крымского университетов, Крымских педагогического, сельскохозяйственного и медицинского институтов; штатные расписания, учебные планы, отчеты, протоколы заседаний ученых советов, уставы, положения указанных вузов и многое, многое другое.

Так, например, в монографии опубликована редчайшая анкета (личный листок по учету научных кадров) Владимира Ивановича Вернадского, обнаруженная сотрудниками Музея истории КФУ в ходе поисков в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук. В числе прочих раритетных документов, включенных в издание, следует отметить «Штатное расписание Таврического университета», выявленное авторами в фондах Государственного архива Российской Федерации (г. Москва), обоснование профессора Б. Д. Грекова о необходимости создания в Симферополе архива и приказ Чрезвычайной комиссии при КрымРевкоме о реорганизации Таврического университета и его отделений (оригиналы документов хранятся в Государственном архиве Республики Крым, г. Симферополь), а также образцы эпистолярного наследия семьи В. И. Вернадского и многие другие ценные материалы.

Судьбоносным эпизодом биографии вуза стала Великая Отечественная война. В 1941 г. многие студенты и сотрудники Педагогического института отправились на фронт в первые месяцы войны. В сентябре 1941 г., когда гитлеровцы направили мощный удар на Перекопский перешеек, институт получил предписание об эвакуации. Несмотря на постоянные бомбардировки, сотрудникам и студентам удалось переправить наиболее ценную часть оборудования в Краснодар, а затем – в Махачкалу. В ноябре 1941 г. Крымский пединститут объединили с Дагестанским. Осенью 1942 г., из-за угрозы захвата фашистскими войсками Северного Кавказа, объединенный институт перевели в Кусумкент – небольшое горное село на границе с Азербайджаном. В течение трех лет крымские преподаватели работали в Дагестане, продолжая занятия, содействуя нуждам фронта, подготавливая специалистов для сферы образования. Жизнь вуза в условиях военного времени и эвакуации также подробно рассмотрена на страницах книги. Для полноценного воссоздания этого периода истории университета сотрудники Музея истории КФУ в ходе

научных командировок в Махачкалу обработали значительный массив документов, хранящихся в региональных архивах. Это позволило в итоге обнаружить многие ценные документы и фотографии, реконструировать биографии большинства представителей профессорско-преподавательского состава Крымского пединститута, а также Крымского медицинского института и Крымского сельскохозяйственного института им. М. И. Калинина.

Сотрудникам Музея истории КФУ им. В. И. Вернадского под руководством его директора, профессора А. А. Непомнящего, в результате проведения научных разысканий и изучения документов по истории Таврического университета, Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе, Медицинского института им. И. Сталина и Коммунистического вуза – агрономического института в ведомственных архивах удалось составить подробную летопись университета. И, что немаловажно, в книге впервые предпринята попытка продемонстрировать историю всей высшей школы в Крыму, осветить этапы развития высшего образования на территории полуострова. Несомненно, в достижении этой цели немаловажную роль сыграл непосредственный руководитель коллектива Музея истории КФУ профессор А. А. Непомнящий, не только сумевший максимально эффективно организовать работу своих подчиненных, но и непосредственно принимавший участие во всех стадиях процесса подготовки издания.

Нельзя также обойти вниманием и то обстоятельство, что в рамках работы проекта была создана постоянная экспозиция Музея истории КФУ им. В. И. Вернадского «Сто лет служения науке». В октябре 2018 г. решением Ученого совета Университета коллектив Музея истории КФУ им. В. И. Вернадского удостоился награждения Золотой медалью имени В. И. Вернадского. Данную награду музей получил за добросовестную работу и значительный вклад в развитие и распространение положительного имиджа вуза, что является показателем высшего признания заслуг подразделения в Крымском федеральном университете.

Монография «История КФУ в документах и фотографиях» вышла тиражом в одну тысячу экземпляров, трехтомник о профессорах вуза – тиражом 500 экземпляров, а книга об истории научной библиотеки имеет тираж 300 экземпляров. Все эти издания стали достойным продолжением публикаций об истории не только самого вуза, но и всей научной школы Крыма. Хочется выразить надежду, что эти книги будут востребованы как среди ученых, представителей профессорско-преподавательского состава КФУ и студентов вуза, так и всех тех, кто интересуется историей Крыма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского в документах и фотографиях / ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» [А. А. Непомнящий, А. С. Кравчук]. Белгород: Константа, 2018. 352 с.
2. На пороге столетия. От Таврического университета – до Крымского федерального. История в документах и фотографиях / [авт.-сост.: Н. В. Багров, Е. Н. Чуян, В. В. Орехов]. Симферополь: ИТ «Ариал», 2014. 360 с.
3. *Непомнящий А. А.* Арсений Иванович Маркевич // Вопросы истории. 2018. № 11. С. 29–48.
4. *Прохоров Д. А., Сейдалиев Э. И.* Наука и культура. (1920–1930-е гг.) // История Крыма: в 2 т. / отв. ред. А. В. Юрасов. М.: Кучково поле, 2018. Т. 2. С. 517–527.

Сведения об авторе: Прохоров Дмитрий Анатольевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» (295000, пр. Вернадского, 2, Симферополь, Российская Федерация); prohorov1da@yandex.ru

The century of service to science: a fundamental publication on the monograph “History of V. I. Vernadsky Crimean Federal University in documents and photographs”

Dmitry Prokhorov

(Crimean Federal University named by V. Vernadsky)

Abstract. A review of the monograph “History of V. I. Vernadsky Crimean Federal University in documents and photographs” (Simferopol, 2018), sponsored by the staff of the Museum of History of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. This is a structural subdivision headed by A. A. Nepomnyashchiy, the Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Historical Regional Studies and Local History of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. The relevance of the study is due to the fact that, despite of the significant number of publications on the history of this educational institution, the true history of the university in the scientific sense of the word, has not yet been published. The

publication is prepared by the museum staff and based on the materials obtained in the course of painstaking research, which are stored in the archives of Simferopol, Moscow, Makhachkala and St. Petersburg. The monograph attempted to summarize the data found by the authors in the archives, as well as the information available in the literature today regarding the history of one of the oldest universities in southern Russia. The monograph “The history of V. I. Vernadsky Crimean Federal University in documents and photographs” has become a worthy continuation of publications about the history not only of the university itself, but also of the entire scientific school of the Crimea. I would like to express the hope that these books will be in demand among the scientists, professors and university students, and all those who are interested in the history of the Crimea.

Keywords: Crimea, university, biography, education, higher education.

For citation: Prokhorov D. A. The century of service to science: fundamental publication to the monograph “History of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University in documents and photographs” Krymskoe istoricheskoe obozrenie=*Crimean Historical Review*. 2020, no. 1, pp.241–250. DOI: 10.22378/kio.2020.1.241-250

REFERENCES

1. Nepomnyashchiy A. A., Kravchuk A. S. *Istorija Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo v dokumentah i fotografijah* [History of V. I. Vernadsky Crimean Federal University in documents and photos]. Belgorod: Constanta Publisher, 2018. 352 p.
2. Bagrov N. V., Chujan E. N., Orehov V. V. *Na poroge stoletija. Ot Tavricheskogo universiteta – do Krymskogo federal'nogo. Istorija v dokumentah i fotografijah* [On the threshold of a century. From Tavrichesky University – to the Crimean Federal University. History in documents and photos]. Simferopol: IT «Arial» Publisher, 2014. 360 p.
3. Nepomnyashchiy A. A. Arsenij Ivanovich Markevich [Arseny Markevich]. *Vo-prosy istorii – Questions of history*, 2018, no. 11, pp. 29–48.
4. Prokhorov D. A., Seidaliev E. I. Nauka i kul'tura. (1920–1930-e gg.) [Science and culture. (1920–1930's)]. *Istorija Kryma: v 2 t.* [History of the Crimea: in 2 vol.] / ed. by A. Yurasov. Moscow: Kuchkovo Pole Publisher, 2018, vol. 2, pp. 517–527.

About the author: Prokhorov Dmitry Anatolievitch – Cand. Sci. (History), Senior Researcher of Research Center of History and Archaeology of the Crimea of V. I. Vernadsky Crimean Federal University (295000, Simferopol, Vernadsky av., 2, Russian Federation); prohorov1da@yandex.ru

Новый шаг к популяризации публицистического наследия Исмаила Гаспринского.

**Рецензия на III том Полного собрания сочинений
Исмаила Гаспринского «Публицистика: 1887–1890 гг.»
(Казань–Симферополь, 2019)**

Наталья Яблоновская

*(Таврическая академия Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского)*

Аннотация. Рецензируется III том «Публицистика: 1887–1890 гг.» (Казань–Симферополь, 2019) Полного собрания сочинений Исмаила Гаспринского, выпускаемого совместно Институтом истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник», Мемориальным музеем Исмаила Гаспринского, ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова», ГБУК РК «Республиканская крымскотатарская библиотека им. И. Гаспринского». В том вошли публицистические произведения И. Гаспринского (заметки, комментарии, статьи, очерки, зарисовки и т. д.), опубликованные в номерах газеты «Переводчик–Терджиман» за 1887–1890 гг., а также несколько публицистических произведений И. Гаспринского указанного периода, впервые транслитерированных и переведённых на русский язык. Рецензируемое издание обладает несомненной филологической, философской и медиалогической значимостью, дает возможность рассмотреть новые грани Гаспринского-мыслителя и Гаспринского-публициста, неразрывно связанного со своей эпохой и всеми ее преходящими заботами и непреходящими ценностями. Кроме того, материалы тома, раскрывающие «от первого лица» общественно-политические, экономические и культурные реалии Крыма второй половины 1880-х гг., будут чрезвычайно интересны историкам, культурологам и краеведам.

Ключевые слова: Исмаил Гаспринский, «Переводчик-Терджиман», этническая пресса, крымскотатарская журналистика, публицистика.

Для цитирования: Яблоновская Н. В. Новый шаг к популяризации публицистического наследия Исмаила Гаспринского. Рецензия на III том Полного

собрания сочинений Исмаила Гаспринского «Публицистика: 1887–1890 гг.» // Крымское историческое обозрение. 2020. № 1. С. 251–256. DOI: 10.22378/kio.2020.1.251-256

Подготовка и публикация Полного собрания сочинений выдающегося крымскотатарского и общетюркского мыслителя, просветителя, публициста Исмаила Гаспринского (1851–1914) представляют собой совместный проект Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник», Мемориального музея Исмаила Гаспринского, ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова», ГБУК РК «Республиканская крымскотатарская библиотека им. И. Гаспринского», научная, культурная и общественная потребность в котором назрела давно.

В первые два тома издания, вышедшие в 2016 и 2017 гг., были включены соответственно литературно-художественные произведения И. Гаспринского [1] и его ранняя публицистика, опубликованная в 1879–1886 гг. на страницах сборников и периодических изданий «Тонгуч», «Шафак», «Зийаи Кавказие», «Таврида», «Переводчик–Терджиман», а также труды, изданные отдельными брошюрами в Симферополе и Стамбуле [2].

Новый, третий том собрания сочинений, увидевший свет в конце 2019 г., содержит публицистические произведения И. Гаспринского (заметки, комментарии, статьи, очерки, зарисовки и т. д.), опубликованные в номерах газеты «Переводчик–Терджиман» за 1887–1890 гг.

Главным редактором издания выступил доктор исторических наук, директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, вице-президент Академии наук Республики Татарстан Р. С. Хакимов; научным редактором – доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, действительный член Академии наук Республики Татарстан Р. Р. Салихов, ответственным секретарем – кандидат исторических наук, заведующий Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Э. Х. Сейдаметов.

Третий том, как и два предыдущих, был составлен младшим научным сотрудником Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ С. А. Сеитметметовой.

Тюркоязычные тексты И. Гаспринского были переведены на русский язык заведующей Мемориальным музеем Исмаила Гаспринского ГБУ РК БИКАМЗ, младшим научным сотрудником Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Э. Э. Абибуллаевой, редактором редакции художественных, музыкальных и детских программ АНО «Общественная крымскотатарская телерадиокомпания» Г. У. Зайидовой и младшим

научным сотрудником Центра междисциплинарных гуманитарных исследований Южного федерального университета Н. Е. Тихоновой.

В качестве достоинств контента тома, помимо его несомненного вклада в популяризацию журналистского творчества И. Гаспринского, следует отметить то, что в него включены не только произведения, существовавшие в русскоязычной версии на момент публикации в «Переводчике–Терджимане», но и малоизвестные тюркоязычные публицистические произведения И. Гаспринского, которые были впервые транслитерированы, переведены на русский язык и введены в научный оборот.

Журналистское наследие И. Гаспринского за 1887–1890 гг. составитель разделил на три части в соответствии с тремя видами жанров журналистики – информационными, аналитическими и художественно-публицистическими: «Информационные публикации», «Аналитические статьи и комментарии» и «Художественно-публицистические очерки и зарисовки», нарушив, таким образом, общий хронологический порядок (при этом внутри каждой категории произведения расположены по хронологическому принципу).

При понятном желании составителя структурировать жанрово неоднородное наследие И. Гаспринского и подчеркнуть его журналистскую доминанту, такую компоновку произведений нам сложно назвать удачной, поскольку:

1) далеко не все произведения И. Гаспринского «укладываются» в современную систему журналистских жанров, а некоторые из них представляют собой «переходные» явления на стыке жанров, поэтому при их классификации легко ошибиться и отсечь уникальное, важное, существенное;

2) принцип хронологического расположения произведений представляет собой сложившуюся традицию в российской более чем вековой практике изданий собраний сочинений, на что уже было указано предшествующими рецензентами издания [4];

3) названия двух частей тома – «Аналитические статьи и комментарии» и «Художественно-публицистические очерки и зарисовки» – содержат лексическую избыточность: не бывает неаналитических статей и нехудожественно-публицистических очерков и зарисовок;

4) удачно подчеркнутый составителем газетный дискурс (перед каждым текстом содержится его библиографическое описание применительно к газете «Переводчик–Терджиман») такой композицией нивелируется, поскольку к материалам одного номера издания читателю придется возвращаться не один, а два или даже три раза, что препятствует целостности восприятия отдельных номеров.

В «Примечаниях» составителем определяется жанр материалов, указывается год и номер газеты «Переводчик–Терджиман», в котором они были впервые опубликованы (к сожалению, в указанных библиографических описаниях, даваемых в томе дважды – первый раз, как уже было нами указа-

но, перед самими текстами – отсутствует номер страницы, на которой был размещен тот или иной материал), даются краткие справки об упоминаемых исторических личностях, изданиях и реалиях прошлого и т. д.

Тщательно воссоздаваемая в комментариях связь публицистических произведений И. Гаспринского с его эпохой поддерживается иллюстрациями: личными фотографиями крымскотатарского просветителя; изображениями исторических деятелей, с которыми он сотрудничал либо упоминал их в своих публикациях с 1887 по 1890 гг.; фотографиями знаковых событий, отразившихся в публицистике «Переводчика–Терджимана»; историческими изображениями Бахчисарая и т. д.

Подробно отражаются в иллюстративных материалах тома и трансформации, произошедшие в отмеченные годы с самим изданием «Переводчик–Терджиман»: приводится количество его номеров за каждый год, дается детальная информация об изменениях формата (например, в 1888 г. он изменился трижды) и логотипа и т. п.

Значительно облегчает работу с изданием «Указатель имен и изданий», в который наряду с личными именами входят названия произведений и периодических изданий, упомянутых в произведениях И. Гаспринского.

В целом следует отметить, что создатели тома выполнили большую научно и общественно значимую работу, на общий уровень которой не повлияли отмеченные недочеты. Рецензируемое издание обладает несомненной филологической, философской и медиалогической значимостью, дает возможность рассмотреть новые грани Гаспринского-мыслителя и Гаспринского-публициста, неразрывно связанного со своей эпохой и всеми ее преходящими заботами и непреходящими ценностями. Кроме того, материалы тома, раскрывающие «от первого лица» общественно-политические, экономические и культурные реалии Крыма второй половины 1880-х гг., будут чрезвычайно интересны историкам, культурологам и краеведам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаспринский И. Полное собрание сочинений. Т. I. Литературно-художественные произведения / Гл. ред. Р.С. Хакимов; сост. Г. Ю. Сеитваниева, С. А. Сеитмететова. Симферополь: ООО ФОРМА, 2016. Т. I. 384 с.
2. Гаспринский И. Полное собрание сочинений. Т. II. Ранняя публицистика: 1879–1886 гг. / Гл. ред. Р. С. Хакимов; сост. С. А. Сеитмететова. Казань–Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 384 с., 23 ил.
3. Гаспринский И. Полное собрание сочинений. Т. III. Публицистика: 1887–1890 гг. / Гл. ред. Р. С. Хакимов; сост. С. А. Сеитмететова. Казань – Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 560 с., 16 с. ил.
4. *Фархитов М. Н., Исогай М.* Круг читателей литературного наследия Исмаила Гаспринского расширится: рецензия на 1-й том Полного собрания

сочинений крымскотатарского просветителя на русском языке. Рец. На кн.: Полное собрание сочинений Исмала Гаспринского. Симферополь: ООО Форма, 2016. Т. 1. 384 с. / М. Фархшатов, М. Исогай // Крымское историческое обозрение. 2017. № 2. С. 183–198.

Сведения об авторе: Яблоновская Наталья Всеволодовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры межкультурных коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (295000, пр. Вернадского, 2, г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация); yablon@rambler.ru.

A new step towards the popularization of the journalistic heritage of Ismail Gasprinsky.

Review of the third volume of the Complete Works of Ismail Gasprinsky, “Journalism: 1887–1890” (Kazan – Simferopol, 2019)

Natalya Yablonovskaya

(Taurida Academy of V. I. Vernadsky Crimean Federal University)

Abstract. This article reviews the first volume “Journalism: 1887–1890” of The Complete Works of Ismail Gasprinsky published in Russian in Simferopol, in 2019. This volume includes journalistic works of I. Gasprinsky (notes, comments, articles, essays, sketches, etc.), published in the issues of the newspaper “Perevodchik-Terdzhiman” for 1887–1890, as well as several journalistic works by I. Gasprinsky period, for the first time transliterated and translated into Russian. The peer-reviewed publication has undoubted philological, philosophical and media-logical significance, makes it possible to consider new facets of the Gasprinsky-thinker and Gasprinsky-publicist, inextricably linked with his era and all its transient concerns and enduring values. In addition, the materials of the volume, revealing “in the first person” the socio-political, economic and cultural realities of Crimea in the second half of the 1880s, will be extremely interesting to historians, cultural experts and local historians.

Keywords: Ismail Gasprinsky, “Perevodchik – Terdzhiman”, ethnic press, Crimean Tatar journalism, journalism.

For citacion: *Yablonovskaya N. V.* A new step towards the popularization of the journalistic heritage of Ismail Gasprinsky. Review of the third volume of the Complete Works of Ismail Gasprinsky, “Journalism: 1887–1890”. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Riview*. 2020, no. 1, pp. 251–256. DOI: 10.22378/kio.2020.1.251-256

REFERENCES

1. Gasprinskiy I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. I. Literaturno-khudozhestvennyye proizvedeniya [Literary and artistic works]. Simferopol, 2016. 384 p.
2. Gasprinskiy I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. II. Rannaya publitsistika: 1879–1886 gg. [Early journalism: 1879–1886]. Kazan–Simferopol, 2017. 384 p.
3. Gasprinskiy I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. III. Publitsistika: 1887–1890 gg. [Journalism: 1887–1890]. Kazan–Simferopol, 2019. 560 p.
4. Farkhshatov M. N., Isogay M. *Krug chitateley literaturnogo naslediya Ismaila Gasprinskogo rasshiritsya: retsenziya na 1-y tom polnogo sobraniya sochineniy krymskotatarskogo prosvetitel'ya na russkom yazyke. Rets. Na kn.: polnoe sobranie sochineniy Ismaila Gasprinskogo* [Literary Heritage of Ismail Gasprinski Will Gain a Wider Range of Beneficiaries: Review of the First Volume of The Complete Works of the Crimean Tatar Enlightener in Russian]. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie – Crimean Historical Review*, 2017, no. 2, pp. 183–198.

About the author: Yablonovskaya Natalya Vsevolodovna – Dr. of Sci. (Phil.), Professor, Department of the interlanguage communication and journalism of the Taurida Academy of V. I. Vernadsky Crimean Federal University, (295000, Simferopol, Vernadsky av., 2, Crimea Russian Federation); yablon@rambler.ru.

Хроника

Итоговая научная конференция Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, секция Крымского научного центра

(Симферополь, 29 февраля 2020 г.)

29 февраля 2020 г. состоялось ежегодное заседание секции внутренней конференции Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, организованное его отделом – Крымским научным центром.

Программа конференции включала доклады различных тематик, связанных с историей и культурой крымских татар.

Доклад заведующего КНЦ Сейдаметова Э. Х. был посвящен истории заселения татарами территории Добруджи в османский период (1428–1878 гг.)».

С темой о зачинателе традиций европейского театра в Крыму – Крым Герай I выступил к. искусств. н., ведущий научный сотрудник КНЦ Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Заатов И. А.

В ходе своего выступления д. и. н., ведущий научный сотрудник КНЦ Кондратюк Г.Н. сообщил о председателе Совета народных комиссаров Крымской АССР в 1929–1937 гг. А. Самединове.

Теме рабства в Крымском ханстве был посвящен доклад младшего научного сотрудника КНЦ Сейт-Маметова Ш. Э.

Мусаевой У. К., д. и. н., старшим научным сотрудником КНЦ был представлен доклад «Деятельность по сохранению историко-культурного наследия Крыма в 1920–1930 гг.: Павел Иванович Голландский (1861–1939 гг.)».

На конференции были также раскрыты темы, касающиеся деятельности Исмаила Гаспринского (Сеитмететова С. А. «Творческие связи Исмаила Гаспринского и азербайджанской интеллигенции»; Абибуллаева Э. Э. «Путешествие в Индию в воспоминаниях Исмаила Гаспринского»).

Не менее интересными были выступления старшего научного сотрудника КНЦ Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Абдужемилева Р. Р. «Изложение содержания и стилистика крымскотатарских дипломатических документов из копенгагенского Рейхсархива», старшего научного сотрудника КНЦ Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Сейтумерова Ш. С. «Вакуф бахчисарайских мечетей середины 80-х гг. XVIII в. (на основе архивного материала)».

Лаборантами-исследователями КНЦ Шейхумеровым А. А., Усеиновым М. А., Сейтхалиловой Л. С. были озвучены доклады о скорости движения армий Крымского ханства, эпиграфических памятниках с территории комплекса медресе и мечети Узбека в г. Старый Крым и военных и экономических взаимоотношениях между Россией, Крымским ханством и Османским государством в XV–XVIII вв.

Часть из представленных докладов будет опубликована в журнале «Крымское историческое обозрение».

*Информация подготовлена
младшим научным сотрудником КНЦ
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ
Сейтметовой С. А.*

Список сокращений

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан.

ГАРК – Государственный архив Республики Крым.

ГА РТ – Государственный архив Республики Татарстан.

ГБОУ ВО РК КИПУ – Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова».

ГБУ РК БИКАМЗ – Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник».

ИА НАН Украины – Институт археологии Национальной академии наук Украины.

ИРНБУВ – Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского.

КОИВ НАН Украины – Крымское отделение Института востоковедения им. А. Е. Крымского Национальной академии наук Украины.

НАФРФИИФЭ им. М. Т. Рыльского НАН Украины – Научные архивные фонды рукописей и фонозаписей Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М. Т. Рыльского НАН Украины.

НИЦ ИАК – Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

СПФАРАН – Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук.

ЦГАЛИУ – Центральный государственный архив литературы и искусства Украины.

ЦДАГО – Центральном государственном архиве общественных объединений Украины.

Подготовка и издание журнала осуществлены
в рамках государственной программы
Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности
татарского народа (2014–2022 годы)»

The preparation and publication of the journal
were carried out within the framework
of the State program of the Republic of Tatarstan
“Preservation of the National Identity
of the Tatar People (2014–2022)”

Правила для авторов см. на сайте crimeanreview.ru
Instructions to authors look at the website crimeanreview.ru
<http://crimeanreview.ru/index.php/ru/trebovaniya-po-oformleniyu-statej>
<http://crimeanreview.ru/index.php/ru/trebovaniya-po-oformleniyu-annotatsij>

КРЫМСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

CRIMEAN HISTORICAL REVIEW

№ 1. 2020

Оригинал-макет подготовлен
в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ
420111, Казань, ул. Батурина, 7А.

Цена свободная.

Подписано в печать 10.06.2020 г.
Выход журнала в свет 30.06.2020 г.
Формат 70×100 1/16
Усл. печ. л. 21,1. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ООО «КОНСТАНТА»:
308010, Белгородская обл.,
Белгородский р-н, п. Северный, ул. Березовая, 1/12

Рис. 4.

Рис. 5.

Рис. 2, 3, 5. Экспонаты из экспозиции, посвящённой К.Джаманаклы, в Елабужском институте Казанского федерального университета.

Рис. 4. Татарские писатели. Слева первый сидит К. Решидов (Фото взято из журнала «Казан утлары», 2004 г., № 12).

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 1. Диван (зал заседания высшего государственного совета) крымских ханов. Хансарай. Бахчисарай. Зал, в котором предположительно игрались спектакли театральной придворной труппой Крым Гирея I¹.

Рис. 2. Дворец крымских ханов в Кавшане (н. Каушени Молдова).

¹ Иллюстрации к статье: Исмет Заатов. Крым Гирей I – родоначальник классического театра в Крыму (к вопросу 257-летия опыта крымских татар первых театральных постановок европейского театра) (Рис. 1–2; Стр. 100–135).

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 1. Фото, сделанное в Индии [«Терджиман» 1912 г. № 24]. В центре на стуле – Исмаил Гаспринский. Справа от И. Гаспринского, с цветком в руках – преподаватель звуковой школы Мухаммед Азад эфенди, слева от И. Гаспринского – переводчик Хаджи Абдуррахман эфенди, остальные четыре человека – молодые люди, пришедшие изучать звуковой метод.¹

Рис. 2. Статуэтка Будда [Кп 1263-М 486], привезенная И. Гаспринским из Индии.

¹ Иллюстрации к статье: Эльмира Абибуллаева. Исмаил Гаспринский в Индии: анализ и транслитерация очерка «Маариф ёлунда» («За грамотностью») (Рис. 1–2; Стр. 168–179).

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 1. Обложка книги Josef Matuz, "Krimtatarische Urkunden im Reichsarchiv zu Kopenhagen: Mit historisch-diplomatischen und sprachlichen Untersuchungen". Freiburg: Klaus Schwarz Verlag, 1976. 348+34 p.¹

Рис. 2. Документ 1. Мухаббетнаме хана Мехмед Герая IV Фридриху III.

Рис. 3. Документ 2. Мухаббетнаме калги Гази Герая-султана Фридриху III.

¹ Иллюстрации к статье: Рефат Абдужемилев. Крымскотатарско-датская дипломатия в документах Крымского ханства. (Рис. 1–6; Стр. 180–210)

Рис. 4.

Рис. 5.

Рис. 6.

- Рис. 4. Документ 7. Мухаббетнаме калги Крым Герай-султана Фридриху III.
 Рис. 5. Документ 9. Ярлык хана Селим Герая Кристиану V.
 Рис. 6. Документ 12. Ярлык Хаджи Герай-султана Кристиану V.

Документ 6. Письмо дружбы от хана
"Чобан" Адиль Герая Фридриху III.

Документ 7. Письмо дружбы от ну-
реддина Девлет Герай-султана Фри-
дриху III.

Иллюстрация к статье: Виталий Пенской. «А более ста тысяч рати у меня есть...». Военное дело Крымского ханства в Новое время: рецензия на монографию А. А. Шейхумерова «Армия Крымского ханства: организация и тактика (XV–XVIII вв.)». Казань – Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. – 304 с. (Стр. 225–240).

Иллюстрация к статье: Наталья Яблоновская. Новый шаг к популяризации публицистического наследия Исмаила Гаспринского. Рецензия на III том Полного собрания сочинений Исмаила Гаспринского «Публицистика: 1887–1890 гг.» (Казань – Симферополь, 2019) (Стр. 251–256).